

Роберт Слассер

**Сталин
в 1917 году**

Роберт Слассер **Сталин**
В 1917 году

·ПРОГРЕСС·

Robert M. Slusser

Stalin in October

THE MAN WHO MISSED
THE REVOLUTION

THE JOHNS HOPKINS
UNIVERSITY PRESS
BALTIMORE AND LONDON

Роберт Слассер

СТАЛИН В 1917 ГОДУ

ЧЕЛОВЕК, ОСТАВИВШИЙСЯ
ВНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с английского
О. В. Захаровой

Общая редакция и послесловие
доктора исторических наук
В. Т. Логинова

МОСКВА
ПРОГРЕСС
1989

ББК 63.3 (2) 711.1

Ш68

Комментарии *Миллера В. И.*

Редактор *Комарова Т. Л.*

Слассер Р.

С68 Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции: Пер. с англ. / Общ. ред. послесл. Логинова В. Т.; Коммент. Миллера В. И. — М.: Прогресс, 1989. — 320 с.

Почему в дни Октябрьской революции И. В. Сталина не было среди тех, кто определил ход событий? Каково значение октябрьских дней для его дальнейшей деятельности? Эти и другие вопросы в центре внимания американского историка, профессора Мичиганского университета Роберта Слассера. Используя документы, обширную советскую и западную литературу, автор подробно рассматривает основные вехи пути И. В. Сталина между Февралем и Октябрем — работу в редколлегии "Правды", выступления на различных совещаниях, на VI съезде партии, характер взаимоотношений с В. И. Лениным и другими руководителями большевистской партии. Книга Р. Слассера, оценки которого не всегда бесспорны, свидетельствует об интересе зарубежных исследователей к сложным проблемам советской истории.

С 0503020500 — 395 КБ 48—7—88
006 (01) — 89

ББК 63.3 (2) 711.1

© Johns Hopkins University Press, 1987

© Перевод на русский язык, послесловие и комментарии
издательство "Прогресс", 1989

ISBN 5—01—001881—0

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Работая над этой книгой, я полностью отдавал себе отчет в той ответственности, которую несу перед советским читателем — как массовым, так и профессиональным — за честное и непредвзятое изложение фактов, за четкость выводов. Я глубоко благодарен издательству "Прогресс" за перевод на русский язык моей книги, которая, хочу верить, внесет вклад в исследования по советской истории, и надеюсь, что настанут времена, когда ученые Советского Союза и стран Запада смогут теснее сотрудничать во имя общей цели развития исторической науки.

Предисловие

Эта книга посвящена феномену, который Исаак Дейчер назвал "странным и непреложным фактом отсутствия, бездеятельности" Иосифа Сталина в большевистском штабе во время восстания в 1917 году, известного в истории как Октябрьская революция. Не претендуя на окончательное решение этой проблемы — не уверен, возможно ли оно сейчас вообще, — я пытался представить ее в историческом контексте.

Я благодарен Р. Картеру Элвуду — он первый вдохновил меня на это исследование. Основные сведения об Октябрьской революции я черпал главным образом в работе Александра Рабиновича. Чтобы понять сложную психологию Сталина, я обращался к исследованию Роберта С. Такера, пионера в этой области, давшего анализ конфликта между грандиозным самомнением Сталина и той суровой действительностью, которая грозила его подорвать.

Третьим ученым, чьей работой я руководствовался, был покойный Чарльз Дьювал-младший. Надо читать написанную Дьювалом и до сих пор не опубликованную биографию Свердлова, чтобы понять эти важные для формирования Советской власти годы. Холланд Хантер и Джон Н. Уэствуд снабдили меня полезными сведениями о возвращении Сталина поездом в Петроград в марте 1917 года. Роберт Химмер щедро поделился со мной незавершенной многоплановой работой о Сталине.

Я очень благодарен своим многочисленным коллегам по историческому факультету Мичиганского университета за помощь и создание условий для работы, в особенности Кван Вай Со, Уоррену Козну, Дону Лэммерсу, Гарольду Маркусу и Биллу Маккэггу. Выражаю признательность Роберту В. Дэниелсу за то, что он прочел рукопись и сделал рекомендации.

Незаменимую помощь оказал мне персонал прекрасной библиотеки Мичиганского университета, особенно Генри Кох и Роберт Рансер.

Финансовую помощь предоставил Фонд Эрхарта; особую признательность выражаю его исполнительному секретарю док-

тору Энтони Т. Салливану. Джек Геллнер, директор издательства "Джонс Хопкинс юниверсити пресс", проявил завидное терпение во время долгого периода вынашивания книги и придумал ей заголовок. Я благодарен моему редактору в этом издательстве Кэрол Эрлих, сочетавшей такт с критической проницательностью. Джо Грэндстэфф был первоклассным мастером машинописи и неоценимым другом.

Отдельные части моей работы обсуждались на историческом факультете Йельского университета и в Центре русских и восточноевропейских исследований Университета штата Мичиган — обоим этим учреждениям приношу благодарность. Ценные советы дали Питер Клемент, Мэри Роркемпер и другие участники семинара по изучению Сталина в Мичиганском университете.

Особенно я благодарен Элизабет. Без ее любви и поддержки не состоялись бы ни книга, ни автор.

I.

МАРТ

Прибытие

Среди пассажиров транссибирского экспресса, прибывшего в Петроград воскресным утром 12 марта 1917 года находились три видных деятеля партии большевиков. Это были: один из пятерки большевистских депутатов IV Государственной думы Матвей Муранов, редактор газеты "Правда" в 1913–1914 годах Лев Каменев (Розенфельд) и Иосиф Сталин (Джугашвили). Все трое входили в 1912 году в Центральный Комитет партии и Русское бюро ЦК РСДРП (б)¹, все трое были сосланы в Сибирь по приговору царских властей и теперь возвращались по амнистии – одному из первых официальных актов нового Временного правительства, образованного вскоре после падения царского режима и отречения от престола 2 марта Николая II.

Революционная деятельность и ветры перемен ненадолго объединили этих троих людей. В первые недели после возвращения их интересы совпадут, и они будут тесно сотрудничать. Потом пути разойдутся, и судьбы сложатся по-разному. Жизненный путь Каменева в конечном счете завершится опалой и смертной казнью, которая будет приведена в исполнение по приказу его товарища по 1917 году Сталина. Муранов, напротив, увидит похороны Сталина и спокойно умрет в преклонном возрасте персональным пенсионером.

Сталин в марте 1917 года был еще сравнительно молодым, тридцатисемилетним человеком, жаждущим величия, которое, по его убеждению, было предначертано самой судьбой, но пока что не нашедшим ни роли, ни поприща для реализации своих честолюбивых замыслов. Если бы тогда, в марте 1917 года, кто-нибудь наделенный даром предвидения распознал в этом рябоватом, смуглом и низкорослом – всего метр шестьдесят – грузине человека, который будет внушать благоговение, почтение и ужас, став самым всемогущим деспотом, какого когда-либо знала Россия, то это показалось бы просто нелепостью. Такой поистине космический взлет к власти возможен только в периоды революционных преобразований, но даже для Сталина путь вверх будет долгим, трудным и опасным. Восемь революцион-

ных месяцев с февраля по октябрь 1917 года окажутся далеко не самым удачным временем для старта. 1917 год останется в памяти Сталина годом частичных побед и сокрушительных поражений, упущенных возможностей и нелепых промахов, годом, о котором уже никогда он не сможет думать, не испытывая острого чувства дискомфорта. Вот почему он будет потом с таким упорством вновь и вновь возвращаться к своей деятельности в 1917 году – пересматривать воспоминания, исправлять их, вносить недостающие детали или попросту вымарывать их из коллективной исторической памяти.

В марте 1917 года Сталину только что перевалило за половину отпущенного ему срока: 21 декабря 1916 года ему исполнилось тридцать семь. (Он умрет почти тридцать шесть лет спустя, 6 марта 1953 года)². За плечами оставались годы борьбы безвестного, честолобивого и неразборчивого в средствах профессионального революционера. Впереди ждала дорога к неограниченной власти, но это будет власть, оплаченная ценой неисчислимых человеческих страданий.

Тогда, в марте, Сталину выпала большая удача, ведь он оказался в числе первых политических ссыльных, возвратившихся в столицу после свержения монархии. По иронии судьбы, царские власти, казалось, невольно способствовало карьере Сталина. В октябре 1916 года правительство, стремясь утолить ненасытные потребности в пушечном мясе, решило в порыве безысходного отчаяния бросить в армию политических заключенных и ссыльных. Формально этот правительственный указ распространялся и на большевиков, невзирая на получившие широкий резонанс антивоенные выступления лидера партии – Владимира Ильича Ленина. Один убежденный приверженец Ленина в царской армии мог нанести национальным военным усилиям больше вреда, чем целый взвод вражеских солдат. Включив Сталина в список тех, кто подлежал призыву под знамена, царские власти, в сущности, удостоверяли его безвредность для боеспособности армии – важный ключ, который поможет нам потом, когда мы будем говорить об отношении Сталина к Ленину, и в частности к ленинской позиции в вопросе о войне.

Призыву подлежали не все большевики, сосланные в Сибирь: например, известный деятель партии Яков Свердлов, деливший кров со Сталиным в Курейке, призван на военную службу не был. Но ведь Свердлов открыто и последовательно поддерживал Ленина в вопросе о войне, и, видимо, это-то и приняли во внимание царские власти.

Призыв в армию застал Сталина в Курейке, отдаленном поселении в суровом и неприступном Туруханском крае, за Северным полярным кругом. Чтобы добраться до Красноярска, губернского центра, где призывники должны были проходить медицинскую комиссию, Сталину пришлось предпринять шести-

недельное путешествие по промерзшей тундре и скованной льдом реке, так что в Красноярск он прибыл лишь в конце 1916 года. Если говорить об официальной цели его путешествия, то он мог избавить себя от лишних хлопот: армейские врачи признали Сталина непригодным к военной службе — и отнюдь не потому, что, как утверждали позже придворные летописцы, сочли его политически опасным. Все дело в том, что у Сталина была усохшая левая рука и он не мог как следует управляться с винтовкой или штыком. Врачам, осматривавшим Сталина в январе 1917 года, его будущая военная слава, в том числе и самоличное назначение на пост главнокомандующего Красной Армией и присвоение самому себе во время второй мировой войны титула генералиссимуса, показалась бы просто нелепой фантазией.³

Освобождение от военной службы явилось для него проблемом удачи, однако особенно ценным оказался полученный Сталиным благодаря призыву выигрыш во времени. По приговору срок четырехлетней ссылки все равно истекал через несколько месяцев, и он, воспользовавшись ослаблением полицейского надзора в эти дни заката царизма, просто-напросто остался в Ачинске, городке под Красноярском. От Ачинска до Красноярска всего несколько часов езды, а там можно сесть на поезд и через четыре дня быть в Петрограде. Новость об отречении царя достигла Сталина и других ссыльных, оказавшихся в Ачинске, в начале марта, и восьмого числа группа, в которую входили трое большевистских лидеров, села на поезд, следовавший в столицу. По дороге несколько ссыльных, в том числе Каменев, послали телеграмму Михаилу Романову, брату бывшего царя, приветствуя его решение отречься от престола и отказать от последних тщетных попыток спасти династию. Сталин эту телеграмму не подписал.

То, что Сталин раньше других появился в Петрограде, имело свои явные преимущества. Например, приятель и соратник Сталина Г. К. Орджоникидзе, который томился во время февральской революции в еще более отдаленном районе Сибири, в Якутии, оставался там вплоть до мая. В результате, по словам его биографов Жоржа Ота и Жан-Жака Мари, Орджоникидзе сыграл "лишь второстепенную роль в революции и в гражданской войне"*.

Ранний приезд в Петроград дал Сталину стартовое преимущество перед Лениным, который прибыл в город только 3 апреля. Около трех недель Сталин мог упиваться ролью одного из наиболее высокопоставленных большевистских лидеров в самой гуще стремительно развивавшихся революционных событий.

* Haupt G., Marie J. - J. Makers of the Russian Revolution. Ithaca, Cornell University Press, 1974, p. 179.

Насколько сумел он использовать эту возможность в своих интересах? Ответом служит принятое им позднее непреклонное решение заглушить, исказить или вовсе стереть из памяти воспоминания об этом периоде своей жизни и заставить молчать или уничтожить выживших свидетелей. И только благодаря промахам каких-то нерадивых или, напротив, удивительно стойких и упорных архивистов после бесконечных чисток в архивах остались нетронутыми и были лишь в 1962 году впервые извлечены в своем первоначальном виде наиболее изобличающие документы о деятельности Сталина в начальный период революции⁴.

Ситуация в Петрограде

Прибыв в Петроград, Сталин понял, что основные направления, по которым будет развиваться революция, уже намечены. Он мог с ними не соглашаться, но изменить что-либо было не в его власти. Уже существовало несколько новых политических организаций, рожденных первой вспышкой революционного энтузиазма, а также ряд большевистских партийных органов, переживших последние конвульсии умиравшего царизма.

Это, прежде всего, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, образованный 27 февраля по инициативе меньшевиков, а также их союзников и соперников — социалистов-революционеров (эсеров)⁵. Хотя в Исполнительный комитет Совета и входило несколько большевиков, меньшевики и эсеры пользовались преобладающим влиянием. В соответствии с собственной интерпретацией марксистской теории меньшевики рассматривали падение царизма как долгожданную буржуазную революцию, которая, когда пробьет час, превратит страну в либеральную демократическую республику и приведет к расцвету в России капиталистической промышленности. И лишь когда своим чередом произойдут все эти изменения, когда вырастет многочисленный рабочий класс, Россия будет готова к той пролетарской революции, которую, в понимании меньшевиков, предсказывал Маркс. А до этого момента — он мог наступить и через десятилетия — задача рабочих партий и рабочих политических организаций, в том числе и Советов, сводится к защите интересов пролетариата перед лицом буржуазного государства и его союзников-капиталистов. Партии рабочих, утверждали меньшевики, ни в коем случае не следует предпринимать никаких попыток взять в свои руки политическую власть, пока не созреют такие социально-экономические условия, которые смогут обеспечить прочную основу для социалистического строя. В подтверждение своей позиции меньшевики ссылались на Фридриха Энгельса, особо предостерегавшего против опасностей, угрожающих

социалистическому правительству, если оно будет создано раньше положенного срока⁶. Поскольку в России в 1917 году явно еще не сложились те важнейшие предпосылки успешной пролетарской революции, о которых говорил Энгельс, меньшевики вполне резонно полагали, что Советы не должны стремиться к власти, несмотря на призывы отдельных воинственно настроенных рабочих создать свое временное революционное правительство. Эту меньшевистскую логику скрепя сердце приняли и эсеры. Они сделали это с тем большей готовностью, что их собственная программа была разработана лишь до момента революции и не содержала никаких указаний по поводу того, что же следовало делать дальше⁷.

Хотя в теории и считалось, что Советы – выражение воли широких масс заводских рабочих, на деле они были построены по принципу сверху вниз, ведь своим созданием они были обязаны самозванному Исполнительному комитету из меньшевистских и эсеровских лидеров, образованному в тот момент, когда петроградский гарнизон уже порвал с царскими командирами. Этот Исполнительный комитет и организовал на заводах и фабриках Петрограда выборы депутатов, и все тот же Исполнительный комитет продолжал потом выступать от имени Советов как орган, представляющий интересы рабочих⁸.

Как бы в подтверждение меньшевистско-эсеровской теории революции почти сразу же появилось откровенно буржуазное по характеру Временное правительство. Оно было образовано в последние дни царизма из членов Временного комитета IV Государственной думы. Этот комитет вызвали к жизни безнадежные попытки обеспечить какую-то видимость преемственности в отправлении государственной власти. Дума в свою очередь представляла собой некое подобие законодательного органа, избранного еще в предвоенном 1912 году электоратом, который был сознательно ограничен царским правительством таким образом, чтобы обеспечить преимущественное влияние состоятельных слоев населения. Именно Временное правительство, бесспорно представлявшее интересы верхушки и средних слоев населения, взяло в свои весьма нерешительные руки власть после падения царского режима. Петроградский Совет довольствовался тем, что осмотнительно осуществлял от имени рабочих надзор за деятельностью этого правительства.

Вскоре в речах и публикациях представителей Совета появилась формулировка, выражавшая эти взаимоотношения "двоевластия": Совет будет поддерживать Временное правительство "постольку, поскольку" оно будет защищать завоевания революции.

По одному пункту лидеры Совета строго придерживались своей линии: ни один из них не должен запятнать свои социалистические добродетели согласием войти в состав Временного пра-

вительства, которое было вовсе не прочь привлечь в свои ряды кого-нибудь из умеренных социалистов, видя в этом способ расширить свою базу и укрепить реальную власть. Однако меньшевики и эсеры твердо стояли на своем. Один из ведущих меньшевиков, грузин Николай Чхеидзе, отклонил весьма соблазнительное предложение занять во Временном правительстве пост министра юстиции. Молодая, восходящая звезда на политическом небосклоне — Александр Керенский, социалист по убеждениям и юрист по образованию, родом, как и Ленин, из Симбирска, оказался менее щепетилен и более честолюбив и, когда с таким же предложением обратились к нему, принял его, оправдывая свой поступок тем, что социалистам нужен свой человек, который бы представлял их интересы в буржуазном лагере⁹.

Петроградские большевики сыграли незначительную роль в формировании Совета и вообще никакой — в создании Временного правительства¹⁰. Февральская революция застала их в состоянии некоторого замешательства, ведь 26 февраля охранка успела напоследок арестовать Петербургский комитет (ПК) большевистской партии. Члены комитета настаивали, чтобы он назывался именно Петербургским, а не Петроградским, желая подчеркнуть свое неодобрение предпринятому в 1914 году переименованию столицы и рассматривая это как выражение национального шовинизма. Лишь 2 марта группа петроградских большевиков собралась на чердаке здания Центральной биржи труда, чтобы провести свое первое после Февральской революции официальное заседание¹¹.

Пока члены Петербургского комитета были в тюрьме, его функции взял на себя формально подчиненный ему районный комитет Выборгской стороны — одного из районов столицы, население которого состояло преимущественно из рабочих, твердо веривших в способность своего класса осуществить свою собственную революцию, не обращаясь к помощи партийных интеллектуалов. Выборгский районный комитет продолжал оказывать сильное влияние на большевистскую политику и после восстановления Петербургского комитета, как правило способствуя усилению наиболее радикальной части политического спектра.

Но даже не прояви Выборгский комитет этой своей инициативы, все равно временное удаление со сцены Петербургского комитета не помешало бы прозвучать голосу большевиков в Февральской революции, ведь существовал еще один орган — Русское бюро ЦК РСДРП (б)¹². Рождение его относится еще к предреволюционному периоду — одно время в число его членов входил и Сталин, — однако своей деятельностью в феврале 1917 года Бюро было обязано упорной работе и революционному рвению трех молодых людей, вступивших в партию еще до войны и тем или иным способом избежавших ареста. Двое из них, —

Александр Гаврилович Шляпников и Петр Антонович Залуцкий, — происходили из рабочих. Подробные и слишком уж откровенные воспоминания об этом периоде Шляпникова навлекут на него позднее смертельную ненависть Сталина. Петр Залуцкий никаких воспоминаний не напишет, но и он падет жертвой сталинского гнева из-за своего откровенно критического отношения к политике Сталина в 1917 году и в последующие годы.

Третьим членом Русского бюро был интеллигент, выходец из средних слоев, Вячеслав Михайлович Скрябин, вскоре он сменит фамилию на партийную кличку Молотов — от слова "молот", — видимо желая подчеркнуть этим свою причастность к рабочим. Под руководством Шляпникова, работавшего в тесном контакте с Лениным и кооптированного в Центральный Комитет в сентябре 1915 года, эти трое молодых и пока неопытных людей делали все возможное, чтобы выразить мнение партии и определять ее позицию по актуальным проблемам, встающим в ходе развития революции¹³.

Первое, что они сделали, это опубликовали 27 февраля манифест "Ко всем гражданам России" с призывом к рабочим и солдатам избрать своих представителей в состав Временного революционного правительства. Хотя этот манифест и был выпущен от имени Русского бюро, на самом деле он явился плодом творчества группы членов Выборгского районного комитета, стремившихся помешать осуществлению социалистической революции под руководством интеллигенции и занять ведущие позиции, образовав собственное временное правительство, возглавляемое рабочими¹⁴. Эти попытки оказались тщетными, прежде всего из-за отсутствия базы, необходимой для обеспечения широкой поддержки со стороны петроградского пролетариата. Кроме того, они оказались смяты и отброшены более организованным движением, направленным на создание городского Совета рабочих депутатов. В любом случае манифест 27 февраля, отражавший большевистскую политику в том виде, в каком она была выработана во время революции 1905 года, был не более чем временной мерой, мгновенной импровизацией, дабы напомнить о существовании партии и ее решимости и впредь участвовать в политической жизни.

Вскоре, однако, члены Русского бюро осознали настоятельную необходимость более надежного средства выражения политики партии. Отмена цензуры — один из первых актов Временного правительства — послужила прекрасным поводом, чтобы снять наложенный еще в первые дни войны запрет на "Правду", и 2 марта Русское бюро поручает Молотову возобновить издание партийной газеты. Вскоре был найден печатный станок, здесь же разместилась и редакция. Русское бюро на заседании 4 марта приняло решение издавать "Правду" как орган Центрального Комитета партии и одновременно, вплоть до соответст-

вующих постановлений, орган Петербургского комитета. Поэтому в редколлегию вошли два представителя Бюро и один представитель Петербургского комитета. Первый номер новой "Правды" вышел на следующий день и распространялся бесплатно, второй — от 6 марта — был распродан в количестве ста тысяч экземпляров. Согласно утверждению Шляпникова, это свидетельствовало о том, что большевистская линия — в том виде, в каком она была сформулирована на страницах "Правды", — нашла горячий отклик среди петроградских рабочих.

Под руководством Молотова "Правда" явно встала в оппозицию к Временному правительству как буржуазному учреждению и продолжала в соответствии с манифестом от 27 февраля призывать к избранию другого, нового временного революционного правительства. Вскоре, однако, стало ясно, что по этому вопросу "Правда" выражает мнение отнюдь не всех большевиков Петрограда: в частности, Петербургский комитет был настроен не так враждебно к Временному правительству. Еще на заседании 3 марта члены Петербургского комитета, заслушав выступление Молотова в защиту политики Бюро, проголосовали за другое решение: "Не оказывать сопротивления власти Временного правительства до тех пор, пока его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа". Фактически это была та же примиренческая линия, которой придерживалось меньшевистско-эсеровское руководство Исполнительного комитета в Петроградском Совете. Таким образом, влиятельная группа большевиков столицы заняла по этому ключевому вопросу позицию, близкую к позиции других социалистических партий.

Семья

Основным, что притягивало молодых людей царской России к участию в революционной деятельности, была возможность общения с довольно обширной группой друзей, единомышленников, соратников. Тогда еще не утратило своей теплоты принятое в революционной среде традиционное обращение "товарищ". Сознание, что практически в любом городишке или крупном областном центре Российской империи они могут рассчитывать на дружеский прием, пищу и кров, что их обеспечат всем необходимым для революционной деятельности, имело особое значение для таких "нелегальных революционеров", как Сталин, преступивших закон и вынужденных жить скрываясь. Это смягчало то ощущение одиночества, опасности и неуверенности в завтрашнем дне, с которыми было сопряжено их повседневное существование.

Сталину было уже под тридцать, когда он впервые получил

возможность полюбоваться красотами Санкт-Петербурга. Его первое кратковременное посещение столицы относится к июлю 1909 года, лишь два года спустя он снова смог приехать в Петербург. По парадоксальному стечению обстоятельств именно царские власти предопределили судьбу Иосифа Сталина. Запретив ему жить на Кавказе, включая родную Грузию, некий безвестный царский чиновник вызволил Сталина в июне 1911 года из провинциального болота, где прошли первые десять лет его революционной деятельности, и помог выйти на широкую арену. Правда, Сталину по-прежнему не разрешалось жить в столичных городах, Санкт-Петербурге и Москве, и других крупных промышленных центрах, однако опытному "нелегалу" ничего не стоило проскользнуть сквозь сеть полицейского надзора. В сентябре 1911 года Сталин сумел прожить в Санкт-Петербурге целых три дня, пока полиции не удалось напасть на его след, а в апреле 1912 года его арестовали спустя целых три недели нелегальной жизни. Вновь вернувшись в Петербург осенью 1912 года, он пробыл в столице с 12 сентября 1912 года по 23 февраля 1913 года, дважды ненадолго уезжая за границу. Это было его самое длительное пребывание в столице за весь дореволюционный период.

Так что в марте 1917 года Сталин приехал в город, который был ему уже хорошо знаком. Не теряя времени понапрасну, он сразу же направился к своему старому другу — Сергею Аллилуеву, квалифицированному рабочему-механику и революционеру. Он жил с семьей в рабочем Выборгском районе, к северу от главного русла реки Невы.

Дружные Аллилуевы — отец, мать и три жизнерадостные дочери — стали для Сталина второй семьей, дав ему ту теплоту, заботу и любовь, которых ему так мало выпало в его прошлой жизни. Первая жена Сталина, Екатерина Сванидзе, умерла молодой в 1908 году. Сын Сталина от этого брака Яков носил фамилию Джугашвили, однако никогда не был близок к отцу, и его смерть в немецком лагере для военнопленных во время второй мировой войны, судя по всему, оставила Сталина довольно равнодушным.

Отец Сталина был сапожником по профессии и горьким пьяницей по репутации. Ко всему прочему он обладал буйным нравом, который имел склонность вымещать, избивая жену и малолетнего сына — будущего диктатора. Именно мать, добродетельная и набожная женщина, первой внушила хрупкому, болезненному ребенку уверенность в его будущем великом предназначении; именно она первая и вывела Сталина на путь к успеху, устроив так, что он смог после духовного училища поступить в Тифлисскую духовную семинарию, обучение в которой позволяло ему рассчитывать на получение высших духовных званий в грузинской ортодоксальной церкви. Однако до нас не дошло

никаких свидетельств привязанности Сталина к матери, ни одного адресованного ей письма.

Возможно, у Сталина был еще один сын, чье имя и биография оказались потеряны для истории. С 1913 до 1916 года, в период своей последней, самой суровой из ссылок, он подолгу жил в полной изоляции и, как потом в минуту необычной для него откровенности признался одной из дочерей Аллилуева, сблизился с простой крестьянкой, подарившей ему сына. И мать, и сын, если они действительно существовали — что отнюдь не достоверно, — были тотчас же забыты, едва Сталин в конце 1916 года вернулся в европейскую часть России¹⁵. Если не считать нескромных признаний самого Сталина, о них с тех пор ничего не известно.

Таким образом, у Сталина не было близких людей — родителей, жены, любовницы или сыновей, от которых он мог бы ждать семейной привязанности. Тем большее значение, следовательно, приобрели в его жизни Аллилуевы. Тесные узы между Сталиным и Аллилуевыми были скреплены браком: через два года после революции одна из дочерей Аллилуева, Надежда, стала его женой. (Тринадцать лет спустя, в отчаянии от того, во что превратился ее муж, и от его жестокости по отношению к крестьянам, она покончила с собой.)

Ее отец, Сергей Аллилуев, впервые увидел начинающего революционера Джугашвили в 1900 году, когда работал механиком в тифлисском железнодорожном депо. Несколько лет спустя Аллилуев познакомился с молодым человеком лично. С тех пор дружба между старшим по возрасту русским рабочим, высланным в Закавказье за радикальные политические взгляды, и молодым грузином, только вступающим на революционный путь, стала крепнуть.

Жену Аллилуева, Ольгу Евгеньевну, мало занимала политическая деятельность мужчин — всю свою энергию она отдавала дому и детям. Добрая, участливая, она смогла найти в своем материнском сердце место для резкого, но податливого на ласку молодого грузина, с которым дружил ее муж. Именно Ольге Евгеньевне адресовано единственное уцелевшее с дореволюционных времен частное письмо Сталина. В этой записке Сталин благодарил "госпожу" Аллилуеву за "доброе и хорошее отношение" к нему, а также за посылку, которую она ему прислала. Обычно невосприимчивому к добру Сталину явно передалась частичка тепла семьи Аллилуевых, ибо в том же письме он просил Ольгу Евгеньевну не тратить на него деньги, которые нужны самим Аллилуевым*.

Воспоминаниям Сергея Аллилуева и его дочери Анны мы обя-

* Tucker R. C. Stalin as Revolutionary: A Study in History and Personality. N.Y., Norton, 1973, p. 159

заны множеству деталей — пусть незначительных, но весьма характерных, — которые позволяют нам проникнуть во внутренний мир Сталина в 1917 году. У Аллилуевых Сталин чувствовал себя как дома: теплая семейная обстановка позволяла расслабиться; у Аллилуевых приоткрывались некоторые неожиданные стороны его натуры — такие, как любовь к шуткам и даже способность дурачиться, — о которых, не имея мы этих воспоминаний, мир так бы никогда и не узнал.

Прохладный прием

Аллилуевы как раз в то время перебирались в более просторную квартиру, и Сталин, решив поселиться вместе с ними, попросил их выделить там комнату для него. Подыскав себе временное жилье, он вместе со своим красноярским коллегой отправился в большевистский штаб. Весьма характерно для революционной неразберихи тех времен, что партийный центр располагался теперь уже не где-то на задворках, в неприметной дальней комнатенке, надежно укрытой от рыскавших агентов охраны, как это было при царизме, а в самом центре наиболее фешенебельного района столицы, в роскошном особняке, реквизированном у его бывшей владелицы Матильды Кшесинской — приобретению такой ценной собственности она была обязана не столько талантам прима-балерины императорского театра, сколько краткой, но получившей широкую известность связи с наследником трона, будущим царем Николаем.

До возвращения Ленина в начале марта 1917 года партийным центром было Русское бюро Центрального Комитета, в которое входили уже известные нам Шляпников, Залуцкий и Молотов. Один из них, Молотов, был уже знаком со Сталиным — в 1912—1913 годах они вместе работали в редакции "Правды".

В первые дни марта, когда атмосфера неограниченной политической свободы способствовала быстрому возрождению партийной жизни, в Бюро появились новые люди, и к моменту приезда Сталина их число уже превышало двенадцать. Бюро собралось 12 марта после полудня, чтобы решить, как лучше использовать таланты только что вернувшихся из Сибири.

В отношении Муранова у членов Бюро не было никаких колебаний: они единогласно проголосовали, чтобы он вошел в состав Бюро и соответственно получил все полномочия и привилегии. Это голосование показало, что Бюро тогда отнюдь не настаивало на том, чтобы все его члены жестко следовали единой партийной линии, ведь всем было хорошо известно, что Муранов, будучи депутатом Государственной думы, не слишком-то поддерживал ленинские антивоенные призывы¹⁶. Однако репутация Муранова во время ссылки была безупречной, и, несомненно, именно это

обеспечило ему столь сердечную встречу членов Бюро.

С кандидатурой Сталина получилось несколько сложнее. Согласно протоколу заседания Бюро, опубликованному впервые в 1962 году, "относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 г. и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом"*.

Таким образом, еще на заре революции группа товарищей Сталина по партии проголосовала за лишение его прерогатив, на которые он мог претендовать по своему партийному рангу, мотивируя это какими-то неясными для нас "личными чертами". Тем самым они взяли ноту, отголоски которой будут преследовать Сталина на протяжении всей его карьеры, чтобы обрести ясное звучание в ленинском "Завещании": "Сталин слишком груб"

Очень жаль, что в протоколе заседания от 12 марта ничего не говорится о конкретной природе этих "личных черт" Сталина: либо его участники благоразумно промолчали о ней в ходе обсуждения его кандидатуры, либо секретарь, некая молодая женщина, Елена Стасова, предпочла из осторожности не вносить этого в протокол. В результате нам остается лишь гадать об истинных мотивах этих обвинений. Расплывчатые формулировки протокола породили самые различные предположения у современных биографов Сталина. По утверждению Адама Улама, истоки подобного отношения к Сталину, "несомненно", следует искать в 1912–1913 годах, в период его работы в редакции "Правды". В таком случае логично предположить, что негативная информация о Сталине могла исходить от Молотова. Если это так, то ситуация оказывается, по словам Улама, весьма "пикантной" в свете того, что позднее Молотов стал одним из самых верных сторонников Сталина. В другом месте Улам признает, что "нелестные слухи о поведении Сталина в ссылке могли дойти до некоторых петроградских товарищей", однако он так и не связал эту догадку с результатами голосования Русского бюро 12 марта**.

Роберт С. Такер, напротив, убежден, что на Бюро, "несомненно... был намек на его (Сталина — Р.С.) высокомерное, отчужденное и нетоварищеское поведение во время туруханской ссылки"***. При всей категоричности биографов Сталина полная ясность в этом вопросе недостижима по причине лаконичности

* Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.). — "Вопросы истории КПСС", 1962, № 3, с. 143.

** U l a m A. B. Stalin: The Man and His Era. N.Y., Viking Press, 1973, p. 132, 134–135.

*** T u c k e r R. C. Op. cit., p. 163.

протокольных записей, хотя имеющиеся в нашем распоряжении доказательства все-таки перетягивают чашу весов в пользу гипотезы Такера как наиболее правдоподобной. Ее подтверждают и неопубликованные воспоминания старого большевика Б. И. Иванова. Он пишет, что Сталин был "таким же надменным, как всегда, таким же замкнутым в себе, в своих собственных мыслях и планах" и так же держался в "стороне от всех остальных политических ссыльных", как и тогда, когда Иванов видел его в конце 1916 года*.

Учитывая, что в столицу ежедневно прибывали бывшие ссыльные из Сибири и слухи о поведении товарищей неизбежно становились всеобщим достоянием, репутация Сталина в ссылке могла дать более чем достаточно оснований для резкой критики и вердикта 12 марта.

Характеристика, которую дает Иванов Сталину, свидетельствует о тонком проникновении в его психологию. "Надменный", "замкнутый в себе и в своих собственных планах" — эти слова говорят больше, чем просто поверхностное наблюдение за "нетоварищеским" поведением Сталина: они свидетельствуют что Иванов смог распознать в Сталине иную, чем у остальных ссыльных, внутреннюю мотивацию. Воспоминания Иванова позволяют нам заключить, что еще в декабре 1916 года Сталин воспринимал себя не просто как одного из лидеров большевистской партии, а как личность, потенциально более значимую, пусть эти мысли и не были еще до конца оформлены в его сознании. Таким образом, за "нетоварищеским" поведением, которое повляло на неблагоприятные итоги голосования Бюро 12 марта, стояло нечто более удивительное: ни более ни менее как сложившийся у Сталина образ самого себя как руководителя партии — концепция, существенно отличная от концепции коллективного руководства, принятой практически всеми остальными большевиками.

Сталин и Каменев

Как и Сталин, Каменев встретил на заседании Русского бюро 12 марта резкий, оскорбительный отпор. Согласно протоколу Бюро, было "решено принять его (Каменева) в число сотрудников "Правды", если он предложит свои услуги... Статьи его принимать как материал, но за его подписью не выпускать"***

О том, чтобы ввести его в состав Бюро, вообще не говорилось ни слова. Правда, в случае с Каменевым причины неблагоприят-

* Medvedev R. A. *Let History Judge*. N.Y., Knopf, 1971, p. 7; Tucker R. C. *Op. cit.*, p. 160–161.

** Протоколы и резолюции..., указ. соч., с. 143.

ных итогов голосования Бюро не скрывались. Они, как гласит протокол, были связаны с судебным процессом в феврале 1915 года. Каменев вместе с еще пятью большевистскими депутатами Государственной думы был в числе подсудимых. Им предъявлялось обвинение в государственной измене. Государственной изменой считалась приверженность ленинской политике "превращения войны империалистической в войну гражданскую". Как редактор "Правды" и советник большевистской фракции в думе Каменев считался ответственным за проведение политики, которую, находясь в эмиграции, провозгласил Ленин. Отчасти потому, что он был искренне несогласен с Лениным относительно характера этой войны — Каменев считал, что Россия ведет оборонительную войну против Германии и ее союзников, — а отчасти из осторожности — это был человек, не одобрявший насилия и стремившийся избежать ненужной полемики, — на суде Каменев отмежевался от позиции Ленина.

Однако несмотря на такое вероотступничество — оно приравнивалось к нарушению большевистского принципа демократического централизма, гласившего, что все члены партии обязаны поддерживать политику, принятую руководством, даже в том случае, если лично с ней не согласны, — Каменев был признан виновным, хотя и получил сравнительно мягкое наказание: ссылку в Енисейский край, место куда менее суровое, чем то, где был Сталин. Там, в селе Монастырском, летом 1915 года Каменев предстал перед вторым "судом", на сей раз это была группа его товарищей-революционеров. На суде в Монастырском оказался и Сталин, ему разрешили предпринять для этой цели путешествие вниз по реке Курейке.

В период сталинской диктатуры воспоминания о его участии в суде 1915 года были фальсифицированы. В результате все выглядело так, будто "он клеймил позором трусливое и предательское поведение Каменева на суде над большевистской "пятеркой" — депутатами IV Государственной думы"*. Среди ссыльных действительно была группа, которая придерживалась этой линии, но возглавляли ее не Сталин, хранивший безучастное молчание, а Яков Свердлов и Сурен Спандарян. Оба ссыльных — члены Центрального Комитета. Годы спустя жену Спандаряна Веру Швейцер, по язвительному замечанию Троцкого, "заставили приписать Сталину "заслугу, которая принадлежала на самом деле ... ее мужу", нарисовав портрет лидера, осуждающего отречение Каменева от ленинской политики по вопросу о войне**". Отчасти благодаря отказу Сталина присоединиться к Свердлову и Спан-

* Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., ОГИЗ, 1947, с. 31.

** Т р о ц к и й Л. Сталин. Chaldize Publications, Vermont, 1985, т. I, с. 242.

даряну в Монастырском приняли резолюцию, одобряющую поведение на суде большевистской фракции в думе. Вынесенный вердикт по сути дела означал снятие обвинений с Каменева, и Сталин свои отказом поддержать воинствующих партийцев внес в это решение весьма существенный вклад.

Несомненно, нежелание Сталина вступать в эту полемику отчасти отражало отсутствие у него интереса к традиционной российской практике вести горячие дискуссии вокруг актуальных с политической точки зрения, но не имевших непосредственного практического значения абстрактных вопросов. Как пишет Исаак Дейчер: "Биться за принципы ради них самих, не имея ни малейшего шанса на их немедленное применение, отнюдь не принадлежало к числу его (Сталина) любимых занятий"*.

С точки зрения дальнейших взаимоотношений Сталина и Каменева сдержанность Сталина на суде в 1915 году имела позитивные последствия: благодаря ей Каменев избежал того осуждения, которому намеревались подвергнуть его воинственные товарищи и которое могло оказать серьезное влияние на его будущее положение в партии. Осуждение Каменева Бюро 12 марта 1917 года, когда Свердлов все еще находился в тысячах километров от Петрограда, а Спандарян уже лежал в сибирской могиле, свидетельствует о том, какое значение придавали члены партии вопросу о войне. Бесспорно сдержанность Сталина в 1915 году увеличила доверие к нему Каменева, позволив рассматривать его как возможного союзника, если не друга. Годы спустя, когда Каменев стал "врагом народа", официальные биографы Сталина приложили немало усилий, пытаясь избежать каких бы то ни было упоминаний о том, как Сталин одобрил позицию Каменева по вопросу о войне в 1915 году. Вот почему возникла потребность заставить Веру Швейцер заменить в своих воспоминаниях имя мужа на имя Сталина.

Добросердечным отношениям, которые установились между Сталиным и Каменевым после инцидента 1915 года, предшествовала долгая история контактов и встреч; ее начало восходит к 1904 году, когда Каменев впервые встретился с молодым Джугашвили во время поездки в Тифлис, куда он был послан по поручению Ленина для организации конференции кавказских большевиков. Джугашвили, хоть и тремя годами старше Каменева, был в отличие от него неотесанным провинциальным партийным функционером — слишком безвестным и лишенным влияния, чтобы хоть как-то содействовать выполнению миссии Каменева, слишком скромным и незначительным, чтобы принять участие в конференции, открывшейся в ноябре 1904 года.

* Deutscher I. Stalin: A Political Biography. 2d ed., N.Y., Oxford University Press, 1967, p. 127.

После этой первой эпизодической встречи Сталин и Каменев потеряли друг друга из виду более чем на десять лет. Хотя оба работали в редакции газеты "Правда", встретиться там им не довелось, ведь Каменев был направлен Лениным для руководства партийной газетой уже после ареста Сталина в феврале 1913 года. К 1915 году и тот и другой продвинулись вверх в партийной иерархии. Сталин стал членом Центрального Комитета, а Каменев — самым видным работником партийной печати.

Таким образом, благоразумную сдержанность Сталина в отношении Каменева на суде в Монастырском в июле 1915 года можно расценивать не просто как отсутствие интереса к дискуссиям по принципиальным вопросам абстрактного характера, но и как продиктованное осторожностью стремление не осуждать партийного функционера, чьи заслуги и положение в партии делали его фигурой, с которой нельзя было не считаться, человеком, чья дружба стоила того, чтобы потратить время и силы на ее укрепление.

Сталину было далеко до уверенного в себе, занимавшего совершенно определенное место в партии Каменева. Инцидент 1915 года стал поворотным пунктом в их взаимоотношениях. Сталин впервые оказался в положении, позволявшем чувствовать себя приблизительно на равных с Каменевым в партийной иерархии, и впервые получил возможность протянуть младшему по возрасту товарищу руку помощи.

Мы можем создать приблизительное представление об этих двух людях накануне революции, взглянув на них глазами Анатолия Байкалова, члена Енисейского союза кооперативов, который оказался в Ачинске в феврале 1917 года и записал позднее впечатления о запомнившемся эпизоде. Несмотря на то что между этими событиями и публикацией воспоминаний Байкалова в 1940 и 1950 годах прошло много лет, он нарисовал очень убедительный портрет курившего трубку молчаливого Сталина, внимающего более красноречивому Каменеву и кивавшего в знак согласия с его прогнозами относительно того, что война окончится победой Германии и что вслед за этим в России произойдет буржуазно-демократическая революция*.

Муранов протягивает руку помощи

Сталину недолго пришлось терпеть унижение его условного членства в Русском бюро. Уже на следующий день, 13 марта, Бюро изменило свое решение и приняло Сталина как полноправного члена, одновременно сделав его членом редколлегии "Прав-

* Б а й к а л о в А. Мои встречи с Осипом Джугашвили. — "Возрождение". Париж, март — апрель 1950. — Цит. по: Т у с к е р R. C. Op. cit., p. 161.

ды". На том же самом заседании Молотов, ссылаясь на недостаток опыта, попросил освободить его от обязанностей, сопряженных с его работой в редколлегии.

Если рассматривать людей, с которыми столкнулся Сталин в 1917 году, с точки зрения того, какие чувства он в них вызывал, что в нем привлекало их или отталкивало, то Молотова следовало бы отнести к категории ищущих покровительства или учеников. Ему было суждено стать одним из первых, кто принял за чистую монету существовавшее лишь в воображении Сталина представление о собственном будущем величии и кто своей самозабвенной преданностью способствовал воплощению этого образа в действительность. Нет достоверных сведений о том, когда именно снизошло на Молотова это озарение, когда распознал он в Сталине человека более значительного, чем он сам, человека, служение которому станет делом его жизни. Очевидно, это произошло не на заседании Русского бюро 13 марта, хотя именно тогда Молотов понял, что действовать вопреки амбициям Сталина — не тот путь, которым надлежит следовать.

Сталин, мы можем быть в этом совершенно уверены, присутствовал на заседании 13 марта и, по-видимому, убедительно выступил в свою защиту. Однако решающее слово в его пользу произнес, скорее всего, Муранов, который, напоминая, накануне получил право голоса. Как показали события последующих дней, трое ссыльных, возвратившихся из Сибири 12 марта, держались вместе, преследуя общие интересы, и Муранов сделал первый шаг, положивший начало их карьере.

Результаты этой кампании были обнародованы в "Правде" 15 марта. Для оперативного решения текущих дел в разбухавшем Русском бюро был учрежден новый президиум из пяти человек, где двое новых членов, Сталин и Муранов, противостояли такому же числу "старых" — Шляпникову и Залуцкому. Чтобы обеспечить равновесие и избежать равного распределения голосов при решении спорных вопросов, в состав президиума был введен еще один человек — Елена Дмитриевна Стасова, верный и стойкий член партии. Она исполняла еще и секретарские функции. Это ее четким, аккуратным протоколам, чудом уцелевшим в годы сталинской тирании, мы обязаны сведениям о работе Русского бюро в то время.

"Правда" от пятнадцатого числа объявляла о радикальных изменениях в составе редколлегии газеты. Муранов, по праву претендовавший на высокое положение в партии как один из большевистских депутатов Государственной думы, взял на себя определение редакционной политики "Правды", мотивируя это не очень убедительным, но весьма удобным предлогом, что газета является органом большевистской фракции в думе. (На деле "Правда" была органом Центрального Комитета партии или его Русского бюро, однако в царское время, дабы упростить

доставлявшие много хлопот отношения с цензурой, использовали юридическую уловку, будто газета является всего-навсего органом большевистской фракции в думе.)

Вместе с Мурановым должны были работать и его товарищи по Красноярску — Сталин и Каменев. Впрочем, Каменев уже опередил события, напечатав за своей подписью статью в "Правде" от тринадцатого числа и нарушив тем самым указание Русского бюро не публиковать авторских статей.

Наконец, 15 марта "Правда" оповещала о назначении Муранова, Каменева и Сталина большевистскими представителями в Исполнительном комитете Петроградского Совета. Так за короткий, всего трехдневный промежуток времени Сталин наверстал упущенное вначале и получил сразу тройное повышение: стал полноправным членом Русского бюро, вошел в редколлегию "Правды" и в Исполнительный комитет Петроградского Совета. Мандат члена Центрального Комитета партии, полученный им в 1912 году, все еще оставался в силе, и настолько усиливал его позиции, что позволял противостоять любому сопернику. (Шляпников тоже был членом Центрального Комитета, но ему не хватало сталинского таланта самоутверждения.) Итак, Сталиным взят весьма удачный старт, тем более впечатляющий, если сравнить его с негостеприимным приемом, который оказало ему Русское бюро РСДРП (б) 12 марта.

Благодарность за оказанные услуги не принадлежит к числу добродетелей, на которую могли бы часто ссылаться биографы Сталина, пытаясь объяснить мотивы его поведения. И все-таки, если взглянуть издалека на взаимоотношения Сталина и Муранова, логично предположить, что и Сталину не были вовсе чужды эти весьма редкие для него эмоции. Самым убедительным доказательством служит тот факт, что Муранов, принадлежавший к горстке старых большевиков, которые работали вместе со Сталиным в 1917 году, пережил "великую чистку" 1936–1938 годов и умер в 1959 году персональным пенсионером. Существенным фактором для объяснения столь необычайно счастливой судьбы служит, вне всякого сомнения, то обстоятельство, что Муранов все годы вплоть до смерти хранил благоразумное молчание. В отличие от Шляпникова и многих других Муранов никогда не навлекал на себя гнев Сталина, пытаясь опубликовать воспоминания о 1917 годе, материалов для которых у него было более чем достаточно.

Муранов, однако, оказывал Сталину и другие, более ценные услуги. Например, в 1931 году он исполнял функции члена суда на одном из самых первых показательных процессов, организованных тайной полицией — процессе так называемого меньшевистского центра¹⁷. Конечно, такие почетные услуги Сталину

имели в своем послужном списке многие старые большевики, что не помешало им пасть жертвами "великой чистки". Следовательно, можно предположить, что Сталина связывали с Мурановым особые узы, что он испытывал к нему какие-то особо теплые чувства, которые обеспечили Муранову счастливый билет в той кровавой лотерее, которая получила название "великая чистка".

Эти соображения подкрепляют гипотезу, что не кто иной, как Муранов, первым помог в 1917 году Сталину ступить на лестницу политического восхождения. Можно было бы возразить, что и Каменев тоже помогал Сталину преодолеть в 1917 году первые преграды на избранном пути, тем не менее он не был удостоен таких знаков благодарности. Правда, мы увидим потом, как Сталин будет защищать Каменева от ленинского гнева незадолго до захвата власти большевиками в октябре, так что наличие у Сталина чувства признательности или благодарности можно в известной мере констатировать и в этом случае. Судьбы Муранова и Каменева в "великой чистке" были разными, потому что после смерти Ленина Каменев показал себя одним из наиболее стойких и самых острых критиков, выступавших против претензий Сталина на власть. Более того, в отличие от Муранова, никогда не питавшего надежд занять пост в высшем руководстве, Каменев был близким соратником и доверенным лицом Ленина и его возможным политическим наследником. По этим причинам чувство признательности Сталина к Каменеву не могло сохраняться слишком долго. Что касается Муранова, то благодаря сочетанию позитивных и негативных факторов — полезные действия и не менее полезное молчание — он мог предоставить Сталину редкую возможность продемонстрировать одно из самых необычных для него и редко проявлявшихся качеств — благодарность за оказанные услуги.

Вырвался ли Сталин вперед?

Сочетание трех имен — Муранова, Каменева и Сталина — в тех организационных изменениях и новых назначениях, о которых оповещала "Правда" 15 марта, позволяет с уверенностью предположить наличие между ними рабочего соглашения о сотрудничестве. Ведущую роль в этой тройке — первой в революционной карьере Сталина, — судя по всему, вначале играл Муранов. При этом Каменев исполнял функции главного теоретика, Сталину же отводилась роль младшего партнера. Не следует забывать, что Муранов оказался единственным из троих, кто был на заседании 12 марта принят в число полноправных членов Русского бюро ЦК, и единственным, чья кандидатура не вызвала никаких возражений.

Став полноправным членом в Бюро, Муранов получил воз-

возможность влиять на ход событий, и есть основания считать, что он использовал эти свои полномочия, способствуя тринадцатого числа приему Сталина в члены Бюро и дальнейшему продвижению своего союзника. Потом они уже совместными усилиями смогли укрепить свои позиции, захватив вместе с Каменевым "Правду", войдя в состав только что основанного президиума Русского бюро и по счастливому стечению обстоятельств обеспечив себе плацдарм в Петроградском Совете. Вся эта трехдневная операция явилась триумфом организационного мастерства и искусства манипулирования партийной политикой.

Кажущаяся легкость, с какой Сталину удалось обеспечить себе сильные позиции в большевистской организации Петрограда, позволила некоторым из его биографов утверждать, будто именно он был инициатором организационных перемен, о которых оповестила "Правда" 15 марта. Первым, кто выдвинул эту точку зрения, еще в то время, когда в распоряжении исследователей было гораздо меньше достоверной информации, стал Троцкий. Он не сомневался, что главная роль в осуществлении переворота в руководстве редакцией "Правды" принадлежала именно Сталину.

«Немедленно по приезде в Петроград, представлявший в те дни один сплошной митинг, Сталин направляется в большевистский штаб... Пусть другие надрывают голоса на рабочих и солдатских митингах, Сталин окопается в штабе. Свыше четырех лет назад, после Пражской конференции, он был кооптирован в ЦК. После того много воды утекло. Но ссыльный из Курейки умеет держаться за аппарат и продолжает считать свой мандат непогашенным. При помощи Каменева и Муранова он первым делом отстранил от руководства слишком "левое" Бюро ЦК и редакцию "Правды". Он сделал это достаточно грубо, не опасаясь сопротивления и торопясь показать твердую руку.

"Прибывшие товарищи, — писал впоследствии Шляпников, — были настроены критически и отрицательно к нашей работе"»*.

Мнение Троцкого разделял Исаак Дейчер. Он писал:

«Пользуясь своим формальным старшинством, которое давал ему титул члена Центрального Комитета с 1912 года, он (Сталин — *Р.С.*) "сверг" петербургское трио (Шляпников, Залуцкий и Молотов — *Р.С.*) и вместе с Каменевым захватил редакцию "Правды"»**.

В сущности о том же, но более ярко пишет Улам:

"Сталин одержал победу в своем первом открытом политическом состязании. Вряд ли он мог рассчитывать на реальную помощь со стороны мягкого и нерешительного Каменева (Улам

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 257.

** Deutscher I. Op. cit., p. 132.

даже не упоминает Муранова. — *Р.С.*). Но он был самоуверен и обладал властными манерами, которые, пусть они и претили его товарищам, все же в те смутные времена оказывали свое воздействие. Он еще далек от того законченного интригана, каким станет через несколько лет, но все же одержал верх над соперниками... В этот момент Сталин был несомненно первым среди большевиков**.

Главным зачинщиком перемен в период между 12 и 15 марта считает Сталина и Эдвард Э. Смит:

"Он (Сталин. — *Р.С.*) поспешил туда, где размещалась редакция "Правды" и, используя свои полномочия члена Центрального Комитета, куда был кооптирован в 1912 году самим Лениным, начал расчищать себе место... Он привел в редакцию "Правды" новых людей, которые, разумеется, были послушны его воле***.

Той же самой точки зрения придерживался и Борис Суварин: "(Сталин) сразу же вытесняет руководство газеты ("Правда"), не обращая никакого внимания ни на организацию, ни на работавших там людей и опираясь исключительно на силу своего членства в Центральном Комитете, куда он попал путем простой кооптации****.

Согласен с этим и Роберт В. Дэниелс:

«В этот момент прибыли лидеры из Сибири. Каменев и Сталин, члены Центрального Комитета (на самом деле Каменев членом ЦК не был. — *Р.С.*) совершенно естественным образом захватили власть в партийной организации и контроль над редакцией "Правды"*****.

В общем и целом той же самой линии придерживается и У. Чемберлин, хотя он пишет лишь о переменах в редакции "Правды":

«Сталин, Каменев и Муранов возвратились в Петроград 25 марта (по новому стилю) и, воспользовавшись своим высоким статусом в партийной организации, осуществили нечто вроде переворота в редакции "Правды"*****.

Осторожнее, хоть и оставаясь в принципе на тех же самых позициях, высказывается на сей счет Роберт С. Такер:

"После оказанного ему (Сталину. — *Р.С.*) поначалу ледяного

* U l a m A. B. Op. cit., p. 135.

** S m i t h E. E. The Young Stalin: The Early Years of an Elusive Revolutionary. N.Y., Farrar, Straus & Giroux, 1967, p. 330.

*** S o u v a r i n e B. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. N.Y. Alliance Book Corp., Longmans, Green, 1939, p. 151.

**** D a n i e l s R. V. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. N.Y., Scribner, 1967, p. 28. Подробнее о карьере Муранова см.: D a n i e l s R. V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Harvard University Press, 1965, p. 41, 49, 393.

***** C h a m b e r l i n W. H. The Russian Revolution, 1917–1923. 2 vols. N.Y., Macmillan, 1935, v. I, p. 115.

приема он успешно утверждает свое влияние”*

Давая событиям сбалансированную оценку, Э. Карр пишет:

”Как опытный журналист Каменев был в 1912 году назначен Пражской конференцией главным редактором центрального партийного органа, в то время — ”Рабочей газеты” (легальное название — ”Правды”. — *Р.С.*)¹⁸; Сталин, являясь с 1912 года членом Центрального Комитета партии, сменил Шляпникова на месте старшего партийного организатора в Петрограде; Муранов был одним из большевистских депутатов IV думы... Они сразу же вырвали бразды правления из рук Шляпникова и его молодых сотрудников”**.

Но даже Карр считает решающим то обстоятельство, что Сталин был членом Центрального Комитета. Вслед за Троцким все эти авторы в той или иной степени рисуют картину, которая отражает их осведомленность относительно дальнейшей карьеры Сталина. Между тем если ограничиться лишь рассмотрением тех достоверных фактов, которые имелись в распоряжении на март 1917 года, то вырисовывается куда менее лестная для Сталина картина. Прежде всего здесь следует отметить, что в соответствии с большевистскими принципами титул члена ЦК вовсе не давал никаких оснований претендовать на главенствующие позиции, тем более вопреки воле авторитетного Русского бюро. Но даже если бы такое старшинство допускалось большевистской политикой в целом, оно было бы невозможно в конкретной ситуации, сложившейся в тот момент в Петрограде, ибо Шляпников — один из петроградских большевиков, который оказался вытесненным Мурановым, Каменевым и Сталиным, — был таким же членом Центрального Комитета, как и Сталин, и вдобавок к этому имел еще и возможность поддерживать более частые контакты с лидером партии, чем Сталин из своей далекой сибирской ссылки. Предполагать — следуя Троцкому и другим авторам, — будто Сталин мог в марте 1917 года использовать ”свой старый партийный мандат”, чтобы ”показать им, кто хозяин”, равносильно прочтению событий 1917 года в свете партийной практики значительно более позднего времени, когда Сталин уже действительно стал ”хозяином”. Это означало бы также и недооценку шаткости позиций Сталина в марте 1917 года, а следовательно, недостаточное понимание тех трудностей, которые ему пришлось преодолеть, прежде чем он смог выплыть на поверхность уже в качестве признанного лидера. Он действительно показал, что умеет — в союзе со своими сибирскими товарищами — использовать власть, однако в то время он еще был далек от того, чтобы ”одержать верх над соперниками”. Ему еще

* Tucker R. C. *Op. cit.*, p. 119.

** Carr E. H. *The Bolshevik Revolution*, 3 vols. N.Y., Macmillan. 1951—1953, v. I, p. 74.

предстояло укрепить завоеванные позиции и доказать, что он способен выдвигать идеи, которые могут заражать энтузиазмом как членов партии, так и рабочих. Изучение номеров "Правды" в последующие несколько недель позволяет найти ответ на вопрос, насколько он оказался на высоте поставленных перед ним задач. Как свидетельствуют факты, жажда власти намного превышала способности Сталина выдвигать политические идеи и лозунги, соответствующие потребностям революционной ситуации.

Сталин – член редколлегии "Правды"

В период между 14 марта, когда в "Правде" появилась первая статья за подписью Сталина, и 28 марта, датой его последней перед возвращением Ленина публикации в газете, Сталин написал шесть коротких статей и одну редакционную. Все они были опубликованы в "Правде" за подписью "К. (Коба – его старый революционный псевдоним) Сталин". Хронологически все эти статьи можно четко разделить на две серии: четыре из них публиковались в период между 14 и 18 марта почти ежедневно – за исключением лишь номера от 15 марта, напечатавшего известие о тройном повышении, касающемся Сталина, – остальные три были после недельного перерыва напечатаны 25, 26 и 28 марта. (Отсутствие его публикаций в номере от 27 марта можно было бы объяснить, предположив, что в воскресенье, двадцать шестого числа, он взял себе выходной день.)

Эти две серии статей резко отличаются друг от друга по содержанию. В первых четырех речь шла об основных, жизненно важных проблемах, стоявших в то время перед партией, таких, как Советы рабочих депутатов, война, Временное правительство. Остальные три касались главным образом национального вопроса и его роли в будущем государственном устройстве России – это была, вне всякого сомнения, весьма важная, но в то время далеко не самая актуальная партийная задача.

Пытаясь объяснить это различие в характере статей, заметим, что недельное молчание Сталина совпало по времени с событием кардинальной важности для партии, редколлегии и Сталина лично. Речь идет о полученном редколлегией первом из писем Ленина из Цюриха, в котором он на основании доступной ему скудной информации, почерпнутой из западной прессы, анализировал итоги и перспективы развития революции. Ведь именно 19 марта Александра Коллонтай доставила в редакцию "Правды", где прочно обосновались Сталин и Каменев, первые два из ленинских "Писем издалека". Два дня спустя "Правда" опубликовала первое письмо, однако не целиком: редакторы вырезали из него около пятой части текста, дабы сделать его ближе к той

политической линии, которую, как они считали, должна была проводить "Правда", а также одновременно и затушевать тот факт, что ленинская позиция радикально отличалась от их собственной. Остальные три письма попадали в редакцию "Правды" через неравные промежутки времени. (Первые четыре письма Ленин написал в порыве лихорадочной деятельности в период между 7 и 12 марта, потом, занявшись неотложными делами, связанными с отъездом в Россию, вернулся к ним через две недели и написал пятое, от 26 марта, — как раз накануне того дня, когда был окончательно решен вопрос о запломбированном вагоне.) Со вторым письмом Ленина редколлегия "Правды" — читай: Каменев и Сталин — поступила еще более бесцеремонно, чем с первым: его просто-напросто сдали в архив, где оно лежало, дождавшись публикации только после смерти Ленина. Похоже, что остальные три письма так и не достигли Петрограда. К 3 апреля, когда прибыл Ленин, их уже затмили другие события.

Советский историк И. И. Минц пишет, что первые два из "Писем издалека" были доставлены в редакцию "Правды" А. М. Коллонтай 19 марта. В 1924 году, когда письма со второго по пятое были впервые опубликованы, Каменев заявил, что второе, третье, четвертое, а возможно, также и неопубликованное последнее, пятое письмо в редакции "Правды" в 1917 году получены не были. И. И. Минц установил, что письма с третьего по пятое Ленин послал Я. С. Ганецкому в Стокгольм 12 марта. Минц, однако, не утверждает, что эти письма дошли до редакции "Правды"*.

Семидневный перерыв в публикации в "Правде" сталинских статей, совпавший с его отходом от тем, имевших тогда первостепенную важность, дает основание предположить, что именно прочтение первого из ленинских "Писем издалека" послужило причиной его временного молчания, а затем заставило избегать слишком рискованных сюжетов. Таким образом, столкновение Сталина с Лениным и его идеями, оказавшее решающее воздействие на его поведение в ходе революции, относится не к 3 апреля, когда Ленин прибыл в Петроград, а к 19 марта, когда первые два "Писья издалека" достигли редакции "Правды" и Сталин услышал бескомпромиссный, настойчивый и глубоко взволновавший его голос Ленина. Все еще находясь под сильным влиянием Каменева и его друзей по Исполнительному комитету Совета, Сталин, похоже, поначалу с большим трудом улавливал контуры нарисованной Лениным радикальной картины будущего развития революции и той роли, которую предстоит сыграть в ней большевикам. Начавшийся 19 марта период переосмысле-

* Минц И. И. История Великого Октября. В 3 томах. М., "Наука", 1968, т. 2, с. 42.

ния ознаменуется принятием Сталиным ленинского подхода к оценке событий. Этот процесс обращения в новую веру завершится у него почти через месяц, в течение которого он будет осторожно прощупывать почву, поначалу не желая порывать с привычной каменевско-меньшевистской политикой, потом постепенно начнет осознавать те более широкие возможности, которые открывало перед ним лично и перед партией в целом радикальное ленинское мировоззрение.

Сталин о Советах

Первая публикация Сталина в "Правде" — статья "О Советах Рабочих и Солдатских Депутатов" — появилась 14 марта. Не исключено, что написана она была тринадцатого, то есть на другой день после возвращения*. Учтявая, что у него было очень мало времени, чтобы оценить ситуацию, статью можно расценить как весьма похвальный опус, где достаточно оригинально и смело — пусть и слегка путанно — обрисованы перспективы революции. Из статьи Сталина ясно, что он успел усвоить тот факт, что Петроград — город, где вспыхнула революция, — постепенно намного опередил в своем развитии остальную часть России:

"Теперь, как и всегда, впереди идет Петроград. За ним тянется, спотыкаясь подчас, необъятная провинция". Отдавал себе Сталин отчет и в том, что это еще не окончательная победа революции и опасность контрреволюции по-прежнему остается:

"Силы старой власти падают, но они еще не добыты. Они только притаились и ждут удобного случая для того, чтобы поднять голову и ринуться на свободную Россию". Уничтожение этих старых сил, союз революционной столицы и пробуждающейся провинции и необходимость "двинуть дальше" русскую революцию Сталин провозгласил как "очередную задачу столичного пролетариата". Пользуясь излюбленным приемом задавать самому себе риторические вопросы, Сталин вопрошал: "Но как это сделать? Что необходимо для этого?" Предлагаемый им ответ сводился к усилению временного союза "рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели". "Ибо ясно для всех (еще один излюбленный риторический прием Сталина. — *Р.С.*), что залог окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом". К счастью для революции, "органы этого союза", как утверждал Сталин, уже существуют. Это — Советы рабочих и солдатских депутатов. Теперь необходимо "теснее сплотить" Советы и "организовать" их. "Революционные социал-демократы", подчеркивал

* Сталин И. В. Сочинения в 13 томах. М., Госполитиздат, 1946-1951, т. 3, с. 1-3.

Сталин, должны "укреплять эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собою во главе с Центральным Советом рабочих и солдатских депутатов, как органом революционной власти народа".

"Рабочие! Теснее смыкайте свои ряды и сплывайтесь вокруг Российской соц.-дем. рабочей партии!

Крестьяне! Организуйтесь в крестьянские союзы и сплывайтесь вокруг революционного пролетариата, вождя русской революции!

Солдаты! Организуйтесь в свои союзы и собирайтесь вокруг русского народа, единственного верного союзника русской революционной армии!"

Чтобы закончить статью на высокой ноте, Сталин выдвигает слегка упрощенный вариант минимальных требований русских социалистических партий, назвав их "основными требованиями русского народа":

"Землю — крестьянам, охрану труда — рабочим, демократическую республику всем гражданам России!"

Для первого опыта статья обладала рядом достоинств. Сталин признавал, что революция еще не завершена, что ей угрожает опасность контрреволюции и что Советы — это основная организация, способная обеспечить ее продолжение и завершение. Можно считать похвальной и приверженность Сталина линии большевиков, расценивающих пролетариат как ведущую силу революции. Однако недочеты и упущения статьи существенно перевешивали весьма скромные достоинства. Как заметил Карр, "она была примечательна не столько тем, что в ней было сказано, сколько тем, что было опущено"* . В числе основных проблем, которые Сталин обошел молчанием, Карр назвал Временное правительство и войну. Справедливости ради следует, однако, напомнить, что главной темой статьи были все-таки Советы, что она была сравнительно небольшой и что вскоре Сталину предстояло переключить свое внимание на те самые вопросы, за невнимание к которым его критиковал Карр.

Есть в статье другие недостатки и промахи, которые представляются куда более существенными, нежели те вопросы, которые Сталин, по мнению Карра, обошел молчанием. Первое и самое удивительное — то, что Сталин, казалось, совсем забыл, что единой Российской социал-демократической партии уже более не существует; что в ней еще в 1903 году произошел раскол и что сам лично он связал себя с большевиками, объявившими себя с 1912 года независимой организацией. Статья изобилует ссылками на социал-демократическую партию, вокруг которой настойчиво рекомендовалось сплотиться рабочим. Казалось, автор пребывал в полнейшем неведении не только относительно

* Carr E. H. Op. cit., p. 75.

независимого существования самой большевистской партии, но также и о претензиях большевиков выступать от имени бедных и безземельных крестьян. Автор статьи призывал некое недифференцированное крестьянство "сплотиться вокруг революционного пролетариата", как бы позабыв, что большевики всегда стремились обращаться непосредственно к бедным крестьянам и выступать от их имени. Что же касается солдат, то им надлежало объединиться вокруг "русского народа" — тут Сталин оказывался в вопиющем противоречии с марксизмом не только потому, что не проводил различий между разными социально-экономическими категориями, но также и потому, что исказил сложную этническую картину Российской империи, — промах тем более удивительный, что допущен был автором, чьи претензии на признание в партийной литературной деятельности зиждились до того времени на написанном им очерке "Марксизм и национальный вопрос".

Если принять во внимание, что темой статьи были Советы рабочих и солдатских депутатов, представляется весьма странным, что автор не только не упоминает о существовании Петроградского Совета, но даже не пытается пояснить, как он мыслит взаимоотношения между этой уже сформировавшейся организацией и тем гипотетическим Центральным Советом рабочих и солдатских депутатов, который он называет "органом революционной власти народа".

Наконец, в статье в необычайно мягких и далеко не социалистических терминах определялась цель этой революционной деятельности: все, к чему могли стремиться рабочие, сводилось к "охране труда". (Непонятно, от кого предполагалось его охранять? Ведь неявно давалось понять, что капиталистическая система может процветать даже и тогда, когда будут удовлетворены "основные требования русского народа".) Странно, что в статье ничего не говорилось об Учредительном собрании; при этом каким-то неуловимым образом — автор так и не удосужился объяснить, каким именно, — предполагалось, что "демократическая республика" может быть установлена "для всех граждан России". При всей туманности выражений смысл сентенций Сталина вполне очевиден. Как отмечал Дейчер, все это словолюбие свидетельствовало о том, что Сталин мыслил "революцию все еще как антифеодальную, а не как антикапиталистическую, ей надлежало стать "буржуазно-демократической", а не "социалистической"*.

При всех своих скромных достоинствах и существенных недостатках первая из опубликованных в 1917 году статей Сталина достойна упоминания также потому, что в ней, пусть едва слышно, но вполне внятно звучат мотивы, предвосхищавшие

* Deutscher I. Op. cit., p. 132–133.

другую войну, которая произойдет много лет спустя, когда Сталин предстанет уже не начинающим, слегка запутавшимся журналистом, а могущественным и единовластным вождем России, борющейся за свое выживание. В обращении к солдатам "собирается вокруг русского народа, единственного верного союзника русской революционной армии", можно невольно уловить произнесенный Сталиным в 1945 году победный тост "за русский народ", который оказался в те годы основным оплотом обеспечения боеспособности армии и истинным гарантом выживания России во второй мировой войне.

Сталин был тугодумом, и эта первая его статья показывает, как многому ему еще предстояло научиться, но он обладал цепкой памятью, и то, что он понял в 1917 году, эхом отзовется в его статьях и выступлениях времен второй мировой войны.

Сталин решает вопрос о войне

Во второй своей подписанной статье "О войне", опубликованной в "Правде", Сталин обратился к теме, которая вызывала глубокие разногласия внутри социалистического движения и которой предстояло стать одной из основных причин конфликта между Петроградским Советом и Временным правительством. Совет только что заслушал доклад генерала Лавра Корнилова, командующего войсками Петроградского военного округа, из которого явствовало, что немцы готовят новое наступление. После этого два видных буржуазных политических деятеля, Александр Родзянко и Михаил Гучков, обратились с призывом к армии и к народу продолжать войну до победного конца.

Это обращение стало основной темой статьи Сталина*. Самым главным в статье было утверждение о том, что революционной России 1917 года в отличие от революционной Франции 1792 года не угрожает коалиция враждебных ей государств. "Нынешняя война есть война империалистическая, — подчеркивал Сталин, и основной ее целью является "захват (аннексия) чужих, главным образом аграрных, территорий капиталистически развитыми государствами". Исходя из такого определения характера и военных целей воюющих государств, Сталин подчеркнул, что "настоящая война... не ведет и не может вести к неизбежному вмешательству во внутренние дела захватываемой территории в смысле восстановления в ней старых порядков".

Таким образом, «нынешнее положение России не дает оснований к тому, чтобы бить в набат и провозгласить: "Свобода в опасности, да здравствует война!"».

Подлинные устремления "русских империалистов", утверж-

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 4 — 8.

дал Сталин, обращены к "проливам, в Персию". Он с одобрением упомянул о "резолюциях социалистических конгрессов в Циммервальде и Кинтале (1915–1916 гг.) против войны", не потрудившись, однако, отметить, что ни на одном, ни на другом из этих двух левосоциалистических форумов не произошло сближения с позицией Ленина, решительно отвергавшего *любое* оправдание какой бы то ни было поддержки войны, а также требовавшего "превращения войны империалистической в войну гражданскую"¹⁹. Сталин одобрял решения Циммервальдской и Кинтальской конференций и еще не был готов от них отойти. Этот факт решительно опровергает любые утверждения, будто бы он еще в сибирской ссылке поддерживал Ленина в вопросе о войне.

Отвечая на риторические вопросы: "Каково же должно быть наше отношение, как партии, к существующей войне? Каковы те практические пути, которые могут повести к скорейшему прекращению войны?" – Сталин опровергает антивоенные установки Ленина, а также и Выборгского районного комитета и приводит, с его точки зрения, "несомненный" факт, "что голый лозунг "Долой войну!" совершенно не пригоден, как практический путь, ибо он... ничего не дает и не может дать в смысле практического воздействия на воюющие силы в целях прекращения войны".

Вынужденный ответить на вызов со стороны Корнилова Петроградский Совет на заседании 14 марта принял воззвание к народам всего мира, побуждая их заставить свои правительства закончить войну. "Нельзя не приветствовать" это воззвание, писал Сталин, хотя, по его мнению, само по себе оно отнюдь "не ведет прямо к цели", особенно в свете того факта, что, как он считает, нет никакой уверенности в том, что народ Германии будет в состоянии свергнуть у себя "полусамодержавные порядки".

Предполагаемое Сталиным решение – идентичное, как подчеркивал позднее Троцкий, решению меньшевистско-эсеровского руководства в Совете* – сводилось к тому, чтобы оказать "давление на Временное правительство с требованием изъятия им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры.

Рабочие, солдаты и крестьяне должны устраивать митинги и демонстрации, они должны потребовать от Временного правительства, чтобы оно открыто и во всеуслышание выступило с попыткой склонить все воюющие державы немедленно приступить к мирным переговорам на началах признания права наций на самоопределение".

Когда позднее статья была переиздана, она вызвала замешательство у Сталина, и, вынужденный как-то объяснить свои рас-

* Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 260.

хождения с Лениным по вопросу о войне, он признал, что выступил в статье "О войне" с "глубоко ошибочной позицией", "поскольку она сеяла пацифистские иллюзии, способствовала укреплению позиции оборончества и мешала революционному воспитанию масс".

Сталин, однако, не удосужился даже упомянуть следующее: в статье 1917 года он упустил из виду, что Ленин проводил тогда резкую грань между своей собственной позицией и позициями других социалистических партий и группировок. Игнорировалось и то обстоятельство, что обнародованный 27 февраля Русским бюро ЦК манифест имел гораздо более четкую антивоенную направленность и более тесно смыкался с позицией Ленина. В статье "О войне" вновь, как и в первой статье Сталина, поражает степень его неосведомленности относительно ключевых проблем большевистской политики в том виде, в каком они были определены Лениным.

Небольшая статья без подписи "На пути к министерскому портфелю", опубликованная Сталиным в "Правде" 17 марта, является чем-то вроде расширенного примечания к статье "О войне"*. Здесь Сталин комментирует резолюции, принятые несколькими днями раньше одной из групп, именовавшей себя группой "Единство", которую организовал и возглавлял ветеран российского марксизма Г. В. Плеханов. Группа "Единство" призывала в своих резолюциях к "участию рабочей демократии во Временном правительстве" и к продолжению пролетариатом войны, одной из целей которой является "освобождение Европы от угроз австро-германской реакции".

Вновь Сталин отождествлял свою позицию по вопросу о войне с позицией социал-демократической партии, определенной Циммервальдской и Кинтальской резолюциями, выступая против оборончества и против участия во Временном правительстве. Исходя из этого, Сталин выступал против лозунга группы "Единство", призывающего к объединению различных социалистических группировок и партий. Вместе с тем он безоговорочно принял идею объединения или слияния большевиков с другими социалистами на основе решений Циммервальдской и Кинтальской конференций.

Статьи "О войне" и "На пути к министерскому портфелю" — ценный ключ для выяснения происхождения идей Сталина в первую неделю по возвращении в Петроград. Обе статьи отражают обстановку и интеллектуальную атмосферу, царившую в Исполнительном комитете Совета, куда был определен Сталин четырнадцатого числа. Вместе с тем в этих статьях нет никаких признаков того, что Сталин воспринял или разделял взгляды больше-

* Сталин И. В. Соч. т. 3, с. 9-10.

виков. Удар мурановско-сталинского партийного переворота был нацелен на то, чтобы вытеснить большевиков, входивших в руководство Совета, и дискредитировать их подход к стоявшим перед партией проблемам. Попав в обстановку бюрократической говорильни, к которой стремительно скатывался Исполнительный комитет, Сталин, не отдавая себе в этом отчета, механически воспроизвел характерные для этой среды взгляды. Было бы бессмысленным искать истоки воззрений Сталина середины марта 1917 года в его ранних публикациях; в трудные годы ссылки он, в сущности, растерял теоретический багаж, накопленный за предыдущие полтора десятилетия революционной деятельности. Вот почему он с такой готовностью ухватился за первые попавшиеся идеи, особенно если казалось, что они помогают определить путь к власти. А для Сталина в марте 1917 года достаточно прямой путь к власти лежал, по всей видимости, через Исполнительный комитет Совета, а не через высокомерное, раздираемое противоречиями Бюро ЦК. Обеспечив себе место в редколлегии "Правды" и проникнув в Исполнительный комитет, Сталин явно не считал момент удобным для того, чтобы подчеркивать непримиримость большевистских позиций.

Член Исполнительного комитета

Прием, который оказали Сталину его большевистские собратья в Русском бюро, был чрезвычайно холоден, и то проворство, с которым он с помощью Муранова и Каменева преодолел это противодействие, вызвало у тех, кого он оттолкнул, чувство горечи, мучившее их даже годы спустя. В Исполнительном комитете Совета, напротив, Сталина тепло встретили братья-грузины, в том числе председатель Совета меньшевик Николай Чхеидзе и главный теоретик Ираклий Церетели*.

Казалось, Сталин поспешил воспользоваться теми возможностями, которые давало ему назначение в Исполнительный комитет Совета, где преобладающим влиянием пользовались меньшевики и эсеры, чтобы активно проводить твердую большевистскую линию. На деле, однако, все происходило совершенно иначе. Исполнительный комитет оказался тем вождленным Олимпом, где Сталин мог трудиться бок о бок с политическими деятелями, выдвинувшимися на новом этапе революции, и жадно усваивать их взгляды. Троцкий дал едкую, но в общем-то точную характеристику роли Сталина в Исполнительном комитете:

"Не осталось вообще от тех дней ни одного заявления, предложения, протеста, в которых Сталин сколько-нибудь члено-

* Deutscher I. Op. cit., p. 182.

раздельно противопоставил бы большевистскую точку зрения политике мелкобуржуазной демократии**.

Затем Троцкий приводит цитату (Суханова. — *Прим. перев.*), в которой воплощен ставший чуть ли не самым известным образ Сталина в период революции:

”У большевиков в это время, кроме Каменева, появился в Исп. комитете Сталин... За время своей скромной деятельности в Исп. комитете производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать***.

Эту цитату о ”сером пятне” многократно приводили в различных публикациях. Она порой служила чем-то вроде всеобъемлющей характеристики роли Сталина в революции вообще. Несомненно, она не предназначалась для того, чтобы толковать ее в столь уничижительном смысле, и не должна использоваться в подобных целях***.

Сталин о перспективах революции

К моменту публикации в ”Правде” четвертой статьи, ”Об условиях победы русской революции”, прошло уже достаточно много времени, чтобы у Сталина сформировалось довольно четкое, логичное представление о перспективах развития революции, опасностях, которые ее подстерегают, и тех мерах, которые следовало предпринять, чтобы избежать этих опасностей****. То, как понимал все это Сталин, было в основном идентично установкам Исполнительного комитета Совета о ”революционной демократии”. В картине, которая сложилась у Сталина, в общем не было ничего большевистского, зато было много такого, против чего неизменно резко и энергично выступал Ленин.

Так же как и в статье ”О войне”, Сталин пишет о существовании раскола между революционным Петроградом и ”инертностью” провинции; этот раскол нашел свое выражение, как он полагал, в ”двоевластии” или фактическом разделе ”власти между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов”. Первый он назвал органом ”умеренной буржуазии”, второй — ”органом революционной борьбы рабочих и крестьян”.

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 267.

** Суханов Н. Н. Записки о революции. В 7 томах. Берлин, 1922—1923, т. 2, с. 265.

*** Тускет Р. С. *Op. cit.*, p. 178—179.

**** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 11-15.

Полностью игнорируя тот факт, что Москва уже перешла на сторону революции, Сталин заявил, что раскол, который он наблюдает между Петроградом и остальной Россией — “провинцией”, — представляет для революции как опасность, поскольку ослабляет ее, так и благоприятные возможности, поскольку провинция, следуя примеру Петрограда, уже стряхивает с себя инертность и “революционизируется”. Необходимо, заявил Сталин, “общероссийский орган революционной борьбы всей российской демократии, достаточно авторитетный для того, чтобы спаять воедино столичную и провинциальную демократию и из органа революционной борьбы народа превратиться в нужный момент в орган революционной власти, мобилирующий все живые силы народа против контрреволюции.

Таким органом может быть лишь Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”.

Сталин снова, как и в своей первой статье, выдвигал идею, которая явно не пользовалась поддержкой среди населения и представляла собой часть беспартийной платформы. Всероссийский Совет, как и та надуманная проблема, которую он был призван решить, представлял собой плод воображения Сталина, свидетельствуя о том, как далек он был как от политического реализма, так и от большевистской ортодоксальности. И все же не следует спешить с оценкой этой его работы. Сталинского Всероссийского Совета никогда не было в природе, однако его черты явно проступали во Всероссийском съезде Советов, от чьего имени восемь месяцев спустя большевики действительно захватили власть. Сталин совершенно справедливо заметил, что в так называемой провинции создаются Советы рабочих депутатов, а также крестьянские и солдатские “союзы”. Однако он еще не осознал тех возможностей, которые были заложены в общенациональной сети Советов, объединенных в единое целое и увенчанных Всероссийским съездом. Идея создания единой сети Советов была впервые сформулирована в последние месяцы 1905 года, в ходе революции. Однако стремительное развитие событий, принесшее поражение Декабрьского вооруженного восстания в Москве, а вместе с ним и революции 1905 года, помешало реальному воплощению этой идеи. Даже если бы кто-нибудь и напомнил тогда об опыте 1905 года, все равно в марте 1917-го невозможно было предсказать, какое влияние окажет образование Всероссийского съезда Советов на восстание, которое приведет большевиков к власти в октябре.

Вторым условием победы революции Сталин считал образование рабочей гвардии, “немедленное вооружение рабочих”. Мысль его сводилась к тому, что регулярная армия уже стала “народной по духу” — факт, объяснявший ту “сравнительную легкость, с какой разразилась и победила у нас революция”. Сталин сильно преувеличивал степень радикализации армии, так же как, судя

по всему, не отдавал себе отчета и в разнице между частями Петроградского гарнизона, чья поддержка восставших рабочих сделала возможной победу Февральской революции, и солдатами действующей армии, подавляющее большинство которых все еще подчинялось военной дисциплине и было готово присягнуть в верности законному правительству, будь то царскому или Временному. Если на основании статьи "Об условиях победы российской революции" оценивать военные способности автора, то она сделала бы мало чести будущему генералиссимусу.

Весьма нелогичным было и третье из выдвинутых Сталиным условий — немедленный созыв Учредительного собрания. Здесь Сталин просто-напросто обратился к одному из дежурных рецептов из арсенала "революционной демократии", с которым на словах соглашались даже большевики. Целые поколения российских революционеров рассматривали созыв Учредительного собрания как некую конечную цель, венец и награду всех трудов, дающую русскому народу долгожданную возможность самому определять будущее государственное устройство. Сталин, однако, явно запямятовал, что он только что призывал к созданию Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и к его превращению в орган революционной власти, провозгласив это первым условием победы революции. Каковы же тогда должны были быть взаимоотношения между этим суперсоветом и тем Учредительным собранием, которое Сталин представляет как "единственное авторитетное для всех слоев общества учреждение"? Он не дает по этому поводу никаких объяснений, да и не смог бы их дать, ведь между первым и третьим из его условий лежит непреодолимая пропасть.

В заключение Сталин добавляет несколько слов об "общем условии" проведения всех этих мер: его он видит в "скорейшем открытии мирных переговоров, при условии прекращения бесчеловечной войны", — все выглядит так, словно эта мысль пришла ему в голову в самый последний момент.

Вновь высказывая полное пренебрежение к ленинским публикациям о войне, Сталин называет продолжение войны тем "подводным камнем, о который может разбиться корабль революции". А ведь на самом деле разбиться об этот подводный камень суждено было не революции, а Временному правительству; большевикам же, как это быстро понял Ленин, продолжение войны давало прекрасную возможность попытаться захватить власть, измотать противников и дискредитировать соперников.

"Правда" редактирует Ленина

Итак, после первой серии публикаций Сталина в "Правде" наступило недельное молчание, об эволюции его мышления в тече-

ние этой недели мы ничего не знаем. А между тем именно тогда перед редакторами "Правды" — особенно перед Каменевым и Сталиным — встала грандиозная по своей значимости задача. Дело в том, что 19 марта Коллонтай доставила в редакцию "Правды" ленинские "Письма издалека" — одно из них, а возможно, и два.

Рассматривая письмо первое в контексте сталинских публикаций в "Правде" в марте 1917 года, нельзя не восхищаться широтой ленинских идей, емкостью выражений и дерзостью перспектив*. В то время как Сталин, находясь в самом эпицентре, в Петрограде, все еще неуверенно и осторожно нащупывал свой путь, Ленин по-прежнему вдали от России сумел не только моментально уловить главное в сложившейся ситуации, определить место Февральской революции в логически последовательной цепи акций начиная с 1905—1907 годов и в общей картине событий, включавшей множество воинственных и измотанных войной государств, но и наметить отправные моменты большевистской стратегии, принесшей партии победу восемь месяцев спустя. Ленин безжалостно бичует Временное правительство — в отличие от Каменева и Сталина, которые настаивали на необходимости оказать ему какую-то поддержку. Временное правительство, писал Ленин, не может дать ни мира, ни хлеба, ни свободы.

"Мира — потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистической бойни, правительство грабежа...

Хлеба — потому, что это правительство буржуазное.

...Свободы — потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа..."

Текущий момент Ленин определил как "переход от первого ко второму этапу революции", считая союзниками пролетариата в данной революции, во-первых, широкую "массу полупролетарского и частью мелко-крестьянского населения в России" и, во-вторых, "пролетариат всех воюющих и всех вообще стран". При помощи этих двух союзников, с уверенностью предсказывал он, пролетариат России "может пойти и пойдет... к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьян над помещиками... а затем к *социализму*, который один даст измученным войной народам *мир, хлеб и свободу*".

Этот мощный поток интеллектуальной энергии поверг Каменева и Сталина в некоторое замешательство. Полностью обойти молчанием такое письмо, сделав вид, будто его вовсе не существует, было бы уж слишком явным посягательством на руководящую роль Ленина. Однако печатать его целиком значило бы поставить под угрозу те достаточно удобные рабочие взаимоотношения, которые они — за счет проводимой начиная с 12 марта

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11-47.

переориентации большевистской политики — установили с другими представителями "революционной демократии". Решение, которое нашли Каменев и Сталин, было паллиативным: они напечатали примерно четыре пятых ленинского текста, вырезав из него наиболее язвительные упоминания о Временном правительстве и меньшевистских лидерах Совета — тех лидерах, чьим мнением они так дорожили и с которыми им удалось найти общий язык по основным вопросам текущего момента.

В 1924 году Каменев отрицал — из-за провала в памяти или, что более вероятно, замешательства, — что Коллонтай доставила 19 марта 1917 года и второе письмо Ленина. Однако если предположить, что письмо действительно попало в редакцию "Правды", то редакторы расправились с ним еще более решительно — они просто умолчали о нем и сдали в архив. Письмо было извлечено на свет божий спустя почти семь лет, уже после смерти Ленина.

Сталин знал об этих письмах. Свою осведомленность он выдал тем, что на время удалился со сцены — обычная его реакция на неожиданно возникающие проблемы. Целую неделю он ничего не писал для "Правды", а когда 25 марта возобновил свои публикации, то выбрал относительно безопасную тему: его очередная статья была посвящена национальному вопросу и будущему государственному устройству России. Те, кто позже будет фабриковать легенды о Сталине как ближайшем соратнике и самом верном стороннике Ленина в 1917 году, вряд ли найдут в этом эпизоде полезный для себя материал. Всегда чувствуя замешательство в присутствии интеллектуальной силы и к тому же не слишком уверенный в той позиции, которую сам занимал, Сталин предпочел оказать осторожную поддержку находившемуся поблизости и здравомыслящему Каменеву, а не Ленину, далекому и непредсказуемому.

Сталин о национальном вопросе

Находясь в сибирской ссылке, Сталин написал — во всяком случае, так он утверждал позднее — статью о национальных меньшинствах в таком многонациональном государстве, как Россия. Эта статья под заголовком "О культурно-национальной автономии" была якобы закончена им к февралю 1916 года. В хронологии жизни Сталина, включенной во второй том его сочинений, утверждалось, что 5 февраля 1916 года он написал по поводу этой статьи письмо в "Заграничный партийный центр", а 25 февраля отправил по тому же адресу второе письмо, в котором спрашивает о статье, "пересланной им за границу". Его должна была доставить по назначению Инесса Арманд*.

* Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 423.

В опубликованных в 1946 году воспоминаниях Анна Аллилуева утверждала, что ее отец Сергей Аллилуев передал по просьбе Сталина рукопись статьи Ленину, однако нет никаких доказательств ни того, что она к нему попала, ни того, что она была опубликована. Советский исследователь М. А. Москалев писал в 1947 году, что рукопись была перехвачена царской цензурой и конфискована. По утверждению Москалева, рукопись все еще находится в архивах охраны в Красноярском крае*²⁰. Это могло бы объяснить, почему она так и не дошла до Ленина, однако тогда встает более серьезный вопрос: почему статья не была включена в собрание сочинений Сталина, второй том которого кончается статьей, относящейся к 1913 году, а третий начинается статьей о Советах, написанной вскоре после возвращения Сталина в Петроград в марте 1917 года и опубликованной в "Правде". Таким образом, в официальной летописи сочинений Сталина обнаружился неприличный четырехлетний пробел, который можно было бы заполнить продуманным очерком по национальному вопросу.

Противоречивые сведения дают право на существование различных гипотез. Сталин мог вообще не написать никакой статьи. В этом случае записи, на которые делается ссылка в хронологии второго тома сталинских сочинений, могли быть фальсификацией, так же как воспоминания Анны Аллилуевой и книга Москалева. Даже если согласиться с тем, что такая фальсификация вполне вероятна, все равно она представляется малореальной, ведь все свидетели единодушно признавали, что статья действительно существовала, и расходились лишь в деталях, излагая историю ее пересылки. Такое расхождение между различными источниками информации вполне допустимо, так что вряд ли здесь уместно говорить о намеренном искажении фактов. Следует отметить, что все они всплыли в 1946–1947 годах, когда шла подготовка издания сочинений Сталина и вопрос о его деятельности в ссылке в 1913–1916 годах требовал срочного ответа. В сущности, вполне вероятно, что Сталин в долгие и томительные годы ссылки мог попытаться продолжить работу по национальному вопросу, ведь эта проблема его действительно интересовала, кроме того, его первый очерк на эту тему был благосклонно принят Лениным. Взвесив все это, следует считать маловероятной версию о том, что свидетельства, подтверждавшие факт существования рукописи, были сфальсифицированы. Сталин действительно что-то написал по национальному вопросу. Но что же именно? И что произошло с рукописью потом?

* Москалев М. А. Русское бюро большевистской партии: 1912–март 1917 г. М., Госполитиздат, 1947; его же: Бюро Центрального комитета РСДРП в России, август 1903 – март 1917 г. М., Издательство политической литературы, 1964, с. 186.

Некоторые авторы полагают, что статья, возможно, попала к Ленину и не была опубликована из-за ее низкого уровня. Дейчер, например, пишет:

"Она (статья — *Р.С.*) так и не была опубликована; либо она потерялась по дороге, либо не соответствовала уровню его (Сталина — *Р.С.*) предыдущих работ и не понравилась Ленину"*.
Не похоже, чтобы Ленин мог уничтожить пусть даже и не понравившуюся ему статью члена партии, даже не уведомив его о ее получении или не попытавшись связаться с автором с целью получить от него работу получше. Рассуждая таким образом, Такер предположил наличие связи между пропавшей статьей и двумя запросами, которые предпринял Ленин в 1915 году, пытаясь выяснить забытую им фамилию Сталина (Джугашвили)**.
Первое письмо, адресованное Зиновьеву, не было датировано, однако, согласно утверждению редакторов пятого издания Собрания сочинений Ленина, оно было написано не позднее 23 июля 1915 года***. В этом письме Ленин спрашивает: "Не помните ли вы фамилию *Кобы*?" Коба — партийная кличка, под которой Сталин был более всего известен до 1917 года.

Второй запрос, содержащийся в письме к В. А. Карпинскому, которое редакторы датировали как написанное "раньше 8 ноября (1915 года)", звучал более настойчиво:

"Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т.п.) фамилию "*Кобы*" (Иосиф Дж...? Мы забыли). Очень важно!!!**** (Имена двух людей, на которых Ленин указал в качестве возможных источников информации, были партийными псевдонимами живших в эмиграции грузин — Н. Д. Кикнадзе и М. Г. Цхакая, — которые могли знать настоящую фамилию своего земляка.)

Между тем предположение Такера о существовании связи между этими письмами и исчезнувшей рукописью представляется маловероятным. Как свидетельствует хронология, приведенная во втором томе сочинений Сталина, он выслал рукопись не раньше февраля 1916 года, то есть через три месяца после второго запроса Ленина.

В то время когда Ленин пытался выяснить настоящую фамилию Сталина, он как раз предпринимал шаги по восстановлению Русского бюро Центрального Комитета, в состав которого Сталин был кооптирован в 1912 году. В переписке Ленина, относящейся к периоду до 1917 года, о Сталине упоминается в последний раз в письме к Карпинскому от августа 1915 года. Ленин

* Deutscher I. Op. cit., p. 124.

** Tucker R. C. Op. cit., p. 157.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 101.

**** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 161.

пишет: "Коба прислал привет и сообщение, что здоров"* . Два дня спустя Ленин написал Шляпникову, что он считает "крайне важным" восстановить Русское бюро**. Уже ближе к середине августа – редакторы датируют это письмо "не позже 13 сентября" – Ленин написал Шляпникову о том, что тот кооптирован в Центральный Комитет***. То же самое, и почти по тем же самым причинам, было предпринято в 1912 году в отношении Сталина – в обоих случаях речь шла либо об организации (в 1912 году), либо о реорганизации (в 1916 году) Русского бюро ЦК. Шляпников не мог выполнить задачу по восстановлению Русского бюро, пока не вернулся в ноябре 1915 года в Россию****. Именно в это время Ленин и написал письмо Карпинскому, в котором сделал срочный запрос о фамилии Сталина.

Этот факт свидетельствует о том, что причины, по которым Ленин стремился срочно узнать фамилию Сталина, были связаны с какими-то проблемами, возникшими при восстановлении Русского бюро, а вовсе не с рукописью Сталина. Если же запросы по этому поводу летом и осенью 1915 года нельзя связать с пропавшей статьей, то получается, что в ленинских письмах нет никаких упоминаний об этой рукописи или относившейся к этому переписке.

По свидетельству Москалева, приведенному в его книге, изданной в 1947 году, рукопись по-прежнему находилась в Красноярске, а согласно утверждению Анны Аллилуевой в 1946 году, ее отец отправил рукопись Ленину. Как разрешить это непримиримое противоречие? Сведения на этот счет, полученные из ленинского секретариата, подтвержденные заслуживающей доверия Крупской, позволяют серьезно усомниться в достоверности рассказа Анны Аллилуевой. Нам остается поверить Москалеву и считать, что в 1947 году рукопись все еще находилась в Красноярске. В таком случае почему же редакторы сталинских сочинений упустили эту уникальную возможность и не включили в собрание сочинений статью Сталина, подтверждавшую его претензии на научные изыскания в ссылке? Не потому ли, что ее публикация в 1946 году ставила бы под сомнение правомерность претензий Сталина на роль теоретика по национальному вопросу? То, что это верное объяснение, убедительно подтверждают две статьи по национальному вопросу, опубликованные Сталиным в марте 1917 года в "Правде" и, вероятно, отражавшие

* Там же, с. 131.

** Там же, с. 132–133.

*** Там же, с. 141–142.

**** Ш л я п н и к о в А. Г. Канун семнадцатого года. В 2 томах. Москва и Петроград. Госиздат, 1923, т. 2, с. 137–138, 187. – Цит. по: G a n k i n О. Н., F i s h e r Н. Н. The Bolsheviks and the World War. Stanford, Stanford University Press, 1940, p. 207, n. 114.

результаты его зрелых размышлений об этом предмете. Первая статья, "Об отмене национальных ограничений", появилась 25 марта, вторая — "Против федерализма" — три дня спустя*.

В начале статьи "Об отмене национальных ограничений" автор весьма самоуверенно заявляет, будто источником угнетения национальных меньшинств является "отживающая земельная аристократия". Делая краткий обзор ситуации в мире, Сталин обнаруживает изрядное невежество относительно социального устройства в ряде стран, начиная со "старой России". В России, писал Сталин, во времена, "когда у власти стояла старая земельно-крепостническая аристократия (интересно знать, когда это могло быть? — *Р.С.*), национальный гнет действовал вовсю, выливаясь нередко в погромы (еврейские погромы) и резню (армяно-татарская резня)". Сталин быстро разобрался с Англией, усмотрев, что управление этой страной делят между собой земельная аристократия и буржуазия, и заметив там относительно мягкую форму национального угнетения. Затем Сталин переходит к Швейцарии и к "Северной Америке" (явно имея в виду Соединенные Штаты. — *Р.С.*), где, по его мнению, преобладали идиллические условия: "лэндлордизма нет и не бывало", а "власть безраздельно в руках буржуазии", так что "национальности развиваются свободно, национальному гнету, вообще говоря, нет места". Негров и индейцев Северной Америки для Сталина, судя по всему, просто не существовало.

Этот весьма шаткий фундамент и скудную информацию Сталин пытается использовать для выведения ничем не обоснованного общего принципа:

"Снять с политической сцены феодальную аристократию, вырвать у нее власть — это именно и значит ликвидировать национальный гнет, создать фактически условия, необходимые для национальной свободы".

Вновь обратив свой взор на Россию, Сталин исходит из факта полной победы революции:

"Поскольку русская революция победила (! — *Р.С.*), она уже создала эти фактические условия, ниспровергнув феодально-крепостническую власть и установив свободы".

Единственное, что, по мнению Сталина, еще оставалось сделать, — это обеспечить гарантии соблюдения этих только что завоеванных прав, осуществив "1) оформление прав освобожденных от гнета национальностей" и "2) законодательное их закрепление". Здесь Сталин вспоминает о только что принятом Временным правительством декрете, отменившем правовое и социальное неравенство на основе национальной принадлежности; изложив вкратце его основные положения, он удостоивает декрет сдержанного одобрения: "Все это очень хорошо".

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 16–19, 23–28.

Вместе с тем, предостерегает Сталин, необходимо предпринять шаги для "обеспечения национальной свободы". Во-первых, в правительственном декрете никак не оговорено, что национальные меньшинства могут пользоваться своим родным, а не русским языком в школах и общественных учреждениях, таких, как парламенты. Во-вторых, — и здесь наконец-то чувствуется, что Сталин в какой-то мере осознает необходимость разобраться в реальном положении вещей, обуславливающих решение национальных проблем, — следует перейти к осуществлению "положительного плана, обеспечивающего уничтожение национального гнета". Для этого необходимо: 1) политическая автономия (Сталин подчеркивает, что *не* имеет в виду федерацию) "областей, представляющих целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения..." и 2) "право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут остаться в рамках государственного целого".

Лишь в заключительной фразе Сталин вдруг что-то напоминает из своего марксистского образования:

"Таков путь, ведущий к действительному уничтожению национального гнета, к обеспечению максимума свободы национальностей, возможного при капитализме".

Все это заставляет вспомнить о той саркастической оценке, которую дал сталинским утверждениям Троцкий: "насквозь проникнуты духом вульгарной демократии и ограниченности", — и о вполне обоснованном приговоре, который он вынес Сталину как теоретика:

"Автор не продвинулся теоретически вперед с начала столетия; более того, он как бы совершенно позабыл собственную работу по национальному вопросу, написанную в начале 1913 г. под указку Ленина"*.

Несколько дней спустя, когда Сталин вновь возвращается к национальному вопросу, он начинает с анализа статьи некоего И. Окулича "Россия — союз областей", напечатанной в эсеровской газете "Дело народа". В полном соответствии с эсеровской позицией Окулич предлагал превратить Россию в федеративное государство, в котором Украина, Грузия, Туркестан и т.д. будут пользоваться "внутренним суверенитетом" в рамках федерального союза, так же как, по мнению автора, американские колонии в 1776 году. Центральное правительство, предлагал Окулич, сохраняло бы за собой контроль за армией, финансами, внешней политикой и за единым верховным судом, в остальном же "да будут свободны в самостоятельном творчестве новой жизни

* Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 261. T r o t s k y L. The History of the Russian Revolution. 3 vols. N. Y., Simon & Schuster, 1932–1933, v. 3, p. 53.

отдельные области единого государства”*

Благосклонно признавая, что статья ”интересна... оригинальна” и ”заинтересовывает”, Сталин отвергает ее как ”странное недоразумение”, в основе которого лежит ”более чем легкое обращение с фактами из истории государственного строя Северо-Американских Соединенных Штатов (а также Швейцарии и Канады)”. После этого Сталин немедленно приступает к изложению своего собственного варианта истории США, которую он изображает как переход от ”конфедерации дотоле независимых колоний или штатов”, какой они были в 1776 году, к ”федерации”, установившейся в результате победы северных штатов в Гражданской войне. Такая структура, утверждает Сталин, оказалась ”невыносимой”, и ”в результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в унитарное (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно-политической) штатов, допускаемой этими нормами”.

Лишь по названию можно, с точки зрения Сталина, считать современные Соединенные Штаты федеративным союзом штатов:

”Название ”федерация” по отношению к Соединенным Штатам превращается в пустой звук, пережиток прошлого, давно уже не соответствующий действительному положению вещей”.

Сходную эволюцию, по мнению Сталина, претерпело государственное устройство Канады и Швейцарии:

”...Развитие шло от независимых областей **через** их федерацию к унитарному государству...” Далее следует, что ”тенденция развития идет не в пользу федерации, а **против** нее. Федерация есть переходная форма”, поскольку ”развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенденциями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни”.

Поскольку, по утверждению Сталина, это представляло собой очевидную историческую тенденцию, то, следовательно, ”неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение”.

Перечисляя все доводы, призванные опровергнуть аналогию Окулича между Россией 1917 года и Соединенными Штатами 1776 года, Сталин предлагает свое собственное ”решение национального вопроса”, которое он называет ”настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным”. Оно представляет собой комбинацию двух принципов (и здесь, просим прощения у Троцкого, Сталин убедительно продемонстрировал, что не совсем еще забыл свой очерк 1913 года):

”1) право на отделение для тех наций, населяющих известные

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 23.

области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и оставшихся в рамках целого”.

В декабре 1924 года, менее чем через год после смерти Ленина, когда вновь возникла идея напечатать этот очерк в сборнике документов о революции 1917 года, Сталин счел благоразумным снабдить его примечанием*. Обычно причина неловкости, которую испытывал Сталин за свои писания 1917 года, была связана с тем, что они во многом не соответствовали позиции Ленина. Здесь же, напротив, Сталин мог доказать, что отрицание им в 1917 году федерации как формы будущего государственного устройства России было *для того времени* самым что ни на есть правоверным ленинизмом. Он имел возможность процитировать письмо Ленина Шаумяну, написанное в ноябре 1913 года, где Ленин категорически заявлял: “Мы за демократический централизм, безусловно. ...Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства**.

Только с выходом в августе 1917 года работы Ленина “Государство и революция”, заявляет Сталин, «партия, в лице Ленина, делает первый серьезный шаг к признанию допустимости федерации как переходной формы к “централистической республике”»***.

Так что на сей раз Сталин воспользовался счастливой возможностью объяснить свои “ошибки” марта 1917 года тем, что он просто следовал занятой Лениным в тот момент позиции в решении данного вопроса. Сталин благоразумно воздержался от попыток навязать Ленину те неверные исторические сведения, с помощью которых он сам стремился найти оправдание своего неприятия федерализма.

Однако здесь речь шла о чем-то более важном, чем простая коррекция позиции, которой он придерживался на заре революции и которая с тех пор давно изменилась. Неловкость, которую испытывал Сталин в 1924 году, происходила от того, что у него были все еще свежи воспоминания о той ожесточенной и мучительной борьбе, которую он вел с Лениным как раз по этому самому вопросу, а также о строгом выговоре, полученном им от Ленина за проведение на посту комиссара по делам национальностей слишком жесткой централизованной политики в районах, где проживали национальные меньшинства, в том числе и в Гру-

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 28–31.

** Там же, с. 28.

*** Там же, с. 29.

зии²¹. Если бы статья, относившаяся к марту 1917 года, была перепечатана в 1924 году без пояснений, то это слишком уж явно напомнило бы осведомленным членам партии, что централистские тенденции в статье "Против федерализма" отражали настоящие убеждения Сталина, которые мотивировали его дальнейшую политику, а такую политику Ленин осуждал. Таким образом, примечание, сделанное автором в декабре 1924 года, в действительности является не самокритикой, как это могло бы выглядеть на первый взгляд, а самооправданием. На самом деле Сталин в этом примечании говорил: "Возможно, позиция, которую я занимал в марте 1917 года, и ошибочна, но если это так, то это ошибка Ленина, а не моя".

Сталин требует отставки Милюкова

Наверное, из всех статей, опубликованных Сталиным в "Правде" в марте 1917 года, наибольший эффект произвел короткий комментарий "Или — или", напечатанный 23 марта и посвященный интервью, которое дал министр иностранных дел Временного правительства и лидер конституционных демократов (кадетов) Павел Милюков*. Хотя статья была без подписи, она вошла в собрание сочинений Сталина, и ее подлинность явно не вызывала у исследователей никаких сомнений. Если считать авторство Сталина бесспорным, то эта статья подкрепляет его репутацию тонкого и находчивого политического обозревателя.

В интервью Милюков, определяя военные цели России, относит к ним традиционные для царизма территориальные притязания: Константинополь и турецкая часть Армении у Турции, Галиция у Австро-Венгрии и северная часть Персии. Отдавая себе отчет в вопиющем несоответствии между этими империалистическими целями и манифестом Петроградского Совета, призывавшим к немедленному окончанию войны "без аннексий и контрибуций", министр юстиции Временного правительства Александр Керенский счел благоразумным сделать заявление о том, что точка зрения, высказанная Милюковым, отражает его личное мнение, а не позицию Временного правительства.

Автор "Или—или" весьма тонко подловил Милюкова, поставив его перед тяжелой конституционной дилеммой. Как либеральный политический деятель Государственной думы, Милюков неоднократно требовал, чтобы министры царского правительства были в своих действиях подотчетны думе. (В соответствии с Основными законами 1906 года только царь наделялся властью назначать и смещать министров, а дума, обладая правом обсуждать их деятельность и критиковать их политику, требовать их

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 20—22.

отставки не могла.) Теперь, как подчеркивал Сталин, сам Милюков, став министром Временного правительства, оказался дезавуирован представителем этого же самого правительства. Либо Милюков, следуя своим же собственным принципам, должен подать в отставку, либо следует признать неправомерным дезавуирующее его заявление Керенского, "и тогда революционный народ должен призвать к порядку Временное правительство, заставив его признать свою волю".

Прометчивое интервью Милюкова оказалось, следовательно, той вспышкой, которая высветила действительную ситуацию в российской политике: Керенский был всего лишь одним из министров Временного правительства, однако уже возложил на себя ответственность за проведение политики всего правительства. Между тем само Временное правительство пользовалось реальной властью лишь "постольку, поскольку" оно получало скупое одобрение со стороны Петроградского Совета, в чем Керенский, как это явствовало из его заявления, вполне отдавал себе отчет.

Умение своевременно осознать и четко сформулировать это положение — если принять версию, что Сталин действительно был автором этой неподписанной статьи, — безусловно делает ему честь. Однако тогда возникает вопрос, почему он не подписал ее или по крайней мере не поставил хотя бы инициалы. Или — как выразился бы Сталин — остальные члены редколлегии "Правды", в особенности Каменев, выразили недовольство резким тоном этой статьи и ее направленностью против Керенского и Временного правительства и настояли, чтобы статья публиковалась анонимно, или — хотя это кажется менее правдоподобным — позиция, представленная в статье, отражала некое согласованное мнение, консенсус всех членов редколлегии, включая и Каменева, и в этом случае ее публикация без подписи свидетельствовала бы о том, что она выражает мнение редколлегии в целом. Или Сталин начинает обретать свою собственную политическую пронитательность и интуицию, или он к тому времени уже настолько хорошо сработался со своими коллегами, что мог выступать от их имени.

Заслуживает внимания и еще один вариант: статья могла выражать общее настроение, преобладавшее в Исполнительном комитете Совета, где все эти взаимосвязанные между собой события — интервью, положившее всему начало, дезавуация со стороны Керенского и только что выпущенный Советом манифест о войне — могли вызвать самый живой интерес. Если это было именно так, тогда анонимность автора могла оказаться результатом благоразумного расчета, отражавшего некоторые хорошо известные черты Сталина: чем более дерзкий наносится удар, тем желательнее избежать опознания — а вдруг вылазка окажется слишком рискованной?

Какое бы объяснение ни оказалось правильным и кем бы ни был автор — будем считать, что это Сталин, — в любом случае статья выявила источники конфликта, которому вскоре суждено будет стать причиной первого серьезного кризиса Временного правительства.

Автор "Или—или" разделял с другими большевиками убеждение, что вопрос о целях войны имеет первостепенное значение. Правда, его позиция была значительно умереннее, чем Русского бюро ЦК, членом которого, кстати, был и Сталин. Принятая на заседании Бюро 22 марта резолюция, где выражалась эта позиция, была опубликована в том же номере "Правды", что и статья "Или—или". Русское бюро ЦК придерживалось линии, сходной с ленинской. Возможно, эта резолюция была инспирирована первыми двумя из "Писем издалека", полученными в Петрограде 19 марта. В резолюции, как указал Дэвид Лонгли, констатировалось:

"...1) что Временное правительство не в состоянии решить задач революции; 2) что Советы являются зародышем новой власти, которая в данный момент развития революции сможет удовлетворить требования восставшего народа; 3) тем временем Петроградский Совет должен внимательно контролировать действия Временного правительства и 4) консолидировать Советы и углублять революцию за счет вооружения всего народа и создания Красной гвардии"*.

Как заметил Дейчер, есть некая историческая ирония в том, что в марте 1917 года Сталин резко критикует Милюкова за экспансионистские военные цели, а "почти тридцать лет спустя он сам же выдвинет в собственном изложении некоторые из военных целей Милюкова"***. У Дейчера, как и у других биографов Сталина, создается впечатление, что Сталин представлял две мировые войны как две части единого непрерывного процесса и, став в 1941—1945 годах военным лидером, он часто действовал в направлении, обозначившемся еще в 1917—1918 годах. Сходную взаимосвязь можно, пожалуй, уловить и между чрезмерно упрощенными взглядами на природу войн, изложенными в статье "О войне" и замечанием, высказанным в 1945 году в беседе с М. Джиласом. В статье 1917 года он исключил возможность национально-освободительной войны на манер той, которую вела революционная Франция в 1792 году, на том основании, что эта война является империалистической и, следовательно, не угрожает политическим завоеваниям революции (ведь

* Longley D. A. The Divisions in the Bolshevik Party in March 1917. — "Soviet Studies", 14, N° 1, 1972.

** Deutscher I. Op. cit., p. 134.

молчаливо предполагалось, что Германия и ее союзники заинтересованы только в территориальных приобретениях). Джиласу же, имея в виду только что закончившуюся войну, сказал, что "эта война не такая, как другие"*.

Сталин на Всероссийском совещании большевиков

Резолюции Русского бюро от 22 марта были приняты в рамках подготовки к первому крупному совещанию большевиков периода революции — Всероссийскому совещанию, которое работало в Петрограде с 27 марта по 4 апреля. Оно открылось в партийном штабе, в особняке Кшесинской, а затем продолжило работу в Таврическом дворце, где раньше заседала Государственная дума. Одновременно открылось созданное по инициативе Петроградского Совета Всероссийское совещание Советов. Его работа продолжалась с 29 марта по 3 апреля.

Сталин уже приобрел статус одного из ведущих большевистских лидеров Петрограда. Именно ему поручили выступить на большевистском совещании с докладом — "Об отношении к Временному правительству"**. Содержавшийся в докладе анализ сложных классовых и экономических факторов, обусловивших Февральскую революцию и образование "двух правительств, двух сил" — Временного правительства и Петроградского Совета, — обнаруживал явное влияние первого из ленинских "Писем издалека". Однако Сталин не присоединился к безоговорочному требованию Ленина о непризнании Временного правительства. Для Сталина существование Временного правительства, во всяком случае на текущий момент, имело и свои положительные стороны: "Временное... правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа". Однако такое положение недолго продлится: "...буржуазные слои... неизбежно впоследствии должны отойти от нас". Между тем небольшая задержка выгодна и для партии: "Нам необходимо выиграть время, затормозив откалывание среднебуржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным правительством". Со временем политические проблемы уступят место социальным и "отколют среднебуржуазные слои". Временное правительство к этому моменту "из органа, закрепляющего завоевания революции", будет превращаться в орган, организующий контрреволюцию. Сталин считает, что этот процесс уже

* D j i l a s M. Conversations with Stalin. N.Y., Harcourt, Brace & World, 1962, p. 114.

** Протоколы всероссийского (мартовского) совещания партийных работников (27 марта — 2 апреля 1917 г.). — "Вопросы истории КПСС", 1962, № 5, с. 111—112.

зарождается: в армии организована агитация против Петроградского Совета, оказывается поддержка лозунгу "Война до победного конца!". Таким образом, для Сталина в отличие от Ленина вопрос, оказывать или не оказывать поддержку Временному правительству, не принадлежал к числу тех простых вопросов, на который можно найти ответ лишь на основании анализа классового состава этого правительства. Для Сталина это был вопрос тактический, где решающее значение приобретал фактор времени:

"Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку поддержка, поскольку же оно контрреволюционно, — поддержка Временного правительства неприемлема".

Сталин предостерегал против слишком поспешной пробы сил:

"Многие товарищи, приехавшие из провинции, спрашивают: не следует ли поставить вопрос о захвате власти сейчас же? Но поставить этот вопрос сейчас — несвоевременно. Временное правительство не так слабо. Сила Временного правительства в поддержке англо-французского капитала, в инертности провинции, в симпатиях... Мы должны ждать, пока Временное правительство исчерпает себя, когда, в процессе выполнения революционной программы, оно дискредитирует себя".

Когда настанет этот час, заявлял Сталин, то появится "единственный орган, могущий принять власть, — это Совет рабочих и солдатских депутатов во всероссийском масштабе". Здесь Сталин вновь возвращался к идее, выдвинутой им в статье в "Правде" от 14 марта; мысль о возможности созыва Всероссийского съезда Советов — даже несмотря на то, что уже во время этого выступления активно предпринимались первые шаги по организации такого съезда, — ему еще тогда в голову не приходила.

Доклад завершается рекомендацией тщательно подготовиться к предстоящей пробе сил:

"Мы... должны выждать момент, когда события обнаружат пустоту Временного правительства, и быть готовыми, когда события назреют, а пока — организовать Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов и укреплять его — в этом задача момента".

Сделав доклад, Сталин зачитал резолюцию о Временном правительстве, принятую 22 марта Русским бюро ЦК. В резолюции осуждалось правительство, которое "неспособно разрешить задачи, выдвинутые революцией", и звучал призыв к "сплочению сил вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, как зачатков революционной власти". Сталин, однако, совершенно ясно дал понять, что отдает предпочтение более умеренной позиции, принятой Красноярским Советом, где использовалась формулировка "постольку поскольку".

"Поддерживать Временное правительство в его деятельности лишь постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения

требований рабочего класса и революционного крестьянства в происходящей революции”.

Однако, выступая с заключительным словом, Сталин занял более критическую позицию:

”До сих пор революционная инициатива исходила от Советов рабочих депутатов. Совет рабочих депутатов заявлял, делал почин, грозил, а Временное правительство упиралось, боролось и, наконец, соглашалось. При таком положении дел можно ли говорить о поддержке такого правительства, можно ли говорить о том, чтобы правительство поддержало нас. Нелогично говорить о поддержке Временного правительства, наоборот, уместнее говорить о том, чтобы правительство не мешало нам проводить свою программу”.

Затем Сталин предложил не оказывать поддержки Временному правительству и взять это за основу резолюции. Тем не менее совещание единогласно проголосовало за резолюцию Исполнительного комитета, в которой недвусмысленно выражалась поддержка Временному правительству*.

Протоколы заседания от 29 марта включали предложение Якова Михайловича Свердлова, только что завершившего трудное путешествие из ссылки назад к цивилизации. Весьма характерно, что предложение Свердлова касалось скорее процедурного вопроса, чем существа дела, и было направлено на то, чтобы ускорить обсуждение выдвинутых на совещании вопросов. Его предложение ”прекратить прения, избрать комиссию и дать заключительное слово докладчикам” было принято.

Судя по всему, как раз после этого его короткого появления на сцене Свердлов был снова отправлен в путешествие, на сей раз на Урал, в Екатеринбург, для укрепления там местной партийной организации. Советские биографы Свердлова утверждают, что решение о назначении Свердлова было принято Центральным Комитетом партии. Если вспомнить, какой была структура большевистской партии на конец марта 1917 года, то можно, наверное, согласиться с мнением Улама о том, что подобное решение — дело рук Сталина и Каменева**. Роль Сталина в этом назначении — если допустить, что его целью было удаление Свердлова с политической арены, — согласуется с другими свидетельствами, указывающими на антипатию между ним и Свердловым.

Если Сталин действительно преследовал намерение удалить

* M c N e a l R. H. ed. Resolutions and Decisions of the Communist Party of the Soviet Union, 4 vols. Toronto, University of Toronto Press, 1974, v. I, p. 210.

** U l a m A. B. Op. cit., p. 132.

Свердлова, то тогда следует признать, что Свердлов расстроил намеченные планы и меньше чем через месяц снова оказался в Петрограде, на сей раз в качестве наделенного всеми полномочиями официального делегата Седьмой конференции. С этого момента возврата к прошлому уже не будет. Вплоть до своей безвременной кончины в марте 1919 года Свердлов будет находиться в нервном центре партийной машины, вырабатывающей и претворяющей в жизнь те политические решения, которые сыграли свою роль в определении судьбы партии, революции, Сталина.

В течение первых двух дней работы совещания, 30 и 31 марта, Сталин, судя по протокольным записям, почти не принимал участия в дискуссиях, тем заметнее было его появление на заседании 1 апреля, где главным был вопрос об объединении большевиков с левым крылом меньшевиков. Предложение об объединении выдвинул один из меньшевистских лидеров в Исполнительном комитете Совета Ираклий Церетели.

Сталин отнесся к предложению наиболее сочувственно: "Мы должны пойти (имеется ввиду предложенная встреча с меньшевиками). Возможно объединение по линии Циммервальда-Кинтале"* . Молотов высказал противоположную точку зрения:

"Церетели желает объединить разношерстные элементы. Сам Церетели называет себя циммервальдистом и кинтальцем, поэтому объединение по этой линии неправильно и политически и организационно".

Разошелся во мнении со Сталиным и Петр Залуцкий, также, как и Молотов, входивший в первоначальный состав Русского бюро до 12 марта. Он считал, что "по внешнему циммервальдско-кинталескому признаку объединиться... невозможно... Нужно вести массы за собой. Необходимо выставить определенную платформу".

Молотов и Залуцкий отстаивали позицию, которую они разделяли с Лениным. Однако это не остановило Сталина. Взяв на себя роль посредника и миротворца, он настаивал:

"Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия. Но есть один вопрос – объединять необъединимое невозможно. С теми, кто сходится на Циммервальде и Кинтале, то есть кто против революционного оборончества, у нас единая партия. Это демаркационная линия".

Дабы успокоить тех, кто опасался, как бы в результате переговоров партия не оказалась связанной обязательствами, вынуждавшими ее к объединению, Сталин добавил:

*Троцкий Л. Указ. соч., с. 266.

”Меньшевикам нужно заявить, что это пожелание является только пожеланием, только группы собравшихся сейчас, и это обязательно для всех большевиков. Мы должны идти на собрание и никаких платформ не выставлять. В рамках пожелания — созыв конференции на почве антиоборончества”.

Затем делегаты проголосовали за две альтернативные резолюции. Одну выдвинул Сталин, другую — Молотов. Сталин призвал к объединению с ”теми (меньшевиками. — *Р.С.*), которые стоят на точке зрения Циммервальда и Кинтала, т.е. антиоборончества”, Молотов — к подготовке сепаратной большевистской платформы. Обе резолюции сходились в том, что предлагаемое собрание с меньшевиками должно носить ”информационный” характер и не накладывать никаких обязательств.

Делегаты единогласно одобрили предложение Сталина принять участие в этой встрече. Инициатива принесла ему первую победу. Далее дискуссия развернулась по вопросу о том, как лучше провести переговоры. В. П. Милютин — первый ленинский комиссар по сельскому хозяйству, пострадавший впоследствии от сталинской чистки, — предложил избрать специальное бюро ”для сношения с центрами”, то есть с меньшевистскими и большевистскими лидерами. Сталин выдвинул контрпредложение, чтобы посредником в переговорах выступил Исполнительный комитет Петроградского Совета, который мог бы связаться с ”вождями меньшевиков-интернационалистов” по вопросу о созыве конференции. То, что это предложение было принято — только один голос, вероятно Милютина, был подан против, — свидетельствует о том, что к тому времени Сталин наладил отношения с бюрократическим аппаратом Исполнительного комитета Совета.

Свидетельством признания роли Сталина в этой дискуссии на совещании стало избрание его 1 апреля на заключительном заседании в состоявший из четырех человек комитет, созданный для проведения переговоров с меньшевиками. Сталину было поручено подготовить доклад по этому вопросу для предстоящего совместного заседания обеих партий.

В общем и целом достижения Сталина на первоапрельском заседании можно считать его пусть небольшим, но бесспорным триумфом. Он показал себя лидером, способным убедить совещание принять сформулированные им решения, он сделал тактические уступки, не жертвуя главными целями, и смог заставить делегатов проголосовать так, как хотел он.

В ретроспективе, однако, этот триумф оказался первоапрельской шуткой, которую сыграла с ним история. Добившись одобрения своей политики, Сталин, по сути дела, получил возможность сосредоточить свою деятельность в течение последующих нескольких дней на достижении цели, которая потом будет дезавуирована партией. То, что политические установки Сталина

шли вразрез с ленинскими принципами, было известно уже тогда. Многие члены партии, в том числе и Сталин, еще на мартовском совещании знали о решительном требовании Ленина не идти ни на какие компромиссы с другими партиями. Телеграмма Ленина от 6 марта к группе большевиков в Стокгольме, собиравшихся вот-вот отбыть в Россию, содержала суровое предостережение: "Никаких соглашений с другими партиями". Как свидетельствует протокол, эта телеграмма зачитывалась и обсуждалась 13 марта на заседании Русского бюро, на котором присутствовал и Сталин*. Именно это открытое нарушение Сталиным категорической инструкции Ленина превратило протоколы мартовского совещания в серьезный компрометирующий документ, подрывающий его позднейшие усилия изобразить себя верным последователем и непоколебимым сторонником Ленина. Отчасти чтобы усилить это впечатление, в 1946 году были опубликованы соответствующим образом препарированные историками партии воспоминания Сергея Аллилуева. В то время в связи с публикацией собрания сочинений Сталина был пересмотрен весь вопрос о взаимоотношениях Сталина и Ленина. В правдивое повествование Аллилуева было неуклюже вставлено явно придуманное заявление, которое хотя и отнесено к 1904 году, но несомненно претендовало на непреходящее значение:

"В многочисленных дискуссиях и спорах Коба (Сталин. — *Р.С.*) был грозой меньшевиков и всех тех, кто мирился с ними. Ленин за границей, в эмиграции, Коба здесь, в Закавказье, делали одно общее дело — закладывали основы новой, большевистской партии"**.

Более того, маячившее где-то впереди объединение отвлекло Сталина от надвигавшегося события, которому суждено было кардинально изменить не только большевистскую политику в революции, но и положение самого Сталина в партии. Через несколько дней должен был вернуться в Россию долгожданный вождь партии Ленин. Уже шла подготовка, призванная превратить встречу в достойный случай впечатляющий спектакль, был сформирован специальный комитет. Все эти спешные приготовления происходили без какого бы то ни было участия со стороны Сталина. Сосредоточившись на достижении своей цели — объединиться с левыми меньшевиками, он не смог осознать всей значимости возвращения Ленина ни для партии, ни для революции, ни для самого себя.

* Протоколы и резолюции..., с. 145–147.

** Аллилуев С. Пройденный путь. М., ОГИЗ, 1946, с. 110.

II.

АПРЕЛЬ

Возвращение Ленина

В понедельник вечером 3 апреля в Петроград вернулась еще одна группа большевиков, на сей раз не из сибирской ссылки, а с Запада, из эмиграции. В нее входили видные партийные деятели и сам вождь партии Ленин, более десятилетия назад уехавший и теперь возвращающийся на родную землю. Под влиянием жизни на Западе его взгляды стали более космополитичными, чем у многих товарищей по партии, в том числе и Сталина, проживших основную часть жизни в России. Теперь Ленин рассматривал российские события в международном контексте.

На пути к Финляндскому вокзалу поезд сделал кратковременную остановку на русско-финской границе. Там на станции Белоостров в вагон поднялась группа партийных функционеров во главе с Каменевым. Среди вошедших большевиков был — к большой удаче для историков — кронштадтский моряк Ф. Ф. Раскольников, рассказавший об этом эпизоде в опубликованных позднее воспоминаниях*. Раскольников живо воспроизвел первые слова Ленина, в которых слышалась не столько радость встречи, сколько резкий упрек:

“Что у вас пишется в “Правде”? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...”

Если верить воспоминаниям Раскольникова об этой сцене, то гнев Ленина пал в основном на голову Каменева. Среди встречавших Сталина не было, во всяком случае, ни один из очевидцев не помнит, чтобы он там присутствовал. Несмотря на то что мемуары Раскольникова были впервые опубликованы в 1923 году — в то время, когда на него не оказывалось никакого давления, которое бы заставляло его обелять в своих воспоминаниях Сталина, — Раскольников свидетельствовал, что Ленин не упоми-

* Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. — Л., Госиздат, 1925, с. 54; Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, Indiana University Press, 1968, p. 47.

нал о Сталине, хотя ленинский резкий выговор явно относился и к нему, ведь он разделял с Каменевым всю полноту ответственности за взятую недавно редакционную линию в редакционной деятельности "Правды". (Примечание, которое вставлено в воспоминания Раскольников, опубликованные в 1964 году, когда поднялась новая волна развенчивания культа Сталина, недвусмысленно дает понять, что Сталин был одним из главных объектов гнева Ленина*.)

Тем временем на Финляндском вокзале шла подготовка к основной праздничной церемонии встречи Ленина. Главным церемониймейстером был преданный Шляпников, а лидер Совета Чхеидзе выступал в роли представителя "революционной демократии", явившегося с официальными приветствиями по поводу возвращения большевистского лидера. Ценные сведения о празднествах на Финляндском вокзале мы можем почерпнуть из записок очевидца исторических революционных событий, меньшевика Н. Н. Суханова (Гиммера)**. Описание этой сцены, которое приводится у Суханова, стало классическим. Его записки следует прочитать всем, кто интересуется ролью Ленина в русской революции. Для нас, однако, свидетельство Суханова интересно главным образом потому, что — так же как и Раскольников в воспоминаниях о встрече в Белоострове — он ни словом не обмолвился о присутствии на празднествах Сталина. На Финляндском вокзале Сталина не было — на сей счет молчат и другие надежные свидетели происходившего.

Может показаться, что этот факт не так уж и важен. Кто-то может возразить: ну какое в конце концов имеет значение, присутствовал или не присутствовал там тот или иной конкретный партийный лидер, ведь речь идет всего лишь о прибытии еще одной группы утомленных, исхудавших путников, озабоченных тем, смогут ли они сориентироваться и найти себе место во взбудораженной России новой революционной эры. (Ленин, не знавший, как настроены власти в революционном Петрограде, был наполовину уверен, что сразу же по прибытии будет препровожден в тюрьму.) Рассуждая таким образом, некоторые биографы Сталина попросту обходят молчанием весь этот эпизод, спеша перейти к другим, более важным в их глазах событиям.

В отличие от своих биографов Сталин впоследствии предпринимал невероятные усилия, пытаясь "исправить" исторические факты: он либо включал себя в группу встречающих в Белоострове, либо — чаще всего — приписывал себе главную роль на

* Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М., Воениздат, 1964, с. 63–64; Smith E. E. Op. cit., p. 332.

** Суханов Н. Н. Указ. соч., т. 3, с. 26–27; см. также: Сагг Е. Н. Op. cit., v. I, p. 77–78.

церемонии на Финляндском вокзале. Ведь он считал, что не должно быть и тени сомнения в том, что он самый близкий и самый верный ученик Ленина. Незадачливым авторам воспоминаний — Раскольникову, Суханову и другим, кто не удосужился запомнить и засвидетельствовать присутствие Сталина, — пришлось потом заплатить за свои слишком уж достоверные воспоминания дорогую цену: Суханов был казнен по сфабрикованному обвинению в результате одного из первых показательных процессов сталинской эпохи, а Раскольников — ликвидирован (здесь это гангстерское выражение вполне уместно) головорезами сталинской тайной полиции после того, как он отказался вернуться в Россию, где был бы, практически вне всякого сомнения, уничтожен во времена "великой чистки"².

Устранение неудобных свидетелей было шагом на пути к созданию более подходящей версии событий, однако требовалось кое-что более весомое. Для этого были призваны сталинские придворные живописцы. Используя иллюзионистские приемы "социалистического реализма", они создали весьма внушительные полотна, запечатлевшие Сталина, приветственно протягивавшего руку навстречу выходявшему из поезда Ленину. Фотографии — вещь упрямая, хотя с помощью специальной жидкости можно без труда вымарать неудобные или одиозные фигуры, но не так-то просто вставить новые персонажи в уже существующие групповые снимки. К счастью для Сталина, в 1917 году фотографическая техника еще не шагнула так далеко, чтобы запечатлеть эту огромную, бурлящую толпу встречающих, да еще при искусственном освещении одного из перронов Финляндского вокзала, так что никаких относившихся к тому времени хроникальных фотодокументов не осталось. Однако ничто не могло помешать советским кинематографистам создать по указанию Сталина "историческую реконструкцию" этого события.

Эта реконструированная сталинистская версия церемонии 3 апреля выглядит как историческая встреча двух титанов революции — великого Ленина, направлявшего деятельность партии из-за границы и наконец-то воссоединившегося с не менее великим Сталиным, который верно поддерживал его в течение всех трудных предреволюционных лет. Теперь, наконец-то оказавшись вместе, они были готовы шаг за шагом вести партию к победе в октябре.

Именно так — после соответствующих "инструкций" — описывал эту "встречу" между Лениным и Сталиным гибкий Ярославский:

"3 (16) апреля Сталин выехал на станцию Белоостров, чтобы встретить Ленина. Это была радостная встреча двух вождей революции, двух вождей большевизма после долгой разлуки. Им обоим предстояла борьба за победу диктатуры рабочего класса, руководство борьбой революционного народа России. По дороге

в Петроград товарищ Сталин знакомит Ленина с положением дел в партии, с ходом революции”*

Легенда о Сталине как главе делегации, приветствующей вернувшегося Ленина, утвердилась в советской литературе столь прочно, что даже в 1960 году, семь лет спустя после смерти Сталина и четыре года спустя после атак Хрущева на ”культ личности”, официальные партийные биографы Ленина все еще числили Сталина среди тех, кто встречал Ленина**. Чтобы на время дискредитировать эту стойкую фальсификацию, потребовалась вторая волна хрущевской антисталинистской кампании, начало которой положил прошедший в октябре 1961 года XXII съезд партии. Но историки партии — упрямая, крепкая порода, и в четвертом томе официальной биографии Ленина, выпущенной в 1974 году под эгидой Института марксизма-ленинизма, каким-то неуловимым образом на далекой церемонии встречи Ленина вновь появилась призрачная фигура Сталина***.

Уяснив, таким образом, что Сталина не было среди встречающих Ленина, зададимся теперь вопросом, почему он отсутствовал. Возможны различные предположения. Так, Эдвард Э. Смит утверждает, что Сталин, возможно, ”предвидел критику со стороны Ленина, и это-то и могло быть причиной того, что он уклонился от участия в приветствиях по случаю его приезда”****. Однако какими бы пороками ни обладал Сталин, трусом он явно не был. Несомненно, он был осторожен, но отнюдь не труслив. И даже если Сталин предвидел выговор от Ленина, было бы ошибкой с его стороны пропустить возможность присутствовать при таком историческом событии.

Троцкий, который никогда не упускал случая высказать в адрес Сталина что-нибудь компрометирующее, сделал из отсутствия Сталина весьма очевидный вывод:

”Этот маленький факт лучше всего другого показывает, что между ним и Лениным не было ничего, похожего на личную близость”*****.

Объяснения Троцкого вполне справедливы, во всяком случае для периода, предшествовавшего возвращению Ленина, однако это лишь часть правды. Отсутствие Сталина — результат ошибки в расчете, ориентации на неверную шкалу ценностей. Действительная причина заключалась в том, что у Сталина в тот

* Я р о с л а в с к и й Е. О товарище Сталине. М., ОГИЗ, 1939, с. 58; см. также хронологию в: С т а л и н И. В. Соч., т. 3, с. 412.

** Владимир Ильич Ленин. Биография. М., Госиздат, 1960; 2-е изд., 1963; 3-е изд., 1967, с. 299

*** Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. В 12 томах. М., 1973—1982, т. 4, с. 55.

**** S m i t h E. E. Op. cit., p. 332.

***** Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 267.

момент были – или, во всяком случае, ему так казалось – дела поважнее. Захваченный планами, которые под его руководством приняло партийное совещание, Сталин, разделяя политические взгляды своих партнеров по Исполнительному комитету Совета. 3 апреля участвовал в работе подготовительного совещания, которое занималось вопросом объединения большевиков с левым крылом меньшевиков. Именно эти заботы – а отнюдь не трусость или отсутствие близости с Лениным – лучше всего объясняют, почему его не было на церемонии встречи.

Только потому, что Сталин позднее стал заявлять непомерные претензии на величие и на исключительную роль в революции, он так остро стал осознавать, весь позор своего отсутствия на встрече Ленина. Этот промах в апреле, пусть незначительный, стал предзнаменованием более серьезного – в октябре. И те же самые мотивы, которые предопределили некогда этот первый промах – тугодумство, ошибки в расчете, увлечение второстепенными задачами – с многократной силой проявятся в октябре. Возможно, именно поэтому Сталин стал придавать столь преувеличенное значение задаче “исправления” исторических фактов в том, что касается несостоявшейся встречи между ним и Лениным в начале апреля.

Ленин выступает с “Апрельскими тезисами”

Возвращение Ленина положило начало третьему периоду в большевистской политике с момента свержения царизма. В течение первого периода, с 28 февраля по 12 марта, партия, представленная прежде всего Русским бюро ЦК и Выборгским районным комитетом²³, пыталась разработать свою собственную независимую линию, которая сводилась к поддержке Петроградского Совета, недоверию к Временному правительству, настойчивым требованиям незамедлительно положить конец войне и нетерпимому отношению к другим социалистическим и левым партиям. Неопытные молодые люди, которые возглавляли партию в этот период, старались делать все от них зависящее, чтобы провести хрупкий партийный корабль через приводящие их в состояние радостного возбуждения, но весьма рискованные пороги бурного революционного потока, однако им не хватало ни уверенности в себе, ни авторитета, чтобы объединить и повести за собой партию.

С возвращением 12 марта Муранова, Каменева и Сталина резко обрывается первый этап большевистской политики. На смену приходит более умеренная линия, для которой было характерно стремление достигнуть *modus vivendi* с новыми учреждениями, появившимися на месте дискредитированной автократии. Эта линия, принятая представителями второго периода, встретившая

сопротивление со стороны многих воинственно настроенных рабочих и вызывавшая негодование лидеров, возглавлявших партию в первый период, помогла большевистской партии завоевать себе прочное, пусть еще скромное место в зарождавшемся мире революционного плюрализма.

Вторая фаза, так же как и первая, внезапно оборвалась с пришествием новой группы партийных деятелей. На сей раз, однако, этот сдвиг оказался существенным, радикальным и перманентным. Новая эра, начало которой положил Ленин, подобно прямой линии, неизменно продолжается с того времени и вплоть до наших дней.

"Апрельские тезисы", представленные Лениным на партийном собрании поздним вечером 3 апреля, а затем повторенные на следующий день перед смешанной аудиторией²⁴, можно вкратце охарактеризовать как исполненный дерзости и творческого воображения сплав из трех различных элементов: во-первых, анализа сложившейся ситуации не только в России, но и в более широком контексте всего охваченного войной мира; ряда предписаний относительно политических акций, направленных на то, чтобы продвинуть революцию вперед по пути к социализму; наконец, в-третьих, перечня конкретных мер, которые следовало предпринять партии с тем, чтобы обеспечить себе руководящую роль в замышляемой революции*.

Ленин начал свои "Апрельские тезисы" с вопроса о войне, которая, с тех пор как вспыхнула, оставалась в центре его внимания и служила пробным камнем при рассмотрении всех остальных вопросов. В соответствии с анализом, содержащимся в его книге "Империализм, как высшая стадия капитализма", Ленин давал войне строго классовое определение. Капитализм, утверждал он, неизбежно идет к империализму, а капиталистическое государство в эпоху империализма склонно вести войны, стремясь к прибылям, к аннексии территорий и к ослаблению или уничтожению соперничающих капиталистических государств. Поскольку Временное правительство, возглавляемое князем Георгием Львовым и находящееся под влиянием буржуазных партий кадетов и октябристов, было по природе своей капиталистическим – Ленин рассматривал это положение как самоочевидное и в доказательствах не нуждающееся, – то и война "безусловно остается грабительской империалистической войной".

Не упоминая ни "Правды", ни ее редколлегии, Ленин сразу же отверг политику условной поддержки оборонительной войны, которую отстаивала газета, когда ее политическую линию определяли Каменев и Сталин. "Истинно демократический" мир

* Ленин В. И. Сочинения, 3-е изд. В 30 томах. М., 1928–1932, т. 20, с. 109–145.

возможен только со свержением в России капитализма, и задача партии – объяснить массам "их обман буржуазией". С особой настойчивостью призывал Ленин развернуть "самую широкую пропаганду этого взгляда в действующей армии", ратуя за "брань" между российскими солдатами и солдатами неприятельских армий. (Через две недели большевики, используя средства, предоставленные им германским Генеральным штабом, смогли начать издание специальной газеты для действующей армии под названием "Окопная правда".)²⁵

Определив в первом тезисе свою позицию по вопросу о войне, Ленин во втором перешел к анализу природы революции и ее стадии на текущий момент. Эти проблемы имели для марксистов фундаментальное значение, ведь программу для следующего раунда можно было определить, лишь точно зная, каких рубежей удалось уже достигнуть. Меншевистские лидеры Исполнительного комитета Совета решали этот вопрос, исходя из собственного понимания марксизма: поскольку в России сложились социально-экономические предпосылки буржуазной либерально-демократической революции, то следует взять курс на поддержку буржуазии в осуществлении ею своей собственной революции, с тем чтобы способствовать созданию условий, которые в конечном счете сделают возможной пролетарскую революцию, открывающую путь к социализму. Не будучи меньшевиком, Сталин вместе со многими другими большевиками разделял до возвращения Ленина именно эту точку зрения.

К негодованию меньшевиков, собравшихся, чтобы послушать "Апрельские тезисы", и к замешательству многих своих последователей, Ленин без всяких церемоний просто отбрасывает как ненужный балласт это ставшее уже традиционным толкование священного марксистского писания и утверждает, что приход к власти буржуазии в итоге Февральской революции был не столько результатом исторической необходимости, сколько достойного сожаления промаха со стороны пролетариата, его "недостаточной сознательности и организованности". Далеко еще не достигшая своих целей революция переживает переходный период от своего первого этапа, когда власть взяла буржуазия, "ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства".

Как бы мимоходом Ленин упомянул о тех истинных свободах, которыми пользовался в тот момент народ России: "Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами..."

Утверждение Ленина об ошибке пролетариата в феврале перечеркивало положение Маркса о том, что рабочие могут осуществ-

вить пролетарскую революцию только тогда, когда существуют объективные условия.

Лев Троцкий в своей теории перманентной революции изобрел весьма хитроумный механизм, посредством которого отсталая Россия обойдет этот, казалось бы, непреодолимый исторический закон: действия рабочих России, утверждал Троцкий, могут способствовать возникновению волны революций, которые быстро распространятся по развитым капиталистическим странам Запада, и тогда незначительный по численности, но боевитый пролетариат России обретет могущественных союзников в лице братьев-рабочих Западной Европы. Отнюдь не признавая своих интеллектуальных долгов перед Троцким, Ленин выдвинул поразительно сходную теорию "непрерывной революции". Даже если эти вопросы и не затрагивались в "Апрельских тезисах" специально, они, безусловно, лежали в основе ленинского анализа "текущего момента в России". Надо ли удивляться, что его аудитория, взращенная в традиционном марксизме, встретила столь явно пренебрежительное отношение Ленина к этим основополагающим марксистским истинам с изумлением, потрясением и недоверием.

Вскользь упомянув о демократической внутренней политике Временного правительства, Ленин уже в третьем тезисе безоговорочно осуждает его как "правительство капиталистов" и, следовательно, "империалистическое" во внешней политике, включая и его военные цели. Ленин не разграничивает внешнюю и внутреннюю политику: раз уж Временное правительство является капиталистическим, а значит, и империалистическим, то оно не может отказаться от аннексий и потому все его обещания "полностью лживы". Большевицкая партия, настаивал Ленин, не должна оказывать ему никакой поддержки, даже "постольку, поскольку" к ней склоняется меньшевицско-эсеровское руководство Исполнительного комитета Совета (или Каменев и Сталин в "Правде").

"С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства", — утверждал Ленин в четвертом тезисе, — способного занять место Временного правительства, — и это невзирая на тот факт, что, как чистосердечно признавал сам Ленин, большевицкая партия находится "в большинстве Советов рабочих депутатов... в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве". Задачей партии, подчеркивал Ленин, является "терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их (Совета.— *Р.С.*) тактики".

В компетенции Совета, по мнению Ленина, должно быть даже Учредительное собрание: в своей импровизированной речи, в которой он знакомил с "тезисами" — и набросок которой он сделал заранее, — Ленин утверждал, что Совет является единствен-

ным правительством, которое может созвать Учредительное собрание, да и в любом случае функции Учредительного собрания, в сущности, следовало бы определить заранее, ведь России, согласно пятому ленинскому тезису, нужна была "не парламентская республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху".

Рассматривая Совет как форму революционного правительства, Ленин опирался на Марксов анализ Парижской коммуны 1870—1871 годов:

"Устранение полиции, армии, чиновничества.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего".

В шестом тезисе Ленин переходит к аграрному вопросу. Из него становится ясным, что даже дерзость Ленина имеет свои пределы. В тот период, когда процесс захвата крестьянами-единоличниками помещичьих земель только еще начинался — в конце лета 1917 года это приведет при одобрении и поддержке большевиков к массовому мощному крестьянскому восстанию, — Ленин все еще предрекал его вполне упорядоченное течение, а в перспективе — социализацию земли:

"Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. батр. и крест. депутатов. ...Создание из каждого крупного имения... образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счет".

Основной пункт был подчеркнут в сопроводительном комментарии "Сельское хозяйство на коммунальной основе". Несколько месяцев спустя Ленин с большой неохотой наконец согласился, что крестьяне хотят получить землю для самих себя, а не во имя социализма^{2 6}.

Централизация всей банковской системы в стране — еще один пункт, позаимствованный из анализа Парижской коммуны Марксом, — тема седьмого тезиса. При этом ставилось условие, что этот "один общенациональный банк" будет находиться под контролем Совета рабочих депутатов. Тот же самый орган в соответствии с восьмым тезисом должен был осуществлять "контроль... за общественным производством и распределением продуктов" — эту задачу Ленин благодушно отделил от «"введения" социализма как нашей непосредственной задачи».

В девятом тезисе Ленин требовал "немедленного съезда партии", чтобы внести изменения в партийную программу в соответствии с тезисами о войне и о государстве. Кроме того, провозглашал Ленин, необходимо сделать символический шаг, которому он тем не менее придавал очень большое значение: изменить название партии. Она должна называться коммунистической, а не "социал-демократической" — этот ярлык оказался теперь опозорен тем, что большинство социал-демократических

партий с начала войны "предали социализм".

В десятом, и заключительном, тезисе Ленин напомнил, что для него социалистическое революционное движение является феноменом интернационального характера. Раз, аргументировал свою мысль Ленин, партии II Интернационала "предали социализм", проголосовав в августе 1914 года за национальные военные кредиты, то большевики должны взять на себя «инициативу создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против "центра"».

Под последним применительно к России Ленин подразумевал левоинтернационалистскую группу меньшевиков во главе с лидерами Совета Чхеидзе и Церетели²⁷ — то есть ту самую группу, с которой Сталин, согласно принятому несколькими днями раньше решению мартовского совещания, должен был провести предварительные переговоры о возможно с ней слиянии. Вне всякого сомнения, именно это событие и имел в виду Ленин, завершая свое выступление. "Я слышу,— сказал он,— что в России идет объединительная тенденция, объединение с оборонцами. Это — предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110".

У Ленина не было необходимости уточнять, против кого конкретно были направлены эти воинственные фразы: своими подписанными статьями в "Правде" и своими красноречивыми ходатайствами на мартовском совещании Сталин сам выдал себя как лидер "движения", которое Ленин теперь осуждал как "предательство социализма"²⁸. Горечь, которую должен был в тот момент испытывать Сталин, усугублялась тем обстоятельством, что все это ему пришлось выслушать перед той же самой аудиторией, там же, где он рассчитывал успешно осуществить план слияния большевиков с левыми меньшевиками.

Третий этап в революционной большевистской политике начался для Сталина еще более неблагоприятно, чем второй. В марте благодаря помощи нескольких товарищей и своим "незаурядным" личным качествам он после приговора своих партийных судей остался фактически неуязвимым. Но тогда его противниками были либо молодые и неопытные функционеры, от которых он легко мог отмахнуться, либо же осведомители и сплетники, предпочитавшие укрываться под маской анонимности. Ведь до сих пор нельзя с уверенностью сказать, кто именно сообщил Русскому бюро об отрицательных "личных чертах" Сталина. Более того, о всех его неприятностях знали только в тесном партийном кругу, а протоколы мартовского совещания попали в архивы, доступные только нескольким членам партии и недоступные для всех остальных. Сталин быстро оправился после мартовских передраг, и это позволяло ему относиться ко всему эпизоду как к чему-то, чего в сущности будто бы никогда и не было. (Только полнейшее забвение тех нареканий, которые он

выслушал 12 марта, может объяснить тот факт, что после десятилетий его неограниченной власти в партийных архивах сохранился неотретушированный протокол этого заседания.)

Удар же, полученный им в начале третьего этапа, был в отличие от предыдущего нанесен публично, перед смешанной аудиторией партийных и беспартийных. И нанес его признанный партийный вождь, причем само содержание выступления не оставляло никаких сомнений относительно личности адресата, а его тон не позволял питать ни малейших надежд на воскрешение. Единственным утешением для Сталина был тот факт, что Ленин — хотя и был к этому весьма близок — так и не назвал имени человека, лично ответственного за деятельность, направленную на слияние с левым крылом меньшевиков. Вот тут — как потом постепенно осознал Сталин — и был выход из этого нового унижительного положения. Ленин, который мог употребить самые сильные и оскорбительные выражения, когда речь шла о тех, кого он считал врагами или соперниками, мог с удивительным терпением и пониманием относиться к партийным деятелям, которых он рассматривал как возможных кандидатов на лидирующую роль в партии. Именно эти педагогические качества Ленина — а также та реакция, которую они вызвали у Сталина, — и позволили последнему преодолеть препятствия, возникшие на его пути в начале третьего этапа, не только ничуть не потеряв в своем прежнем статусе, но даже продвинувшись к тем высотам, о каких раньше он мог только мечтать.

Сталин и "Апрельские тезисы"

Потребовалось некоторое время, прежде чем Сталин смог до конца осознать, что же произошло. Положения, выдвинутые в "Апрельских тезисах", были слишком радикальны и слишком далеки от того, чем он занимался раньше, чтобы сразу же с ними свыкнуться. Еще менее он был склонен механически усвоить все, что бы ни сказал Ленин, просто из чувства личной преданности или партийной дисциплины.

Когда "Апрельские тезисы" обсуждались 6 апреля на заседании Русского бюро, Сталин выступил против них. (Протокольная запись его кратких замечаний в сжатом до своих основных положений виде представляет собой еще один пример тех "неисправленных" документов 1917 года, которые каким-то чудом уцелели в архивах, были извлечены и опубликованы при Хрущеве в рамках проводимой тогда антисталинской кампании.) Этот скелет протокола — все, что осталось от заседания 6 апреля, зафиксировал следующие слова, которые якобы сказал Сталин:

"Картина моста между Западом и Востоком — уничтожение колоний. Схема, но нет фактов, а потому и не удовлетворяет.

Нет ответов о нациях мелких”**.

При всей своей краткости этот конспект достаточно много говорит нам о позиции, на которой стоял тогда Сталин. Он свидетельствует о том, что Сталина все еще сильно занимал национальный вопрос (вопрос, о котором по счастливой случайности Ленин, насколько можно судить по стенограмме, ничего не говорил в ”Апрельских тезисах”). Похоже, Сталин пропустил мимо ушей все основные темы — о войне, о Временном правительстве, о Совете. Более того, как подчеркнул Такер, сталинская критика целиком отвечала позиции, которую занял на том же самом собрании Каменев и которую он продолжал отстаивать на Апрельской конференции; она сводилась к тому, что ”общая социологическая схема (в ”Апрельских тезисах”.— Р.С.) не была наполнена конкретным политическим содержанием”***.

Чтобы понять, каким впоследствии пожелал Сталин увидеть самого себя на обсуждении ”Апрельских тезисов”, мы можем обратиться все к тому же неизменно сговорчивому Ярославскому, который писал:

”Когда 4 (17) апреля Ленин выступил на совещании и огласил свои знаменитые ”Апрельские тезисы”, излагавшие план дальнейшего развития революции, план завоевания власти Советами, и когда против этого плана выступили предатели революции Зиновьев и Каменев, им дал отпор товарищ Сталин, горячо защищавший ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую”****.

Что же касается событий 6 апреля, то Сталин по-прежнему буквально ошупью искал способ отклонить новую ленинскую программу, выступая с критикой второстепенных проблем и рассчитывая на поддержку со стороны Каменева в решении более сложных вопросов. Однако именно Каменев в гораздо большей степени, чем Сталин, принял потом на себя основной удар в борьбе против тех предложений Ленина, которые он считал неортодоксальными и опасными. Когда ”Тезисы” были опубликованы в ”Правде” 7 апреля (сама по себе эта отсрочка служит симптомом определенного сопротивления), они сопровождались редакционной заметкой, в которой говорилось, что они отражают только взгляды Ленина, а отнюдь не позиции партии. Поскольку в тот момент Сталин все еще оставался соредактором ”Правды”, возможно, эта заметка прошла через его руки. Однако сам этот факт, до известной степени, свидетельствует скорее о выжидательной тактике, чем о явном и открытом осуждении,

* Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958, с. 15—16.

** Tucker R. C. Op. cit., p. 168.

*** Ярославский Ем. Указ. соч., с. 58—59.

и может рассматриваться как исходный момент переориентации Сталина в сторону позиции, близкой Ленину.

С более обстоятельной критикой "Апрельских тезисов" Каменев выступил в статье "Наши разногласия", опубликованной в "Правде" 8 апреля*. Он вновь подчеркнул, что "Апрельские тезисы" — это "личное мнение" Ленина, однако хвалил автора за "сжатую форму" и готовность идти "до конца". Защищая линию редакции "Правды", в определении которой он сам участвовал, Каменев подчеркнул, что ее поддерживала большевистская делегация на прошедшем в марте-апреле Всероссийском совещании Советов, что и было зафиксировано в его резолюции о Временном правительстве и о Советах.

Своим главным теоретическим расхождением с Лениным Каменев назвал различные точки зрения по вопросу о характере революции. Общая линия Ленина, отмечал он, "представляется неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую". Каменев призвал к "широкой дискуссии" по этому вопросу, в которой рассчитывал отстоять свою позицию "как единственно возможную для революционной социал-демократии, поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов".

В статье 8 апреля Каменев предстает наиболее последовательным большевистским критиком "Апрельских тезисов". Насколько можно судить по документам, Сталин, молчаливо поддерживавший Каменева еще 7 апреля, после этого больше не предпринимал никаких действий и не делал никаких заявлений, устных или письменных, которые можно было бы рассматривать как критику "Апрельских тезисов". Намечается важнейшая в жизни Сталина переориентация: отвернувшись от Каменева, он переходит на сторону Ленина. Процесс переосмысления у Сталина стремительно набирал силу, и, когда 11 апреля в "Правде" была снова опубликована статья за его подписью, стало совершенно ясно, что его позиция претерпела резкие изменения.

Сталин поддерживает Ленина

В период между 11 апреля и открытием 24 апреля Седьмой партийной конференции Сталин опубликовал в "Правде" три небольшие статьи, две из них подписанные его обычным псевдонимом "К.Сталин" и одна редакционная, без подписи. Кроме

* Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. В 30 томах. М., 1928—1932, т. 20, с. 38.

того, он сделал первое зафиксированное выступление о революции. При все своей краткости эти материалы дают возможность проследить общее направление его переориентации.

Из первой подписанной статьи "Две резолюции", опубликованной 11 апреля, видно, насколько Сталин приблизился к ленинскому пониманию вопроса о войне*. Временное правительство только что объявило о выпуске так называемого свободного займа, чтобы собрать средства на различные нужды, главным образом на продолжение войны. Исполнительный комитет Совета, верный своей политике оказывать ограниченную поддержку Временному правительству, принял вслед за этим резолюцию, призывая население поддержать заем. Бросая открытый вызов как правительству, так и Совету, группа рабочих механического отделения Русско-Балтийского вагонного завода выступила против займа, который, по их мнению, "закключается с целью продолжения братоубийственной бойни, выгодной лишь империалистической буржуазии".

В принятой рабочими резолюции, носившей явный отпечаток большевистского влияния, Исполнительный комитет обвинялся в том, что, поддерживая заем, он "изменяет Интернационалу". Эту резолюцию рабочих одобрил в своей статье Сталин. Таким образом, он заявил публично о переходе на ленинскую позицию по вопросу о войне и разрыве со сторонниками оборончества в Совете.

Три дня спустя, 14 апреля, Сталин опубликовал в "Правде" вторую статью, причем фразу из нее он вынес в заглавие — "Землю — крестьянам"***. В шестом из своих "Апрельских тезисов" Ленин призывал к "конфискации всех помещичьих земель" и их обработке на общественной основе. Теперь Сталин присоединился к этому требованию и дал некоторые разъяснения:

"Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России — взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед.

Мы призываем их организовать в революционные крестьянские комитеты... забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком".

До возвращения Ленина Сталин ни разу подобных подстрекательских строк не писал.

Вместе с этим новым воинственным настроем в крестьянском вопросе появилось значительно более критическое отношение к Исполнительному комитету Совета. Входившие в него эсеровские лидеры, боясь отпугнуть либералов из средних слоев своей поддержкой требования крестьян приступить к захвату частных владений, призывали крестьян терпеливо ждать созыва Учреди-

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 32–33.

** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 34–36.

тельного собрания, которое урегулирует вопрос о земле в законном порядке. Сталин отмечает подобные колебания. Его резкий тон свидетельствует о том, насколько он отошел от своей прежней точки зрения:

”Нам говорят, что немедленный захват помещичьих земель подорвал бы ”единство” революции, отколов от последней ”прогрессивные слои” общества.

Но было бы наивно думать, что революцию можно двинуть вперед, не поссорившись с фабрикантами и помещиками.

.....
Самовольная обработка помещичьих земель и захват их крестьянами — нет сомнения — ”отколют” от революции помещиков и иже с ними. Но кто решится сказать, что, сплачивая вокруг революции многомиллионную крестьянскую бедноту, мы ослабляем силы революции?”

Полностью приняв ленинскую концепцию основных движущих сил революции и перспектив ее развития, Сталин продолжал:

”Политика выжидания и откладывания до Учредительного собрания, политика ”временного” отказа от конфискации, рекомендуемая народниками, трудовиками и меньшевиками, политика лавирования между классами (как бы кого не обидеть!) и постыдного топтания на месте — не есть политика революционного пролетариата”.

Опубликованные в ”Правде” две первые статьи Сталина свидетельствуют не только о перемене во взглядах, но и о сдвигах в его интеллектуальной ориентации. Если раньше его ориентиром был умеренный Каменев и придерживавшееся примиренческих взглядов меньшевистско-эсеровское руководство Совета, то теперь свои идеи Сталин черпал непосредственно у Ленина. Впервые за всю свою революционную деятельность Сталин работал в постоянном контакте с Лениным и обсуждал с ним проблемы, возникавшие в ходе повседневной редакторской работы в партийной газете. Тесное взаимодействие между ними вскоре привело к сотрудничеству в выполнении редакторских функций. Например, непосредственной причиной появления статьи Сталина ”Землю — крестьянам” послужила телеграмма министра сельского хозяйства Шингарева к крестьянам Рязанской губернии, призывавшая воздержаться от незаконного захвата помещичьих земель. 15 апреля, на другой день после появления статьи Сталина, Ленин в продолжение этой темы опубликовал в ”Правде” короткую заметку, в которой повторялись основные положения статьи Сталина и для пущей убедительности приводился полный текст шингаревской телеграммы в том виде, в каком она была напечатана в тот день в утреннем выпуске кадетской газеты ”Речь”*.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 234.

Третья публикация Сталина в "Правде" в апреле – недописанная редакционная статья "Первое мая" – свидетельствовала о все возрастающем влиянии Ленина на мировоззрение Сталина*. Ранее – например, в статье 16 марта под заголовком "О войне" – сфера интересов Сталина ограничивалась Россией. Теперь он расширил ее, включив туда всю раздираемую войной Европу:

"И мир стал задыхаться в тисках войны...

Душно стало народам Европы, и они уже поднимают голову против воинствующей буржуазии".

Если уловить в этом заявлении отзвуки лозунга Ленина "Превратить войну империалистическую в войну гражданскую", то влияние Ленина на последующее высказывание Сталина станет еще более очевидным:

«Русская революция первая пробивает брешь в стене, отделяющей рабочих друг от друга. В момент всеобщего "патриотического" опьянения русские рабочие первыми провозглашают забытый лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"».

Похоже, впервые Сталин осознал взаимосвязь российской революции с мировой социалистической революцией, о которой Ленин и Троцкий говорили и писали уже много лет:

"При громе русской революции поднимаются от спячки и рабочие Запада. Забастовки и демонстрации в Германии, манифестации в Австрии и Болгарии, забастовки и митинги в нейтральных странах, все усиливающееся брожение в Англии и Франции, массовое братание на фронтах – таковы первые ласточки нарастающей социалистической революции".

Война, земля, международная социалистическая революция – шаг за шагом переключал Сталин внимание на главные проблемы, стоявшие перед большевистской партией, демонстрируя происшедшую под влиянием Ленина перемену во взглядах. В речи, произнесенной Сталиным 18 апреля, к этим проблемам добавилась еще одна, очень важная: политика по отношению к Временному правительству**. В марте Сталин явно отдавал предпочтение формулировке "постольку поскольку", предполагавшей условную поддержку Временного правительства. Теперь, под влиянием Ленина, он отбросил все оговорки и призывал рабочих и солдат "поддерживать только Совет рабочих и солдатских депутатов, избранный рабочими и солдатами".

Первая Петроградская общегородская конференция большевиков

В ходе подготовки к партийному съезду, о необходимости которого писал Ленин в "Апрельских тезисах", большевики

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 37–38.

** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 39–42.

Петрограда собрались на свою общегородскую партийную конференцию (14—22 апреля)*. В протоколах конференции Сталин фигурирует всего один раз, да и то не в качестве выступавшего, а как один из семерых, избранных — наряду с Лениным, Молотовым, Зиновьевым и Каменевым — в специальную комиссию для подготовки резолюции по вопросу о Временном правительстве и о войне. (В эту комиссию входили еще два человека: С. Я. Багдатыев, известный под партийной кличкой "Сергей", и К. И. Шутко ("Михаил"), оба члены Петербургского комитета.) Ни Багдатыев, ни Шутко не оставили воспоминаний о своей революционной деятельности, и этот факт, возможно, объясняет, почему они пережили "великую чистку". Шутко умер в 1941²⁹, а Багдатыев — в 1949 году.

Возможно, Сталин и не присутствовал на конференции. Троцкий утверждал, что "Сталин не появлялся вовсе. Он, видимо, хотел, чтобы о нем на время забыли"***.

Рядовым делегатам конференции имя Сталина особенно ничего не говорило, и когда они в день открытия выбирали президиум, то Сталина там не оказалось. Признание статуса Ленина было подтверждено его избранием "почетным председателем", текущая работа конференции была поручена его заместителю Зиновьеву. Молотов, которого в партийной организации помнили как одного из лидеров Февральской революции, был выбран членом президиума.

Чтобы оценить, как изменились взгляды Сталина к 14 апреля, дню открытия конференции, делегаты могли проанализировать две его статьи: "Две резолюции", опубликованную в "Правде" 11 апреля, и "Землю — крестьянам" — 14 апреля. Партийной организации потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что Сталин, придерживавшийся умеренных взглядов — до возвращения Ленина, — стремительно превращался в стойкого ленинца. То, что Сталина фактически заслонили другие партийные деятели и что он не очень высоко котируется на Петроградской конференции, красноречиво свидетельствует о его скромном положении в партии в середине апреля.

Тем не менее трудно согласиться с Троцким, будто о Сталине мало кто знал во время Петроградской конференции, потому что он якобы пытался обезопасить себя и занял позицию выжидательного молчания. Не будем забывать, что именно в дни работы конференции Сталин открыто провозглашал свои проленинские взгляды на страницах "Правды". Более убедительной причиной молчания Сталина выглядит то обстоятельство, что в

* См.: Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков), апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 7—60.

** Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 275.

этот момент Ленин просто не испытывал потребности в его поддержке.

Действительно, особой необходимости в выступлении Сталина на Петроградской конференции не было. Повестка дня в том виде, в каком она была опубликована в "Правде" от 12 апреля, включала доклад о текущем моменте, который должен был сделать Ленин, и дискуссию об отношении партии к Совету, структуре партии, немедленном вооружении рабочих, выборах в городские органы и об отношении к другим социалистическим партиям. Ни один из этих вопросов привлечения Сталина к работе конференции не требовал.

Для Сталина период между 7 апреля, когда "Правда" опубликовала "Апрельские тезисы" Ленина, и 24 апреля, днем открытия Седьмой партийной конференции, был временем стремительно расширяющихся горизонтов. Работая бок о бок с Лениным в редакции "Правды", Сталин с готовностью перенимал взгляды старшего по возрасту товарища, тем более что его собственное мировоззрение носило зачаточный характер и основывалось скорее на импульсах, чем на твердых принципах.

На первом этапе участия в революции Сталин заимствовал установки Муранова и Каменева. Затем, по мере того как он все больше осваивался в Исполнительном комитете Совета, он оказался под влиянием Церетели, Чхеидзе и других представителей левоменьшевистских кругов. Если бы он и предложил что-то оригинальное, то этот вклад все равно оказался бы весьма скуден. Но он был энергичен, честолюбив и достаточно упорен в достижении цели, что вполне компенсировало его интеллектуальное бесплодие и делало ценным приобретением для любой группировки.

Чего ему явно не хватало — если оставить в стороне его собственные амбиции,— так это таланта лидера. Он все искал ту роль, которая бы больше всего отвечала его дарованиям, и ту авторитетную личность, по которой он мог бы моделировать собственное поведение. Похоже, в Ленине он нашел то, что искал, и стремление сделать из себя второго Ленина сыграло решающую роль во всей его последующей карьере, в особенности после смерти вождя в 1924 году. Однако этот путь оказался для Сталина еще одним ложным следом, по которому он пытался идти в поисках власти и славы,— ведь ключом, которым Сталин смог в конце концов открыть ворота к могуществу, снабдил его вовсе не Ленин, а другой партийный деятель, Яков Свердлов. Вернее, окончательная, способствующая его успеху формула абсолютной власти представляла собой уникальное сочетание элементов двух основных моделей: Ленина как партийного лидера и Свердлова как партийного организатора. Именно наследие Свердлова и было потом использовано как основа власти Сталина³⁰.

Апрельский кризис

Пока шла работа Петроградской общегородской конференции, внезапно разразился политический кризис, который потряс Временное правительство, вызвал трудности в Исполнительном комитете Совета и послужил импульсом к невероятной активизации большевистской партии. Причины этого кризиса крылись в так и не нашедшем разрешения противоречии между военными целями Временного правительства – в том виде, в каком его определял военный министр Миллюков³¹, – и совершенно иными целями Петроградского Совета, провозглашенными в воззвании “К народам всего мира” от 14 апреля.

Проявив политическую интуицию, которой не всегда отдавали должное, Сталин привлек внимание к этому конфликту в своей статье “Или – или” в “Правде” 26 марта. В этой статье он потребовал: или Совет оказывает давление на Временное правительство, с тем чтобы последнее привело свои военные цели в соответствие с целями Совета, или Миллюков подает в отставку. Конфликт был временно разрешен за счет первой из этих двух возможностей. 27 марта Временное правительство выступило с заявлением, в котором сообщало о признании формулировки “никаких аннексий, никаких компенсаций”, и напряженность на время ослабла. Однако обретенная гармония оказалась скорее видимой, чем реальной, ибо Миллюков ни при каких условиях не соглашался с определением целей войны, выдвинутым Советом, и не только потому, что не был с ним согласен. Дело в том, что на него оказывал сильное давление британский посол, категорически требовавший, чтобы Россия четко и определенно подтвердила свою верность союзникам и подписанным с ними соглашениям.

Учитывая сложившуюся ситуацию, можно было не сомневаться, что новый конфликт – вопрос только времени, и 20 апреля он действительно разразился. Толчком послужила публикация ноты, которую Миллюков направил восемнадцатого числа британскому и французскому послам. В ноте формально подтверждалась принятая правительством новая формулировка целей войны, однако на деле она обесценивалась уверениями в том, что Россия намерена вести войну “до решительной победы” с целью получить определенные “санкции и гарантии”.

Нота Миллюкова вызвала демонстрации протеста рабочих и солдат, которые грозили перерасти в вооруженное восстание против правительства. К этим выступлениям имели непосредственное отношение некоторые особенно нетерпеливые большевики, входившие в Петербургский комитет и в Военную организацию, прежде всего Багдатов, и поэтому Ленин решил трезво оценить шансы партии на успех в случае пробы сил между Временным правительством и Советом.

Пока бушевал кризис – 20–22 апреля, – заседания большевистского Центрального Комитета проводились ежедневно, и Ленин сам составлял проекты резолюций, определявших линию партии. Утром двадцатого числа комитет принял решение, что нота Милюкова полностью подтверждает вывод партии о необходимости осудить Временное правительство как “насквозь империалистическое, связанное по рукам и ногам англо-французским и русским капиталом”*. Резолюция призывала революционный пролетариат при поддержке революционной армии взять “всю государственную власть в свои руки... в лице Совета рабочих и солдатских депутатов”. Это предписание вполне можно было принять – и в некоторых кварталах именно так и сделали – за открытый призыв свергнуть Временное правительство силой.

Двадцать первого, когда столкновения ожесточились и отдельные по-боевому настроенные большевики призывали к прямому вооруженному штурму, Петроградский Совет попытался утихомирить бурю, наложив двухдневный запрет на все уличные собрания и демонстрации. В тот же день Временное правительство опубликовало “разъяснение” ноты Милюкова, фактически равносильное отречению как от ноты, так и от ее автора. В результате этих действий, сыгравших роль амортизатора, демонстрации пошли на убыль, а пыл разъяренной толпы, осаждавшей Мариинский дворец, где заседало правительство, охладел.

Для Ленина и для большевистского Центрального Комитета приказ Совета послужил сигналом опасности, заставившим взвесить возможности и оценить риск этих массовых демонстраций. Ленин, с неохотой поддавшись здравым доводам, принял решение, отраженное в принятой поздно вечером двадцать первого числа резолюции Центрального Комитета, где говорилось, что риск перевешивает открывающиеся возможности и что дальнейшие акции должны ограничиться “мирной дискуссией и мирными демонстрациями”**. Дабы успокоить разочарованных бунтарей, резолюция содержала призыв к рабочим и солдатам провести новые выборы в Совет, чтобы заставить его отказаться от политики доверия Временному правительству. Наконец 22 апреля кризис миновал, и Центральный Комитет подвел итоги всего этого инцидента, приняв еще одну резолюцию, проект которой был, как всегда, подготовлен Лениным***. Лозунг “Долой Временное правительство!”, утверждалось в резолюции, “потому не верен сейчас, что без прочного (т.е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата

* Mc Neal R. H. Op. cit., v. I, p. 214.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 44.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 309–311; Mc Neal R. H. Op. cit., v. I, p. 216.

такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера”.

В резолюции были слова, которые предвосхищали события сентября: ”Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки”.

Протоколы заседаний Центрального Комитета за апрель не публиковались и, очевидно, более не существуют. Судя по доступным источникам информации, никакой серьезной оппозиции ленинская линия не встретила, нет никаких свидетельств и о каких-то дискуссиях по предложенным им проектам резолюций.

Что касается Сталина, то в период апрельского кризиса он принял участие в одной незначительной, но весьма знаменательной акции. Он был одним из членов комиссии, созданной Исполнительным комитетом Совета для составления проекта телеграммы в штаб Петроградского военного округа, ”требовавшей, чтобы они не посылали в Петроград военных частей без соответствующего письменного приглашения со стороны Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов”.

Комментарии Троцкого по поводу этой акции, как всегда, исполнены язвительности:

”Из официальных протоколов мы не без удивления усматриваем, что текст телеграммы составлен комиссией из двух соглашателей (т.е. Ю. М. Стеклов и Г. М. Эрлих, оба меньшевики. — *Р.С.*)³² и одного большевика и что этот большевик — Сталин. Эпизод мелкий (крупных эпизодов за этот период вообще не найдем), но характерный. Увещательная телеграмма представляла классический образ того ”контроля”, который входил необходимым элементом в механику двоевластия... Соглашатели включили Сталина в комиссию потому, что авторитетом в Кронштадте пользовались только большевики. Тем больше было оснований отказаться. Но Сталин не отказался. Через три дня после увещательной телеграммы он выступил на партийной конференции против Каменева, причем как раз конфликт вокруг ноты Милюкова избрал как особо яркое доказательство бессмысленности контроля”*

Таким образом, в самый разгар апрельского кризиса Сталин делил свое время между большевистским Центральным Комитетом — если предположить, что он присутствовал на заседаниях, проходивших 20–22 апреля, — и Исполнительным комитетом Совета. Эта политика сидения на двух стульях объясняет тот факт, что он сохранил авторитет среди лидеров Совета даже уже после того, как открыто поддержал резкую критику Ленина в их адрес.

* Троцкий и Л. Указ. соч., с. 283.

Есть доказательства и того, что Сталин присутствовал как один из членов Исполнительного комитета Совета на проведенном 22 апреля совместном совещании с Временным правительством, где была предпринята попытка слепить хоть какое-то приемлемое для обеих сторон соглашение, которое бы помогло выйти из кризиса. Поскольку устное сообщение о совещании Сталин сделал на Седьмой конференции, а опубликовано оно было на следующий день, то и разговор о нем удобнее отложить до рассмотрения этого партийного мероприятия.

Финляндия поднимает национальный вопрос

Как раз накануне апрельского кризиса внимание большевистского Центрального Комитета привлекла одна из важнейших проблем революции – национальный вопрос. 19 апреля комитет на своем заседании заслушал и обсудил обращение Социал-демократической партии Финляндии, посвященное растущему движению за автономию страны. Ленин полностью поддержал социал-демократов Финляндии и даже изъявил готовность санкционировать выход Финляндии из состава Российского государства и образование независимой Финляндии. Однако Ленину явно не удалось добиться поддержки этой политики большинством, ибо подготовленная им резолюция принята не была*.

Ввиду упрочившейся к тому времени репутации Сталина как главного авторитета в партии по национальному вопросу небезынтересно было бы узнать, какую позицию занял он на заседании 19 апреля – если, конечно, вообще там присутствовал. Был ли он в числе тех, кто голосовал против ленинской резолюции, или выступил в ее поддержку? Скорее всего, ни то, ни другое: ведь излюбленной тактикой Сталина в новой, непредвиденной ситуации всегда было осторожное молчание. Если он действительно избрал такую тактику, то это было весьма с его стороны благоразумно – ведь, как потом оказалось, развернувшаяся 19 апреля дискуссия по национальному вопросу сыграла роль своего рода трамплина, откуда брала начало деятельность Ленина, полностью преобразившая как положение Сталина в партии, так и его взаимоотношения с Лениным.

Судя по тому, что Ленин так и не сумел склонить Центральный Комитет принять его резолюцию по национальному вопросу, которому он придавал в общей стратегии кардинальное значение, борьба на предстоявшей конференции по этой проблеме ожидалась тяжелая. (В опубликованной в "Правде" от 13 апреля предварительной повестке дня национальный вопрос стоял

* Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП (б) в 1917 году. Хроника событий. М., "Мысль", 1969, с. 61.

шестым и последним из вынесенных на обсуждение важных вопросов, непосредственно перед выборами в центральные партийные органы.)

Ленин мог ожидать, что его линия по национальному вопросу не получит одобрения в партии не столько у представителей различных этнических групп России, сколько у выходцев из национальных меньшинств, таких, как, например, поляк Феликс Дзержинский, в общем поддерживавший Ленина, но в данном вопросе отказывавшийся следовать за ним. Не подлежит сомнению, что более всего Ленину нужен был в тот момент докладчик, который, не будучи русским по национальности, мог бы не только изложить его позицию по этому вопросу, но и успешно парировать любые нападки со стороны партийных деятелей других национальностей, таких, как, например, Дзержинский. Сталин не только обладал всеми необходимыми для этого качествами, но к тому же убедительно продемонстрировал своими публикациями в "Правде" после 11 апреля, что вполне податлив влиянию Ленина, поэтому логично было предложить Сталину выступить на конференции, до которой оставалась всего неделя, с докладом по национальному вопросу. Тот факт, что последняя статья Сталина на эту тему, появившаяся в "Правде" еще до возвращения Ленина, никак не могла ему понравиться, в данном случае решающего значения не имел: ведь Сталин уже показал, что отнюдь не утруждает себя излишними заботами о последовательности высказываний, если решал сменить взгляды и выбрать новых хозяев.

Между тем у Ленина были для Сталина и иные, более соблазнительные приманки. Осознав в связи с апрельским кризисом необходимость усилить партийную организацию, Ленин тщательно подбирал кандидатуры тех, кого можно было бы привлечь к руководству партией. И в какой-то момент он понял, что Сталин вполне удовлетворяет необходимым требованиям. Так что предложение, которое собирался сделать Сталину Ленин, таило в себе редкостное сочетание: и власть и политика. Именно это предложение — а также тот факт, что он его принял, — превратило Апрельскую конференцию в важнейшую веху на пути Сталина к власти.

Открытие Апрельской конференции

Уже во вступительном слове на открывшейся в понедельник утром 24 апреля Седьмой партийной конференции Ленин рассматривал русскую революцию как часть всемирной социалистической революции, которая, как он предсказывал, станет неизбежным следствием мировой войны.

"Товарищи,— сказал он,— наша конференция собирается...

в условиях не только российской, но и нарастающей международной революции. Приходит время, когда повсеместно оправдывается утверждение основателей научного коммунизма (т.е. Маркса и Энгельса.— *Р.С.*), собравшихся на Базельском конгрессе (I Интернационала в 1869 г.— *Р.С.*), что всемирная война ведет неизбежно к революции**.

В XIX веке, отметил Ленин, Маркс и Энгельс предсказывали, что социалистическую революцию "французский рабочий начнет, немецкий доделает". В действительности все вышло иначе.

"На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, которое, например, в Германии нарастает изо дня в день все сильнее и сильнее. *Только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи*". (Курсив мой.— *Р.С.*)

Именно эти слова, сулившие заманчивые перспективы, все еще звучали в ушах делегатов, когда они приступили к первой формальной акции конференции — выборам президиума, в который должны были войти пять человек. Эта процедура, так же как и на прошедшей неделю назад Петроградской общегородской конференции, служила своеобразным индикатором популярности и престижа партийных руководителей в глазах делегатов. Из 151 делегата, присутствовавшего на конференции, 133 обладали правом решающего голоса, а 18 — только лишь совещательного. Делегаты представляли около 80 тысяч членов партии из 78 партийных организаций — цифры незначительные для страны, насчитывавшей более 125 миллионов жителей, однако это был резкий скачок в сравнении с 40 тысячами членов по оценкам на январь 1917 года**³³.

Ленин, разумеется, легко получил место в президиуме, так же как и его ближайший соратник Г. Е. Зиновьев — один из тех, кто в "запломбированном вагоне" вернулся вместе с ним из Швейцарии. Третьим членом президиума оказался Я. М. Свердлов, это было довольно неожиданно — разве не его в конце марта отослали на далекий Урал? Но Свердлов был не из тех, кого можно было оттеснить, применив чисто бюрократические меры: будучи сам мастером политических манипуляций, он не тратил времени даром. Проведя порученную ему реорганизацию партийного комитета в Екатеринбурге, он приехал в Петроград на Седьмую конференцию в качестве представителя партийной организации Урала. С этого момента и вплоть до своей безвременной кончины в марте 1919 года Свердлов уже никогда больше не покинет центра, где будет сосредоточена власть,— за

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 341.

** Седьмая (апрельская) конференция РСДРП (большевиков). М., Госполитиздат, 1958, с. УП.

исключением поездок, которые он предпримет по поручению партийного руководства.

Четвертым членом президиума конференция избрала Г. Ф. Федорова, который был одновременно членом Петербургского комитета и членом Исполнительного комитета Совета. Некоторые черты характера этого человека можно восстановить, если вспомнить его дальнейшую карьеру; в 1927 году он был отлучен от партии как троцкист; будучи потом восстановлен, он вновь исключается в 1934 году и, по всей видимости, умирает в одном из сталинских трудовых лагерей в 1940 году³⁴.

Пятым членом президиума стал наш старый знакомый — М. К. Муранов, делегат от Харьковской партийной организации. Харьков был его родным городом, очевидно, он вернулся туда в середине марта после известных событий в "Правде". Уехал ли он по собственной воле или, как и Свердлов, отправился в провинцию по распоряжению партийного руководства — читай: Сталина и Каменева, стремившихся удалить его из центра? В любом случае с его отъездом в Харьков освобождалось поле деятельности для Каменева и Сталина, которые получили все полномочия по редактированию "Правды". Муранов был не такой выдающейся личностью, как Свердлов, тем не менее и он пользовался достаточным авторитетом, чтобы его избрали докладчиком от всего Южного района: из соображений экономии времени делегаты конференции одобрили предложение заслушать делегатов, представлявших не отдельные крупные города и центры, а десять—двенадцать обширных районов России. Ни Сталина, ни Каменева в президиум не избрали — это свидетельствовало о том, что политические направления, с которыми ассоциировались их имена, не пользовались в партии слишком большой популярностью.

Затем конференция избрала состоявшую из пяти человек мандатную комиссию, имена членов которой не сохранились. (Когда 26 апреля был представлен доклад этой комиссии, его зачитал член Петербургского комитета Г. И. Боккий.) Потом была принята повестка дня из двенадцати пунктов. В сравнении с предварительной, напечатанной 13 апреля в "Правде", новая повестка дня оказалась гораздо шире. В нее вошли, например, такие вопросы, как дискуссия об Учредительном собрании, а также изменения в программе партии, на которых настаивал в "Апрельских тезисах" Ленин. Однако новая повестка дня, так же как и ее проект от 13 апреля, по-прежнему отодвигала выборы в партийные органы на самый конец работы конференции, после дискуссий по всем важным пунктам повестки, включая и доклад по национальному вопросу.

Ленин против Каменева (24 апреля)

Главным событием первого дня работы конференции был пространный доклад Ленина "О текущем моменте". Ленин вновь энергично повторил и развил свои теперь уже известные взгляды на войну, Временное правительство и Советы рабочих депутатов. Элемент конфликта внесло обсуждение проекта резолюции, выдвинутого Московской областной партийной конференцией, суть ее сводилась к идее "контроля" со стороны Советов за деятельностью Временного правительства и местных правительственных органов. Проект московской резолюции представил А. С. Бубнов, делегат от Иваново-Вознесенского центра текстильной промышленности. В проекте давалось общее определение понятия "контроля" и в заключении предсказывалось превращение контроля над существующими правительственными учреждениями в контроль за их деятельностью:

"Этот контроль в развитии победоносной пролетарско-крестьянской революции неизбежно превратится в контроль за всеми элементами государственно-хозяйственной жизни и явится этапом пути захвата всей государственной власти организованными массами пролетариата и крестьянской бедноты"*.

Похоже, Ленина несколько смутило предложение московских делегатов, нарушавшее видимость единства в отношении наметочной им политики. В своей речи он ограничился тем, что просто упомянул о московском проекте, воздержавшись от комментариев под тем предлогом, что не имел возможности предварительно с ним ознакомиться. После доклада Ленина делегаты сделали трехчасовой перерыв.

Когда конференция возобновила работу, первым на трибуне появился худой изможденный поляк Феликс Дзержинский, недавно освобожденный из московской тюрьмы и не вполне еще оправившийся от последствий длительного заключения. Характерно, однако, что Дзержинский, невзирая на физическую слабость, сразу же погрузился в партийные распри. "Из частных разговоров выяснилось, — сказал он, — что многие (из делегатов. — *Р.С.*) не согласны принципиально с тезисами докладчика (Ленина. — *Р.С.*)". Ясно давая понять, что ленинские взгляды основаны на ложной перспективе, сложившейся в глазах тех, кто "вместе с нами пережил революцию", Дзержинский предложил, чтобы конференция заслушала еще один, альтернативный доклад о текущем моменте**. Если Ленин рассчитывал, что конферен-

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 66.

** Там же, с. 78—86.

ция единодушно одобрит его доклад, то явно недооценил настроения делегатов, ибо предложение Дзержинского было принято большинством голосов.

В качестве своего докладчика Московская организация выдвинула Каменева, выступившего на конференции с наиболее последовательной и бескомпромиссной критикой ленинской тактики*. Каменев начал с краткого изложения основных этапов, пройденных партией с февраля, затем приступил к детальной критике доклада Ленина. Самым серьезным из выдвинутых им обвинений, уже знакомым нам по его статье "Наши разногласия" от 7 апреля, было то, что Ленин пытается толкнуть партию на слишком рискованный путь. Как можно говорить, вопрошал Каменев, что буржуазно-демократическая антифеодалная революция уже завершена, если помещичьи земли все еще принадлежат дворянству? Точно так же, утверждал Каменев, не соответствует ленинскому анализу и ситуация в Советах. Общепризнано, что Советы являются центром рабочего движения, но и здесь революция не достигла той стадии, когда пролетарская партия может рассчитывать на успех, выдвигая свою собственную социалистическую программу: положение в Советах контролируют мелкобуржуазные партии, а большевики вынуждены вступать с ними во временное соглашение. Ведь даже Ленин, утверждал Каменев, соглашался с тем, что до тех пор, пока Совет сохраняет доверие к Временному правительству, нельзя говорить о свержении последнего.

Каменев заявил, что конфликт между правительством и мелкобуржуазно-пролетарским блоком в Совете по основополагающим вопросам о войне, о продовольствии и о демократических свободах неминуем. Партия, однако, вовсе не должна стремиться форсировать этот процесс; надо дать возможность революции самой вызреть и набрать силу, тогда удастся избежать таких сложных и противоречивых зигзагов, которые были характерны для политики партии в период апрельского кризиса. С подчеркнутой иронией Каменев согласился с ленинской оценкой лозунга "Долой Временное правительство!" как неразумного, заметив при этом, что он бы еще более приветствовал подобное предостережение, если бы оно прозвучало несколько раньше,— тонкий намек на то, что Ленин поддерживал слишком горячие головы в партии.

Основываясь на своем опыте высокопоставленного представителя партии в Исполнительном комитете Совета, Каменев пожаловался, что в сложившейся ситуации ленинская политика не дает членам партии никаких четких ориентиров, в то время как "контроль" в том смысле, в каком он подразумевается в московской резолюции, уже доказал свою эффективность. В

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 78—86.

качестве примера Каменев привел приказ, отданный 21 апреля командующим Петроградским военным округом генералом Лавром Корниловым, разместить на Дворцовой площади две артиллерийские батареи для обеспечения защиты правительства от демонстрантов. Однако приказ был аннулирован Советом, заявившим, что войска Петроградского гарнизона несут ответственность только перед ним. Эта акция, заявил Каменев, означала нечто "большее, чем красивую фразу", ведь, блокировав приказ Корнилова, Совет "осуществил порядочную долю государственной власти". В Москве и в провинции, продолжал он, Советы являются истинными лидерами революции в еще большей степени, чем в Петрограде.

Такого рода "контроль", утверждал Каменев, будет способствовать тому, что при помощи тщательно продуманных мер власть будет все активнее переходить в руки Советов; эту политику он противопоставил ленинской тактике выжидания момента, когда партия путем терпеливого разъяснения своей политики массам добьется наконец господствующих позиций в Советах.

Каменев в общем согласился с ленинским подходом к вопросу о войне, назвав его "великолепно изложенной программой-максимум", однако выразил пожелание, чтобы эта общая схема была подкреплена конкретными мерами, над осуществлением которых могла бы работать партия. В качестве примера он назвал требование опубликовать секретные договоры с союзниками. Каменев вовсе не рассчитывал на согласие Милюкова обнародовать эти документы; его отказ продемонстрировал бы истинные военные цели правительства.

Заслушав оба доклада, делегаты с энтузиазмом приступили к обсуждению, причем различных точек зрения было почти столько же, сколько и выступавших. Шестеро делегатов не сказали ничего существенного. Бесспорным был тот факт, что ни один из выступавших целиком и полностью не поддерживал Ленина, а некоторые — в частности, Бубнов и Багдатыев — резко критиковали доклад Ленина и отдали предпочтение Каменеву.

Слова попросили еще тридцать делегатов, так что конференция могла превратиться во всеобщую говорильню. Поначалу вполне безобидное предложение московской делегации заслушать в процедурном порядке, кроме доклада Ленина, еще один доклад грозило вызвать бунт против руководства. (Следует отметить, что Каменев тщательно избегал любого прямого выпада в адрес Ленина и предпринимал все возможное, чтобы максимально сблизить свою позицию с ленинской.)

По инициативе делегатов — их имена, к сожалению, в протоколе не зафиксированы — были предприняты процедурные меры, позволившие вернуть работу конференции в нормальное русло. Прежде всего было решено подвести черту в списке же-

лающих выступить. Затем участники конференции проголосовали за то, чтобы закончить прения и предоставить слово двум делегатам от каждой стороны; они должны были защищать одну из двух основных позиций — Ленина или Каменева.

В ходе обсуждения Каменев сделал примирительный жест: он постарался свести разногласия с Лениным к одному-единственному вопросу — вопросу о "контроле". В результате оказались погребены более серьезные принципиальные разногласия между ними — о сущности революции и перспективах ее развития, — но зато был открыт путь к примирению, причем на ленинских условиях.

Сталин приходит на помощь Ленину

После десятиминутного перерыва делегаты заслушали первого оратора, который должен был отстаивать позицию Ленина. Им оказался Сталин, возможно, к удивлению некоторых делегатов из провинции, не читавших его последних статей в "Правде", но помнивших, как далеки были его позиции от позиций Ленина до возвращения последнего.

Воспользовавшись тем, что Каменев свел все разногласия к единственному вопросу о "контроле", Сталин с сарказмом обрушился на все предложение в целом, утверждая, будто кризис по поводу ноты Милюкова показал, что контроль за политикой сейчас в руках Временного правительства, в то время как "Совет пошел за правительством". "Правительство наступает на Совет. Совет отступает. Говорить о контроле Совета над правительством после этого — значит говорить впустую. Вот почему я предлагаю поправку Бубнова о контроле не принимать"*.

Конечно, Сталин поступил в высшей степени нечестно: в своей речи он полностью проигнорировал высказанную Каменевым серьезную критику ленинской позиции по вопросу о революции и искажил разъяснение Каменева и Бубнова о том, каким образом этот "контроль" — в том виде, как они себе его представляли, — мог бы помочь партии и способствовать успеху дела. Преждевременными были и насмешки Сталина над "контролем": через несколько недель подадут в отставку Милюков и его коллега Гучков — убедительное доказательство в пользу именно той самой формы "контроля", которую имели в виду Каменев и московская делегация, т.е. отступить в конце концов пришлось Временному правительству, а не Совету³⁵. Тем не менее речь Сталина явно возымела действие, и не только благодаря напористости и резкости, но также и потому, что Сталин как бы публично заявлял о разрыве с Каменевым и безоговорочной поддержке Ленина.

*Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 49.

По контрасту с короткой речью Сталина выступление Зиновьева — второго адвоката Ленина — было многословным, запутанным и неубедительным*. Совершенно ясно, что в глазах оказавшегося в трудной ситуации Ленина Сталин явно выигрывал по сравнению с конкурентом, поскольку лучше справился со стоящей перед ним задачей. Ясно также и то, что произошло это не только по воле Сталина: вынужденный ограничиться двумя ораторами, Ленин намеренно выбрал его, чтобы он первым начал заключительную часть дебатов³⁶.

В стенограмме Седьмой конференции выступление Сталина 24 апреля выделялось своей грубостью: оно представляло собой поразительный прообраз стиля, тона и интеллектуального бесплодия, которые будут характерны для политической лексики более поздней сталинской эпохи. В то время как другие делегаты — как бы ни были страстны их выступления — всегда старались придать им форму аргументированного, логически стройного анализа, Сталин сводил сложные вопросы к простой анти-тезе между своей собственной — то есть ленинской — позицией, которая объявлялась бесспорно разумной, и позицией оппонента, которую он высмеивал как патентованную глупость. Только дураки, намекал Сталин, могут поддерживать позицию Каменева, благополучно забывая при этом, что всего несколько недель назад именно так поступал и он сам.

Выступление Сталина дает представление не столько о чертах его личности, сколько — и это самое главное — о характере взаимоотношений между ним и Лениным в тот период. Явное одобрение сталинских грубых приемов свидетельствует о степени озабоченности Ленина тем оборотом, который стала принимать работа конференции: ведь сделанный им в день открытия первый важный доклад не только не получил одобрения, но вызвал сомнения и даже прямое сопротивление. По предложению Дзержинского делегаты конференции, выразив недоверие Ленину, потребовали содоклада о текущем моменте и, что еще усилило обиду, выбрали содокладчиком Каменева — ведь никто громче него не заявлял о тех колебаниях, сомнениях и открытом скептицизме, которые вызвала у многих членов партии политическая платформа Ленина. Прежде чем с помощью процедурных приемов удалось прекратить прения по обоим докладам, они со всей очевидностью показали, что делегаты отнюдь не склонны послушно принимать к сведению результаты ленинского анализа. Сделав доклад, Каменев умудрился выиграть несколько очков. Теперь уже Ленину могла помочь не тонкая интеллектуальная казуистика, а резкая, грубая атака на позиции Каменева — с этой задачей Сталин успешно справился.

Троцкий, как всегда чутко улавливая внешние проявления

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 103–105.

глубинных процессов в сознании Сталина, противопоставил выступлению Сталина 24 апреля характерный для Ленина аналитический метод изложения:

”Ленинская концепция революции исходила не из отдельной дипломатической ноты, мало отличавшейся от других правительственных актов, а из соотношения классов. Но Сталина интересовала не общая концепция; ему нужен был внешний повод для поворота с наименьшим ущербом для самолюбия. Он ”дозировал” свое отступление”*.

Однако Троцкий — как это часто с ним случалось, когда он анализировал тактические таланты Сталина,— упустил главное. Сталин поднялся на трибуну не просто для того, чтобы выступить как один из многих делегатов, пожелавших принять участие в дискуссии. Он выступал от имени Ленина, который выбрал первым своим адвокатом Сталина, а уже затем Зиновьева. Троцкий прав, когда пишет об этой речи Сталина как о характерном примере его психического и умственного склада. Однако он не учел, что выступление было сделано с одобрения Ленина и предназначено для достижения важной тактической цели: восстановить контроль Ленина над партией. То, как воспринимает этот эпизод Троцкий, позволяет судить об умственном и психическом складе самого Троцкого: пронизательный в своих суждениях о Сталине, он не видит того очевидного факта, что Ленин использовал Сталина, чтобы подавить зарождающуюся оппозицию.

Позицию Каменева и московской делегации защищали Виктор Ногин, один из представителей Московской организации, и Алексей Рыков — давний соратник Ленина, сотрудник ”Искры” в 1901—1903 годах. В выступлении Ногина не было ничего нового, Рыков же выдвинул несколько свежих идей**. Как и Каменев, Рыков поставил под сомнение точку зрения Ленина, будто буржуазно-демократическая революция в России уже завершена, добавив к этому критическое замечание, что Россию как ”самую мелкобуржуазную страну в Европе” нельзя считать созревшей для пролетарской революции. Пролетарская революция, сказал Рыков, удел развитых капиталистических стран Запада. По мнению Рыкова, партия должна осознать те ограничения, которые связаны с реальной ситуацией, и адаптировать свою программу к сложившимся условиям. В понимании Рыкова это означало сохранение блока партии и других элементов ”революционной демократии”.

На вечернем заседании первого рабочего дня конференции выступили оба содокладчика, Ленин и Каменев. Каменев разъяс-

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 276.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 105—107.

нил и подтвердил принципиальные положения, особенно вопрос "контроля"*. Он вновь призвал дополнить ленинские предложения общего характера конкретными директивами, с тем чтобы партийные работники имели ясные ориентиры в своей деятельности; он снова критиковал Центральный Комитет — то есть Ленина — за его дезориентирующие лозунги и внезапное изменение позиций во время апрельского кризиса. Однако по ключевым вопросам — о войне, о Временном правительстве и о международной социалистической революции — его платформа в основном совпадала с ленинской.

Отвечая Каменеву, Ленин откровенно признал, что во время апрельского кризиса, к сожалению, действительно ощущалась недостаточная координация между Центральным Комитетом и "авантюристами" из Петербургского комитета, и мрачно добавил: "...В будущем мы будем все меры принимать, чтобы достигнуть такой организации, чтобы не было пекистов (члены Петербургского комитета.— *Р.С.*), которые не слушают ЦК***.

Как и Каменев, Ленин свел разногласия между ними к единственной проблеме "контроля", однако отрицал, будто этот вопрос способствовал изоляции партии от ее бывших союзников в Советах. Он сказал, что на самом деле истинной причиной нынешней изоляции партии являлось — и это было для него существенной уступкой — то, что крестьяне по-прежнему выступали за продолжение войны; такую позицию Ленин назвал "шовинистической". При этих условиях, откровенно признал он, нельзя говорить о рабоче-крестьянском союзе. По логике вещей, Ленин должен был по достоинству оценить точку зрения Рыкова, согласно которой в стране с преимущественно крестьянским населением, такой, как Россия, социалистическая революция в марксистском понимании не может быть успешной. Вместо этого Ленин просто-напросто отверг возражения Рыкова как не соответствующие действительности: "Тов. Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм".

Как всегда, когда Ленину приходилось отстаивать свою точку зрения, согласно которой в России, несмотря на относительную слабость рабочего класса, можно осуществить социалистическую революцию, он был немногословен. Несколько месяцев спустя, в июле месяце, мы увидим, как, по сути дела, то же самое утверждение повторит в своем выступлении на партийном съезде Сталин и будет отстаивать его как пример "творческого марксизма".

После того как Ленин произнес заключительное слово, конфе-

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 108–110.

** Там же, с. 112.

решения приступила к выборам комиссии по выработке проекта резолюции о текущем моменте. Результаты голосования четко отражали настроения делегатов: по числу поданных голосов Ленина и его сторонников, Зиновьева и Сталина, обогнали Каменев, Бубнов, Милютин и Ногин. Еще двое избранных в эту комиссию — И. Г. Правдин, представлявший Уральскую областную партийную организацию, и И. А. Теодорович из Петрограда — участия в дискуссии не принимали, но и их вряд ли можно было бы отнести к числу ярых приверженцев Ленина.

Сталин делает доклад об отношениях между Советом и Временным правительством

Пока заседала конференция, "Правда" 25 апреля опубликовала статью за подписью Сталина "О совещании в Мариинском дворце"* . Похоже, эта статья, хоть она и не была включена в официальную стенограмму Апрельской конференции, первоначально была представлена как обращение к делегатам, возможно, в день открытия, 24 апреля. Один из ее делегатов, С. И. Гопнер, позднее вспоминал: "Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ делает информацию о вчерашнем ночном заседании Временного правительства совместно с представителями Петроградского Совета в Мариинском дворце"**. По мнению Гопнер, утверждавшей, что слышала выступление Сталина, оно отличалось "четкостью и лаконичностью", а его отчет о прошедшем ночном заседании Гопнер назвала даже "красочным". Опубликованную статью, пожалуй, красочной никак не назовешь, однако четкий, можно сказать, анатомический анализ мотивов поведения членов Временного правительства — Милюкова, Гучкова и Шингарева — явно производил впечатление. Резкие критические выпады в адрес Каменева в выступлении двадцать четвертого числа, как это ни удивительно, не помешали Сталину поведать в самом конце статьи, как Каменев в качестве представителя Исполнительного комитета Совета обвинял Временное правительство в том, что из-за своего упорного стремления вести войну до победного конца оно не в состоянии справиться со стоящими перед страной проблемами. Разрешение этих проблем, заявил Каменев, требует "перехода власти в руки другого класса, способного вывести страну из тупика..."

Возможно и не ставя себе такой цели, Сталин приводит в

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 43—47.

** Гопнер С. И. Мартовские и апрельские дни 1917 года (из воспоминаний участника Октябрьской революции). — "Вопросы истории", 1957, № 3, с. 52.

статье весьма ценную информацию о важном сдвиге во взглядах Каменева на войну и Временное правительство, существенно сближавшем Каменева с Лениным. Можно ли считать, что отчет Сталина о заседании в Маринском дворце навел Ленина на мысль использовать Сталина в качестве одного из ораторов в дискуссии, развернувшейся на заседании во второй половине дня 24 апреля? Судя по всему, да. Слышал ли Ленин выступление Сталина или просто узнал о нем от кого-то из делегатов конференции – в любом случае он, по всей видимости, сразу же оценил идеальную возможность успешно использовать Сталина в дискуссии с Каменевым по вопросу о "контроле". Выбор Сталина как основного защитника его позиций был сопряжен с известной долей риска: ведь это было первое выступление молодого партийца в поддержку Ленина, да еще на такой важной конференции, и оно вполне могло оказаться неудачным. Однако в случае успеха соответственно увеличивался и выигрыш: ведь еще 6 апреля Сталин вместе с Каменевым выступал против Ленина, и если теперь, публично критикуя Каменева, он поддержит Ленина, то столь резкий переход вполне мог способствовать переориентации многих колеблющихся партийных делегатов в пользу ленинских позиций.

Организационная работа (25–28 апреля)

После необычного для него взрыва активности в день открытия конференции Сталин вновь оказался среди тех безмолвных делегатов, чей удел – внимать партийным лидерам и выражать свое мнение только при голосовании. Однако в течение последующих трех дней Сталин вовсе не сидел сложа руки. Он был одним из членов комиссии по выработке проекта резолюции о текущем моменте. Хотя главной фигурой и основным генератором идей в данном случае все равно оставался Ленин, активного участия ждали и от остальных ее членов. В результате коллективных усилий должен был появиться окончательный вариант резолюции, отражающий все важные аспекты проблем, стоящих перед партией в условиях "текущего момента".

Текста выступления Сталина 24 апреля не сохранилось. Более того, до нас не дошло никаких воспоминаний о его участии – если оно вообще было – в обсуждении доклада о текущем моменте. Так или иначе, Сталина не слишком волновало, сможет ли он высказать собственные оригинальные суждения, ему было гораздо важнее в тот момент получше усвоить и отстоять позиции Ленина. В эти дни Сталину была поручена еще одна, более ответственная миссия: Ленин выбрал его, чтобы представить делегатам доклад по национальному вопросу, и ему потребовалось собрать все силы, чтобы с честью выполнить эту почетную задачу.

Пока Сталин был поглощен редакторскими трудами, делегаты конференции занимались организационными вопросами. Согласно первоначальному плану Ленина, основное бремя ответственности за эту деятельность предполагалось возложить на Зиновьева. Зиновьев председательствовал на всех заседаниях — его имя в качестве председателя указывалось почти во всех протоколах. Однако по мере того, как продвигалась работа конференции, роль специального уполномоченного Ленина по улаживанию конфликтов и организационных дел мастера приобрел деятельный и работоспособный делегат из Екатеринбургa — Яков Свердлов. Со дня открытия конференции, когда статус Свердлова в глазах делегатов был подтвержден избранием его в президиум, он явно дал понять, что намерен принять в ее работе самое активное участие. Еще до официального открытия конференции Свердлов вместе с Ногиним выступил с инициативой включить в повестку дня доклад о социал-демократической "мирной конференции" в Стокгольме.

Этот доклад сделал Ногин, а Свердлов продемонстрировал свое ораторское мастерство несколько позднее, на заседании 25 апреля. Он был первым докладчиком от партийных организаций на местах. Свердлов представлял Уральскую область, один из главных промышленных районов России и один из большевистских бастионов, лишь ненамного уступавший по значению Петрограду и Москве.

На пятом заседании конференции, утром 26 апреля, Свердлов сделал важный ход, предложив делегатам образовать пять секций для подготовки итоговых докладов. Когда Ленин поднялся, чтобы поддержать это предложение, вопрос был практически решен. Под неусыпным руководством Свердлова делегаты приступили к нелегкому труду по подготовке проектов докладов, покорно принеся в жертву этой работе роскошь ничем не сдерживаемых дебатов, которыми было отмечено первое заседание.

К седьмому заседанию, состоявшемуся утром 27 апреля, Свердлов уже завоевал в глазах Ленина столь прочную репутацию, что ему была поручена ответственная задача зачитать пункт за пунктом проект "Резолюции о войне", а когда делегаты собрались вечером 29 апреля на свое предпоследнее заседание, именно Свердлов инструктировал их, как заполнять бюллетени для тайного голосования при выборах в Центральный Комитет.

Выборы в Центральный Комитет (вечер 29 апреля)

Как в предварительной повестке дня от 13 апреля, так и в ее окончательном варианте, принятом в начале Апрельской конференции, вопрос о выборах новых партийных органов значил-

ся в самом конце, после дебатов по всем важным проблемам. Выборы нового Центрального Комитета, проводимые впервые за пять лет — по причинам, относительно которых протоколы хранили молчание, — были передвинуты на первую половину девятого заседания, вечером 28 апреля, перед докладами и дискуссией по национальному вопросу.

Делегаты были взволнованны: даже из лаконичных записей протоколов ясно, что они отдавали отчет, сколь многое зависит от того выбора, который им предстояло сделать. В большевистской партии, с ее акцентом на централизованный контроль и руководство, выбрать дееспособных лидеров было не менее важно, чем наметить верную тактику.

Как показало голосование по процедурным вопросам, делегаты не изъявляли ни малейшего желания подчиниться единоличному руководству Ленина или кого бы то ни было другого. В самом начале Ленин предложил увеличить численность Центрального Комитета с девяти до тринадцати человек, включив в него ядро старых членов ЦК, избранных еще в 1912 году, и добавив туда новобранцев, которые бы разделили с ними тяжелое бремя труда, ожидавшего, по всей видимости, руководство партии в связи со скорой революцией. Предложение Ленина поддержал Зиновьев, утверждавший, что, судя по опыту, девяти членов ЦК недостаточно. На делегатов, однако, эти аргументы никакого впечатления не произвели, и они отвергли предложение Ленина, явно тяготея к сложившимся уже в партии организационным формам*.

Несколько лучше обстояло дело с предложением Зиновьева провести до выборов обсуждение кандидатов: оно прошло с большим скрипом и с минимальным перевесом в 35 против 33 голосов, причем по меньшей мере треть делегатов в голосовании участия не принимали. Хотя сам Ленин благоразумно воздержался от того, чтобы выдвинуть это предложение, он явно его поддерживал, о чем говорило его активное участие в обсуждении кандидатур.

Стенограмма обсуждения кандидатур в состав Центрального Комитета, возможно, один из ценнейших документов, хранившихся много лет за семью печатями в партийных архивах; она была извлечена и впервые опубликована в 1958 году в протоколах Седьмой конференции. Это живой источник информации о ленинской тактике и незаменимый ключ для понимания того, как появился Сталин среди главных партийных лидеров.

Даже в те времена, когда хранители партийных архивов несколько ослабили свой контроль, они все же не осмелились опубликовать стенограммы полностью. Протоколы Центрального Комитета за период с начала апреля вплоть до конца июля

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 207–208.

1917 года до сих пор остаются неопубликованными, хотя о намерении ознакомить с ними широкие массы было объявлено все в том же добром 1958 году. Конспективное изложение недостающих протоколов было дано в одной из советских научных статей, опубликованных в 1977 году, однако вряд ли эти конспекты можно считать адекватной заменой оригинальных текстов*.

В состав Центрального Комитета было выдвинуто всего 26 кандидатур, начиная с совершенно очевидной и незаменимой кандидатуры Ленина и кончая неизвестными деятелями. 7 из 26 предложенных кандидатур вообще не обсуждались – Ленина и Зиновьева и так хорошо знали, что касается остальных, то ни у кого не возникло никакого желания их обсуждать. У восьмерых из тех, кто был официально представлен делегатам, не нашлось ни сторонников, ни противников; среди них жена Ленина Крупская и Инесса Арманд.

Драматический характер этих выборов отчасти объяснялся негласным конфликтом между двумя группировками, которые руководили партией до возвращения Ленина. Молотов, Шляпников и Залуцкий – все трое кандидаты в члены ЦК – придерживались в начальный период революции ленинской линии; Сталин и Каменев – Муранов кандидатом не был – сделали резкий вираж вправо.

При всей своей верности ленинским принципам ни один из членов первой группировки в состав ЦК избран не был. Каменева и Сталина, напротив, избрали, и к тому же с весьма убедительным перевесом: Сталин, набрав 97 голосов, оказался, судя по всему, третьей по популярности фигурой в партии, уступая Ленину, набравшему 104 голоса, и Зиновьеву, набравшему 101 голос. Следом за ними шел Каменев. Он получил 95 голосов. Затем с солидным разрывом шли Милютин – 82 голоса, Ногин – 76, Свердлов – 71 и уже потом, опять с большим разрывом, – Смилга, набравший 53 голоса, и Федоров – 48**.

Стенограмма обсуждения кандидатур помогает объяснить эти поразительные результаты. Прежде всего – и это факт кардинального значения – сам Ленин лично выступил в поддержку только двоих кандидатов, и это были не Крупская и Арманд, как того могли ожидать некоторые наивные делегаты, – ведь их лояльность и их услуги Ленину были обеспечены в любом случае, и они ему были не так уж нужны в составе ЦК; двумя протеже Ленина оказались оплошавшие на втором этапе революции Сталин и Каменев.

* А н и к е е в В. В. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Март–октябрь 1917 г. – В кн.: Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977, с. 26–53.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 228.

Кандидатура Каменева обсуждалась третьей, сразу же вслед за кандидатурами Ленина и Зиновьева, прошедшими hors concours*. Первым с оскорбительными выпадами в адрес Каменева выступил один дерзкий делегат по фамилии Соловьев — на конференции с этой фамилией было два делегата, а из протоколов невозможно понять, о ком из них идет речь в данном случае. Сначала он напомнил о его поведении в 1915 году во время суда над большевистскими депутатами думы, затем — о его выступлениях в "Правде" в марте, особенно о тех, где тот поднимал голос в защиту оборончества**.

Антикаменевские настроения явно имели среди делегатов широкое распространение. Когда в 1926—1927 годах к развернувшейся всеобщей кампании травли Каменева были привлечены — разумеется, не без указаний Сталина — некоторые из членов партии, участвовавших в работе Седьмой конференции, то вспоминали они прежде всего о том, как на предварительном совещании делегатов, предшествовавшем официальному вечернему заседанию 29 апреля, была отклонена кандидатура Каменева. В числе причин, по которым она была отклонена, значился как суд 1915 года, так и подписанная им в марте 1917 года телеграмма Михаилу Романову, приветствующая его отречение от трона***. Таким образом, начало голосования за кандидатов в состав ЦК вызвало среди делегатов волну антикаменевских настроений, и, атакуя Каменева, Соловьев нисколько не сомневался, что выражает популярную среди делегатов точку зрения.

То, как реагировал на это Ленин, должно быть, обескуражило многих делегатов****. Он начал с того, что просто-напросто оставил без внимания затронутый Соловьевым вопрос о выступлениях Каменева в мартовских номерах "Правды": "...во-первых, потому, что не помню, а, во-вторых, ведь многие товарищи колебались в первые революционные моменты".

Что касается поведения Каменева на суде в 1915 году, то тут Ленин вынужден был признать серьезность обвинения, однако счел, что теперь оно уже не имеет такого большого значения: "...В свое время поведение т. Каменева было осуждено ЦК. В центральном партийном органе за границей было сказано, что поведение депутатов в процессе, а Каменева в частности, недопустимо. Этим инцидент был исчерпан. Некоторые товарищи считали, что эти меры были недостаточно строги, но по моему мнению — достаточны. Поэтому нельзя из-за проступка, за который т. Каменев был уже привлечен к суду и достаточно оце-

* Вне конкурса (франц.). — Прим. перев.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 322.

*** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 322, примечание. О телеграмме Михаилу Романову см.: Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 250.

**** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 322.

нен и осужден, нельзя возражать против его кандидатуры. Инцидент исчерпан. Никаких данных о колебании нет”.

Опустив завесу над прошлым и полностью проигнорировав ссылки Соловьева на недавние проступки Каменева как одного из редакторов “Правды”, Ленин обратил внимание делегатов на положительные стороны Каменева. “Деятельность товарища Каменева, — сказал он, — продолжается 10 лет, и она очень ценна. Он ценный работник, как в Исполнительном комитете (Совета. — Р.С.), так и в редакции. Простирать дальше инцидент нельзя. То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах”.

Почувствовав, откуда дует ветер, и стараясь смягчить свои разногласия с Лениным, Ногин бросился на защиту Каменева, попутно слегка исказив факты. Московское областное бюро партии, сказал Ногин, резко осудило Каменева за его поведение на суде над депутатами думы, однако затем — после жарких дебатов — избрало его в качестве докладчика по вопросу о войне — по всей видимости, на совещании, проведенном бюро 19–21 апреля. В сноске, содержащейся в опубликованных в 1958 году протоколах конференции, указывается, что Ногин ошибался: Каменев делал доклад о войне не на совещании Московского областного бюро, а на Всероссийском совещании, прошедшем 27 марта — 2 апреля*. Более того, именно Каменев был избран московской делегацией для оглашения ее точки зрения в дебатах о текущем моменте. В соответствии с этим решением Ногин выразил Каменеву “полное доверие”.

Поддержав благоприятный отзыв Ленина о Каменеве, Ногин усилил и свои собственные позиции: по результатам голосования он оказался вторым в группе, следовавшей сразу же за “большой четверкой”, и это несмотря на противоположный вердикт, вынесенный Розалией Землячкой (Самойловой), одного из влиятельных деятелей в Московском городском комитете. А порывистый и безрассудный Соловьев, осмелившийся выступить против Каменева до того, как стала ясна позиция Ленина, не оставил в партийной истории никакого заметного следа — даже неизвестно, который именно из двух присутствовавших на конференции Соловьевых выступал против Каменева.

После дискуссии о кандидатуре Каменева делегаты перешли к обсуждению кандидатуры И. А. Теодоровича, члена Петербургского комитета и ветерана политической борьбы, долгие годы проведенного в заключении. В поддержку его кандидатуры выступил Зиновьев, напомнивший о заслугах “одного из примерных

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 323, примечание.

марксистов” в рабочем движении*. А другой член Петербургского комитета, Ф. И. Голощекин, выступил против Теодоровича, полностью отрицая какие бы то ни было его прошлые заслуги перед партией. ”Раньше,— сказал Голощекин,— т. Теодорович был видная фигура, но десять лет каторги и оторванность от партийной жизни наложили определенную печать, и человек не способен к работе”***.

Не удовлетворившись этим, Голощекин добавил, что, судя по сообщениям прессы из Красноярска, Теодорович выражает идеи правого крыла. Неудивительно, что Теодоровичу не удалось набрать голосов, необходимых для включения в состав ЦК. Это свидетельствовало о том, что рекомендации Зиновьева в глазах делегатов особого веса не имели.

В общем, Зиновьев выступил в поддержку четырех кандидатов — Теодоровича, Ногина, Милютин и Н. П. Глебова (Авилова), тоже входившего в состав Петербургского комитета. Лишь двое из них — Ногин и Милютин — были избраны в ЦК, однако их активное участие в работе конференции, возможно, обеспечило бы их вхождение в ЦК и без поддержки Зиновьева. Было ясно, что власть, которую в своих руках держал Ленин, на Зиновьева отнюдь не распространялась.

Пятой на обсуждение была представлена кандидатура Сталина. Единственным, кто выступил, оказался Ленин. Однако в краткой характеристике, которую он дал Сталину, было сказано все, и столь властным тоном, что никто из делегатов не осмелился возразить. ”Тов. Коба,— сказал Ленин,— мы знаем очень много лет. Видали его в Кракове, где было наше бюро. Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах”****.

И это все, что он счел нужным сказать о непростой биографии Сталина как видного деятеля партии и как человека, бывшего редактором ”Правды” в марте! Очевидно, Ленин принял твердое решение оказать Сталину безоговорочную поддержку и полностью простить ему все прошлые неудачные старты и ошибки. Должно быть, для Сталина это был звездный час — такой триумф по значимости мог сравниться только с оглашением результатов голосования, когда он, набрав 97 голосов, оказался третьим, сразу же после Ленина со 104 и Зиновьева со 101 голосом и на несколько голосов впереди Каменева.

Некоторые авторы, будучи в неведении относительно подробностей обсуждения кандидатов в состав ЦК, которые впервые увидели свет лишь в 1958 году, утверждали, будто большое число голосов, поданных за Сталина, служит доказательством того,

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 323.

** Там же.

*** Там же.

что он к тому времени уже завоевал прочные позиции в партии благодаря своим собственным заслугам и репутации. Дейчер, например, пишет:

”Впервые Сталин подтвердил свое право на лидерство, набрав большое число голосов в прямых, открытых дебатах. Для партийного актива он был теперь уже знакомой фигурой, хотя для аутсайдеров по-прежнему оставался всего лишь именем”*

Сходное мнение высказывает и Улам:

”Его нынешний статус в партии был подтвержден тем фактом, что при тайном голосовании он получил голоса 97 из 109 делегатов.... Почти безвестный кавказец в 1912 году, человек, которого еще пять недель назад из-за дурного характера и манер рекомендовали держать подальше от руководящих партийных органов, теперь был прямо и открыто признан товарищами-большевиками как ведущий ”практик” в партии”**.

Эти и другие подобные суждения не подтверждаются, однако, фактами, содержащимися в документах того обсуждения. Опубликованные в 1958 году, они неопровержимо свидетельствуют, что именно личное ходатайство Ленина — в значительно большей степени, чем любые личные заслуги Сталина, — обеспечило ему столь высокие результаты голосования. После резкой отповеди в адрес критиков типа Соловьева, подразумевавшейся в выступлении Ленина в защиту Каменева, никто из делегатов уже не осмеливался напомнить товарищам о тех ошибках, которые допустил Сталин до возвращения Ленина. Уж если сам Ленин готов был забыть ошибки недавнего прошлого, то и делегаты с готовностью следовали его примеру. Число голосов, поданных за Сталина и Каменева, отражало популярность в партии Ленина, а отнюдь не Сталина и Каменева. Роберт Пейн был близок к истине, когда писал: ”Как обычно, Центральный Комитет был подобран Лениным, а голосование было не более чем простой формальностью”***.

Ленин, если верить Троцкому, позднее вспоминал, что имя Свердлова даже не было включено в первоначальный список претендентов в члены ЦК****. ”К счастью, — сказал, по свидетельству Троцкого, Ленин — снизу нас поправили”. Иными словами, делегаты проголосовали за Свердлова даже вопреки тому, что он не был включен в тот основной список, который был подготовлен Лениным и его ближайшими помощниками.

Троцкий полагал, что то обстоятельство, что Ленин не удосужился включить Свердлова в первоначальный список, было ре-

* Deutscher I. Op. cit., p. 142–143.

** Ulam A. B. Op. cit., p. 141.

*** Payne R. The Rise and Fall of Stalin. N. Y., Simon & Schuster, 1965, p. 180.

**** Троцкий Л. Указ. соч., с. 278.

зультатом влияния, оказанного на Ленина Сталиным,— влияния, которое в других случаях Троцкий был склонен преуменьшать. Вспоминая инциденты в редакции "Правды" в 1912 году и во времена сибирской ссылки, когда отношения между Сталиным и Свердловым ухудшились, Троцкий писал:

"На конференции он (Сталин — *Р.С.*), видимо, пытался взять реванш и сумел какими-то путями, о которых мы можем лишь строить догадки, завоевать поддержку Ленина. Однако покушение не удалось. Если в 1912 г. Ленин натолкнулся на сопротивление делегатов, когда стремился ввести Сталина в Центральный Комитет, то теперь он встретил не меньший отпор при попытке оставить Свердлова за бортом"*.

Троцкий сильно преувеличивал: опубликованные материалы об обсуждении кандидатур свидетельствуют о том, что Ленин отнюдь не выступал против кандидатуры Свердлова. В обсуждении кандидатуры Свердлова принял участие только В. В. Куйбышев из Самарской партийной организации, который сказал: "Тов. Свердлов — старый партийный работник, незаменимый организатор. Присутствие его необходимо в ЦК"***.

Это сжатое, но в высшей степени содержательное заявление, вне всякого сомнения, отражало точку зрения значительной группы делегатов, и этого было вполне достаточно, чтобы включить Свердлова в состав ЦК, хоть он и набрал значительно меньше голосов, чем было у "большой четверки". Воспоминания Троцкого, порой основанные на слухах и более поздних комментариях Ленина — ведь сам он не был делегатом Апрельской конференции,— предполагают существование некоего первоначального списка кандидатов в члены ЦК, который был составлен Лениным и который циркулировал среди делегатов до начала голосования³⁷. По всей видимости, именно из этого списка и было исключено имя Свердлова. Эпизод, рассказанный Троцким, также свидетельствует о том, что к подготовке этого списка приложил руку и Сталин, то есть к тому времени он был одним из деятельных функционеров ведущей группы в партийной верхушке. Это предположение подтверждают данные самых различных источников. Однако прежде всего обратимся к докладу Сталина по национальному вопросу.

Сталин и Махарадзе делают доклад по национальному вопросу

Вопреки процедуре, предусмотренной предварительной повесткой дня, конференция провела дискуссию по национальному

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 278.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 324.

вопросу *после* выборов в Центральный Комитет, но *прежде*, чем были объявлены результаты голосования.

Что послужило причиной этих процедурных изменений? Во-первых, как мы уже видели, Ленин, бесспорно, хотел, чтобы Сталин вошел в самое ядро партийного руководства, и, возможно, счел благоразумным избежать риска на тот случай, если позиция, занятая Сталиным в ходе горячих дебатов по национальному вопросу, вызовет отрицательную реакцию у делегатов. Гораздо лучше сначала обеспечить его избрание, мог рассуждать Ленин, а уж потом пойти на риск и дать ему выступить по национальному вопросу. Это процедурное изменение имело, с точки зрения Ленина, еще одно преимущество: оно давало возможность продемонстрировать свою безоговорочную поддержку Сталину еще до того, как последний выступит по национальному вопросу. Таким образом, делегатам давалось понять, что Сталин выступает не только от себя лично, но и выражает позицию Ленина.

Может возникнуть вопрос: почему Ленин сам не сделал этот доклад по национальному вопросу? Ведь ни для кого на конференции, по сути дела, не было секретом, что именно он написал резолюцию, которая и была в конце концов принята. Но чтобы поставить Сталина докладчиком по этому вопросу, Ленин располагал весьма вескими причинами. Ведь Ленин был русским, и, вероятно, ему было бы трудно отстоять свои позиции и выдержать критику таких стойких партийцев другой национальности, как поляк Дзержинский, украинец Пятаков или грузин Махарадзе. Между тем его позиции становились менее уязвимыми, если их отстаивал не русский, а, например, "чудесный грузин"³⁸ Джугашвили-Сталин. Снова, как и в 1913 году, Ленин привлек Сталина, чтобы защитить позиции, вызывавшие острую критику представителей все тех же национальных меньшинств в партии.

Как раз накануне Седьмой конференции национальный вопрос поневоле привлек внимание Ленина в связи с обращением финских социал-демократов, требовавших оказать поддержку национально-освободительному движению Финляндии. На начальной стадии работы конференции Ленин понял, что этот вопрос непременно вызовет разногласия, а его собственная позиция будет подвергнута критике. 25 апреля, когда на третьем заседании развернулась дискуссия о социалистической "мирной конференции" в Стокгольме, Дзержинский поднял вопрос о независимости Польши, включенный как одно из требований партии в проект резолюции. "Нам не следует,— заявил Дзержинский,— выдвигать национального вопроса, ибо это отодвигает момент социальной революции. Я предложил бы поэтому вопрос о независимости Польши из резолюции выкинуть"*.

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 119.

У Дзержинского была и еще одна возможность отстоять свою точку зрения, когда он стал одним из трех членов комиссии, образованной для выработки резолюции о Стокгольмской конференции, однако, похоже, здесь он оказался в меньшинстве, поскольку в окончательном тексте принятой на конференции резолюции пункт о независимости Польши был сохранен*. Возможно, этот инцидент напомнил Ленину о том, какой взрывоопасной силой обладал национальный вопрос и какую потенциальную угрозу он представляет для его позиций, если они будут обсуждаться на конференции при полном составе делегатов.

Другим показателем воинственного настроения делегатов в отношении национального вопроса послужило принятое конференцией решение о процедурном порядке проведения дискуссии на эту тему. Делегат из Петрограда С. И. Петриковский — его записки послужили ценным дополнением к официальным протоколам конференции — отметил, что делегаты проголосовали за то, чтобы заслушать по национальному вопросу двух докладчиков, дав каждому из них по тридцать минут, а затем предоставить возможность для двух десятиминутных выступлений по каждому из докладов, одно в поддержку позиции докладчика, а другое — против**.

Доклад Сталина — он вышел на трибуну уже за полночь — был сравнительно коротким***. Почти треть времени была посвящена вступлению, в котором он, формулируя "некоторые предпосылки", попутно исправлял те грубые ошибки, которые допустил в опубликованных в марте статьях в "Правде". Тогда он объявлял земельную аристократию классом, прежде всего несущим ответственность за национальное угнетение, и выделял Швейцарию, Соединенные Штаты и Великобританию, называя их демократическими государствами, в которых не существует национального угнетения. Теперь он благоразумно ограничил свои примеры демократии одной только Великобританией, где "имеется известная степень демократизма и политической свободы", к радости ученых-марксистов добавив, что "под демократизацией мы подразумеваем наличие определенных классов, стоящих у государственной власти".

Эти азбучные марксистские положения позволяли Сталину легко перейти к пересмотру проведенного им ранее анализа классовых источников национального угнетения. В своих мартовских статьях он определял земельную аристократию как класс, несущий основную ответственность за национальное угне-

* Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898—1954. М., 1954, т. 1, с. 446.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 370, прим. 208.

*** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 49—55.

тение. Теперь, с явной неохотой расставаясь с идеей, к которой испытывал непреодолимое тяготение — ведь как-никак, но это была его собственная оригинальная мысль,— он добавил: "...С этой точки зрения можно сказать, что чем ближе к власти старая земельная аристократия, как это было в старой царской России, тем сильнее гнет и тем безобразнее его формы".

Предприняв таким образом попытку привести свои идеи в согласие с марксистскими принципами, Сталин перешел к чтению резолюции в том виде, в каком ее составил Ленин. Наиболее противоречивым положением в ней было то, что "за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства"* . В качестве примера того, как отрицание этого права ведет к "прямому продолжению политики царизма", Сталин приводит "конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством". В резолюции, однако, благоразумно проводилось разграничение между "правом нации на свободное отделение" и "целесообразностью отделения той или другой нации в тот или иной момент". (Курсив мой.— P.C.) Этот вопрос должен решать пролетариат — иными словами, претендующая на то, чтобы представлять пролетариат, большевистская партия — "совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм".

Для наций, которые принимают решение не осуществлять своего права на отделение, "партия требует широкой областной автономии", однако она «решительно отвергает так называемую "культурно-национальную автономию"». Более того, она "требует включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств".

Однако всю эту тщательно разработанную конструкцию роковым образом подрывал последний раздел резолюции, который исключал признание каких бы то ни было прав за представителями национальных меньшинств в партии:

"Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т.д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом".

Далее Сталин с несколько показной убежденностью дает

* Mc Neal R. H. Op. cit., v. I, p. 225.

толкование этих положений. Время от времени, однако, тяжкий груз, который он на себя взвалил, взявшись отстаивать позиции, в которые в действительности не верил, давал о себе знать, и тут проявлялись истинные настроения Сталина. Например, защищая ленинский принцип права национальных меньшинств на отделение, Сталин признал: "Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр. Но если бы народы Закавказья все же потребовали отделения, то они, конечно, отделились бы, и они не встретили бы с нашей стороны противодействия".

В самом конце доклада Сталин заявил, что "наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям:

- а) признание за народами права на отделение;
- б) для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия;
- в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие;
- г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия"*.

Во вводной части своего содоклада Пятаков заявил, что состоявшая из девяти человек секция по подготовке доклада конференции по национальному вопросу проголосовала 7 голосами против 2 в пользу позиции, на которой, по словам Пятакова, "стоит революционная часть немецкой социал-демократии, польская социал-демократия и др.", — эта позиция отличалась от только что изложенной Сталиным позиции Ленина. Вместе с тем Пятаков признал, что на конференции существует общее согласованное мнение по многим аспектам национального вопроса, и поэтому он посвятил свой доклад рассмотрению тех его аспектов, по которым существуют разногласия**.

Мягко пожурив Сталина за акцент на земельную аристократию как главный источник национального угнетения, за чрезмерное внимание к истории прошлого, Пятаков привлек внимание делегатов к сложившимся в мире экономическим условиям. Эти условия, сказал он, делают национальную независимость "устаревшим" принципом, а требование национальной независимости "взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять".

В современном обществе, утверждал Пятаков, раскол между буржуазией и пролетариатом углубился до такой степени, что между этими "двумя непримиримыми лагерями" теперь уже, в

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 55.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 213–215.

сущности, не осталось ничего общего. Если польская буржуазия, представляя большинство польского населения, желает образовать независимую Польшу, в то время как пролетариат хочет, чтобы Польша была включена в "общую социалистическую организацию", то большевистская партия имеет все основания "повести борьбу против польской буржуазии". Сталинскую формулировку этого вопроса Пятаков осудил как "чисто метафизическую".

Другой отличительной чертой настоящей эпохи было, по мнению Пятакова, фактическое слияние экономической системы капитализма с государственной формой буржуазной демократии. Если в более раннюю эпоху лозунг независимого государства представлял собой прогрессивное требование, то теперь это "реакционный фактор, направленный против социализма". В настоящее время, утверждал Пятаков, движения за национальную независимость, руководимые на самом деле националистически настроенной буржуазией и направленные "против социалистической революции... стали явно реакционными".

Пятаков заявил, что он ничего не имеет против борьбы за то, чтобы положить конец угнетению национальных меньшинств, однако важно отделять этот вопрос от борьбы за социализм "без национальных границ". Пятаков отметил неосторожное признание Сталина о том, что тот не поддерживает идеи независимости Закавказья, однако воздержался от того, чтобы извлечь выгоду из этого просчета.

Подводя итоги, Пятаков призвал к тому, чтобы партия четко определила цели по национальному вопросу и «не ограничивалась формулировкой абстрактного "права на самоопределение", формулировкой, способной "сыграть на руку мелкобуржуазной реакции"».

В соответствии с изложенными в его докладе идеями представленная Пятаковым резолюция утверждала, что "образование национальных государств в обстановке империалистической эпохи, т.е. эпохи кануна социалистической революции, есть вредная и реакционная утопия", и откровенно провозглашала, что "международная партия пролетариата в том случае, когда на ее стороне большинство в общеевропейском масштабе, не может считаться с волей большинства нации, если эта воля разойдется с волей пролетарского меньшинства ее"*.

В соответствии с этим в резолюции говорилось, что «"право наций на самоопределение" есть просто фраза, без всякого определенного содержания», и выдвигалось предложение внести соответствующие изменения в программу партии. Вторя ленинскому проекту резолюции, представленный Пятаковым вариант завершался требованием "слияния рабочих всех национальнос-

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 282–283.

тей России в единых пролетарских организациях”, мотивируя это тем, что такое слияние “дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом”.

Ленин первым выступил в защиту резолюции, предложенной Сталиным. Стенографический отчет его выступления оказался неполным. Однако ясно видна общая направленность его рассуждений. Рассматривая требование Пятакова о конкретных директивных направлениях, Ленин фактически признал, что национальная политика является вопросом тактики и различается в зависимости от условий на местах. “...Надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше — свободу соединения”^{*39}.

Основную часть своего десятиминутного выступления Ленин посвятил полякам. Он укорял их, и в особенности Дзержинского, за то, что они смешивают вопрос о свободе Польши с вопросом о социалистической революции. Ведь ни один поляк, говорил Ленин, не внес никаких существенных предложений, когда речь шла о Финляндии, Украине и других районах, где живут национальные меньшинства. Должна ли партия поддерживать политику национального угнетения в этих районах? Такие действия, утверждал Ленин, равносильны “шовинизму”. Действенной пропагандой для угнетенных масс может стать только пример социалистической революции.

Аргументы Ленина Дзержинского отнюдь не убедили. Выступив первым оратором, поддержавшим проект резолюции Пятакова, он обвинил Ленина в том, что тот стоит на позициях польских, украинских и других национальных шовинистов^{**}. Дзержинский напомнил слушателям, что еще во время Второго партийного съезда в 1903 году польские социал-демократы отказались присоединиться к партии из-за своей позиции по вопросу о независимости Польши. Он резко осудил двойственную тактику Ленина: “Какая это социал-демократическая точка зрения? Наши позиции должны быть одинаковыми. Разве интересы польского и русского пролетариата не совершенно тождественны?”

Что же касается “воли нации”, то она, как утверждал Дзержинский, может проявиться только в условиях социализма. Для Польши право на независимость будет, в сущности, означать право буржуазии утвердить свое господство. Революция 1905 года, с точки зрения Дзержинского, положила конец националистическим настроениям польских рабочих. Что же ка-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 433–434.

** Седьмая (апрельская) конференция..., с. 219–220.

сается брошенного Лениным язвительного упрека, будто польские социал-демократы ничего не могут сказать по национальному вопросу, Дзержинский категорически опроверг это обвинение: "Наш конкретный ответ: национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой за социализм, сепаратистские же стремления есть стремления борьбы с социализмом. Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение". Что же касается Финляндии, то тот факт, "что Финляндия есть особое государство, совершенно не говорит в пользу отделения Финляндии от России. Если Временное правительство хочет взять на себя те права, которыми раньше обладал царь по отношению к Финляндии, то, кажется, нашей задачей, единственным методом для нас является борьба с этим Временным правительством за демократизацию России, за уничтожение этого позорного правительства, которое желает насильствовать волю финского народа".

Зиновьев, выступавший после Дзержинского, поддержал ленинский проект резолюции*. Он обвинил Пятакова в том, что тот, каковы бы ни были его цели, объективно стоит на националистических позициях. Возможность распространения социалистической революции на колониальные народы, заявил Зиновьев, требует от партии выработки согласованной антиимпериалистической позиции. Что же касается Финляндии, то пусть финский народ сам решает свою судьбу.

Последним выступил грузин Филипп Махарадзе, представлявший Тифлисскую партийную организацию и высказавшийся в поддержку Пятакова**. Махарадзе сделал весьма знаменательное и содержащее угрозу в адрес Ленина заявление о том, что "те из присутствующих на конференции товарищей, которые в первый раз здесь совместно обсуждали национальный вопрос и которые сами являются представителями угнетенных наций, почти все единодушно пришли к решению, сформулированному здесь т. Пятаковым". Выражая точку зрения партийца, привыкшего работать в условиях Закавказья с характерной для него сложной структурой национальных меньшинств, Махарадзе предостерегал, что принятие ленинской — то есть сталинской — резолюции, содержавшей раздел о "праве на отделение", может существенно ухудшить перспективы работы партии в областях, где проживают меньшинства. Национальный вопрос, предсказывал Махарадзе, будет решен "только при социалистическом строе", и, вторя Пятакову, он заявил, что "национальное государство в настоящее время относится к прошлому, а не к будущему"⁴⁰.

Пять минут, отведенные для "заключительного слова", Пята-

* Седьмая (апрельская) конференция..., с. 222–224.

** Там же, с. 224–226.

ков использовал, чтобы ответить Ленину и Зиновьеву. Не сказав, по существу, ничего нового, он настоятельно рекомендовал продолжить в партии дискуссию по национальному вопросу. Заключительное слово взял Сталин. Он перевел вопрос в плоскость тактических задач: партия должна поддержать движение за независимость в Финляндии, дабы продемонстрировать свою оппозицию к Временному правительству.

6 апреля Сталин выражал сожаление, что тот "мост" между социалистической революцией на Западе и антиимпериалистическим движением на Востоке, о котором говорит Ленин, представляет собой лишь "схему", которая лишена фактического содержания, "а потому и не удовлетворяет". С тех пор у него была возможность поработать в тесном сотрудничестве с Лениным и позаимствовать его подход к вопросам революционной стратегии и тактики. Теперь в своем заявлении, которое можно было по праву считать истинно ленинским, Сталин внес поправку в ту строгую критику, которую он высказал 6 апреля на заседании Русского бюро:

"Либо мы считаем, что нам необходимо создать тыл для авангарда социалистической революции в лице народов, поднимающихся против национального угнетения,— и тогда мы прокладываем мост между Западом и Востоком,— и тогда мы действительно держим курс на мировую социалистическую революцию; либо мы этого не делаем — и тогда мы оказываемся изолированными, тогда мы отказываемся от тактики использования в целях уничтожения империализма всяких революционных движений в недрах угнетенных национальностей"*.

Предприняв последнюю отчаянную попытку предотвратить принятие конференцией сталинской резолюции, Махарадзе предложил снять с обсуждения национальный вопрос и не принимать по нему вообще никаких резолюций. Однако делегаты отклонили это предложение 42 голосами против 21 при 15 воздержавшихся. Затем Сталин одержал решающую победу. За его резолюцию было подано 56 голосов против 16 при 18 воздержавшихся, лишь немногим уступали ей по убедительности — 11 за, 48 против и 19 воздержавшихся — и итоги голосования по проекту Пятакова. Тем не менее, как показывают эти цифры, оставалось все-таки твердое ядро из 30 делегатов — более четверти всех присутствовавших, — не изъявивших желания принять резолюцию Ленина—Сталина с ее формулировкой "права на отделение". Это был самый крупный блок голосов, намного превывшавший по численности все другие оппозиционные группировки, выступавшие на конференции против политики Ленина, и этот факт служит ярким доказательством тактической проницательности Ленина, привлечшего в этих дебатах на свою сторо-

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 56.

ну Сталина. *Кроме Сталина, никто больше из представителей национальных меньшинств не поддержал Ленина по этому вопросу, а поляк Дзержинский, украинец Пятаков и грузин Махарадзе выступили с резкой критикой позиции Ленина.*

Сразу же после выступления Сталина были оглашены результаты выборов в Центральный Комитет, и всем стало ясно, что Сталин вошел в группу руководителей, занимавших самое высокое положение в партии, причем он оказался единственным представителем национальных меньшинств в ЦК. (Не следует, разумеется, забывать, что в новый ЦК вошли три еврея — Зиновьев, Каменев и Свердлов. Однако их этническая принадлежность — во всяком случае тогда — не играла никакой роли в определении их партийной позиции, а один из них, Зиновьев, поддержал ленинскую позицию по национальному вопросу.)

Оставалось покончить лишь с некоторыми формальностями. После часового перерыва усталые делегаты собрались, чтобы заслушать Зиновьева, огласившего проект резолюции "Положение в Интернационале и задачи РСДРП (б)", принятой почти единогласно — картину испортил лишь один упрямец, проголосовавший против, да один воздержавшийся. Затем Ленин вернулся к отправной точке конференции, представив делегатам резолюцию "О текущем моменте". Один лишь Соловьев — неясно, был ли это тот же самый дерзкий Соловьев, выступивший против кандидатуры Каменева в ЦК, — решился предложить одну "поправку" к ленинскому тексту, но его быстро заставили замолчать. Никто не голосовал против резолюции, однако восемь человек воздержались. Еще несколько чисто формальных голосований, одоббивших резолюции о пересмотре партийной программы и о Советах рабочих и солдатских депутатов, — и утомленные делегаты наконец разошлись. Было четыре часа утра, и они заслужили право хотя бы несколько часов вздремнуть.

У истоков Политбюро: сделка Ленина со Сталиным

Обычно новый состав Центрального Комитета проводил свой первый пленум немедленно после того съезда — или в данном случае конференции, — на котором он был избран, и, конечно, этой уже освещенной временем традиции последовал и новый ЦК, избранный на Седьмой конференции. У нас, к сожалению, нет протоколов ЦК за этот период, поэтому мы не можем документально подтвердить факта организационных изменений после конференции, однако сведенные воедино косвенные данные позволяют нам установить один факт, имевший кардинальное зна-

чение в истории партии и в истории карьеры Иосифа Сталина. На своем первом после конференции пленуме Центральный Комитет провел голосование по выборам некоего бюро или руководящего комитета, который явился прообразом органа, получившего впоследствии название Политического бюро, или Политбюро. Более того, мы с достаточной долей уверенности можем утверждать, что в это бюро – какое название носило оно в то время, мы не знаем – входило четыре человека: Ленин, Зиновьев, Сталин и Каменев, мы называем их в таком порядке, исходя из числа полученных ими голосов при баллотировании в ЦК. Наконец, есть веские основания считать, что за этой акцией ЦК скрывался *fait accompli** и ЦК всего лишь скрепил своей подписью то, что задумал Ленин заранее.

Мы уже частично приводили доказательства, подтверждающие эти выводы, к ним, в частности, в первую очередь относится расклад голосов по результатам выборов в ЦК. Тогда четверо кандидатов, получившие наибольшее число голосов, намного оторвались от следующей группы избранных в члены ЦК. Мы также приводили факты, свидетельствующие о существовании некоего списка, составленного Лениным и доведенного до сведения делегатов перед началом голосования.

Поразительно, но факт, что Сталин в последующие годы упорно и постоянно настаивал на том, что был избран в Политбюро в мае 1917 года, когда оно было учреждено, а потом неизменно оставался его членом. По-видимому, впервые это утверждение появилось на страницах авторизованной биографии Сталина, написанной И. П. Товстухой – украинским партийным деятелем, который в середине 20-х годов возглавлял личный секретариат Сталина. В этой биографии Сталина, которая была опубликована в "Энциклопедии Гранат", можно прочесть следующее:

"На Апрельской общерусской конференции большевиков, когда обнаружили в партии два течения, С. решительно отстаивает позицию Ленина. В мае 1917 г., после конференции, учреждается Политбюро ЦК, куда выбирается С. в качестве его члена. С тех пор С. остается членом Политбюро ЦК.

.....
В октябрьские дни ЦК выбирает С. членом "пятерки" (коллектив для политического руководства восстанием) и членом "семерки" (коллектив для организационного руководства восстанием)***.

Сходные, по сути дела, утверждения появились в биографических очерках о Сталине, которые были включены в приложе-

* Сверхившийся факт (франц.). – Прим. перев.

** Товстуха Ив. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. – Л., 1927, с. 11–13.

ния к некоторым томам третьего издания собрания сочинений Ленина, выходявшего в период между 1930 и 1935 годами*.

Следует отметить, что Товстуха делает явное различие между тем, что он называет Политбюро, учрежденным, по его словам, в мае 1917 года, и комитетами из пяти или семи человек, образованными в октябре 1917 года. Особое внимание уделяет он комитету пяти, ведь именно этот самый орган — хотя Товстуха об этом и не говорит — впервые получил название Политического бюро, или Политбюро. Исходя из этого, многие исследователи пришли к заключению, что этот же самый орган представлял и первоначальную форму Политбюро, даже несмотря на то обстоятельство, что это Политбюро как таковое в полном составе так никогда и не функционировало, а затем и вовсе бесследно исчезло в суматохе большевистского восстания. Официально Политбюро в том виде, в каком оно наиболее известно, — то есть как высший орган, где принимаются самые важные политические решения, — было учреждено лишь на проходившем в марте 1919 года Восьмом съезде партии, и эта дата, по признанию всех исследователей, исторически достоверна. Такое единодушие отчасти объясняется тем влиянием, которое оказали на исследователей выводы Мерль Фэйнсон, автора фундаментального труда "Как управляется Россия"***.

Май 1917 года как дата рождения Политбюро значится в ряде советских справочных изданий, опубликованных после смерти Сталина***. В последнее время, однако, в советских справочниках эту дату стали передвигать на октябрь 1917 года, имея в виду тот самый комитет пяти, который Товстуха явно отличал от настоящего Политбюро****.

Проясняют эту проблему некоторые записи в опубликованных протоколах Центрального Комитета за октябрь 1917 — январь 1918 года. Из них мы узнаем, что на заседании ЦК от 29 ноября 1917 года (по старому стилю) было принято решение передать один стоявший на его повестке дня запутанный вопрос — речь шла о переименовании Украинской социал-демократичес-

* Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. В 30 томах. М., 1928—1932, т. 16, с. 291; т. 21, с. 569.

** F a i n s o d M. How Russia is Ruled. Cambridge, Harvard University Press, 1953, p. 154; F a i n s o d M. Op. cit. Revised edition, 1963, p. 178; N o u g h J. F., F a i n s o d M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge, Harvard University Press, 1979, p. 129.

*** Энциклопедический словарь. В 3 томах. М., 1953, т. 2, с. 688; Малая Советская Энциклопедия. 3-е изд. В 10 томах. М., 1954, т. 7, с. 340; Энциклопедический словарь. В 2 томах. М., 1954, т. 2, с. 224.

**** Советская Историческая Энциклопедия. В 16 томах. М., 1961—1976, т. 11, 1968, кол. 2725; Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд. М., 1975, т. 20, с. 215.

кой партии — на рассмотрение "Бюро ЦК", состоявшего из Ленина, Сталина, Троцкого и Свердлова*. "Ввиду трудности собирать заседание ЦК,— поясняет протокол,— этой четверке предоставляется право решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном".

В этом "Бюро ЦК" легко распознать предшественника появившегося позднее Политбюро с такими же сходными чертами, как уость состава, право рассматривать неотложные вопросы, а также обязанность привлекать к работе членов ЦК, находившихся на местах в момент рассмотрения данного вопроса.

Следующее упоминание о "Бюро ЦК" было сделано в протоколе от 8 января 1918 года (по старому стилю). Чрезвычайно лаконичная запись, сделанная секретарем, содержит пункт повестки дня "Бюро ЦК", где значится:

"1. ЦК в Москву.

2. Бюро в Москве, как было в апрельские дни***.

При все своей краткости эти строки дают ключ к разгадке проблемы. Во-первых, мы узнаем, что некое особое "Бюро ЦК", выполнявшее задачи, позже возложенные на Политбюро, функционировало в конце 1917 года и все еще действовало в начале января 1918-го. Во-вторых, в это бюро входило четверо наиболее могущественных людей в партии, как того и следовало ожидать от органа, принимающего важные политические решения. В-третьих, бюро рассматривалось как некий преемник органа, функционировавшего ранее, "в апрельские дни". Учитывая, что в протоколах ЦК за период до февраля 1918 года даты даны еще по старому стилю, в то время как в упомянутых выше биографиях Сталина, а также справочных изданиях, опубликованных в 1954—1963 годах,— уже новый стиль, то в "Бюро ЦК", функционирующем "в апрельские дни", можно без труда распознать то самое Политбюро, которое упоминается в написанной Товстухой биографии Сталина, а затем в последующих советских публикациях по этому вопросу.

Отсюда следует неопровержимый вывод: "Бюро ЦК", в которое входили Ленин, Зиновьев, Сталин и Каменев, было создано сразу же после Апрельской конференции; в его задачу входило руководство партией.

В сжатом виде это сформулировано у Ярославского:

"В мае 1917 г. после Апрельской конференции товарищ Ста-

* Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917—февраль 1918. М., Госполитиздат, 1958, с. 155.

** Там же, с. 166. Курсив мой. Выражаю свою благодарность покойному Чарльзу Дьюэзу за то, что он привлек мое внимание к этой цитате.

лин был выбран членом Политбюро ЦК и с тех пор бессменно состоит членом Политбюро”*

На сей раз Ярославский говорил правду – правду, которую западные ученые не принимали в расчет, считая, что это просто еще одна беззастенчивая ложь в поддержку культа Сталина.

Было бы интересно узнать, почему представители советской исторической науки – читай: коммунистической партии – решили предать забвению факты о дате рождения Политбюро, приняв взамен ложную версию, имевшую долгое хождение на Западе. Не исключено, что ответ на этот вопрос каким-то образом связан с аналогичным решением не публиковать и протоколы ЦК с марта по август 1917 года.

Для нашего исследования кардинальное значение имеет тот факт, что Ленин включил Сталина в состав своего “Бюро ЦК” в момент образования этого органа – в мае 1917 года (по новому стилю). Чтобы сделать этот выбор, Ленину пришлось смотреть сквозь пальцы не только на неудовлетворительное исполнение им до апреля 1917 года – то есть до своего возвращения в Россию – обязанностей члена редколлегии “Правды”, но и на те его отрицательные “личные черты”, из-за которых Русское бюро отстранило 12 марта Сталина от участия в работе в качестве полноправного члена с правом голоса. Какими же положительными чертами должен был обладать Сталин, чтобы они смогли перевесить в глазах Ленина все эти недостатки? Основной притягательной силой, несомненно, была возможность использовать его для оглашения собственной позиции по национальному вопросу. Никто из видных партийных деятелей другой национальности – кроме евреев Зиновьева и Каменева – для выполнения этой важнейшей цели Ленина в тот момент не подходил. Учитывая упорное нежелание делегатов других национальностей – а их было довольно много на Седьмой конференции – согласиться с Лениным в этом вопросе, вполне можно предположить, что, не приди Сталин с его уже признанным партией авторитетом эксперта по национальному вопросу на помощь Ленину, большинство делегатов вполне могло бы оказать ему открытое неповиновение и поддержать проект резолюции, предложенный Пятаковым, или принять предложение Махарадзе и отложить рассмотрение национального вопроса до лучших времен.

Однако в глазах Ленина Сталин в апреле 1917 года обладал ценностью не только как эксперт по национальному вопросу. Уже 7 апреля Сталин изъявил готовность отдать себя в полное распоряжение Ленина и без колебаний разделить его взгляды на важнейшие проблемы, стоявшие перед партией. Тем самым Сталин оказал Ленину очень важную услугу, придя ему на помощь

* Ярославский Ем. Указ. соч., с. 59–60.

в подавлении начинавшегося было бунта в день открытия конференции. Интеллектуальная неразвитость Сталина, позволявшая Троцкому и другим интеллигентам в партии недооценивать его как партийного лидера, для Ленина представляла в тот момент как раз то, в чем он более всего нуждался⁴¹.

Именно эти своеобразные черты и особенности характера Сталина и привлекали к нему Ленина. Однако для того, чтобы предложить Сталину войти в состав "Бюро ЦК" — орган, принимающий самые важные политические решения, — у Ленина должны были быть еще какие-то причины. Этими причинами вполне могло стать осознанное Лениным стремление Сталина к лидерству, тот факт, что Сталин в своих собственных глазах уже принадлежал к верхушке партийных деятелей самого высокого ранга. В этом свете грубые промахи Сталина в марте приобретают совершенно новое звучание. Для Ленина было вовсе не важно, допускал или не допускал Сталин в прошлом промахи, — тактические ошибки вполне простительны, если сам грешник готов их исправить, а роль инструктора с готовностью брал на себя Ленин. Что в данном случае имело значение, так это склонность к лидерству, а Сталин вполне убедительно продемонстрировал своими действиями в марте, что уж этими-то качествами он обладает в достаточной мере. Он успешно преодолел возникшие перед ним поначалу препятствия, утвердил свой авторитет, добился переориентации партийного курса и сумел повлиять на настроения членов партии. Тот факт, что, осуществляя все это, он преследовал цели, которые были, с точки зрения Ленина, ошибочными, имел куда меньше значения, чем те способности лидера, которые он при этом обнаружил. За эти способности выделил его Ленин, сделав одним из членов нового органа — назовем его Политбюро.

Что конкретно навело Ленина на мысль предложить Сталину место в "Бюро ЦК"? Ответ на этот вопрос дают косвенные свидетельства.

Совместная работа со Сталиным в редакции "Правды" в период между 7 апреля и открытием двадцать четвертого числа Апрельской конференции впервые дала Ленину возможность оценить "чудесного грузина". Он узнал энергичного, честолюбивого молодого человека, необразованного, но не безграмотного, не надделенного оригинальным мышлением и имевшего весьма поверхностные представления о принципах марксизма, зато стремившегося учиться и способного четко формулировать выученное. День открытия Апрельской конференции стал для Сталина важнейшим экзаменом, и он выдержал его с блеском. То, что Ленин выбрал Сталина одним из двух защитников своей линии в дискуссии о текущем моменте, проходившей на заседании 24 апреля, свидетельствует о том, что уже тогда он рассматривал Сталина как одного из своих ближайших помощников.

По всей вероятности, решение привлечь Сталина в "Бюро ЦК" было в виде рабочей гипотезы сформулировано уже в тот момент. Не оправдай тогда Сталин возложенных на него надежд, Ленин мог бы тут же о нем забыть и продолжать поиски в совершенно другом направлении. Но Сталин в полной мере использовал представившуюся возможность и затратил такие усилия, отстаивая точку зрения Ленина, что с ним не смог тягаться даже более искусственный Зиновьев.

Следовательно, Ленин обратился к Сталину с предложением быть одним из своих адвокатов, по всей вероятности, в первый или второй день работы конференции. Одновременно Сталину было предложено выступить с докладом по национальному вопросу, это являлось и знаком доверия со стороны Ленина, и ответственным поручением, которое следовало должным образом выполнить. В этом смысле можно было бы говорить о сговоре между Лениным и Сталиным: в награду за поддержку Ленина по национальному вопросу он попадает в ближайшее окружение Ленина. Однако мы знаем, что предложение было сделано и принято до доклада по национальному вопросу, ведь голосование в состав ЦК проходило перед этим докладом. Как мы видели, в ходе конференции произошли отклонения от заранее запланированной повестки дня. Это, возможно, произошло с ведома Ленина или, скорее всего, непосредственно по его инициативе. В результате доклад Сталина по национальному вопросу оказался отделен от выборов в ЦК, и делегаты были вынуждены решать вопрос о его кандидатуре в зависимости от того, насколько энергично ее одобрит Ленин.

Опасался ли Ленин, что Сталин не сможет достаточно хорошо справиться с докладом? Или он хотел обеспечить избрание Сталина в ЦК до дебатов по национальному вопросу, которые обещали быть ожесточенными и могли повредить репутации Сталина в глазах оппонентов ленинской национальной политики? Если бы голосование проходило *после* доклада Сталина, вряд ли тогда сплоченная группа противников ленинской национальной политики допустила, чтобы Сталин оказался на третьем месте по числу поданных голосов в ходе выборов в ЦК. Перетасовки в повестке дня, скорее всего, были определенной тактикой Ленина с целью защитить престиж Сталина в партии от возможных негативных последствий его участия в дискуссии по национальному вопросу.

Все это, однако, совершенно исключает вероятность того, что сталинский доклад способствовал увеличению числа голосов, поданных за него при выборах в ЦК. Ведь делегаты были вынуждены делать выбор, основываясь на не подкрепленном никакими доказательствами одобрении этой кандидатуры Лениным, причем еще до того, как Сталин выступил со своим докладом. Таким образом, большое число голосов, поданных за

Сталина, свидетельствует не о высоком престиже Сталина как партийного эксперта по национальному вопросу, а об авторитете в партии самого Ленина.

Этот анализ событий, возможно, поможет раскрыть одну маленькую тайну революционного периода, а именно почему Молотов, которого Сталин оттолкнул в марте, стал впоследствии одним из самых преданных его сторонников. Эта загадка, если рассматривать ее в политическом аспекте, представляется весьма непростой: в отличие от Сталина Молотов придерживался в марте линии по всем важным проблемам, стоявшим тогда перед партией, очень близкой к ленинской. И если бы роль лакмусовой бумажки, по которой определялись шансы на руководящую роль в партии, выполняла политическая корректность, то на Апрельской конференции должен был бы получить в награду самые ответственные посты в партии не Сталин, а Молотов. На самом же деле все оказалось совсем наоборот: кандидатура Молотова в состав ЦК у Ленина поддержки не нашла и в результате ему не удалось набрать голосов, которые были необходимы для его избрания.

Своим снисходительным отношением к грубым промахам Сталина – и одновременно пренебрежением к той корректной линии, которой придерживались Молотов, Шляпников и Залуцкий, – Ленин продемонстрировал, как высоко он ценил способности к политическому лидерству. Сталин доказал, что обладает такими способностями, а его грубые политические просчеты можно было легко простить, тем более что он изъявлял готовность под попечительством Ленина навсегда о них забыть. Доверив Сталину знак посвящения в признанные лидеры, Ленин тем самым показал, что умение держать власть в руках является главным качеством, которое он больше всего ценит в своих ближайших соратниках. Что же касается политики, то он вполне способен справиться с этим сам. Все, что он требовал от своих коллег, это готовность разделять его взгляды. Вполне возможно, именно это убедило молодого Молотова в том, что Сталин на самом деле был тем потенциальным лидером, которым он себя мнил. Каковы бы ни были мотивы Молотова, но со времен Апрельской конференции Сталин действительно стал для него признанным лидером.

III.

МАЙ-ИЮНЬ

Сталин бездействует

После бурных тревожений Апрельской конференции наступили недели явного спада деловой активности Сталина. У Ленина в тот период особой надобности в его услугах не было, да и стоявшие перед партией задачи имели лишь второстепенное значение⁴². За весь май и первую неделю июня Сталин опубликовал всего три статьи, две в "Правде" и одну в газете большевистской Военной организации "Солдатская правда". Кроме того, он напечатал за своей подписью в "Правде" 5 мая "Исправление ошибки" и выступил 10 мая на заседании Петербургского комитета. Но все это не сочли достойным того, чтобы включить в собрание сочинений Сталина, изданное в 1946 году. Что ни говори, а для человека, только что поднявшегося на высшую ступень в партийной иерархии, итог весьма жалкий. Ленин же за эти пять недель опубликовал столько статей, заметок и проектов, произнес столько речей, что они заняли около двухсот страниц в собрании его сочинений*.

Располагая такими скудными сведениями, биографам Сталина было нелегко рассказать о его деятельности за это время. Тон, как обычно, задал Троцкий:

"В течение следующих двух месяцев трудно проследить деятельность Сталина. Он оказался сразу отодвинут куда-то на третий план. Редакцией "Правды" руководил Ленин, притом не издавая, как до войны, а непосредственно изо дня в день. По камертону "Правды" настраивается партия. В области агитации господствует Зиновьев. Сталин по-прежнему не выступает на митингах. Каменев, наполовину примирившийся с новой политикой, представляет партию в Центральном Исполнительном Комитете и в Совете. Сталин почти исчезает с советской арены и мало появляется в Смольном. Руководящая организационная

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 1-260.

работа сосредоточена в руках Свердлова: он распределяет работников, принимает провинциалов, улаживает конфликты. Помимо дежурства в "Правде" и участия в заседаниях ЦК, на Сталина ложатся эпизодические поручения то административного, то технического, то дипломатического порядка. Они немногочисленны. По натуре Сталин ленив. Работать напряженно он способен лишь в тех случаях, когда непосредственно затронуты его личные интересы. Иначе он предпочитает сосать трубку и ждать поворота обстановки. Он переживает период острого недоумения. Более крупные или более талантливые люди оттеснили его отовсюду"*.

Кратко охарактеризовав работу Сталина в Исполнительном комитете Совета в апреле, Троцкий прямо переходит к началу июня, ведь 3 июня открылся Первый Всероссийский съезд Советов. Данных о деятельности Сталина в начале июня оказалось тоже довольно мало, однако Троцкому все же удалось кое-как заполнить этот странный пробел, используя опубликованные в 1928 году воспоминания одного эмигранта-эсера Верещака. "Я всячески хотел понять роль Сталина и Свердлова в большевистской партии, — писал Верещак. — В то время, как за столом президиума съезда сидели Каменев, Зиновьев, Ногин и Крыленко и, в качестве ораторов, выступали Ленин, Зиновьев и Каменев, Свердлов и Сталин молча дирижировали большевистской фракцией. Это была тактическая сила. Вот здесь я впервые почувствовал все значение этих людей"

В необычном для него пассаже, содержащем недобрую похвалу в адрес Сталина, Троцкий комментирует слова Верещака:

"Верещак не ошибся. В закулисной работе по подготовке фракции к голосованиям Сталин был особенно ценен. Он не всегда прибегал к принципиальным доводам, но он умел быть убедительным для среднего командного состава, особенно для провинциалов"

Даже хваля Сталина, Троцкий не смог удержаться от соблазна еще раз подчеркнуть его скромную роль:

"Однако и в этой работе первое место принадлежало Свердлову, неизменному председателю большевистской фракции на съезде"

Троцкому вторит Дейчер: "В каждом Совете большевики действовали как единый сплоченный организм; поэтому их реальный вес — по мере того как с каждым новыми дополнительными выборами увеличивалось количество членов большевистской фракции — рос непропорционально численности. Кто-то должен был ежедневно поддерживать с ними связь, сообщать им решения Центрального Комитета и инструкции, как голосо-

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 282.

** Там же, с. 284.

вать в Советах и вести себя по отношению к другим партиям. Эту нелегкую работу выполняли Сталин и Свердлов. ...В то время как Ленин, Зиновьев и Каменев занимали места на трибунах и вели бои с помощью слов и резолюций, Сталин и Свердлов действовали как неутомимые и невидимые представители большевистских фракций на собраниях, добиваясь того, чтобы рядовые члены партии работали в унисон с лидерами”*

Хотя можно безошибочно утверждать, что на оценку Дейчера в какой-то мере повлияли воспоминания Верещака, Дейчер избегает прямых ссылок на этот источник. В результате описанию, которое он дает, при всей его живости не хватает хоть какого-то документального подтверждения. Как бы компенсируя это упущение, Дейчер пускается в безудержное восхваление Сталина:

”Энергичный и умелый организатор, которому Ленин отвел столь видную роль в своих революционных планах, должен был теперь показать себя не в стесненных условиях подполья, а на виду, в гуще нараставшего народного движения”.

Если бы Сталин действительно налаживал широкие непосредственные контакты с рядовыми членами партии, то можно было бы ожидать, что хоть кто-то из них упомянет об этом, подтвердив приведенные выше красочные описания,— ведь многие опубликовали впоследствии воспоминания о 1917 году. Поскольку ни один из них этого не сделал, Дейчер вынужден признать:

”Изначально его (Сталина.— *Р.С.*) роль была малозаметной и скромной. Такой она и оставалась. Популярность и слава, которыми революция столь быстро и столь щедро наделила своих выдающихся трибунов и мастеров ораторского искусства, ему не достались”.

Фактически ту же самую точку зрения, хотя более сдержанно, высказывает Такер:

”В ходе развития революционных событий Сталин возвращается к своей прежней роли специального помощника Ленина по особо деликатным поручениям. Его хитрость, навыки конспиратора и абсолютная надежность нашли теперь достойное применение”**.

Возможно понимая, что доказательства деятельности Сталина за кулисами событий в мае и в начале июня весьма эфемерны, Улам особенно и не утруждает себя попытками уяснить, чем же он занимался в течение этого периода. Вместо этого он рисует Сталина, ”впервые по-настоящему наслаждающегося свободой с того самого апрельского дня, когда он был арестован в Баку в 1901 году”. Улам объясняет ”относительно благодушное наст-

* Deutscher I. Op. cit., p. 143—144.

** Tucker R. C. Op. cit., p. 179.

роение” Сталина в этот период ”разительными переменами в его личной жизни”, а именно его жизнью в семье Аллилуевых. В подтверждение он приводит воспоминания Анны Аллилуевой, и перед нами возникает образ ”часто улыбающегося” Сталина. Улам пишет, что времяпрепровождение Сталина в то время типично для человека, ”который занимается политикой”: ”вечно бегом — на экстренные совещания с соратниками, заседания ЦК, в партийные ячейки в пригородах, в редакцию ”Правды”, где иногда он просиживал ночи напролет”*. Улам не объясняет, как совместить эти ночные бдения со скромным итогом сталинских публикаций в ”Правде” за этот период.

Для Смита период с апреля по июль просто-напросто белое пятно в сталинской биографии. От середины апреля, когда Сталин, ”похоже, исчез, укрывшись в самом подходящем месте, чтобы залезать политические раны и поразмышлять о том, не достигла ли его карьера своего бесславного завершения”, Смит сразу же переходит к началу июля**. Такой же пропуск позволяет себе и Суварин: жизнь Сталина с апреля по июль он полностью игнорирует, ограничиваясь лишь замечанием, что ”все еще трудно приписать ему хоть сколько-нибудь значительную роль, не искажая при этом фактическую расстановку сил в партии”. Была ли эта его незаметность ”результатом расчета или нет — она, по-видимому, весьма показательна. Взяв на себя административную работу в штабах партии и ее печатных органах, он тщательно избегал любых слов или поступков, которые бы бесповоротно связали его какими-то обязательствами”***.

Создается впечатление, что это был период политической деятельности Сталина, когда он не мог ни проявить хоть какой-то собственной инициативы, ни получить мало-мальски важное поручение от Ленина или Центрального Комитета. Насколько позволяют судить весьма скудные сведения, кроме редакционной работы в ”Правде”, он еще помогал Свердлову в работе с делегатами на различных совещаниях. Подобная подчиненная роль не могла слишком долго удовлетворять человека с таким честолюбием, каким был наделен Сталин.

Как Сталин оценивал деятельность партии в мае

Ценную информацию о деятельности большевистской партии в мае можно почерпнуть из отчета Центрального Комитета Шестому съезду партии, с которым Сталин выступил 27 июля. Эта деятельность, заявил Сталин, ”протекала в трех направлениях”:

”Во-первых, дан был лозунг перевыборов в Советы рабочих

* U l a m A. B. Op. cit., p. 142.

** S m i t h E. E. Op. cit., p. 333.

*** S o u v a r i n e B. Op. cit., p. 167.

и солдатских депутатов. ...Противники приписывали нам попытку захвата власти. Это клевета. У нас не было таких намерений... Поэтому вся работа в мае месяце шла под флагом перевыборов. В конце концов мы завоевали около половины мест в рабочей фракции Совета и около $\frac{1}{4}$ — в солдатской.

Во-вторых — агитация против войны. Мы воспользовались вынесением смертного приговора Фр. Адлеру и организовали ряд митингов протеста против смертной казни и против войны. Солдаты хорошо восприняли эту кампанию.

Третья сторона деятельности ЦК — муниципальные выборы в мае месяце. ЦК совместно с ПК приложил все силы, чтобы дать бой как кадетам, основной силе контрреволюции, так и меньшевикам и эсерам, вольно или невольно идущим за кадетами. Из 800 000 голосовавших в Петрограде мы получили около 20% всех голосов, причем Выборгскую районную думу завоевали целиком”.

Если использовать июльское выступление Сталина как некий критерий для оценки его партийной работы в мае, то становится совершенно ясно: его личный вклад как члена редколлегии “Правды” в те, по его же собственному признанию, основные партийные кампании, которые были развернуты партией в мае, был весьма незначителен. Например, его единственной публикацией, посвященной антивоенной кампании, оказалась статья “Чего мы ждали от конференции?”, напечатанная в “Солдатской правде” 5 мая*. Апеллируя к предположительно неграмотной солдатской аудитории, Сталин стремится излагать свои мысли максимально простым языком, поясняя даже такие слова, как “конференция”, и сводя к черно-белым плакатным интерпретациям сложные проблемы войны и мира.

Было бы, разумеется, несправедливо использовать топорный язык статьи как индикатор образа мышления самого Сталина — ведь ясно, что он упрощал его намеренно. Тем не менее по прочтении остается столь сильное ощущение малообразованного автора, пытающегося разрешить слишком сложные для его понимания проблемы, что невольно приходишь к заключению, что здесь отразилась и беспомощность самого Сталина перед лицом текущих проблем. Не подлежит сомнению, что такой убогий в интеллектуальном плане опус никогда не смог бы выйти из-под пера Ленина или кого-то из ведущих партийных публицистов.

Предвестником стабильных политических воззрений Сталина в будущем служит упорный, почти назойливый акцент на необходимости полного единодушия в партии: “...борьба (за социализм.— *Р.С.*) может быть успешной только тогда, если партия наша будет едина и сплочена, если у нее будет одна душа и

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 64–66.

одна воля, если она будет бить в одну точку везде, во всех концах России". Весьма характерно для Сталина и утверждение о том, что только такая партия должна повести "народ" к победе.

Сталин не напечатал в мае ни одной статьи о перевыборах в Совет, хотя это не означает, что он вообще оставил вопрос о перевыборах без внимания. Единственная действительно важная из опубликованных им статей касалась участия партии в муниципальных выборах в Петрограде. Причем актуальность этой статьи, похоже, усиливало то обстоятельство, что она была растянута на три номера и печаталась в "Правде" с 21 по 26 мая*. Употребляя ритмические каденции, которым он обучился в Тифлисской семинарии, Сталин бичевал соперников большевистской партии, будь то кадеты или беспартийные, и призывал рабочих голосовать только за большевиков. С точки зрения рационального анализа муниципальных выборов статья представляется примитивной и чрезмерно упрощенной; тем не менее она, бесспорно, сыграла свою роль как действенное оружие партийной пропаганды.

В третьей из опубликованных в мае статей, "Отставшие от революции", Сталин вновь возвращается к теме, которой он уже занимался в марте, правда, в совершенно иных условиях. Речь идет о различных темпах революции в столице и провинции**. Тогда, в марте, он показал по-боевому настроенный Петроград, в революционном порыве ведущий за собой остальной народ. Теперь, по его мнению, ситуация прямо противоположная: Исполнительный комитет Петроградского Совета, упорно отказываясь согласиться на несанкционированный захват земель, отстал от провинции, где крестьяне все чаще и чаще используют закон в своих интересах. Сталин не считает, что Исполнительный комитет противостоит крестьянству, просто он отстал от событий, неверно оценив масштабы крестьянского земельного голода.

В заключительном абзаце статьи Сталин пробует себя в новом для него амплуа: исследовании социологии революций. "...В революционную эпоху, — пишет он, — невозможно устоять на одной точке, тут можно лишь двигаться — вперед или назад. Поэтому кто старается остановиться во время революции, тот неминуемо отстанет, а кто отстал, тому нет пощады: революция толкнет его в лагерь контрреволюции**".

Эту мысль Сталин вполне мог позаимствовать у Ленина, ведь, по сути дела, то же самое он высказал 4 июня в своей первой речи на Первом Всероссийском съезде Советов***. Однако могло случиться и наоборот: Ленин и Сталин работая вместе в

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 67—79.

** Там же, с. 58—63.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 275.

редакции "Правды" неизбежно влияли друг на друга в интеллектуальном плане⁴³. Интересно, что статья от 4 мая представляет собой один из редких примеров, когда можно с известной степенью достоверности обнаружить влияние Сталина на образ мыслей Ленина. 6 мая, несколько дней спустя, "Правда" опубликовала статью Ленина, в которой он пишет об "отставании" применительно к той позиции, которую занял только что сформированный коалиционный кабинет Временного правительства в отношении работавшего в то время крестьянского съезда*. Однако там, где Сталин формулирует проблему в чисто географических терминах, выдавая тем самым свою собственную болезненную реакцию на противоречия между столицей и провинцией, уверенно владевший марксистской теорией Ленин усматривает классовый конфликт между крестьянами и мелкобуржуазным Временным правительством.

С помощью нехитрой журналистской уловки Сталин умудрился растянуть свою короткую статью на два номера "Правды". 5 мая газета с небольшими редакционными изменениями перепечатала ее заключительный абзац под заголовком "Исправление ошибки". Поскольку никаких принципиальных вопросов там не затрагивалось, единственной целью такой повторной публикации могло быть только стремление придать дополнительный вес сталинской критике Исполнительного комитета.

Главная причина того, что журналистская деятельность Сталина в мае была не столь продуктивна, крылась в том, что Ленин на посту главного редактора "Правды" оставлял на его долю не так уж много дел. Практически в каждом номере "Правды" была одна или даже несколько публикаций Ленина — от коротких, всего в несколько абзацев, заметок до обширных статей. Все самые острые проблемы дня — война, двоевластие, земля, рабочий контроль, права меньшинств, партийные разногласия и экономический кризис — привлекали пристальное внимание Ленина, обретали ясность благодаря его четким формулировкам и язвительному остроумию. Работа в качестве помощника Ленина в редакции "Правды", по-видимому, давала Сталину огромные возможности для приобретения журналистского опыта, но мало шансов продемонстрировать эти навыки на практике.

Ленин обхаживает Троцкого

В мае 1917 года произошло одно из самых важных для Сталина событий, в котором он не принимал непосредственного участия, но которому суждено было оставить глубокий след в его

* Там же, с. 36.

жизни. Постоянно стремясь найти новые таланты, способные усилить большевистское руководство, Ленин решился 10 мая на дерзкий шаг, не нашедший особой поддержки среди его ближайших соратников: он предложил Льву Троцкому присоединиться к большевистской партии, причем сразу стать одним из главных партийных лидеров. Для того чтобы хоть отчасти понять важность этого события и его роковые последствия для большевистской партии в целом и для Сталина в частности, уместно вспомнить, как складывалась карьера Троцкого и каковы были его взаимоотношения с большевиками до 1917 года.

Когда в 1903 году на Втором съезде Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) раскололась, образовав два крыла, большевистское и меньшевистское, молодой Троцкий, уже известный в партийных кругах способный литератор и оригинальный мыслитель, не присоединился ни к одной из фракций, а исполненный чувства собственной значимости — что вообще было одной из основных черт его природы — остался в стороне, избрав позицию человека, стоящего выше подобных баталий⁴⁴. Сразу же после раскола Троцкий использовал свои полемические таланты против обеих фракций, но все же чаще направлял огонь в сторону Ленина и большевиков, обвиняя их в стремлении создать жестко централизованную партийную структуру, в которой "организация заменит партию, Центральный Комитет заменит партийную организацию и в конце концов диктатор заменит Центральный Комитет"*.

Во время революции 1905 года обнаружилась новая грань личности Троцкого: он проявил себя способным оратором и одним из самых выдающихся лидеров Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов, в котором доминировали меньшевики и которому суждена была недолгая жизнь. В период реакции после 1907 года Троцкий пытался сохранить независимость, сторонясь как большевиков, так и меньшевиков, но и тогда мишенью его самых острых стрел оставались Ленин и большевики. В 1908 году у него появляется новая журналистская база — небольшая эмигрантская газета "Правда", которая печаталась в Австрии и тайно доставлялась в Россию. Именно на страницах этой газеты — известной во избежание путаницы с начавшей выходить в 1912 году большевистской "Правдой" под названием "Венская Правда" — вел Троцкий свои ярые атаки против Ленина. Но и Ленин был не из тех, кто, получив удар, подставляет другую щеку, — он отвечал с не меньшим пылом, и не только в большевистской печати, но и в частных письмах весьма ругательного свойства. Много лет спустя, уже после смерти Ленина, эта полемическая переписка была эксгумирована из партийных

* B a l a b a n o f f A. Impressions of Lenin. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1964, p. 120.

архивов и весьма эффективно использована партийными лидерами, включая Сталина, в кампании, имевшей целью дискредитировать претензии Троцкого на право считаться одним из ближайших соратников и союзников Ленина в 1917 году и в последующие годы.

Критикуя Троцкого, Ленин не мог не отдавать должного его блестящим способностям литератора и теоретика. В частности, на Ленина — возможно, и вопреки собственной воле — произвело большое впечатление оригинальное решение, которое Троцкий нашел для наиболее серьезной дилеммы, стоявшей перед российскими марксистами: как осуществить пролетарскую революцию в крестьянской стране, где из-за отставания капиталистической индустриализации рабочий класс составляет не подавляющее большинство населения — как того требует для успешной пролетарской революции классическая марксистская теория, — а всего лишь 5% его общей численности⁴⁵. Предложенное Троцким решение основывалось на рассмотрении российской революции в общем русле мирового марксистского движения. При таком подходе можно было рассчитывать, что на помощь революции в России придут рабочие развитых промышленных стран, в первую очередь Германии. Начав революцию, русский пролетариат поведет ее вперед в союзе с братьями по классу в Германии. При этом предполагалось, что тем временем немецкие рабочие, вдохновленные российским примером, свергнут своих собственных капиталистов.

Именно эта теория, получившая название теории перманентной революции, и была главным козырем Троцкого в его претензиях на славу марксистского теоретика.

Ленин, никогда явно не признавая оригинальности разработанной Троцким теории перманентной революции, молчаливо оценил ее, выдвинув очень похожую идею. (Хоть она и была названа теорией "непрерывной революции", по сути она была весьма сходна с концепцией Троцкого.) Эта самая теория, как быстро поняли меньшевистские критики, составляла суть "Апрельских тезисов", а потом послужила основой стратегии, подкреплявшей претензии большевиков на власть в октябре.

Февральская революция застала Троцкого в Соединенных Штатах, где он издавал газету на русском языке и пытался организовать крошечную группу из заводских рабочих русского происхождения. Впечатленный перспективами, которые открывало свержение царизма, Троцкий безуспешно пытался вернуться в Россию, однако бюрократические препоны вкупе с политическим недоверием к нему со стороны американских, канадских и британских властей препятствовали его возвращению в Петроград. Только 4 мая — как раз после того, как большевики на Апрельской конференции перевооружились в ожидании предстоящей пробы сил, — Троцкий наконец прибыл в город, где

решалась судьба России. Как и Ленин месяцем раньше, Троцкий был удостоен встречи, правда, куда более скромной, чем Ленин на Финляндском вокзале. Согласно более поздним воспоминаниям Троцкого, на железнодорожном вокзале его встретил Г. Ф. Федоров, умеренный большевик, только что введенный в Центральный Комитет. Он обратился к Троцкому с речью, в которой кратко излагались основные положения ленинских "Апрельских тезисов". Федоров, вспоминая Троцкий, "в своей приветственной речи остро поставил вопрос о следующем этапе революции, диктатуре пролетариата и социалистическом курсе развития". Троцкий — опять-таки судя по его воспоминаниям — «был в полном согласии с ленинскими "Апрельскими тезисами"», которые "бесспорно вытекали из теории перманентной революции". Именно этот вопрос, как полагал Троцкий, "Ленин считал решающим в том, что касалось возможности нашего сотрудничества"*.

Не теряя времени даром, Троцкий тут же ввязывается в политическую драку. Незадолго до его возвращения Временное правительство претерпело свою первую реорганизацию, в результате чего в смешанный кабинет, известный как Первая коалиция, вошло несколько меньшевистских и эсеровских лидеров, ставших министрами⁴⁶. 5 мая новые министры обратились к Совету с призывом о поддержке; это событие дало Троцкому возможность для первого после возвращения публичного выступления**. В нем он призывал Временное правительство передать власть Советам — единственной, с его точки зрения, организации, которая способна "спасти Россию". Завершая выступление, Троцкий приветствовал российскую революцию как прелюдию мировой революции. Таким образом события в России он рассматривал в международном контексте, вторя идеям, высказанным в "Апрельских тезисах". По своему содержанию выступление Троцкого было близко к позиции Ленина, а по силе воздействия — об этом мы можем судить по воспоминаниям очевидца событий Суханова — оно ознаменовало появление на политической арене новой звезды первой величины***.

В Петрограде еще до возвращения Троцкого уже существовала группа его последователей. Члены этой группы, основанной в 1913 году, были известны как "межрайонцы" — намек на промежуточное положение между большевиками и меньшевиками⁴⁷. В группе горячо обсуждалась возможность слияния с большевистской партией, нынешняя тактика которой — в том виде, в каком она была определена Лениным, — привлекала

* Trotsky L. The Stalin School..., p. 5.

** Deutscher I. The Prophe Armed: Trotsky, 1879:1924. London, Oxford University Press, 1954, p. 154.

*** См.: Суханов Н. Н. Указ. соч., с. 340.

”межрайонцев”. Вопрос о слиянии встал с новой силой после возвращения Троцкого, и 10 мая Ленин, Каменев и Зиновьев встретились с Троцким и несколькими из его сторонников, чтобы вместе обсудить это предложение.

В ходе подготовки к этой встрече Ленин попытался заручиться поддержкой Центрального Комитета в осуществлении своего плана передать в руки Троцкого руководство редакцией ”Правды”. Однако даже личного авторитета Ленина оказалось недостаточно, чтобы заставить ЦК проглотить столь горькую пилюлю. Идея была отвергнута, и Ленину пришлось изобретать другие, куда менее привлекательные обещания. Эти приманки выглядели не слишком аппетитно: ввести по одному представителю ”межрайонцев” в редколлегии двух большевистских газет, а именно ”Правды” — ее предполагали превратить в популярную массовую газету — и еще одной газеты, которую собирались создать в ближайшем будущем и которая должна была стать центральным партийным органом*. Вдобавок к этому в Центральном Комитете планировалось ”создать специальную организационную комиссию по созыву (через 1 1/2 месяца) партийного съезда”, на который ”межрайонцы” получали право направить своих делегатов.

Но даже в таком усеченном варианте предложение не получило поддержки со стороны Центрального Комитета, и в результате пришлось выдвинуть его ”только от имени тов. Ленина и некоторых (неуточненных.— Р.С.) членов ЦК”***. Троцкий искренне одобрил идею объединения, однако при условии, что большевистская партия ”интернационализуется”. С этой целью он предложил ввести в организационное бюро по подготовке партийного съезда представителей нескольких национальных меньшинств. Троцкий отменил как ”менее убедительное” предложение сотрудничать в ”Правде”.

Камнем преткновения оказался для Троцкого вопрос о сохранении названия партии — ”большевистская”. Троцкий настаивал: прежде чем он и его сторонники вступят в партию, она должна изменить название. ”Я называться большевиком не могу... — заявил он и добавил: — Признания большевизма требовать от нас нельзя”. Таким образом, встреча с Троцким и его сторонниками ни к каким конкретным результатам не привела, хотя в протоколе это совещание и объявило себя ”самым решительным и горячим сторонником единства”****.

В кратких заметках, которые Ленин оставил в своем блокноте во время заявления Троцкого, были таинственные слова:

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 112.

** ”Ленинский сборник”, № 4. М., Госиздат, 1925, с. 300.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 113; Deutscher I. The Propphe Armed..., p. 255–256.

”Бюро — (Ц[ентральный] К[омитет]...) приемлемо”. Отсюда можно заключить, что Ленин предложил Троцкому место во ”внутреннем ядре”, Бюро Центрального Комитета, и что Троцкий готов был согласиться*.

Причины, побудившие Ленина сделать такое предложение, удачно сформулировала Анжелика Балабанова, итальянская социалистка украинского происхождения, которая была в то время близка к Троцкому. Она писала:

”Сознавая серьезные трудности, которые предстояло преодолеть России, чтобы выжить, и убежденный в способностях Троцкого осилить любые преграды, Ленин сумел отбросить все обиды, всю фракционную вражду и свою личную неприязнь к Троцкому, дабы поставить на службу большевистскому строю (sic! — P.C.) не только его (Троцкого.—P.C.) редкие дарования, но также и его слабости, которые Ленин умел эксплуатировать”**.

Однако Ленин отнюдь не был склонен признавать свое поражение, и в течение нескольких недель после ничем не завершившегося совещания 10 мая все еще надеялся соблазнить Троцкого перспективой работы в редакции ”Правды”. 30 мая Ленин присутствовал на заседании Петербургского комитета, где решался вопрос о предоставлении ПК права издавать свою собственную газету. Опасаясь ослабления партийной дисциплины, Ленин твердо, но безуспешно выступал против предоставления ПК такого права, ссылаясь на то, что, кроме всего прочего, ”начали налаживаться договоры с межрайонкой для привлечения г. Троцкого к изданию популярного органа”. Ленин добавил, что ”постановка популярной газеты сложна и требует большого опыта” — того опыта, который Троцкий, по мнению Ленина, уже приобрел***.

Несмотря на то что оппозиция со стороны соратников Ленина и упорная настойчивость Троцкого на вопросах протокола обрекали в тот момент ленинский план на поражение, Ленин тем не менее уже рассматривал Троцкого как новобранца в большевистскую партию, о чем свидетельствовало обращение ”товарищ”⁴⁸. Троцкий же со своей стороны действовал и высказывался в полном соответствии с большевистской партийной линией.

Официально Троцкий и его сторонники вступили в партию только в конце июля, во время Шестого съезда партии. Но даже тогда Троцкий не вошел в наиболее влиятельную руководящую группу партии, поскольку был арестован Временным правительством и освобожден лишь в начале сентября. Таким образом, в течение четырех критических месяцев в конце весны и ле-

* ”Ленинский сборник”, № 4, 1925, с. 303.

** Balabanoff A. Op. cit., p. 127.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 225—226.

том Троцкий не имел прямых контактов с партийным аппаратом, где принимались важные решения, и не участвовал непосредственно в его текущей деятельности⁴⁹.

Эта вынужденная отсрочка имела важные последствия для Троцкого, для большевистской партии, для революции и для Сталина. Троцкий не вошел во влиятельную группу, осуществлявшую руководство партией; он, по словам Дейчера, оказался в положении "свободного художника"⁵⁰. Обратной стороной медали было то, что Троцкий не знал, каков состав этой группы и входил ли в нее Сталин. Годы спустя, когда Троцкий взялся за биографию Сталина, он изобразил его человеком, который в течение двух месяцев после Апрельской конференции был "отодвинут куда-то на третий план"⁵¹. Это неверное представление об истинном статусе Сталина повлияло и на многое из того, что Троцкий писал позже. Только поняв, насколько Ленин приблизил к себе Сталина и способствовал его продвижению вверх в апреле, можно оценить всю глубину обиды, которую испытывал Сталин, видя, как обхаживает Ленин Троцкого в мае. У Балабановой на сей счет существует весьма пронизательное замечание:

"Теперь большевики относились к нему (Троцкому.— *P.C.*) не менее враждебно, чем до его обращения (в большевизм.— *P.C.*). Некоторые из них чувствовали себя ущемленными потому, что вынуждены были признать в нем лидера; другие подозревали, что в действительности он не полностью перешел в новую веру и в глубине души все еще оставался еретиком. Прочие же — а они, возможно, и составляли большинство — утверждали, что Троцкий присоединился к большевикам и подчинился ленинским указаниям лишь потому, что большевики победили"⁵⁰.

Не менее пронизательна Балабанова и относительно мотивов поведения самого Троцкого:

"Ему не приходилось более довольствоваться абстрактными идеями и теориями. Теперь он мог видеть, как они обретают реальность, превращаясь в чаяния живых человеческих существ, полных надежды на лучшее будущее и уверенных, что цель не только достижима, но и весьма близка. ...Атмосфера победы... придала ему жизненных сил, вдохновляла на новые споры, давала не только внутреннее удовлетворение, но и ощущение собственной избранности, обеспечивала все новые и новые возможности для выхода его неукротимой энергии и открывала новые сферы, где он мог применить свой продуктивный ум. Он уже более не ощущал себя ненавистным "контрреволюционным" меньшевиком — теперь он стал героем революции, которая должна была вот-вот одержать триумфальную победу и обес-

* Deutscher I. The Prophe Armed..., p. 340.

** Троцкий Л. Указ. соч., с. 282.

смертить его имя, золотыми буквами вписав его в книгу истории***.

С вступлением в партию Троцкого к небольшой группе людей, которые влияли на выбор пути Сталина в революции, прибавилась еще одна прославленная фигура. Однако в отличие от Каменева, Ленина и Свердлова, которые были для Сталина политическими руководителями и интеллектуальными наставниками, фигура Троцкого представляла собою нечто вызывающее и устрашающее: конкурент в борьбе за доверие Ленина, соперник, стремящийся занять позиции его ближайшего соратника, и претендент на место в руководящей верхушке. Тот факт, что Троцкий оставался вне партии даже тогда, когда Ленин уже приветствовал его как равного, придавал положению Троцкого уникальный, почти парадоксальный характер. Так и не принятый до конца старыми большевиками и даже ненавидимый многими из них, он вел себя не просто как рядовой член партийного аппарата, а как независимый трибун революционных масс. Не углубляясь во внутрипартийную политику, он быстро проложил себе путь в более широкий мир, мир рабочих митингов, солдатских и матросских собраний, всевозможных публичных сборищ. Таким образом, в то время как Сталин все еще осторожно пробирался к позициям одного из партийных лидеров, находившихся под опекой Ленина, Троцкий создавал себе твердое положение не в партии, а там, где все больше и больше набирала силу революция. Чемберлин заметил, что "Троцкий почти с самого момента прибытия непрерывно произносил речи и вскоре создал себе положение одного из выдающихся деятелей Совета***. Сталин же, напротив, весьма редко отваживался занимать место на трибуне.

Следствием поражения Ленина в борьбе за Троцкого стала отсрочка на несколько месяцев прямой конфронтации Сталина с Троцким. Учитывая способность Ленина четко формулировать мысли и его стремление самому определять политику партии по всем важным проблемам, редакционные обязанности Сталина были для него не слишком-то обременительны, оставляя массу времени для прочих видов деятельности. Запись об одном из редких выступлений Сталина сохранилась в уцелевших протоколах Петербургского комитета.

Заседание Петербургского комитета 10 мая

Сталин не входил в узкий круг большевистских лидеров, принявших 10 мая участие в совещании с Троцким и его сто-

* Balabanoff A. Op. cit., p. 127-128.

** Chamberlin W. H. Op. cit., v. I, p. 156.

ронниками. Было ли это еще одним его просчетом — подобным тому, какой он совершил 3 апреля, не удосужившись явиться на встречу Ленина? Такое предположение можно полностью исключить, ведь переговоры с Троцким велись по личной инициативе Ленина и вопрос о том, чтобы привлечь к ним Каменева и Зиновьева и обойтись без Сталина, решил сам Ленин. В глазах Ленина Сталин был пока еще новичком, лишь недавно приобщенным к партийным "командным высотам", а Каменев и Зиновьев пользовались репутацией закаленных в политической борьбе ветеранов, которых Ленин знал и которым мог доверить деликатные маневры переговоров с Троцким.

Кстати сказать, маловероятно, чтобы Ленин придавал слишком большое значение той неприязни, которая уже установилась между Сталиным и Троцким до 1917 года. "Борец с фальшивыми мускулами" — так Сталин дважды презрительно назвал Троцкого (в 1913 году), однако даже такое прозвище представляется весьма мягким в сравнении с теми бранными словами, которые позволяли себе в полемике Ленин, а также другие партийные ораторы.

Однако 10 мая Сталин провел отнюдь не в праздности: он участвовал в ответственном заседании Петербургского комитета и по ходу обсуждения сделал несколько весьма важных замечаний*.

В повестке дня заседания ПК 10 мая стояли три вопроса: муниципальные выборы, структура ПК и дело Сергея Багдатьяна, члена ПК, которого обвиняли в том, что он во время демонстрации 20—21 апреля нарушил партийную дисциплину. Это Багдатьян, пренебрегая предостережениями Ленина и ЦК, писал листовки с призывом к немедленному свержению Временного правительства и подстрекал рабочих к активным действиям**. Сталин высказался по каждому из трех вопросов повестки.

Касаясь муниципальных выборов, Сталин предложил Исполнительной комиссии ПК "взять в свои руки работу по муниципальным вопросам, используя все наличные силы". Предложение было довольно разумным, оно вполне соответствовало большевистским тенденциям к централизации и свидетельствовало о том, что этим выборам придавалось важное значение.

Вопрос о внутренней структуре ПК затрагивал партийную бюрократию. Суть его сводилась к тому, должен ли был ПК разделиться на подкомитеты по функциональному принципу или ему следовало сохранить целостность, выполняя при этом разнообразные задачи. В известной мере демонстрируя те бюрократические таланты, которые впоследствии определяют всю его полити-

* Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. М. — Л., Госиздат, 1927, с. 96—102.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 45.

ку, Сталин предложил, чтобы Исполнительная комиссия функционировала как "единая целостная" организация, подотчетная ПК, но чтобы она доложила на следующем заседании ПК о тех полномочиях, которые возьмет на себя. Деление ПК на политическую и экономическую группы было бы, по мнению Сталина, нежелательно, поскольку "нельзя отделить от экономики политику".

Аргументация Сталина была признана вполне убедительной, ибо приняли именно его предложение, а не Багдатьява, желавшего поделить Исполнительную комиссию по функциональному принципу, и Н. И. Подвойского, члена Военной организации, настаивавшего на немедленном избрании подкомиссий с разными функциональными задачами. Принятие предложений Багдатьява и Подвойского вело бы к ослаблению централизованной власти ПК и к усилению автономии функциональных подкомиссий, включая также и ту, которая отвечала бы за военные вопросы. Сталин же всегда стоял за централизованную власть, пусть даже и с разделением функций.

При обсуждении поведения Багдатьява Сталин избрал умеренную линию. Он спросил, имеет ли Исполнительная комиссия право исключить Багдатьява из партии, если он "сознательно нарушил пост[ановление]", и предложил отложить решение вопроса до тех пор, пока не будет завершено расследование этого дела. Если судить по результатам голосования, то Багдатьяву удалось избежать как исключения, так и выговора, однако сами формулировки протокола, несомненно, служили предостережением против дальнейших нарушений партийной дисциплины. Учитывая личную заинтересованность Ленина в деле Багдатьява, закономерно предположить, что Сталин выступал не только от своего имени, но и по поручению Ленина. Именно для того, чтобы изложить точку зрения Ленина, Сталина попросили присутствовать на заседании ПК от 10 мая. Если такое предположение верно, то этот случай можно считать одним из примеров тех "особых поручений", о которых с такой охотой обычно пишут биографы Сталина, стремясь восполнить довольно скудную информацию о его деятельности в то время.

Заседание 10 мая завершилось выборами нового состава Исполнительной комиссии, в которую вошли девять человек. Среди них были Молотов — от Выборгского района и Подвойский — от Военной организации. Учитывая активное участие Сталина в заседаниях, а также тот факт, что было принято его предложение относительно внутренней структуры ПК, вполне возможно, что он сознательно уклонился от выдвижения своей кандидатуры. Работа в редакции "Правды" и в Исполнительном комитете Совета, а также обязанности члена Центрального Комитета и его бюро давали достаточно возможностей занять время и найти применение энергии, а чтобы не порывать

связь с ПК, он мог ограничиться присутствием на заседаниях, когда в повестке дня стояли вопросы принципиального характера. Ведь членом Исполнительной комиссии был Молотов, и Сталин вполне мог положиться на своего преданного соратника, всегда готового проинформировать его о делах ПК.

Подготовка к июньской демонстрации

Относительное затишье в мае было обманчивым. Вот-вот готовы были снова заявить о себе те проблемы и конфликты, которые уже привели к падению царского режима; они набирали силу, выдвигая перед Временным правительством задачи, которые то было бессильно решить. Созная слабость правительства, наиболее решительно настроенные деятели как в большевистской партии, так и вне ее пытались спровоцировать конфликт, который бы толкнул революцию на более радикальный путь. Демонстрации, прошедшие 20–21 апреля, были лишь предварительной пробой сил перед началом, как многие надеялись, настоящей борьбы за власть, за свержение Временного правительства.

Где-то в середине мая члены большевистской Военной организации предложили провести массовую демонстрацию с участием как рабочих, так и солдат. Эта демонстрация должна была показать размах революционных сил. Большевистский Центральный Комитет, не желая выпускать из своих рук инициативу и стремясь предотвратить преждевременные выступления, пока Временное правительство, казалось, еще занимало достаточно прочные позиции и контролировало ситуацию, оставил эти призывы без внимания, утвердив тем самым свое исключительное право выступать инициатором каких бы то ни было политических акций*.

Но это не остудило горячие головы в Военной организации. Игнорируя наложенный ЦК запрет на любые независимые действия, Военная организация провела 23 мая собрание, где были заслушаны сообщения партийных представителей из различных частей Петроградского гарнизона о настроениях среди солдат. Участники собрания, воодушевленные вестями о боевом духе солдат, решили, прежде чем разрабатывать окончательный план демонстрации, встретиться с представителями Кронштадтского военно-морского гарнизона. То, что кронштадтские моряки поддержат предложение о проведении массовой демонстрации, было практически гарантировано, поскольку к тому времени они завоевали прочную репутацию сторонников самых радикальных мер. Всего несколько дней назад Кронштадтский Совет принял

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 51.

резолюцию, согласно которой не признавал полномочий Временного правительства на своей территории. Это решение, пророчески предвосхитившее Октябрьскую революцию, было вскоре официально аннулировано, однако оно оставалось неоспоримым свидетельством настроений среди кронштадтских моряков.

Даже Ленин, при всей своей осторожности, высказывал в тот момент мысли, весьма созвучные настроениям кронштадтцев. В своей статье "Исчезло ли двоевластие?", опубликованной в "Правде" 20 мая, Ленин утверждал: "Коренной вопрос всякой революции, вопрос о власти в государстве, по-прежнему висит в неопределенном, неустойчивом, явно переходном состоянии". Отсюда Ленин делал вывод, что "двоевластие долго держаться не может"* . По-боевому настроенные активисты в Кронштадте, в Военной организации и в Петербургском комитете вполне могли истолковать эти слова как призыв ускорить революционный процесс с помощью каких-нибудь прямых действий.

Факты, свидетельствующие о готовящемся правительством новым наступлении, подливали масла в огонь, разжигая недовольство в частях Петроградского гарнизона. Александр Керенский, занявший пост военного министра в образованном 5 мая коалиционном правительстве, предпринял поездку на фронт, где весьма безуспешно пытался поддержать боевой дух измученных войной солдат. 26 мая Керенский отдал приказ о смещении генерала Алексеева — опытного, но пессимистически настроенного офицера, исполнявшего обязанности Верховного главнокомандующего, — и назначении на его место генерала Брусилова, возглаговавшего довольно успешное наступление в 1916 году и готового работать с Временным правительством⁵¹.

Мы не располагаем данными, которые позволили бы судить о деятельности Сталина в течение этого периода. В номерах "Правды" от 21, 24 и 26 мая публиковались три части его статьи "Муниципальная кампания", а его следующая статья появилась в печати лишь спустя несколько недель. Не было зафиксировано — или, во всяком случае, опубликовано — никаких его выступлений ни на одном из происходивших в то время собраний. Однако если судить по тем позициям и взглядам Сталина, с которыми он 6 июня вновь выплыл на свет документальной истории, последние недели мая и первая неделя июня оказались очередным этапом его карьеры, когда рядом с ним появились новые партнеры, привнесшие в его жизнь новые идеи и открывшие перед ним новые перспективы. На сей раз это были энтузиасты из Военной организации, которым суждено было увести Сталина в неизведанные и весьма рискованные дали.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 127–130.

Первый Всероссийский съезд Советов

Новым и, как показали последующие события, важнейшим фактором уже и без того достаточно сложного политического равновесия стало открытие 3 июня Первого Всероссийского съезда Советов. Делегаты съезжались со всех уголков России, это означало, что в стране впервые появилась возможность провести нечто вроде демократического форума, на котором мог прозвучать голос широких масс. В отличие от Петроградского Совета, который мог претендовать лишь на то, чтобы выступать от имени рабочих и солдат столицы, Всероссийский съезд обладал полномочиями выражать волю народа всей страны. Хорошо осознавая этот факт, большевистские лидеры целиком и полностью использовали съезд, чтобы выдвинуть свою собственную программу.

Состав делегатов съезда свидетельствовал о том, что рабочие и солдаты России, несмотря на существующие еще колебания, бесспорно прониклись социалистическими настроениями. Подавляющее большинство делегатов поддерживало две умеренные социалистические партии: эсеров, имевших на съезде 285 делегатов, и меньшевиков, насчитывавших 248 делегатов, однако каждая из этих ведущих партий по числу делегатов почти вдвое превышала большевистскую фракцию, в которую входило всего 102 человека⁵².

На второй день работы съезда со своим первым важным докладом выступил Ленин. Это выступление Улам охарактеризовал как "все еще в высшей степени демагогическую речь"*. Ленин среди прочего предложил опубликовать данные о прибылях, которые получают капиталисты на военных поставках, и немедленно арестовать пятьдесят или сто "крупнейших миллионеров". Войну Ленин понимал как капиталистический заговор с целью получить бесчисленные миллионы рублей. Поддерживая миллионеров, пусть даже в самой малой степени, Временное правительство, по его мнению, служит инструментом буржуазии, причем не многим лучше выглядят при этом меньшевики и эсеры, оказывающие ему ограниченную поддержку.

Именно во время выступления 4 июня Ленин в ответ на риторический вопрос лидера меньшевиков Церетели заявил, что большевистская партия "готова взять власть целиком". Это дерзкое заявление дало Церетели основания сделать вывод, что большевистская партия, при всей своей малочисленности, представляет непосредственную угрозу существовавшему революционному порядку**.

* У л а м А. В. *Op. cit.*, p. 143.

** Л е н и н В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 32, с. 267.

Сталин присутствовал на съезде как член большевистской фракции, однако у нас нет никаких фактических данных о его деятельности на съезде. Вместе с тем он стал одной из виднейших фигур в партии; доказательством служит тот факт, что 20 июня, когда работа съезда уже приближалась к завершению, Сталина избирают членом Центрального Исполнительного Комитета, призванного обеспечивать бесперебойную деятельность организации вплоть до созыва Второго Всероссийского съезда Советов*.

Неудачная демонстрация 10 июня и ее последствия

Признаки нового амплуа Сталина можно обнаружить в документах двух партийных мероприятий, проведенных 6 июня, чтобы обсудить разработанные к тому времени планы массовых демонстраций. С этими планами, как уже говорилось выше, выступила в мае Военная организация. Их с энтузиазмом поддерживали кронштадтские моряки, а также некоторые части Петроградского гарнизона, особенно Первый пулеметный полк.

На состоявшемся 6 июня совместном заседании Центрального Комитета партии, Петербургского комитета и Военной организации Ленин высказался за проведение демонстрации и предложил встретиться вновь 8 июня, чтобы уточнить технические детали. Сталин, поддержав его, заметил, что настроения в войсках определяются тем, что "солдаты задеты" — очевидный намек на становившуюся все более явной подготовку правительства к новым наступательным действиям, — а "рабочих поднимем". В этих условиях, заявил Сталин, "нельзя форсировать, но нельзя прозевать"***.

Хотя Сталин, как обычно, и пытался балансировать, это не может тем не менее замаскировать того факта, что он все-таки выступил за проведение демонстрации вооруженных рабочих и солдат. Это стало совершенно ясно из его выступления в тот же день на другом заседании.

Во второй половине дня 6 июня Сталин присутствовал на заседании Петербургского комитета, где снова обсуждался вопрос о проведении демонстрации. Сталин, не сдерживаемый Лениным, здесь занял более воинственную позицию. "Наша обязанность организовать эту демонстрацию", — заявил он, добавив к этому, что это будет "смотр нашим силам". Отнюдь не разделяя

* Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., ОГИЗ, 1947, с. 35.

** Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., "Наука", 1959, с. 486.

трезвого реализма Ленина, который вполне отдавал себе отчет, насколько все еще сильно в Петрограде влияние консервативных и умеренных элементов, Сталин прибавил: "При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется"*.

Все эти планы демонстрации не исключали возможности столкновения со сторонниками Временного правительства, и некоторые члены большевистской партии не без радости предвкушали эту перспективу. Так, Ивар Смилга, один из самых радикально настроенных членов Центрального Комитета, предложил на заседании 6 июня, что, "если события приведут к столкновению, участники демонстрации должны захватить здания почты, телеграфа и арсенала"**. Другие члены партии шли еще дальше: так, член Петербургского комитета Мартин Лацис считал, что "в случае необходимости мы должны при поддержке пулеметного полка занять вокзал, арсенал, банки и здания почты и телеграфа"***⁵³.

Но одно дело бросить вызов Временному правительству, и совершенно другое — открыто пренебречь мнением Всероссийского съезда Советов. Ведь это могло бы привести к столкновению большевистской партии с форумом, представлявшим широкие народные массы, — и это тогда, когда в сформулированной Лениным большевистской политике на первый план выдвигался лозунг "Вся власть Советам!". С 5 мая, когда во Временном правительстве была проведена реорганизация и в нем впервые получили министерские портфели представители меньшевиков и эсеров, съезд Советов, где преобладали умеренные социалистические партии, поддерживал Временное правительство.

8 июня, как раз в тот момент, когда большевики занялись составлением детального плана демонстрации, съезд определил свое отношение к этому, приняв большинством голосов резолюцию, выражавшую полную поддержку Временному правительству. Делегаты съезда, включая большевиков, тогда еще не знали, с какой быстротой обретали конкретные очертания планы массовой демонстрации — партийные лидеры тщательно охраняли их за стеной конспиративного молчания.

Сведения о вестующихся приготовлениях достигли съезда только во второй половине дня 9 июня, когда большевики уже по всему городу полным ходом занимались организацией демонстрации. Во всех этих мероприятиях Сталин принимал самое актив-

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 76.

** Chamberlin W. H. Op. cit., v. I, p. 161.

*** Ibidem. Данная цитата в источнике, который указывает Р. Слассер, не обнаружена. В источнике "Первый легальный ПК" (с. 164) есть фраза Лациса: "Предусматривали даже необходимость захвата почт, арсенала и телеграфа". — *Прим. перев.*

ное участие; об этом неопровержимо свидетельствует воззвание "Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда"* — основной документ, призывавший к поддержке демонстрантов. Воззвание было опубликовано без подписи, но почти наверняка принадлежало Сталину. Наиболее сильными аргументами в пользу официальной версии, приписывающей это воззвание Сталину, служат как доказательства текстуального характера, так и практически полное отсутствие каких бы то ни было правдоподобных альтернатив его претензиям на авторство. Оно не только написано в характерном для него стиле — например, там встречаются все те же напоминавшие литургию риторические каденции, — но и достаточно четко выявляет некоторые из его известных теоретических пробелов, в первую очередь явную склонность игнорировать революционное движение на Западе.

В первоначальном тексте возвания нет никаких ссылок на революционные события за пределами России — это говорит о том, что Ленин не только не был его автором, но даже предварительно не ознакомился с текстом. Фактически это воззвание первоначально не предназначалось для публикации в "Правде" или другой партийной газете; оно было задумано как листовка, которую предполагалось распространить по Петрограду с целью вызвать реакцию масс, необходимую для успеха демонстрации. Это была одна из тех листовок, которые меньшевик Е. П. Гегечкори зачитал утром 10 июня на съезде Советов в подтверждение широко распространенных слухов о том, что в тот день должна была произойти организованная большевиками демонстрация**. Негодование, которое вызвала эта весть среди делегатов, подвигнуло Гегечкори предложить резолюцию, призывавшую рабочих и солдат игнорировать возвания большевиков и сохранять спокойствие. Резолюция Гегечкори заканчивалась призывом не предпринимать никаких активных действий: "Ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице!"

Предложение Гегечкори было единодушно принято — воздержались только большевики и "межрайонцы", — что свидетельствовало о страхе, который испытывали умеренные социалисты перед большевиками и их способностью провоцировать волнения среди и без того возбужденных масс.

Во второй половине дня 10 июня вести о готовящейся демонстрации достигли Петроградского Совета и Временного правительства, которые повели себя весьма решительно. Исполнительный комитет Совета совместно с президиумом съезда Советов

* Революционное движение... Июньская демонстрация, с. 494–495, 611–612.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 76.

приступил к разработке согласованных действий против проведения демонстрации, а Временное правительство обратилось к населению с призывом сохранять спокойствие, угрожая, что в противном случае "всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти", и подкрепляя эти угрозы рассылкой по всему городу военных патрулей*.

В период разработки планов проведения демонстрации члены руководящей большевистской группы действовали весьма несогласованно. Воззвание Сталина явно не было предварительно представлено Ленину, ибо в противном случае в нем бы упоминалось о событиях в Западной Европе. Таким образом, Ленин, в целом одобряя планы демонстрации, не мог до конца представить себе масштабы намеченных действий. В результате помимо своей воли он оказался втянут в более решительные антиправительственные выступления, чем ему представлялось разумным.

Еще менее согласовано действовали Центральный Комитет партии и большевистская фракция на съезде Советов. Эта группа, которую возглавляли умеренные Каменев и Ногин, узнала о планах демонстрации только 9 июня вместе со всеми остальными делегатами. Таким образом, помимо протеста, который вызвали у них эти планы по политическим соображениям, свою роль сыграли и оскорбленные чувства деятелей, которых не сочли нужным своевременно поставить в известность о важных событиях, непосредственно затрагивающих их как делегатов съезда.

Вся тяжесть последствий этих нескоординированных действий пала на старого товарища и близкого соратника Ленина — Григория Зиновьева. Беспокойному и нерешительному по натуре Зиновьеву пришлось взять на себя роль посредника между умеренно настроенными делегатами и сторонниками рискованных действий из Военной организации.

9 июня около 8 вечера состоялось экстренное неофициальное заседание, в котором приняли участие несколько членов Центрального Комитета, Петербургского комитета и Военной организации. На этом заседании Зиновьев вместе с большинством проголосовал за демонстрацию, хотя к тому времени уже знал о принятом во второй половине дня решении съезда Советов против ее проведения.

По окончании заседания Зиновьев вновь поспешил в Таврический дворец, где работал съезд, намереваясь посоветоваться с членами большевистской фракции (во главе с Каменевым и Ногиним), единодушно проголосовавшей против демонстрации, тем самым целиком и полностью поддержав решение съезда. Потрясенный этой солидарностью со съездом, Зиновьев снова бросился в особняк Кшесинской, где располагался боль-

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 72.

шевистской штаб. К тому времени уже перевалило за полночь, шли первые часы 10 июня, и большинство партийных деятелей, принявших участие в прошедшем несколько часов назад совместном заседании ЦК, ПК и Военной организации, уже отправились спать. На срочное совещание с членами большевистской фракции удалось собрать только пятерых членов Центрального Комитета — Ленина, Свердлова, Каменева, Ногина и Зиновьева. Решимость Зиновьева поддержать демонстрацию не смогла противостоять огромному давлению и дала трещину. Поддавшись страстным доводам Каменева и Ногина, Зиновьев изменил своей прежней позиции и присоединился к противникам демонстрации. Это дало им перевес в один голос, и тот факт, что Ленин и Свердлов воздержались при голосовании, выразив тем самым свое отношение к такого рода отступничеству, в создавшихся условиях уже ничего изменить не мог. По воспоминаниям очевидца, Ленина удалось наполовину убедить, ссылаясь на техническую сторону дела: присутствовавший на совещании типографский работник якобы заверил его, что можно будет без труда изъять воззвание из еще не напечатанного утреннего выпуска "Правды"*.

Коль скоро решение было принято, последовали конкретные шаги, направленные на его выполнение. Были спешно внесены изменения в утренний выпуск "Правды": на месте, отведенном для возвания Сталина, появилось сообщение об отмене демонстрации. В типографии, где печаталась "Солдатская правда", однако, все прошло не так гладко: то ли по недоразумению, то ли вследствие намеренного неподчинения принятым решениям кто-то из Военной организации допустил появление на улицах города нескольких экземпляров газеты, где на первой странице вызывающе красовалось официально отмененное воззвание.

В 8 часов 10 июня, когда возобновил работу Первый съезд Советов, новость об изменении тактики большевиков стала самой острой темой повестки дня. Мнения делегатов разделились: одни просто радовались тому, что удалось сдержать пыл опасного противника, многие другие с негодованием обрушились на большевиков, чьи планы ставили под угрозу революционный порядок и законность. Церетели возглавил тех, кто осуждал большевиков, стремясь лишить их способности к активным действиям. Ему, однако, не удалось добиться от делегатов поддержки, необходимой для принятия предложенных им жестких и радикальных мер. Единственное, на что после двухдневных бурных дискуссий было готово пойти большинство делегатов, это довольно мягкое осуждение, фактически позволившее большевикам выйти сухими из воды.

* Chamberlin W. H. Op. cit., v. I, p. 162.

Уверенные, что большевики получили по рукам и уже не так опасны, делегаты съезда приняли вечером 12 июня предложение меньшевиков Дана, Богданова и Хинчука. Оно сводилось к тому, чтобы организовать массовую демонстрацию рабочих и солдат *в поддержку* съезда Советов — а следовательно, и Временного правительства — и тем самым нажать капитал на предполагаемом поражении большевиков*.

Большевистские лидеры сразу же увидели в этом решении лазейку, позволявшую возместить свои потери, восстановить влияние среди рабочих и солдат и, по сути дела, вновь вернуться к планам намеченной ранее демонстрации, лишь пересмотрев ее сроки.

Пока умеренные социалисты помогали таким образом большевикам обвести их вокруг пальца, сами большевики пребывали в смятении, которое переживает любая радикальная партия, чей революционный порыв временно сдерживается внешними обстоятельствами. Партийные собрания, проходившие после отмены демонстрации, показали, насколько реально это решение угрожало единству партии. Серьезные разногласия выявились между Центральным Комитетом, выступавшим за решение об отмене, и Военной организацией и Петербургским комитетом, которые резко критиковали это решение.

Сильные трения возникли даже внутри Центрального Комитета. На одном из заседаний комитета — скорее всего, оно прошло 11 июня — два члена ЦК, Сталин и Смилга, имевшие самое непосредственное отношение к первоначальному плану, подали в отставку, утверждая, что считают решение об отмене демонстрации *ошибочным***.

Комитет отказался принять их отставку и в порядке партийного дисциплинарного взыскания приказал Смилге "разъяснить" решение об отмене демонстрации на собрании кронштадтских большевиков, намеченном на вторую половину дня 11 июня***.

Тот факт, что Сталин изъявил желание выйти из состава ЦК, впервые обнародованный советскими историками в 1966 году, необыкновенно ярко показывает, какое сложилось у него в тот момент мнение о самом себе и своем месте в партии. В тот период, когда Сталин еще не совсем освоился с только что обретенным видным положением в партии, он продемонстрировал готовность добровольно отказаться от всего, поддавшись сиюминутной обиде. Более того, называя отмену демонстрации ошибкой, Сталин, по сути дела, высказывал упреки в адрес Ленина, пусть и против желания, но все-таки санкционировавшего

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 80.

** С о в о к и н А. М. К истории июньской демонстрации 1917 г. — "Вопросы истории КПСС", 1966, № 5, с. 62.

*** Rabinowitch A. Prelude..., p. 80.

эту отмену и теперь делавшего все, что было в его силах, чтобы утихомирить не на шутку разгневанных представителей наиболее воинственного крыла партии. В ретроспективе намерение Сталина выйти из состава ЦК снижает цену его позднейшим хвастливым утверждениям, будто он был членом Политбюро с самого его основания. Если бы он в июне 1917 года действительно осуществил свое намерение, то его пребывание на верхних ступенях партийной иерархии продолжалось бы немногим более месяца.

Смилга за упорный отказ смириться с отменой демонстрации был наказан: ему пришлось разъяснить это решение на собрании рассерженных и разочарованных кронштадтских большевиков. Нет никаких данных о том, что аналогичному взысканию был подвергнут и Сталин. Снова, как и в апреле, он сумел каким-то чудом избежать расплаты за отказ следовать линии партии, и опять факты свидетельствуют, что человеком, прикрывшим его, был Ленин. Эти факты хотя и косвенные, но весьма убедительные.

Решение съезда Советов о проведении демонстрации, как это быстро распознал Ленин, открывало перед большевиками возможность взять реванш за поражение. Используя свое влияние среди рабочих и солдат, большевики могли превратить новую демонстрацию, которую назначили на воскресенье 18 июня, в грандиозный пробольшевистский спектакль. Чтобы осуществить этот дерзкий план, необходимо было составить соответствующее воззвание к рабочим и солдатам. К счастью, под рукой оказался текст, подготовленный Сталиным для отмененной демонстрации 10 июня. С помощью разумной и умелой редакторской правки этот текст вполне мог сослужить хорошую службу.

Совершенно очевидно, что так и поступили: достаточно сравнить текст первоначального сталинского воззвания — в том виде, в каком оно было "непредумышленно" опубликовано в номере "Солдатской правды" от 10 июня, — с существенно переделанным текстом, напечатанным в "Правде" от 17 июня*. Не оставляет сомнения, что воззвание было одобрено Лениным, иначе бы оно не появилось в редактируемой им "Правде". В пользу того говорит и характерный ленинский стиль редакционной правки, с которой вышла пересмотренная версия.

Два воззвания: сравнительный анализ

Среди редакционных поправок, внесенных в вариант воззвания Сталина, опубликованный 17 июня, есть такие, где дается

* Переработанный текст см.: С т а л и н И. В. Соч., т. 3, с. 96–99.

или заостряется классовый анализ явлений, связанных с войной. В тексте, напечатанном 10 июня, Сталин пишет: "Война, уносящая миллионы жертв, все еще продолжается. Ее намеренно затягивают наживающиеся на войне м и л л и о н е р ы - б а н к и р ы". В варианте же от 17 июня вместо банкиров появляются "разбойники, кровопийцы-банкиры". В тексте от 10 июня читаем: "Дороговизна душит население". Эта фраза заменяется на другую: "Дороговизна душит городскую бедноту".

Многие поправки касаются международных аспектов войны, не затронутых в первоначальном тексте Сталина. Например, там, где Сталин пишет: "Третьеиюньская дума, помогавшая царю душить народ, требует теперь немедленного наступления на фронте, — для чего? Для того, чтобы потопить в крови добытую свободу". В версии от 17 июня к этому добавлено: "...в угоду "союзным" и русским грабителям". Сходная концовка добавлена и в следующем абзаце, где Государственный совет обвинен в том, что "плетет в тиши предательскую петлю", чтобы "в удобную пору выйти на свет и накинуть ее на шею народа".

С помощью ряда поправок усилены темы, которые Сталин "проглядел" в первоначальном варианте воззвания. Например, были добавлены следующие два абзаца, по своему духу бесспорно ленинские:

"Вместо вооружения народа -- угрозы разоружения рабочих и солдат.

Вместо освобождения угнетенных народов — придирки к Финляндии и Украине, боязнь дать им свободу".

Небольшое, но весьма знаменательное смещение акцентов в первоначальном тексте Сталина, выдававшее характерный для Ленина глобальный подход к проблемам, произошло, когда вместо фразы: "Пусть наш клич, клич сынов революции, облетает сегодня всю Россию на радость всем угнетенным и поработленным!" — появилось: "Пусть ваш клич, клич борцов революции, облетает весь мир на радость всем угнетенным и поработленным!"

Этот глобальный подход обрел кристальную ясность в следующем, совершенно новом абзаце, впервые появившемся в тексте 17 июня:

"Там, на Западе, в воюющих странах, уже занимается заря новой жизни, заря великой рабочей революции. Пусть узнают завтра ваши братья на Западе, что вы несете им на ваших знаменах не войну, а мир, не порабощение — а освобождение!"

Ряд редакционных изменений был направлен на то, чтобы замаскировать возможность раскола между рабочими и солдатами. В своем тексте от 10 июня Сталин пишет:

"Р а б о ч и е! Присоединяйтесь к солдатам и поддержите их справедливые требования. Разве не помните, как они поддер-

живали вас в дни революции?” Этот призыв слишком уж явно разоблачал беспокойство о том, что рабочие могут и не поддержать солдат во время демонстрации. В тексте от 17 июня эти фразы были изменены:

”Рабочие! Солдаты! Подайте друг другу братскую руку и – вперед под знамя социализма!”

Оба варианта завершались рядом **”требований”**, с которыми рабочим и солдатам настоятельно рекомендовалось выступать, когда они будут маршировать по улицам столицы. В эту часть воззвания было внесено несколько весьма знаменательных поправок. Там, где Сталин, повторяя свои теперь уже вышедшие из моды мартовские идеи, первоначально пишет: **”Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!”** – вариант от 17 июня гласил: **”Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!”**

В полном соответствии с тем значением, которое Ленин придавал созданию вооруженной рабочей милиции, в текст был вставлен новый лозунг:

”Долой разоружение революционных рабочих!

Да здравствует народная милиция!” Сталинский лозунг **”Да здравствует контроль (имеется в виду рабочий контроль. – Р.С.) и организация промышленности!”** был перефразирован на марксистский манер, обретя следующий вид: **”Да здравствует контроль и организация производства и распределения!”**

Наконец, последнее расхождение между двумя текстами касалось организаторов демонстрации, которые ставили под воззванием свои подписи. В первоначальном тексте наряду с подписью большевистского Центрального Комитета, Петербургского комитета и Военной организации стояла также и подпись Исполнительной комиссии Центрального бюро профессиональных союзов. Поскольку в тот момент профсоюзы были под влиянием меньшевиков, неудивительно, что в варианте от 17 июня их подпись исчезла. Новый список организаторов стал исключительно большевистским, сам же текст воззвания после переработки гораздо больше соответствовал политике большевистской партии в ее ленинской интерпретации. Путь к осуществлению большевистского плана обрел окончательную ясность. Однако в этот момент возникла новая опасность, она исходила от анархистов-коммунистов.

Угроза со стороны анархистов-коммунистов

Попытки большевиков держать под контролем взбудораженные массы рабочих и солдат Петрограда встречали опасное про-

тиводействие не только со стороны правых или центристов — то есть Временного правительства и Петроградского Совета, — но и ультралевых — анархистских группировок и отдельных деятелей. 5 июня одна из групп, называвшая себя "анархистами-коммунистами", захватила типографию правой газеты "Русская воля". Еще раньше, вскоре после Февральской революции, эта группа заняла расположенную в Выборгском районе дачу бывшего царского министра внутренних дел П.Н. Дурново. С этого момента дача Дурново служила для анархистов чем-то вроде оперативной базы. Правительство смирилось с оккупацией дачи, но резко прореагировало на захват типографии; чтобы выдворить оттуда анархистов, был специально послан полк гарнизонных войск. Твердо решив добиться полной ликвидации этой группы, меньшевик П.Н. Переверзев, занимавший пост министра юстиции во Временном правительстве, дал анархистам-коммунистам двадцать четыре часа, чтобы очистить имение Дурново*.

Ультиматум Переверзева встретил сопротивление со стороны не только самих анархистов-коммунистов, но и многих рабочих заводов Выборгского района, которые устроили забастовки солидарности. Но еще большую пользу принесли анархистам около пятидесяти радикально настроенных и рвавшихся к активным действиям кронштадтских моряков, которые явились помочь анархистам-коммунистам защитить их штаб. Столкнувшись с этими непредвиденными трудностями, правительство смягчило свой ультиматум; Петроградский Совет тем временем спешно обдумывал компромиссные меры, дабы избежать прямого столкновения.

Как советские, так и большинство западных историков уделяют сравнительно мало внимания анархистским волнениям июня—июля 1917 года, между тем они представляют существенный элемент бурного и весьма неоднозначного развития революционной ситуации. В том, что касается Сталина, эта проблема важна главным образом потому, что способствовала формированию его взглядов на революционную стратегию и роль партии.

Для большевиков анархисты-коммунисты были особенно опасны, поскольку грозили обойти партию с левого фланга и апеллировать к рабочим, завоевывая их симпатии своими решительными действиями и радикальными лозунгами. Пытаясь предотвратить эту угрозу, члены большевистского Центрального Комитета и Петербургского комитета, а также партийные работники районных организаций собрались 5 июня на специальное совещание, которое приняло резолюцию, призывавшую

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 64.

рабочих воздержаться от "разрозненных" действий*.

Пользуясь временной передышкой, данной им Временным правительством, анархисты-коммунисты образовали после полудня 9 июня Временный революционный комитет, очевидно чтобы заниматься подготовкой к демонстрации, также назначенной на 10 июня. Листовки, призывавшие рабочих и солдат поддержать эту демонстрацию, распространялись в Петрограде и Кронштадте одновременно с первоначальным вариантом сталинского воззвания**.

В отличие от большевиков, которые в основном вынуждены были смириться с отменой намеченной на 10 июня демонстрации, анархисты-коммунисты не прекращали подготовки своей демонстрации, срок которой был передвинут на 14 июня. Однако эти планы грозили помешать приготовлениям большевиков к организуемой по инициативе Совета демонстрации 18 июня, и Петербургский комитет предпринял меры по претовращению каких бы то ни было демонстраций. 14 июня "Правда" опубликовала заявление, где говорилось:

"ПК считает необходимым решительно заявить, что всякие разрозненные действия отдельных частей солдат и рабочих могут нанести глубочайший вред делу революции, а потому какие бы то ни было выступления без призыва ЦК, ПК и Военной организации считает безусловно недопустимыми..."***

Как свидетельство того, что это решение получило поддержку всего партийного руководства в целом, в том же самом номере "Правды" была опубликована подписанная Сталиным статья "Против разрозненных демонстраций", где эта позиция формулировалась в еще более бескомпромиссных выражениях****.

"Теперь оказывается, — пишет Сталин, — что на даче Дурново "организуется" новое выступление рабочих. Нам сообщают, что на даче Дурново происходят собрания представителей заводских комитетов, во главе с анархистами, с целью устроить сегодня демонстрацию. Если это верно, то мы заявляем, что осуждаем самым решительным образом всякие разрозненные, анархические выступления. ...Такие анархические демонстрации мы считаем пагубными для дела рабочей революции".

Сталин особо настаивает на том, чтобы все члены партии воздержались от участия в готовящейся демонстрации: "... Сливаться с анархистами и предпринимать вместе с ними безраз-

* А н и к е е в В. В. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (6). Март—октябрь 1917 г. — В кн.: Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977, с. 34.

** R a b i n o w i t c h A. Prelude..., p. 122.

*** Революционное движение..., с. 515; R a b i n o w i t c h A. Prelude..., p. 102.

**** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 88—90.

судные выступления, заранее обреченные на неудачу, — это недопустимо и преступно со стороны сознательных рабочих”.

Чтобы придать своему обращению какой-то позитивный характер, Сталин рисует перспективу более мощной, более представительной демонстрации, которая состоится 18 июня под руководством большевиков.

”Теперь наша задача, — заявляет Сталин, — добиться того, чтобы демонстрация в Петрограде 18 июня прошла под нашими революционными лозунгами.

И именно поэтому мы должны в корне пресечь всякие анархические выступления для того, чтобы тем энергичнее подготовиться к демонстрации 18 июня”.

С характерной для него тяжеловесностью Сталин дважды повторил призыв, прежде чем подписать наконец свою статью.

Резолюция Петербургского комитета вкупе с авторитетным заявлением Сталина возымела желаемое действие: 14 июня никаких демонстраций не было. Что касается Сталина, то он после этого еще больше уверился в правильности взгляда на взаимоотношения между партией и массами; только партия, считал он, имеет право вести за собой массы. Попытки других организаций или отдельных лиц посягнуть на это право будут **”пагубными для дела рабочей революции”**, оказание же отдельными большевиками поддержки подобным действиям не только **”недопустимо”**, но и **”преступно”**.

Конференция большевистских военных организаций

Контроль за вооруженными силами представлял собой жизненно важный элемент общей ленинской стратегии. Работая в редакции **”Правды”** под непосредственным руководством Ленина, Сталин имел хорошую возможность усвоить точку зрения своего шефа. Подписанная Сталиным статья **”Вчера и сегодня (Кризис революции)”**, опубликованная в **”Правде”** от 13 июня, носит следы того, насколько хорошо воспользовался Сталин плодами своего ученичества*. В статье умело было проанализированы политика Временного правительства, настойчиво стремящегося продолжить войну, и в частности планы Керенского провести новое наступление. Войдя в кабинет, меньшевики и эсеры сомкнулись с позицией кадетов, явно дискредитированных отставкой Милюкова и Гучкова, но тем не менее не оставлявших надежд добиться военной победы и сохранить альянс с Францией и Англией. Неизбежным следствием этого, утверждал Сталин, стала все более и более явная поддержка

*Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 80–87.

умеренными социалистами внутренней политики Временного правительства, их быстрое сползание на позиции открытой контрреволюции.

Статья Сталина стала как бы прелюдией к участию во Всероссийской конференции большевистских военных организаций, открывшейся в Петрограде 16 июня. Собравшиеся более ста делегатов были настроены весьма воинственно; многие считали, что настало время для мятежа с целью захвата власти. Ленин, не испытывавший никакой необходимости подстегивать их революционное рвение, счел уместным призвать к сдержанности, осторожности и терпению. Захваченный господствовавшими на конференции настроениями, даже обычно не отличавшийся воинственностью Зиновьев тоже говорил о выборе между смертью на поле боя или на баррикадах*.

Функции Сталина на этой конференции были довольно незначительны: он время от времени выступал, когда у Ленина возникла потребность в докладчике, который бы изложил его позицию по национальному вопросу. В полном соответствии с отведенной для него ролью Сталин посвятил 17 июня свое выступление главным образом национальному вопросу и его взаимосвязи с вопросом о вооруженных силах, в частности формированию вооруженных соединений по национальному признаку**. Заслушав доклад Сталина, делегаты приняли составленную в соответствии с установками Ленина резолюцию, где признавалось право каждой национальности иметь свои собственные национальные соединения. Однако утверждалось, что "образование национальных полков не отвечает интересам трудящихся масс, так как способствует их разобщению и может быть использовано буржуазией в контрреволюционных целях"***. Похоже, что здесь Ленин, а также и Сталин как выразитель его взглядов весьма близко подошли к позициям по национальному вопросу, которые занимали Дзержинский и многие другие на Апрельской конференции⁵⁴.

Демонстрация 18 июня

Присутствие в столице делегатов военной конференции дало новый импульс приготовлениям большевиков к демонстрации 18 июня, ведь благодаря конференции в их распоряжении оказались более ста опытных и энергичных агитаторов. Получив такое подкрепление, Центральный Комитет смог эффективно

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 122.

** Доклад Сталина не опубликован. См.: McNeal R. H. et al. Stalin's Works: An Annotated Bibliography. Stanford University Press, 1967, p. 48.

*** Милиц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 464.

использовать то короткое время, которое еще оставалось до демонстрации.

Погода 18 июня была ясная и теплая — стоял прекрасный летний день, что помогло большевикам добиться массового выхода людей на улицы. По неофициальным и правительственным данным, в рядах демонстрантов в тот день было 400—500 тысяч человек. Подавляющее большинство демонстрантов несло большевистские лозунги "Вся власть Советам!", "Конец империалистической войне!", "Долой десять министров-капиталистов!", а отнюдь не лозунги с призывами поддержать Совет и Временное правительство, что вызвало смятение меньшевиков и эсеров. Демонстрация носила организованный и мирный характер — не было произведено ни единого выстрела, ни один человек не был убит или ранен. Это был триумф большевиков — тем более впечатляющий, что демонстрировал не только торжество их политики, но также и их способность мобилизовать массы и руководить ими. После 18 июня уже никто в Петрограде не сомневался, что большевики пользуются преимущественным влиянием среди рабочих и солдат столицы.

В "Правде" от 18 июня были опубликованы две статьи, посвященные анализу демонстрации и оценке ее значения, одна за подписью Ленина, другая — Сталина⁵⁵. Хотя оба были в основном единодушны в общей оценке событий, отдельные расхождения ярко высвечивали различия между существующими у каждого из них концепциями революции.

В статье Ленина, озаглавленной "Восемнадцатое июня", эта демонстрация рассматривалась в перспективе продолжающегося, стабильно углубляющегося революционного кризиса*. "...18-е июня, — писал он, — было первой политической демонстрацией *действия*, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождя, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотя и будут действовать, чтобы вести революцию дальше". Ленин делает вывод, что только пролетариат — читай: выступающая от имени пролетариата большевистская партия — может вывести Россию и весь мир из трудностей.

"Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию и на все человечество. Выход только в доверии самому организованному передовому отряду трудящихся и эксплуатируемых, в поддержке его политики.

.....
Вне полного доверия народных масс своему руководителю, пролетариату, выхода нет".

Статья Ленина носила трезвый, аналитический характер и была едва окрашена в риторические тона. В статье Сталина, озаглавленной "На демонстрации", предпринималась попытка

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 360—362.

как-то передать ощущение силы и чувство радостного возбуждения, которые были характерны для этой демонстрации*.

«Ясный, солнечный день. Бесконечная лента демонстрантов. Шествие идет к Марсовому полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заведения. Движение приостановлено. Мимо могил демонстранты проходят с наклоненными знаменами. "Марсельезу" и "Интернационал" сменяют "Вы жертвою пали". От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются: "Долой десять министров-капиталистов!", "Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!". В ответ со всех сторон несется громкое одобрительное „ура!“».

По мнению Сталина, главный вывод, который следует отсюда извлечь, состоит в том, что меньшевистско-эсеровская политика компромисса обнаружила свое полное банкротство. "Громадное большинство демонстрантов... — пишет он, — выразило прямое недоверие политике соглашения с буржуазией — демонстрация прошла под революционными лозунгами нашей партии". В то время как в статье Ленина подчеркивается роль пролетариата как лидера, за которым должны следовать массы, если они хотят выйти из тупика, Сталин делает основной акцент на приоритет партии, осуществляющей руководство рабочими и солдатами.

Как Ленин, так и Сталин обнаружили в своих статьях беспокойство в связи с обвинениями, которые раздавались в адрес большевиков в Совете и других органах — в организации под видом якобы мирных демонстраций заговора с целью свержения власти. Различные подходы двух авторов к рассмотрению этой проблемы весьма поучительны. Ленин упомянул об этих обвинениях лишь один раз, вскользь, в самом начале статьи:

"Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непрекаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией".

Кстати сказать, это единственное во всей ленинской статье упоминание о партии. Причем партия выступает здесь выразителем взглядов промышленного пролетариата и солдат, а отнюдь не организацией, диктующей им свою волю. Ленин — в значительно большей степени, чем Сталин, — был склонен скорее отождествлять партию с массами, чем усматривать в ней орган, призванный ими манипулировать.

К вопросу о "заговоре" Сталин обращается в последнем аб-

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 100—103.

защиты своей статьи, разрабатывая его с тем тяжеловесным сарказмом, который был одним из его излюбленных методов рассуждения:

«Сомнения невозможны: сказка о "заговоре" большевиков разоблачена вконец. Партия, пользующаяся доверием огромного большинства рабочих и солдат столицы, не нуждается в "заговорах". Только нечистая совесть или политическая безграмотность могли продиктовать "творцам высшей политики" "идею" о большевистском „заговоре”».

Слова Сталина можно трактовать и по-другому: только нечистая совесть могла заставить его — и Ленина тоже — использовать успех демонстрации 18 июня как убедительное доказательство того, что за проводимой ими подготовкой демонстрации абсолютно иного рода, чем та, что планировалась на 10 июня, не стояло никакого большевистского заговора. Совершенно очевидно, обвинения в "заговоре" затрагивали кое у кого из большевистских лидеров очень болезненный нерв. То обстоятельство, что советские историки до сих пор не опубликовали протоколы заседаний большевистского Центрального Комитета за этот период, наводит на подозрение, что эти документы, возможно, содержат доказательства того самого заговора, который так упорно отрицали и Ленин и Сталин.

Сталин в мае и июне: ретроспективный взгляд

Взяв медленный старт в мае, Сталин в июне продвинулся ближе к центру событий. Личные контакты в Военной организации, особенно сотрудничество со Смилгой⁵⁶, позволили Сталину добиться влияния в организации, которая занимала главные позиции в подготовке основных революционных мероприятий июня — неудавшейся демонстрации 10 июня, а затем триумфальной мирной демонстрации 18 июня. Способности Сталина составлять тексты зажигательных воззваний идеально отвечали потребностям момента. Для этого не нужны были ни пространные теоретические выкладки аналитического характера, ни страстные красноречивые призывы — две сферы, где Сталин был особенно слаб. Его собственная интерпретация марксизма, который он одолел самоучкой и перекладывал в литургические каденции, усвоенные в духовной семинарии, подходила к настроениям рабочих и солдат в военном Петрограде. Военная организация и сам Смилга как нельзя более подходили для превращения сталинской риторики в активные действия масс. Такое сочетание оказалось в высшей степени эффективным.

В июне обозначился новый и неожиданный поворот в отношениях Сталина и Ленина. Не дожидаясь ленинских директив, Сталин дерзко берет на себя роль рулевого партийной политики

и ведет за собой осторожного, хоть и оказывавшего ему время от времени поддержку Ленина. Идея провести демонстрацию 10 июня исходила не от Ленина^{5 7}; он не давал Сталину прямых указаний написать воззвание, призывающее к организации такой демонстрации. Совсем наоборот, Ленин оказался перед фактом: события уже развивались и могли привести либо к блистательному успеху, либо к жалкому поражению. Он колебался между надеждой и скептицизмом.

Когда Центральный Комитет отменил демонстрацию 10 июня, партийное взыскание было наложено на Смилгу, а не на Сталина, более того, сталинское воззвание было переработано и использовано для демонстрации 18 июня. Угрожая выйти из состава Центрального Комитета, Сталин выразил не только протест против отмены демонстрации 10 июня, но и недоверие к суждениям Ленина, а также заявил о претензиях самостоятельно определять задачи партии. Сталин был исполнен решимости вести свою собственную игру и, если потребуется, даже стать в оппозицию к Ленину.

Если говорить о публикациях, июнь оказался для Сталина месяцем довольно продуктивным. Кроме воззвания, он написал партийную директиву, касающуюся анархистов-коммунистов ("Против разрозненных демонстраций"), а также острую аналитическую статью о политике Временного правительства ("Вчера и сегодня"). Ярким свидетельством того, что на сцене появился Сталин в роли видного деятеля, считавшего себя наряду с Лениным вправе выступать от имени партии, стала публикация в "Правде" его статьи о демонстрации 18 июня. Она была напечатана в том же номере, что и статья Ленина, однако выражала совершенно самостоятельную точку зрения.

Стремительный взлет Сталина облегчало и положение, в котором оказались в тот момент его потенциальные соперники. Каменев, который помог Сталину сделать первые шаги в Петрограде, стал деятелем умеренного толка, настаивая на осторожности и сдержанности. Никакие лавры на этом пути его не ждали, к тому же он никак не угрожал сталинским амбициям, хотя в будущем мог стать полезным союзником. После известных колебаний на том же крыле партии, где находились осторожные, вместе с Каменевым очутился и Зиновьев. Своему положению в партии он был обязан тесному сотрудничеству с Лениным. Оснований рассматривать его в качестве соперника у Сталина было еще меньше.

Угрозу представлял совсем другой человек – Троцкий. Однако в ситуации, которая создалась в июне, он реальной опасности для Сталина не представлял. Троцкий все еще оставался вне партии, не участвовал в определении ее политики, и ему еще предстояло доказывать, что он достоин быть членом партии. Мысль, что через каких-то несколько месяцев он займет положение,

которое позволит ему соперничать с Лениным, тогда показалась бы Сталину просто абсурдной.

В июне Сталин был уверен, что путь к победе большевистской революции приведет и его к ведущим позициям в партии. Июльские события никак не могли рассеять эту радужную перспективу, однако они показали, что проторенный путь наверх может оказаться более трудным и тернистым, чем ему казалось в тот теплый воскресный день, когда, стоя на трибуне, он провожал глазами последних демонстрантов.

Успех демонстрации 18 июня, считали большевики, был результатом благоприятного стечения обстоятельств, которое вряд ли еще повторится в будущем. В день демонстрации стояла хорошая погода, к тому же было воскресенье — все это придавало демонстрации характер летнего праздника. Ее политическим организатором выступала не только большевистская партия, но также Петроградский Совет и Всероссийский съезд Советов. Временное правительство предусмотрительно соблюдало нейтралитет: не поддерживая демонстрации, но и не чиня ей препятствий. Его занимало совсем другое: 18 июня русская армия во главе с новым главнокомандующим генералом Брусиловым вот-вот должна была начать свое злополучное летнее наступление.

Умеренные социалистические партии выступили за проведение демонстрации 18 июня, кадеты ее бойкотировали, однако при этом со стороны консервативных сил не было предпринято никаких попыток вмешаться или организовать встречные демонстрации. Казалось, сбылось предсказание Сталина 6 июня: "При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется".

Своим успехом демонстрация в огромной степени была обязана организованной, целенаправленной работе кадровых большевиков. В ходе демонстрации была проявлена примерная партийная дисциплина; рабочие и солдаты стройными рядами маршировали мимо трибун, высоко поднимая над головами большевистские лозунги.

Демонстрация 18 июня лишь укрепила и углубила в Сталине то понимание роли партии и ее отношение к революции, которое формировалось у него годами. Организуемая роль партии, с точки зрения Сталина, — залог успешных действий масс, будь то уличные демонстрации или вооруженное восстание, перерастающее в революцию. Действия рабочих и солдат, не санкционированные партией, — "разрозненные" или "неорганизованные" демонстрации — подрывают руководящую роль партии, и потому их следует всячески избегать. Если партия будет сохранять единство и держать под контролем действия масс, то ей не так страшна опасность противодействия со стороны консервативных или либеральных сил. В отличие от Ленина Сталин не видел тех реальных социальных сил, которые могли бы угрожать

большевистским претензиям на власть, так же слабо отдавал себе отчет и в необходимости социалистических революций на Западе для поддержки социалистической революции в России. Марксизм и представление о социальных силах у Сталина носили рудиментарный характер, не позволяя понять стратегические выкладки искусных марксистских мыслителей типа Троцкого и Ленина, с помощью которых те пытались оправдать свою веру в возможность пролетарской революции в России. С точки зрения Сталина, для достижения этой цели достаточно хорошо дисциплинированной и жестко централизованной партийной организации, а действия масс последуют автоматически, стоит лишь запустить в ход партийную машину. Таким образом, сталинская концепция революции отражает как сильные стороны автора, так и его слабости. Он делал акцент на искусство организации и руководства — к этому искусству у него были врожденные склонности, оно было ему близко и понятно, и позднее он достигнет в нем совершенства. Ведь оно не требовало ни блестящего таланта политического теоретика, ни красноречия, позволяющего завладеть массовой аудиторией, а как раз этими качествами Сталин явно не обладал.

Успех большевиков на демонстрации 18 июня способствовал укреплению основных принципов Сталина, раз и навсегда определил его подход к проблеме захвата власти. Поэтому неудивительно, что он уповал на эти принципы, сохраняя верность им в новых условиях, когда большевистская партия заявила свои претензии на власть в октябре.

Демонстрация 18 июня открывает нам еще одну важную черту психологии Сталина: он всегда испытывал трудности, оказываясь перед необходимостью заранее предсказать развитие событий, зато обладал способностью использовать в своих интересах ситуации, которые он уже имел возможность досконально изучить по прошлому опыту. Непривычные ситуации обычно на некоторое время выбивали его из колеи; если же ситуация повторяла одну из прежних моделей, то тут он мог полностью чувствовать себя хозяином положения. Две июньские демонстрации представляли для Сталина совершенно идеальный случай. Отмененная демонстрация 10 июня стала для него как бы генеральной репетицией — она привела его в состояние боевой готовности, дав представление об общем характере проблемы и выявив главные механизмы, с помощью которых можно направлять развитие событий. Демонстрацию 18 июня он встретил во всеоружии. Но в октябре никакой генеральной репетиции не будет; у Сталина как и других партийных лидеров останется всего одна попытка, чтобы выиграть главный приз.

IV.

ИЮЛЬ

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Оценка большевиками демонстрации 18 июня

По оценкам большевиков, демонстрация 18 июня была большим успехом, она показала, какие огромные силы дремлют в массах рабочих и солдат столицы, какой мощный отклик находят в них лозунги и политика большевистской партии. Выступив первоначально с инициативой проведения этой демонстрации, меньшевики обнаружили неспособность направить ее по задуманному руслу, оказать поддержку Временному правительству и проводить курс на осуществление своего варианта умеренного социализма. Тем не менее, как это ни парадоксально, прямым следствием демонстрации стало возрождение массовой поддержки правительства и переход большевиков к политике тактического отступления.

Может быть, большевики просчитались? Нет, объяснял 27 июля Шестому съезду партии Сталин, дело в том, что появилось новое обстоятельство, которое существенно изменило ситуацию.

”Товарищи знают, — сказал Сталин, — как прошла демонстрация 18 июня. Даже буржуазные газеты говорили, что громадное большинство демонстрантов шло под лозунгами, выдвинутыми большевиками. Основной лозунг — ”Вся власть Советам!” — демонстрировало не менее 400 000. ...У всех сложилось убеждение, что демонстрация 18 июня, более внушительная, чем демонстрация 21 апреля, не пройдет даром. И действительно, она не должна была пройти даром... Но как раз в этот день началось наступление наших войск на фронте, наступление удачное, и в связи с этим начались манифестации ”черных” (правых экстремистов. — Р. С.) на Невском. Это обстоятельство свело на нет моральную победу большевиков на демонстрации. Были сведены к нулю и... возможные практические результаты...

Временное правительство осталось у власти”*

Как бы ни объяснял Сталин происшедшие сдвиги в общественных настроениях (существуют ведь и иные свидетельства, что заявление правительства о наступательной операции Керенского действительно вызвало, пусть и ненадолго, массовый патриотический подъем, особенно среди состоятельных слоев общества), этот ценный факт свидетельствует, что некоторые большевики, а возможно, и сам Сталин видели в демонстрации 18 июня средство достижения ”практических результатов”, к которым вполне можно было отнести и свержение Временного правительства. Если, по логике Сталина, демонстрации 21 апреля вызвали смятение Временного правительства и заставили его пожертвовать двумя министрами, занимавшими ключевые посты, то соответственно еще более внушительных ”практических результатов” следовало ожидать от куда более грандиозной по масштабам демонстрации 18 июня.

Таким образом, большевистское руководство признавало, что демонстрация 18 июня, возможно, сразу и не приведет к усилению их влияния и росту авторитета среди широких масс^{5 8}. На этом этапе, продолжал в своем докладе на Шестом съезде Сталин, центральное место в большевистской политике приобретает стратегия выжидания: ”У нас было решено переждать момент наступления на фронте, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выждать и дать Временному правительству исчерпать себя”.

Сталин ничего не сказал о соображениях общего характера, которые могли вынудить большевистское руководство перейти к более осмотрительной стратегии. Об этом говорил Ленин в речи на одном из заседаний конференции большевистских военных организаций 20 июня. Он предостерегал: ”Один неверный шаг с нашей стороны может погубить все дело...”

Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать”.

Ленин видел проблему в том, что большевики пока еще не пользовались достаточным влиянием в массах и в выборных представительных органах, Советах. Особо Ленин предостерегал против попыток государственного переворота, не обеспеченных достаточно широкой поддержкой: ”...Чтобы серьезно, не побланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов...” Однако он выразил твердую веру, что основные социальные силы поддержат социалистическую революцию и будут способствовать ее приближению:

”Не нужно предупреждать событий. Время работает на нас”***.

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 159–160.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 121–122.

Еще не оправившись от удара, заставившего его 12 июня⁵⁹ резко изменить свою позицию, Ленин проповедовал теперь осторожность и сдержанность, по форме выражения мало чем отличаясь от Каменева. Однако с превеликим трудом удалось ему обуздать норов сторонников решительных действий из Военной организации и Петербургского комитета. Мощное давление представители этого радикального крыла оказали на заседании комитета 20 июня, а двумя днями позже левые вновь настаивали на своих требованиях на неофициальном совместном заседании Центрального Комитета партии, Петербургского комитета и Военной организации. Не покоровшись проводимой руководством осторожной официальной политике, сторонники решительных действий в Военной организации начали методично, хоть и втайне от всех, готовиться к новой демонстрации, которая, как они рассчитывали, перерастет во всеобщее восстание.

Сталин, по всей видимости, прямого участия в этих дискуссиях не принимал, хотя было ясно, что симпатии его на стороне левого крыла. 21 июня он выступал на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций с докладом о национальных полках в армии — эта тема полностью соответствовала его общепризнанному статусу ведущего специалиста в партии по национальному вопросу.

Явная сдержанность Сталина совпала по времени с усилением его политических позиций в бюрократии Советов. 24 июня на заключительном заседании Первого Всероссийского съезда Советов был избран Центральный Исполнительный Комитет (сокращенно ЦИК), который должен был принимать политические решения в период между съездами. Сталин был одним из тридцати пяти большевиков, вошедших в этот новый орган. Как член ЦИК Сталин получил возможность участвовать в официальных мероприятиях и непосредственно наблюдать работу полуправительственных учреждений. Это была как раз та самая работа, к которой Сталин от природы испытывал особую склонность, и весьма вероятно, что его симпатии к воинственно настроенным представителям левого крыла заглохли одновременно с вступлением в новую должность в ЦИКе.

Подготовка к вооруженному восстанию

Конкретные планы антиправительственной вооруженной демонстрации начали осуществляться не позднее 1 июля; в тот день члены Всероссийского бюро военных организаций узнали, что Первый пулеметный полк собирается организовать демонстрацию. Руководитель большевистской Военной организации Подвойский позднее докладывал Шестому съезду партии, что

2 июля Военная организация уже знала о запланированном на следующий день восстании. В 1932 году была опубликована чрезвычайно откровенная и многое прояснившая статья В. И. Невского, тоже члена Военной организации. Он писал, что деятельность этой организации – внешне вроде бы соответствуя официальной большевистской политике сдерживания войск от активных действий – на деле состояла в том, чтобы обеспечить готовность солдат к демонстрации и убедить их в поддержке большевиков*⁶⁰.

Подобными действиями Военная организация нарушала дух, если не букву, принятой 2 июля директивы Центрального Комитета, которая категорически запрещала Военной организации участвовать в подготовке демонстрации и призвала принять все необходимые меры, чтобы предотвратить массовое выступление**. Ленина на этом заседании не было – он покинул Петроград 29 июня, чтобы прийти в себя после болезни, – но это решение полностью соответствовало его позициям.

Июльские дни: массовые выступления

Временное отсутствие в столице Ленина дало возможность Сталину продемонстрировать свое растущее влияние как одного из руководителей большевистской партии. Документальные свидетельства того периода весьма неполны, путаны и даже хаотичны, однако они дают достаточно полное представление о роли Сталина. Это ампула искусного мастера переговоров, облеченного доверием как во ВЦИК, так и в большевистском Центральном Комитете и пытавшегося в стремительно менявшейся ситуации определить безопасный курс для себя самого и для партии.

Инициатива вооруженной демонстрации 3 июля исходила, судя по всему, от самих солдат, которых подстегивала нависшая над ними постоянная опасность переброски из столичного гарнизона на фронт для подкрепления терявшего силу наступления. Члены Военной организации продолжали поддерживать и направлять действия мятежных войск, невзирая на тот факт, что официальная большевистская политика, сформулированная Центральным Комитетом 2 июля, требовала воздержаться от участия в вооруженной демонстрации. Даже во второй половине дня 3 июля, когда колонны солдат уже заполнили улицы, большевистский Центральный Комитет проголосовал против участия в демонстрации. Эта же линия проводилась в докладе, который Сталин сделал на совместном заседании ЦИК и Испол-

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 137–138.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 137.

нительного комитета Петроградского Совета, где горячо дискутировались проблемы, возникшие в связи с демонстрациями солдат.

Атмосфера чрезвычайной ситуации, характерная для этого совместного заседания двух исполнительных комитетов, отчасти объяснялась тем фактом, что угроза стабильности Временного правительства в тот момент не только исходила с улиц, но и таилась внутри самого правительства. Вечером 2 июля Керенский и два министра — члена правительства, Церетели и Терещенко, возвратились из Киева после переговоров с сепаратистами Украинской Рады. Комиссия из трех человек приняла решение об уступках украинским националистам, что переполнило чашу терпения министров-кадетов, и трое из них объявили вечером 3 июля о своей отставке⁶¹.

Понимая, что ослабленное Временное правительство может не выдержать нового напора масс, собравшиеся на совместное заседание двух исполнительных комитетов приняли резолюцию, наложившую запрет на все демонстрации, и это решение полностью поддержали Зиновьев и Каменев. Но столь велик был порыв солдат, стремившихся к активным действиям, что твердая решимость большевиков держаться от них подальше скоро стала давать трещины. Участники Второй Петроградской общегородской конференции большевиков, собравшиеся третьего числа после полудня, обсудив вопрос об основании собственной газеты (против такого предложения резко возражал Ленин, опасаясь, что это поставит под угрозу централизованное руководство партией), оказались перед фактом разраставшегося мятежа в войсках, в особенности в Первом пулеметном полку, и проголосовали не только за поддержку демонстрации, но также и за то, чтобы просить ЦИК взять власть в свои руки.

Воодушевленные поддержкой делегатов конференции, солдаты удвоили давление на большевистское руководство, с тем чтобы те санкционировали и возглавили их движение. В конце дня третьего числа рабочая секция Петроградского Совета, узнав о решении конференции, последовала ее примеру и тоже проголосовала за то, чтобы поддержать демонстрацию. Проявив осторожность, рабочая секция, однако, приложила все усилия к тому, чтобы придать движению мирный характер.

С этого момента давление на главный большевистский штаб, расположенный в особняке Кшесинской, стало непрерывно возрастать. Спешно проводились неофициальные дискуссии по поводу того, что предпринять; одновременно большевики безуспешно пытались усмирить взбунтовавшихся солдат. Узнав, что они намерены двинуться — что могло означать промаршировать строем — к Таврическому дворцу, где заседало Временное

правительство⁶², Военная организация в конце концов согласилась возглавить демонстрацию под благовидным предлогом — передать требования солдат Временному правительству. Дух мятежа, витавший во время всех этих переговоров, оказался таким сильным и заразительным, что даже обычно осторожный Зиновьев, присоединившись к одному из любимых солдатских ораторов Троцкому, тоже потребовал мирной передачи власти Советам. Вопрос был официально поставлен на голосование в Центральном Комитете.

К демонстрации присоединяются кронштадтские моряки

Современные исследователи единодушно сходятся в том, что прибытие в Петроград утром 4 июля вооруженных моряков Кронштадтского гарнизона чрезвычайно усилило то напряжение, которое уже сжимало в своих тисках столицу. К счастью историки располагают воспоминаниями Ф. Ф. Раскольниковва (псевдоним Ф. Ф. Ильина)*, в которых описывается этот эпизод.

В 1917 году Раскольников, молодой гардемарин Балтийского флота⁶³, был заместителем председателя Кронштадтского Совета матросских депутатов. Пламенный большевик, Раскольников стал главным связным между Кронштадтским Советом и петроградским большевистским штабом. В мае по настоянию Ленина между ними была установлена постоянная телефонная связь. Раскольников писал: "У нас существовал очень хороший обычай, согласно которому я ежедневно звонил в Питер и, вызвав к телефону Ленина, Зиновьева или Каменева, сообщал им обо всем происходящем в Кронштадте и получал инструкции, необходимые для текущей работы" **.

3 июля группа солдат из Первого пулеметного полка прибыла в Кронштадт, чтобы убедить моряков присоединиться к демонстрациям, уже проводимым или еще только планируемым. Прежде чем делегатам от пулеметчиков разрешили выступить на митинге перед моряками, Раскольников позвонил в большевистский штаб. Каменев его предупредил, что солдаты игнорируют решение партии не проводить демонстраций и уже курсируют по улицам Петрограда в броневиках, оснащенных пулеметами. Каменев вновь повторил, что партия отрицательно относится к этим демонстрациям.

Тем временем солдатам удалось созвать в Кронштадте импро-

* Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. — Л., Госиздат, 1925.

** Там же, с. 111.

визированное собрание моряков и убедить незамедлительно присоединиться к их действиям в Петрограде.

В соответствии с полученными от Каменева инструкциями Раскольников призывал солдат к сдержанности, подчеркивая опасность провокаций со стороны правых. Чтобы выиграть время, он предложил создать организационную комиссию с целью выяснить ситуацию в Петрограде и узнать о настроениях во флоте. После того как моряки неохотно согласились с этим предложением, Раскольников в качестве только что избранного члена этой комиссии, призванной изучить сложившуюся ситуацию, снова позвонил в большевистский штаб, чтобы получить руководящие указания и информацию. На сей раз к телефону подошел Зиновьев, который сообщил Раскольникову о только что принятом Центральным Комитетом решении поддержать запланированные на 4 июля демонстрации как вооруженные, организованные и *мирные* (Зиновьев сделал ударение на этом слове).

Это решение, переданное Раскольниковым морякам, было встречено с энтузиазмом, и собрание единодушно решило на следующий день принять участие в мирной, но вооруженной демонстрации.

Ночь 3 июля заняли приготовления, а утром 4 июля была собрана импровизированная флотилия, которой предстояло доставить в Петроград моряков и присоединившихся к ним рабочих и солдат. Это была устрашающая армада, насчитывавшая около десяти тысяч человек, из которых, пожалуй, тысячи две с половиной составляли моряки с винтовками*.

В рассказе Раскольникова об этих событиях нет никаких указаний на то, что руководители кронштадтских моряков или сами моряки рассматривали вопрос об участии в *безоружной* демонстрации. Не дают они никакой информации и о том, поднимался ли в телефонных переговорах между Кронштадтом и петроградским большевистским штабом вопрос о необходимости вооружить демонстрантов. Раскольников приводит в пользу вооруженной демонстрации следующее объяснение: "Легко было предвидеть, что безоружная демонстрация будет встречена по-военному". Более того: "Необходимость оружия, единственного средства защиты в случае кровопускания, диктовалась еще и тем обстоятельством, что, провозглашая демонстрацию, мы сохраним за собой право в любой момент превратить ее в вооруженное восстание"***.

Отсюда видно, что моряков ввели 4 июля во взбудораженный Петроград, заведомо не связывая их действия никакой ограничительной стратегией.

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 182.

** Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер..., с. 162.

Вопрос об истинных целях Ленина

Во время всех этих бурных событий 3 июля Ленина в Петрограде не было. Так что когда шли дискуссии, принимались и тут же отменялись решения, большевистское руководство было лишено возможности узнать его непосредственную реакцию. Данные различных источников существенно расходятся в оценке того, каковы были его намерения в связи с этим кризисом. Большевистские историки утверждают, что Ленин все еще выступал за политику сдерживания и осторожность. Меньшевик Н. Н. Суханов в своих воспоминаниях уверял, что на самом деле Ленин ставил целью захват власти, а вооруженные демонстрации хотел использовать в качестве трамплина*. На сей счет нет и не может быть полной уверенности, поскольку мы не располагаем протоколами большевистского Центрального Комитета за этот период, однако факты свидетельствуют о том, что даже в самый разгар событий Ленин все еще призывал к сдержанности. Спешно вызванный соратниками ранним утром 4 июля в столицу, Ленин, еще слабый после болезни, обратился с балкона особняка Кшесинской с речью к возбужденной толпе солдат и матросов, пытаясь умерить их пыл. Он призывал сохранять порядок, не поддаваться провокациям и мирно разойтись по казармам.

Импровизированная речь Ленина — которой суждено было стать его последним публичным выступлением до захвата власти в октябре — особого впечатления на аудиторию не произвела, однако то обстоятельство, что он по-прежнему настаивал на благоразумии и сдержанности, способствовало отрезвлению тех членов партии, которые выступали за решительную пробу сил в борьбе с Временным правительством. Никто в партии не обнаружил склонности прямо оспаривать мнение Ленина, и даже те, кто втайне рассчитывал на успешное вооруженное восстание, не изъявляли охоты без санкций Ленина взять на себя руководство восстанием. Лишенные того дисциплинирующего и организующего партийного руководства, которое способствовало успеху демонстрации 18 июня, войска 4 июля заколебались, дрогнули и утратили решимость.

Большевики принимают руководство демонстрациями

Сумятица и неразбериха июльских дней отчасти объяснялись тем фактом, что редколлегия "Правды" оказалась неспособна поспевать за стремительно менявшейся ситуацией и резкими перепадами в политике различных партийных органов. В утрен-

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 201–202, ссылаясь на: Суханов Н. Н. Записки, с. 479–481.

нем выпуске "Правды" от 4 июля первоначально планировалось опубликовать составленное Зиновьевым и Каменевым обращение, призывающее массы к сдержанности, однако после того, как вечером 3 июля Центральный Комитет принял решение поддержать демонстрации, это обращение было изъято из матриц утреннего выпуска и ничем не заменено; в результате номер от 4 июля вышел с бросавшимся в глаза пустым местом на первой странице. Тем временем кто-то — возможно, Сталин — составил проект воззвания, в котором указывалось на раздражающие Временное правительство противоречия и выдвигалось требование заменить его "новой властью" — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*.

Воззвание 4 июля в официальной историографии не причисляется к работам Сталина, так что о его истинном авторе остается только гадать. Вместе с тем оно, безусловно, написано в одном ключе с воззваниями 10 и 18 июня, авторство которых обычно приписывается Сталину. Кто бы ни написал это воззвание, автор его был, несомненно, уверен, что долгожданный момент, когда Временному правительству следует сдать, уступив требованиям торжествующих масс, уже наступил.

Если эту листовку написал не Сталин — а доказательства его авторства весьма шатки, — то кто же? Наиболее вероятно это был С. Я. Багдатов, который выступал за свержение Временного правительства еще в апреле и, как сообщалось, написал листовку за подписью Петербургского комитета, призывающую к демонстрации 3 июля**.

Вооруженные новым воззванием, большевистские агитаторы поспешили утром 4 июля на заводы и в казармы, дабы осуществлять наблюдение за выборами делегатов, на которых возлагалась задача довести до исполнительных комитетов требование о передаче "всей власти Советам". Революционный дух рабочих был еще достаточно высок; что же касается настроений среди войск гарнизона, то они становились все менее воинственными***.

Временное правительство готовится защищаться

В то время как воинственность в войсках шла на убыль, Временное правительство предприняло ряд шагов с целью обеспечить самозащиту и поразить своего самого грозного противника — большевистскую партию. Как показали события, наиболее успешной оказалась сразу же развязанная пропагандистская

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 179.

** Ibid., p. 227, ссылаясь на: Граф Т. В июльские дни 1917 г. — "Красная летопись", 1932, № 5—6.

*** Rabinowitch A. Prelude..., p. 178.

кампания по дискредитации Ленина. Поздним вечером 3 июля министр юстиции П. Н. Переверзев предложил опубликовать в газетах материалы, будто бы Ленин получил финансовую помощь от германского генерального штаба⁶⁴. С момента возвращения Ленина в апреле в столице постоянно ходили упорные слухи о нелояльности большевиков и их служении германским интересам, что оказывало значительное воздействие на умонастроения, особенно в армии. В начале июля группа юристов, работавших по заданию Временного правительства, обнаружила некоторые факты о тайных контактах Ленина с немцами, и, хотя информация, которой располагало правительство, не была ни полной, ни точной, ее вполне хватало для фабрикация дела об измене Ленина и большевистской партии, которое бы выглядело достаточно правдоподобно для первых газетных полос.

Временное правительство с энтузиазмом поддержало предложение Переверзева, а бывшего члена большевистской партии Григория Алексинского уговорили выступить в роли главного обвинителя и с помощью сфабрикованных документов разоблачить предательство Ленина. К вечеру 4 июня приготовления Переверзева были закончены, и редакции всех городских газет оповестили о том, что их представителей приглашают на пресс-конференцию, где будет распространена информация обо всей этой истории.

Патриотизм и чувство долга все еще оставались мощным фактором, определявшим настроение в рядах армии, и у многих солдат вызывала отвращение сама мысль о прямом вероломстве в отношении правительства. Во второй половине дня 4 июля материалы о связях Ленина с немцами были обнародованы во многих частях гарнизона, и то обстоятельство, что в результате этой акции многие солдаты отшатнулись от большевистского лидера, полностью подтвердило расчет Переверзева на то, что это пропагандистское оружие может иметь весьма разрушительные последствия для позиций большевистской партии и ее влияния в войсках.

В этой чрезвычайной ситуации — а положение Ленина становилось поистине критическим, ибо он даже не имел возможности с уверенностью судить о том, насколько Временное правительство смогло в действительности сопоставить различные факты и докопаться до его германских сделок, — человеком, который пришел Ленину на помощь, оказался Сталин. Это Сталин, играя на дружеских чувствах своего приятеля грузина Н. С. Чхеидзе, одного из председателей ЦИК⁶⁵, лично явился к нему с настоятельной просьбой принять срочные меры и воспрепятствовать публикации этих материалов. Чувство "революционно-демократической" солидарности, которое объединяло тогда все социалистические партии, в том числе и большевистскую, оставалось достаточно мощным аргументом, чтобы убедить Чхеидзе. Его

примеру неохотно последовал и более скептически настроенный Церетели. Почти во всех редакциях согласились с требованием Чхеидзе похоронить всю эту историю, и лишь одна бульварная газета "Живое слово" решила опубликовать материал под заголовком "Ленин, Ганецкий и Ко — шпионы". Таким образом, главная цель, которую ставил перед собой Сталин, пытаясь не допустить публикации этих материалов, не была достигнута. Однако все это имело побочный эффект, который чрезвычайно укрепил авторитет Сталина в глазах партийного вождя. Вопрос о том, удастся ли воспрепятствовать распространению этой истории, имел для Ленина второстепенное значение — ведь в конце концов было ясно, что правительство сумеет найти и другие способы ее обнародовать, даже если об этом откажутся писать все газеты. Для Ленина было важно, что в этот критический для него момент Сталин оказался рядом. Возможно, ни один другой поступок Сталина за весь долгий период сотрудничества с Лениным так не укрепил его репутации в глазах вождя партии. Та глубокая благодарность, которую Ленин выразил Сталину публично, свидетельствует о том, какое острое беспокойство вызывала у него перспектива разоблачения его финансовых сделок с германским генеральным штабом, угрожавшего крахом всей его революционной карьеры*.

Попытка Переверзева дискредитировать Ленина была лишь одной из мер самозащиты, предпринятых Временным правительством в разгар июльского кризиса. Во второй половине дня 4 июля правительство отдало приказ о разоружении рабочих и вынашивало планы выдворить большевистский Центральный Комитет из его штаба в особняке Кшесинской. Одновременно командующим в действующей армии срочно были отправлены донесения с просьбой встать на защиту строя⁶. Все эти меры предпринимались при поддержке исполнительных комитетов Советов, а также меньшевиков и эсеров, которые контролировали их деятельность. На бурном заседании исполнительных комитетов, которое продолжалось до рассвета четвертого числа, участники потребовали "раз навсегда прекращения подобных позорящих революционный Петроград выступлений". Сразу же по окончании заседания, это было где-то около пяти часов утра, меньшевистские и эсеровские делегаты поспешили на заводы и в казармы, чтобы разъяснить рабочим и солдатам принятое на заседании решение**.

Между тем в течение всей второй половины дня 4 июля правые в Петрограде обстреливали рабочие демонстрации, стремясь либо заставить их скрыться, либо спровоцировать на применение оружия, дав повод сокрушить их силой.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 410—414.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 172—173.

Ленинская тактика отступления

Пока Временное правительство пыталось собраться с силами, защитить себя и предотвратить угрозу восстания, солдаты и рабочие, которые почти два дня и две ночи маршировали строем, устраивали собрания и участвовали в демонстрациях, начали обнаруживать признаки усталости и неуверенности; чувствовалось и отсутствие руководства. Эффект большевистского воззвания от 4 июля о передаче власти Советам был смазан тем, что Ленин во время своего импровизированного выступления перед солдатами и матросами уговаривал их мирно разойтись по казармам. Как бы ни были верны слухи, будто Ленин планировал использовать июльские выступления для организации вооруженного восстания против Временного правительства, бесспорно, что к 4 июля он принял решение отменить демонстрацию и осуществить общее отступление. Вряд ли большевистскую партию можно было в тот момент считать образцом дисциплины и организационной сплоченности, тем не менее ее члены ждали руководящих указаний от Ленина. Решающее значение для тактических установок партии приобретали позиции людей из самого близкого окружения Ленина, которые привыкли с полуслова понимать намеки вождя. Двоих из них — Зиновьева и Каменева — не нужно было долго убеждать в необходимости благоразумной политики. Троцкий в июльские дни еще не был членом партии и права голоса в принятии политических решений не имел. Если воззвание от 4 июля о передаче власти Советам и в самом деле было составлено Сталиным, то сделал он это на свой страх и риск, не получив одобрения Ленина или партийного руководства. В любом случае ко времени публикации воззвания отступление шло уже полным ходом.

Со свойственной ему способностью чутко улавливать изменения в балансе социальных сил Ленин к утру 4 июля решил, что волна восстания уже поднялась до своей наивысшей точки и что она неизбежно обрушится вниз, на неясную пока глубину. Остается открытым вопрос о том, насколько мрачные прогнозы Ленина были связаны с его оценкой событий на улицах столицы и насколько с тем страхом, который вызывала у него нависшая опасность оглашения правды о финансовой поддержке, которую ему оказал германский генеральный штаб. Однако его твердая решимость, начиная с выступления перед солдатами и матросами утром 4 июля, склонить партию к политике общего отступления представляется абсолютно бесспорной.

Убедить Центральный Комитет признать необходимость отступления было нетрудно; куда сложнее оказалось обуздать подстрекателей из Петербургского комитета и Военной организации. Заставить их подчиниться дисциплине по такому кардинальному вопросу было необходимо даже при той весьма широ-

кой, локальной автономии и политической свободе, которые существовали тогда в партии. Однако прежде, чем Ленину удалось склонить всех к политике отступления, предстояла еще острая двухдневная борьба.

К вечеру 4 июля все большевики, кроме наиболее фанатичных сторонников вооруженного восстания, согласились с необходимостью немедленного отступления. В 8 часов вечера в Таврическом дворце проходило расширенное заседание Центрального Комитета партии с участием представителей Петербургского комитета, Военной организации и группы "межрайонцев" Троцкого. Атмосфера этого заседания была бурной и мрачной, хотя Сталин в своем докладе на Шестом съезде партии сгладил острые углы и весьма неубедительно представил дело в оптимистических тонах:

«Решено: после того как воля революционных рабочих и солдат продемонстрирована, выступление должно быть прекращено. В духе этого решения составляется воззвание: "Демонстрация закончилась... Наш пароль: стойкость, выдержка, спокойствие"»*.

Умеренные социалисты решают подставить плечо Временному правительству

Еще раньше, около шести вечера того же 4 июля, открылось объединенное заседание исполнительных комитетов Советов, которому суждено было сыграть решающую роль в судьбе Временного правительства, большевистской партии и революции. Перед меньшевиками и эсерами стоял четкий выбор: либо оказать поддержку все еще пошатывавшемуся в результате отставки министров-кадетов Временному правительству, либо подчиниться требованию демонстрантов, которое поддерживали и некоторые члены большевистской партии, и от имени революционных масс взять власть в свои руки.

Поскольку никого из большевиков на этом заседании не было, то жребий выступить с предложением передать власть Советам и осудить Временное правительство выпал на долю члена группы "межрайонцев" Луначарского. Ссылаясь на то, что революция охватывает в основном средние слои и носит преимущественно мелкобуржуазный характер и что Россия еще не готова к социалистической революции, умеренные социалисты отменили предложение Луначарского. Ранее они точно так же поступили с подобными предложениями, поступившими от различных делегаций рабочих. Рано утром 5 июля на заседании была принята резолюция, в которой выражалась поддержка

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 164–165.

Временному правительству и утверждалось, что если и встанет вопрос о передаче власти Советам, то "только полному собранию Исп. Комитетов может принадлежать решение этого вопроса"* . Для умеренных социалистов эта резолюция ознаменовала историческое распустье. Они приняли, пусть и не без колебаний, вполне однозначное решение примкнуть к партиям среднего класса и не рисковать своей судьбой, а заодно и судьбой России, пускаясь в плавание по не означенным ни на каких картах морям всенародного восстания, возглавляемого большевиками.

Большевики обороняются

Пока шло долгое, напряженное заседание исполнительных комитетов, обозначился решающий сдвиг в балансе военных сил в Петрограде. Весь день и всю ночь 3 июля восставшие части контролировали улицы столицы, их поддерживали возбужденные толпы рабочих с плакатами и лозунгами. Со второй половины дня четвертого числа ряды солдат стали редеть, хотя демонстрации рабочих продолжались, и в восемь часов вечера группа взволнованных рабочих ворвалась в зал, где проходило заседание исполнительных комитетов, требуя, чтобы Советы взяли власть в свои руки. В результате измученные участники заседания исполнительных комитетов с чувством огромного облегчения восприняли появление в полночь войск Измайловского полка, которые прошли маршем прямо с Северного фронта, чтобы защитить Временное правительство и Совет.

Изменение в балансе военных сил сопровождалось резким усилением нападков правительства на большевиков. Ранним утром 5 июля одно из военных подразделений получило приказ разгромить типографию, где печаталась "Правда", что с энтузиазмом и было исполнено. Несколько человек арестовали, однако никто из членов редколлегии "Правды", включая Ленина и Сталина, задержан не был**. На следующий день кампания травли большевистской печати продолжалась, на сей раз налеты были совершены на редакции "Солдатской правды" и "Труда". Однако с помощью сочувствующих большевикам типографских рабочих удалось достать новый типографский станок, на котором 6 июля был напечатан "Листок правды", заменивший "Правду".

Следующей мишенью стал штаб большевиков в особняке Кшесинской. 4 июля Временное правительство с одобрения исполнительных комитетов отдало приказ занять здание. Коман-

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 201.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 207.

дующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев тут же приступил к формированию оперативной группы для выполнения этого приказа. Встревоженная слухами о приготовлениях Половцева, большевистская Военная организация, сознавая неизбежность нападения, расставила в особняке патрули и собиралась защищаться с оружием в руках. Шла подготовка и к обороне расположенной неподалеку Петропавловской крепости, где большевики разместили свой резервный штаб.

Пока правительственные войска готовились к штурму, большевистское руководство, собравшись после полудня пятого числа, вновь подтвердило решение о тактическом отступлении. Зиновьев, теперь выступавший как противник продолжения демонстраций, был направлен в Петропавловскую крепость, чтобы передать приказ сдаться без боя, однако Военная организация оставила приказ без внимания. Трудную задачу вести переговоры о сдаче особняка Кшесинской поручили Сталину. Во время переговоров с Церетели вечером пятого числа Сталин стремился заручиться гарантиями, что не будет допущено никакого кровопролития и большевикам в обмен на обещание без боя сдать особняк предоставят новое помещение для собраний. Сталин, судя по всему, считал, что эти условия были приняты, однако умеренные социалисты не выполнили своего обещания подыскать для большевиков какое-то другое помещение*.

Сталин также участвовал и в переговорах о разоружении отряда кронштадтских матросов, оборонявших Петропавловскую крепость. Здесь у Сталина не было практически никаких возможностей для маневрирования, и задача его сводилась к тому, чтобы убедить матросов добровольно подчиниться и согласиться спокойно и без оружия вернуться в Кронштадт**.

С точки зрения Совета и Временного правительства, Сталин в этих переговорах сыграл весьма полезную роль и почти наверное снискал благодаря этим услугам определенное, пусть и недоброжелательное, уважение. Возможно, именно по этой самой причине имя его не было включено в список большевистских лидеров, которые подлежали аресту в соответствии с приказом Временного правительства от 6 июля.

Что касается большевиков, то их положение в результате переговоров Сталина резко ухудшилось: они лишились штаба в центре города, их выдворили из Петропавловской крепости, а солдаты воочию убедились в неспособности или нежелании большевиков повести их за собой или взять под свою защиту.

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 111; Мниц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 609.

** Rabinowitch A. Prelude..., p. 215, ссылаясь на: Ильин-Женевский А. Ф. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г. Л., "Прибой", 1927, с. 82.

Но даже после всех этих неудач кое-кто из большевиков все еще намеревался продолжать борьбу. Огонь сопротивления среди членов Петербургского комитета последний раз вспыхнул на заседании, прошедшем после полудня 6 июля, где высказывалось мнение объявить всеобщую забастовку. Присутствовавший на этом заседании Ленин не только твердо наложил вето на предложение о забастовке, но и лично составил обращение к рабочим, призывавшее возобновить работу. На экстренно созванном в тот же вечер заседании Центрального Комитета Ленин объявил о важном изменении в партийной тактике: в связи с засильем в Советах меньшевиков и эсеров, утверждал он, лозунг "Вся власть Советам!" необходимо заменить другим, призывающим к прямому захвату власти большевиками — не сейчас, а в такой момент недалекого будущего, когда в изменившейся ситуации появятся реальные возможности для успеха. Несмотря на жестокие репрессии, настойчиво убеждал Ленин, большевистская партия должна не теряя времени использовать любую легальную возможность и продолжать политическую деятельность*.

Вопрос об аресте и суде над Лениным

Приказ об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева, отданный Временным правительством утром 6 июля, стал испытанием для новой линии Ленина. Вопрос теперь состоял в том, следует ли относить к легальным средствам борьбы подчинение приказу об аресте и суде. В начальной стадии обсуждения этой альтернативы сам Ленин был в некоторой нерешительности; в какой-то момент он зашел так далеко, что даже составил проект письма правительству, выражая готовность на определенных условиях подчиниться приказу об аресте. Существовали достаточно веские основания в пользу как одного, так и другого решения. Можно было, например, использовать суд для открытой критики правительства — история российского революционного движения давала множество примеров успешного применения революционерами именно такой тактики. Решение же избежать ареста могло быть в свою очередь истолковано как косвенное признание вины, что нанесло бы дополнительный ущерб репутации большевиков среди рабочих и солдат. Вместе с тем, если Ленин и его соратники покорно дадут себя арестовать, получат ли они гарантии того, что суд окажется справедливым и беспристрастным или что над ними не учинит самосуд какой-нибудь фанатически ненавидящий большевиков офицер или охранник. Но у Ленина было и еще одно опасение, о котором он не гово-

* Rabinowitch A. Prelude..., p. 216–217.

рил: насколько правительство действительно осведомлено о его германских контактах? Ведь если будет суд, то этот вопрос, несомненно, возникнет, и неизвестно, сумеет ли он доказать свою невиновность^{6 7}.

На первой из множества дискуссий по этой сложной проблеме, состоявшейся 6 июля, Центральный Комитет принял решение о том, чтобы Ленин не подчинился приказу об аресте. Тут же были начаты приготовления с целью найти для него и его преследуемых товарищей безопасное место, где они могли бы укрыться. И снова Сталин получил возможность заслужить благодарность Ленина. Именно в комнате Сталина у Аллилуевых Ленин и Зиновьев провели напряженные дни с 7 по 11 июля, пребывая в постоянном страхе, что их вот-вот обнаружат. Сталина, твердо доказавшего в Совете свою благонадежность, власти не трогали, и он был связным скрывавшегося Ленина. Когда в конце концов Ленин из соображений безопасности решил уехать из города, Сталин был среди немногих сопровождавших его на Морской вокзал, откуда Ленин, под чужим именем, переодетый и загримированный, отправился в пригород Петрограда, поселок Разлив, где его вряд ли могли обнаружить жандармы и сыщики Временного правительства.

Возможно, за все почти двадцатилетнее сотрудничество Сталина с Лениным не было такого момента, когда бы их отношения были теплее и сердечнее, чем в период между его бегством из Петрограда в июле и следующим его переездом месяц спустя в более надежное убежище за границей, в якобы независимой Финляндии. В течение всего июльского кризиса Сталин решительно поддерживал Ленина, оказывая ему бесценные личные услуги. Ведь это он открыто выступил в защиту Ленина, когда Временное правительство выдвинуло против него обвинение в измене. Он нашел Ленину и Зиновьеву временное убежище, где они скрывались в период между 7 и 11 июля. И наконец, он входил в ту небольшую группу людей, которые провожали 11 июля Ленина на Морском вокзале.

Даже Троцкий с недовольством писал о близости, существовавшей в тот период между этими двумя людьми: Ленин несомненно полностью доверял Сталину как "осторожному конспиратору"* . Однако Ленин не просто признавал конспиративные таланты Сталина; связывавшие их в тот момент узы были теснее, чем соглашался признать Троцкий. Непосредственным следствием июльских дней был не только организационный кризис большевистской партии; острый кризис переживал в тот период сам Ленин, а Сталин как никто иной помог ему в эти бурные времена. То доверие, которое заслужил Сталин у Ленина в период июльского кризиса, оставалось в течение многих лет

* Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 291.

резервом, откуда он изрядно почерпнул для укрепления их личных взаимоотношений, и это перевешивало его многочисленные промахи, объясняя тот факт, что Ленин почти до конца жизни смотрел сквозь пальцы на серьезные расхождения между ними по целому ряду принципиально важных вопросов.

Последствия военного поражения

В докладе на Шестом съезде партии Сталин говорил, что большевистская политика сразу же после демонстрации 18 июля должна была оставаться сдержанной, не допускающей дальнейших антиправительственных выступлений. Большевикам следовало воздержаться от активных действий, пока не завершится только что начатое наступление на фронте. Поведение большевиков в течение июльских дней с трудом согласуется с этой стратегией, что подкрепляет точку зрения, будто события форсировали скорее восставшие массы, чем большевистская партия. Поздним вечером 6 июля, когда большевики потерпели практически полное поражение — их выдворили из собственного штаба, их газеты запретили, а главных лидеров объявили вне закона и вынудили скрываться, — поступили первые известия о провале наступления русских войск. Это было начало бесславного конца того рожденного под несчастливой звездой наступления Керенского, на которое возлагались такие большие надежды и о котором с таким помпой было объявлено в июне. Неизвестно, удалось ли бы большевикам как-то оправдать перегибы июльских дней и смогли ли бы они на деле осуществить стратегию, изложенную Сталиным на Шестом съезде, но в любом случае наступал момент, когда им предоставлялась возможность нажать капитал на военном поражении, которое стремительно обретало масштабы всеобъемлющего бедствия — бедствия, ответственность за которое должно было нести прежде всего правительство Керенского. Но большевики вместо этого дали правительству повод — которым оно с известным успехом воспользовалось — свалить на них вину за военное поражение. 7 июля близкие к правительственным кругам газеты опубликовали материалы с обвинениями в адрес большевиков в том, что они — своей пропагандой пораженчества и более чем успешными действиями по подрыву военной дисциплины — являются главными виновниками военных неудач.

Горячие дискуссии по вопросу об аресте и суде над Лениным были возобновлены 7 июля в комнате Сталина в квартире Аллилуевых. Кто-то — возможно, и Сталин — спросил, смогут ли Советы гарантировать безопасность Ленина, если он подчинится приказу. Получив отрицательный ответ, Сталин, как утверждают, присоединился к большинству Центрального Комитета,

которое выступало против того, чтобы Ленин подчинился приказу об аресте и предстал перед судом*.

Дошедшие до нас сведения об этой важной дискуссии путаны и противоречивы. Согласно одним, Сталин выступал посредником, который зондировал почву в Исполнительном комитете Совета по вопросу о гарантиях, по другим — эта роль приписывается Орджоникидзе. Лишь в одном мнения практически сходятся — речь идет о позиции Сталина. Даже Троцкий, ссылаясь на Крупскую, утверждает, что "категоричнее всех против сдачи (т. е. против добровольной сдачи под арест и явки на суд Ленина. — Р. С.) высказался Сталин"***. Однако три недели спустя, когда этот вопрос снова обсуждался, на сей раз на Шестом съезде, Сталин не только не считал его уже раз и навсегда решенным, но даже вернулся к плану обеспечения гарантий безопасности Ленина Исполнительным комитетом Совета.

Керенский берет власть; Ленин ускользает из Петрограда

Во время правительственного кризиса в начале июля главной фигурой во Временном правительстве, хотя еще и не его официальным главой, был Керенский. Именно действия Керенского ускорили двойной кризис, который едва не свалил правительство: будучи инициатором военного наступления, он спровоцировал тем самым к открытому мятежу ряд военных подразделений Петроградского гарнизона и он же пошел на компромисс в переговорах с украинскими националистами, в результате чего министры-кадеты ушли в отставку, что послужило началом правительственного кризиса.

Так случилось, что именно Керенский выплыл к концу июльского кризиса в качестве официального и общепризнанного главы Временного правительства. Князь Георгий Львов, политик из кадетов, исполненный благих намерений, но не способный к их реализации, подал в отставку с поста премьер-министра 8 июля⁶⁸, и на следующий же день его место занял Керенский. Одной из его первых акций стал приказ провести тщательное расследование только что улегшихся событий, едва не переросших в настоящее восстание. Приблизительно в то же самое время были отданы приказы о расформировании Первого пулеметного полка и отправке на фронт его рядового состава.

Без своего основателя и вождя, измотанная и преследуемая властями, большевистская партия во второй половине июля

* Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. В 12 томах. М., Издательство политической литературы, 1973—1982, т. 4, с. 282.

** Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 289.

переживала время суровых испытаний. То, что она вышла из них окрепшей, уверенной в своих силах и готовой к активным действиям, произошло в значительной степени благодаря упорной работе и непоколебимой вере в успех Свердлова и Сталина.

Сталину эти трудные для партии дни принесли счастливую возможность, которую он теперь уже мог реализовать. В марте он рвался играть лидирующую роль, но был к ней совершенно не готов. В середине апреля он попадает в руки великого мастера революционных дел Ленина и проходит под его руководством суровую выучку в ремесле революционной тактики и усвоении революционных принципов. Теперь, вооруженный теоретическими знаниями, которых ему ранее так не хватало, и переживший вместе с Лениным полосу сменявшихся друг друга кризисов, Сталин почувствовал, что готов занять место активного партийного лидера.

Отдав приказ об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева, правительство одним росчерком пера расчистило путь к продвижению Сталина к власти. Изрядные барыши принесли теперь Сталину и его хитрые политические маневры, и мудрое решение сохранить с помощью своих грузинских связей место в Исполнительном комитете, и его роль "беспристрастного посредника" в переговорах с участниками восстания в июльские дни. То, что Сталин не был включен в список лиц, подлежащих аресту, свидетельствовало не только о недооценке правительством его политической значимости, но также и о позитивной оценке его статуса лидерами умеренных социалистов в ЦИКе.

Подарком судьбы оказалось для Сталина и то, что Троцкий сам вышел из игры, добровольно решив 10 июля подвергнуться тюремному заключению и тем самым устранившись с пути Сталина к позициям активного партийного лидера. Казалось, дело продвижения Сталина вверх взяла в руки сама судьба. Насколько хорошо сможет он воспользоваться представившейся ему возможностью, зависело теперь только от него самого.

«История с карандашом»: сталинские грезы

Чтобы хоть сколько-нибудь обстоятельно осветить деятельность Сталина в июльские дни 1917-года, нельзя не принимать в расчет любопытный материал, появившийся в печати в конце 1929 года, который я называю «историей с карандашом». Она принадлежит перу известного поэта Демьяна Бедного (псевдоним Ефима Алексеевича Придворова) и ознаменовала один из его вкладов в состоявшееся 21 декабря 1929 года празднование пятидесятилетия Сталина. Этому юбилею были посвящены два номера "Правды", от 20 и 21 декабря. Бедный дал материал в оба эти

выпуска. В "Правде" от 20 декабря он опубликовал статью под заголовком "С подлинным верно!", а в номере от 21 декабря появилось еще две его публикации — поэма "Я уверен" и статья "Штрихи".

История с карандашом появляется ближе к концу статьи "Штрихи", основная часть которой посвящена трактовке Сталиным образа "горного орла" в характеристике Ленина. Затем, будто это воспоминание вдруг внезапно пришло ему в голову, Бедный переходит к событиям 1917 года, "накануне июльского выступления", что позволяет установить дату — это 3 июля 1917 года по старому стилю. В этот день, как рассказывает Бедный, он сидел в редакции "Правды" и разговаривал со Сталиным. Вдруг раздался телефонный звонок, и Сталин взял трубку. Звонил один моряк из Кронштадта. Он просил совета Сталина по одному важному вопросу: следует ли морякам явиться на демонстрацию в Петроград вооруженными или без оружия?

Бедный нашел всю ситуацию чрезвычайно забавной. Забавным показался не вопрос, который был достаточно серьезным, а то, как вел себя, отвечая на него, Сталин. Попыхивая трубкой и поглаживая усы, Сталин на минуту задумался, потом дал ответ, который заставил Бедного невольно расхохотаться. "Вот мы, писаки, — сказал Сталин, — так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собой... А как там вы со своим оружием, вам виднее!.."

Как с восхищением подчеркнул Бедный, Сталин не стал давать морякам конкретных рекомендаций идти на демонстрацию вооруженными, но это недвусмысленно подразумевалось. В случае неудачного исхода демонстрации никто не смог бы обвинить Сталина в том, что он призывал использовать оружие против правительства. Именно этот ответ вызвал у Бедного восхищение сталинской "хитростью".

"Штрихи" вошли в сборник статей, опубликованных в конце 1929 года, а на следующий год было выпущено еще одно массовое издание*. После этого, однако, статья исчезла и больше не переиздавалась. Она не была включена ни в собрание сочинений Бедного в девятнадцати томах, изданное в 1928—1932 годах, ни в восьмитомное издание его произведений, выпущенное в 1965 году.

Прежде чем выяснить, как трактовали историю с карандашом те, кто занимался историей революции, и биографы Сталина, полезно рассмотреть другую публикацию Бедного, также приуроченную к празднованию юбилея Сталина, — его статью "С подлинным верно!". В этой статье Бедный использует в качестве основы для хвalebного рассказа о якобы смелом поведении

* Сталин И. В. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М.—Л., 1930.

Сталина во время заключения в бакинскую тюрьму в 1908 году газетную колонку эмигрировавшего эсера Семена Верещака*. Под статьей стояла дата 7 февраля 1928 года, а редакционное примечание поясняло: "В связи с пятидесятилетием со дня рождения тов. Сталина редакция "Правды" считает уместным напомнить читателям "Правды" фельетон т. Д. Бедного, где нашел художественное отражение один из моментов героического прошлого тов. Сталина".

В противоположность тому, что утверждал один из биографов Сталина, 1928 год отнюдь не означает дату предыдущей публикации этой статьи в "Правде"**. Такер более осторожно утверждает, что "статья Бедного датирована 7 февраля 1928 года, однако мне не удалось выяснить, появлялась ли она в печати до празднования дня рождения в 1929 году". Статья Бедного действительно не была опубликована в "Правде" в феврале 1928 года, но она вошла в двенадцатый том его собрания сочинений, вышедший в 1928 году***.

"С подлинным верно!", так же как и материал Верещака, на котором эта статья основывалась, привлекли благосклонное внимание сталинских биографов потому, что в них живо изображено стойкое поведение молодого Сталина в суровых условиях тюремного заключения. Тот факт, что историю эту рассказал эмигрант-эсер, которому, казалось бы, незачем восхвалять Сталина, убедил многих сталинских биографов, что она построена на реальных фактах. Монтгомери Хайд, например, называет ее "наиболее живым и в то же время достойным наибольшего доверия из всех сохранившихся (воспоминаний. — P.C.) о молодом Сталине"****.

Первое из упомянутых писаний Бедного — сочиненная к юбилею поэма "Я уверен", вещь слабая даже для обычного, весьма легковесного уровня Бедного; собственно, она и представляет собой попытку оправдать свою неспособность создать что-нибудь более приличествующее столь значительному случаю. Судя по всему, она послужила чем-то вроде разминки, поскольку редакционное примечание в конце предупреждает, что автор все-таки написал еще и статью "Штрихи", которая публикуется ниже.

Большинство историков русской революции относились к этой истории про карандаш с изрядной долей недоверия или вовсе ее игнорировали. С другой стороны, многих биографов Сталина она, напротив, привлекала, отчасти потому, что несколько ожив-

* Tucker R. C. Op. cit., p. 472.

** Levine I. D. Stalin. N.Y., Cosmopolitan Book Corp., 1931, p. 409.

*** Бедный Д. Полное собрание сочинений. В 19 томах. М.—Л., Госиздат, 1928—1933, т. 12, с. 79—84.

**** Hyde H. M. Stalin, The History of a Dictator. N.Y., Farrar, Straus & Giroux, 1971, p. 94—95.

ляла повествование о деятельности Сталина в июльские дни, а отчасти потому, что в ней видны какие-то черты характера и поведения Сталина.

Первым из биографов Сталина, внимательно отнесшимся к истории с карандашом, был Троцкий. Он назвал ее "загадочным свидетельством Демьяна Бедного" и добавил: "Рассказ, вероятно, стилизован. Но в нем чувствуется зерно истины." Таким образом, Троцкий считает ее подлинной в своей основе, но при этом предостерегает, что "не нужно, однако, преувеличивать значение этого эпизода; запрос исходил, вероятно, от Кронштадтского комитета партии; что касается матросов, то они все равно вышли бы с оружием"*.

Комментарии Троцкого положили начало тенденции среди биографов Сталина преувеличивать значение истории с карандашом. Они добавляли к ней отдельные детали, чтобы получить приспособить к тем событиям, в рамках которых она происходила. Так, Троцкий высказывает гипотезу, что вопрос по телефону, "возможно, исходил от Кронштадтского комитета партии", а значит, это был действительно один из вопросов, на который кронштадтские большевики хотели получить ответ. Однако Троцкий сразу же ставит под сомнение это предположение своим комментарием: "Что же касается моряков, то они бы вышли с оружием в любом случае". Зачем же тогда, во-первых, Кронштадтский комитет большевиков вообще поднимал этот вопрос? И почему тот, кто звонил, не представился? И почему позвонили Сталину в редакцию "Правды", а не в штаб большевистского Центрального Комитета в особняке Кшесинской? На эти вопросы Троцкий никаких ответов не дает.

Некоторые биографы Сталина, с одной стороны, не желая оставить историю с карандашом совсем без внимания, а с другой — обуреваемые сомнениями, последовали примеру Троцкого и добавили к ней детали, которых не было в оригинале. Так, Борис Суварин пишет: "Он (Сталин. — P.C.) взял на себя административную работу в штабе партии и в ее печатных органах и тщательно следил за тем, чтобы не сказать чего-то такого, что бы необратимо связывало его какими-нибудь обязательствами. Демьян Бедный с восхищением приводит один из примеров такого его подхода"**.

Затем Суварин пересказывает карандашную историю. Он видит в ней доказательство того, что Сталин взял на себя административные задачи; что касается взаимоотношений Сталина с Центральным Комитетом, Суварин бросает невразумительную фразу о работе Сталина "в штабе партии и в ее печатных органах". Однако вопрос моряка не носил административного характера, да и сам моряк вряд ли

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 287.

** Souvarine B. Op. cit., p. 167.

стал бы звонить в редакцию "Правды" по делу, которое требовало авторитетных указаний Центрального Комитета.

Сходную операцию, призванную усилить правдоподобие истории с карандашом, продельывает вслед за Сувариным и Улам. "Сталин, — пишет он, — как о том свидетельствует известная история, был членом Центрального Комитета, куда моряки позвонили и спросили, следует ли им брать с собой винтовки"*.

Версия Улама была несколько "усовершенствована": во-первых, со Сталиным консультировались как с членом Центрального Комитета и, во-вторых, речь шла о "моряках", о какой-то важной их организации, а не просто о каком-то неизвестном лице, попросившем у Сталина совета.

Среди других биографов Сталина, придававших какое-то значение этой истории, можно назвать Эдварда Эллиса Смита. Он пишет, что она, возможно, и "недостоверна", но тем не менее на основании ее строит тщательно разработанную конструкцию, в которую вкрался ряд фактических ошибок, в частности дата**. Рональда Хингли не волнует вопрос о ее подлинности; она интересна для него с точки зрения понимания характера Сталина. "Вопрос (моряка. — Р.С.) привел Сталина в замешательство. Как исполненный энтузиазма нарушитель существующего порядка, он, несомненно, в любом случае предпочитал вооруженные протесты мирным демонстрациям. Но даже при Временном правительстве подстрекательство к вооруженному восстанию каралось законом. Здесь возникла деликатная дипломатическая проблема, заставившая Сталина призвать по помощи чувство иронии и природную осторожность. Сморщив лицо, приобретшее от этого в высшей степени хитрое выражение, и поглаживая свободной рукой усы, он, подобно дельфийскому оракулу, проговорил в трубку загадочный ответ***.

Введенный в заблуждение Смитом, назвавшим ошибочную дату, Хайд на основе истории высказывает предположение, что демонстрация 4 июля началась с того, что "Сталин по инициативе Ленина собрал на "мирную демонстрацию" моряков из кронштадтского гарнизона"****. В ту же самую ловушку попадает и Алекс де Джонг*****.

Некоторые биографы Сталина, к ним относятся Такер и Пейн, обходят историю с карандашом молчанием, видимо считая, что она не стоит внимания как историческое свидетельство. Такое

* U l a m A. B. Op. cit., p. 144.

** S m i t h E. E. Op. cit., p. 333.

*** H i n g l e y R. Joseph Stalin. Man and Legend. N.Y., McGraw-Hill, 1974, p. 89.

**** H y d e H. M. Op. cit., p. 131.

***** D e J o n g e A. Stalin and the Shaping of the Soviet Union. N.Y., Morrow, 1986, p. 100.

отношение вполне понятно и даже похвально, если трактовать понятие исторического факта в строгом смысле этого слова; тем не менее оно вызывает сожаления, ибо карандашная головоломка так и остается неразрешенной. Ведь в конце концов история была действительно опубликована в "Правде" и так понравилась Сталину, что он позаботился о ее двукратной повторной публикации. Недаром же Троцкий писал, что "в ней чувствуется крупница правды".

В чем же тогда состоит истинный смысл истории с карандашом? Чтобы понять значение этой истории, необходимо рассматривать ее в контексте июльских событий. Особенно полезными здесь могут оказаться имеющиеся в нашем распоряжении сведения о датах, когда была связь между Кронштадтом и большевистским штабом в Петрограде. Как уже указывалось выше, самым надежным из имеющихся источников информации по этому вопросу являются воспоминания Раскольниковца.

Совершенно очевидно, что факты, приведенные Раскольниковым по всем пунктам, противоречат истории с карандашом. Она не дает истинной оценки событий в 1917 году; она не просто "стилизованна", как выразился Троцкий, а откровенно фальшива. Весьма знаменательно, что она появилась в печати только в конце 1929 года; да ее просто нельзя было опубликовать раньше — тогда бы Сталин выглядел бы просто смешным. Столь откровенная выдумка могла появиться в печати только после того, как он уже одержал окончательную победу над своими основными политическими соперниками. Вместе с тем не следует недооценивать и утверждение Троцкого, что "в ней есть крупница правды". Что-то все-таки за всем этим стояло, если история была рассказана, опубликована и еще раз опубликована при явно благожелательной поддержке Сталина. Разгадку можно обнаружить в последующих публикациях Бедного в "Правде" от 20 и 21 декабря 1929 года. Возможна следующая реконструкция.

Редколлегия приняла решение с большой помпой отметить пятидесятилетие Сталина, посвятив этому юбилею два номера газеты. В ходе подготовки материала для выпуска от 20 декабря в руки редколлегии попала статья Бедного "С подлинным верно!", которая была представлена в редакцию 7 февраля 1928 года, но в тот момент сочтена непригодной для публикации. В характерной для того времени атмосфере ожесточенной политической борьбы ссылка на эсеровского эмигранта, даже чтобы воздать похвалу Сталину, могла бы нанести вред его интересам. Так что статья Бедного была тогда передана в архив, хотя самому Бедному она настолько нравилась, что он включил ее в вышедший в свет в конце того же года двенадцатый том своего собрания сочинений.

В декабре 1929 года ситуация коренным образом изменилась: Сталин только что вышел победителем в борьбе за власть.

Теперь публикация статьи не представляла для него никакой опасности. Так она появилась в газете 20 декабря. Ясно, что Сталин был в восторге. Бедный, который регулярно бывал в редакции "Правды", получил радушно приглашение встретиться со Сталиным. Возможно, это произошло во второй половине дня 20 декабря. Находясь в состоянии эйфории, порожденной его недавней победой, Сталин расслабился и поведал кое-какие свои сокровенные чувства.

Разговор начался с того, каким Сталину видится образ Ленина. Со свойственной поэтам интуицией Бедный распознал, что сталинский образ Ленина как горного орла говорит больше о самом Сталине, чем о Ленине*.

Когда визит близился к завершению, Сталин вспомнил 1917 год, июльские дни. Затем рассказал Бедному историю с карандашом с соответствующей мимикой и жестами. Этот спектакль Бедный нашел в высшей степени забавным. Вдобавок он понял, что этой истории Сталин придает какое-то особое значение.

Сразу же после встречи Бедный сделал две записи: об образе горного орла и об истории с карандашом. Поскольку в его статье явно не указывалось ни на определенное место, ни на время, Бедный назвал ее "Штрихи". То объединяющее начало, которое там явно подразумевалось, то есть психология Сталина, вряд ли подходило для широкой публики.

Почему же все-таки Сталин рассказал тогда эту историю с карандашом и какую свою психологическую потребность он этим удовлетворял? Здесь напрашивается два возможных ответа. Во-первых, эта история уменьшала боль старых ран, нанесенных сталинскому "эго", его ущемленному самолюбию. Несмотря на то что он в то время официально входил в наиболее влиятельную правящую верхушку большевистской партии, никому бы и в голову не пришло спрашивать его мнение по такому важному вопросу, как экипировка кронштадтских моряков, направлявшихся на демонстрацию 4 июля. Более того, на самом деле на телефонные звонки Раскольников из Кронштадта отвечали и давали авторитетные распоряжения два других члена руководящего центра — Каменев и Зиновьев.

Должно быть, опубликованные в 1923 году и переизданные в 1925 году воспоминания Раскольника, в которых само существование Сталина в 1917 году просто обходилось пренебрежительным молчанием, доставили Сталину весьма горькие и мучительные минуты. История с карандашом представляется своего рода компенсацией. В ней проступает образ Сталина как единственного большевистского лидера, с которым консультировались кронштадтские моряки. (С позволения Суварина, Улама и прочих

* Тускет R. C. Op. cit., привлекает внимание к проницательности Д. Бедного (см. с. 470-471).

хочу отметить, что в этой истории ничто не указывает на тот факт, что моряки консультировались со Сталиным как с членом ЦК; совершенно очевидно, что суть этой истории сводится к тому, что Сталин отвечал на вопрос относительно оружия по своему собственному усмотрению и на свою собственную ответственность, не упоминая при этом о своих соратниках.)

Вполне вероятно, что история с карандашом, фокусируя внимание на вопросе о вооружении моряков, свидетельствует о чувстве вины, которое испытывал Сталин в связи с той ролью, которую он сыграл 6 июля 1917 года в разоружении моряков в Петропавловской крепости. Совершенно очевидно, что это был один из тех эпизодов, которые особой чести ему не делали. Он выполнил свой долг, осуществил задание, порученное ему ЦК, однако в его действиях не было ничего героического, ничего такого, что могло бы удовлетворить его потребность в самовосхвалении. Если же, как хочет нас уверить история с карандашом, Сталин воздержался тогда от советов морякам захватить с собой оружие на демонстрацию 4 июля, тогда он не несет и никакой ответственности и за организацию сдачи ими оружия 6 июля — эта ответственность ложится в таком случае на других.

Следует отметить, что Бедный, с его способностью проникнуть в психологию Сталина, внес во время празднования его пятидесятилетия три важных элемента в раздувание культа личности: во-первых, рассказ о бакинской тюрьме в очерке "С подлинным верно!"; во-вторых, образ горного орла в "Штрихах" и, в-третьих, история с карандашом, тоже в "Штрихах". Роль Бедного в первых двух эпизодах сводилась просто к роли репортера и комментатора — никакого манипулирования фактами тут от него не требовалось. В случае же с историей с карандашом дело оказалось сложнее. Здесь было бы недостаточно передать факты — ту небезлицу, которую Сталин рассказал в декабре 1929 года о давно минувших событиях. Должно быть, Бедный понял, что истории надо придать видимость достоверности, изменив даты и создав впечатление, будто он встретился со Сталиным в редакции "Правды" в то время, когда происходили описанные в ней события.

Не вина Бедного, что история с карандашом страдала рядом очевидных недостатков, наиболее вопиющим из которых было то, что она прямо противоречила установленным историческим фактам. В то время с этим недостатком можно было мириться, приведя уверения Бедного, что история достоверна (ведь фактически Бедный заявлял: "Я там был"). Позднее для этого требуется изъятие и запрещение материалов, ставящих под сомнение ее обоснованность, особенно воспоминаний Раскольниково и его брата Ильина-Женевского; в конечном итоге это будет способствовать укреплению у Сталина мотивов к физическому уничтожению братьев Ильиных⁶⁹.

История с карандашом страдала, однако, и еще одним недостатком, устранить который оказалось не так легко. Она с простодушной открытостью раскрывала важную деталь в положении Сталина в 1917 году: его изоляцию в редакции "Правды" и отсутствие тесных контактов с другими членами большевистского руководства. Редакция "Правды" была в 1917 году тем местом, где мог укрыться Сталин от суматохи и беспорядков революционных событий. В этом смысле редакцию "Правды" можно считать одним из убежищ, каких было много на протяжении всей карьеры Сталина, — начиная с отдельной, стоявшей на отшибе лачуги, где он жил в одиночестве во время сибирской ссылки в 1915—1916 годах, и кончая кремлевским кабинетом и расположенной в районе Москвы дачей периода его безраздельной диктатуры.

Однако в 1917 году редакция "Правды" оказалась для Сталина убежищем, которое превратилось в ловушку. В июле, так же как и позднее в октябре, Сталин оставался вне основного потока событий и пропустил ряд важных моментов в развитии революции. В значительной степени именно потому, что история с карандашом раскрывала некоторые нежелательные факты о положении Сталина в 1917 году, она оказалась непригодной — даже в период культа личности — для советских биографов и историков.

Однако для понимания образа мыслей и характера бессознательных мотиваций Сталина история с карандашом представляет весьма ценный исторический документ. Она доносит до нас одну из самых ранних документально зафиксированных грез Сталина. Тот факт, что он поведал о ней Бедному и что затем была публикация в "Правде", знаменует момент в карьере Сталина, когда он инстинктивно почувствовал, что его недавняя политическая победа дает ему власть не только определять будущее развитие советской политики, но и проводить ревизию прошлого, вносить поправки в исторические летописи, вычеркивать из них факты, которые ему неприятны, и заменять их собственной интерпретацией того, как должно было происходить то или иное событие, не опасаясь, что кто-то осмелится ему противоречить. Потребуется еще более десяти лет и бесчисленные жертвы, прежде чем Сталин окончательно достигнет своей цели. История с карандашом будет к тому времени уже в основном предана забвению, свита сталинских историков перестанет придавать ей значение, и лишь в иных краях она сохранится как некий исторический антиквариат.

Исследователи, занимающиеся 1917 годом, правы, когда игнорируют историю с карандашом — она не содержит ничего существенного с точки зрения истории революции. Те же биографы Сталина, которые пытались использовать эту историю как доказательство, пусть слабое, деятельности Сталина в 1917 году, оказались на ложном пути. Будучи умозрительной конструк-

цией, порожденной гораздо позже описываемых событий, она представляет ценность не для исторического осмысления 1917 года, а для изучения психологии Сталина, каким он был в конце 1929 года.

СЕРЕДИНА ИЮЛЯ: СТАЛИН ОКАЗАЛСЯ ВПЕРЕДИ

Для большевистской партии в целом июльские дни и все, что произошло после них, были причиной серьезного, хоть и недолгого отступления. Для Сталина же они превратились в период совершенно неожиданного продвижения — внезапно он становится одним из членов партийной верхушки и самым активным лидером. Здесь не сыграли основной роли ни личные качества, ни способности Сталина — все дело в том, что с его пути оказались устранены его основные соперники, реальные — Ленин, Зиновьев и Каменев — или потенциальные — Троцкий. Отдав приказ об аресте ряда самых видных лидеров большевистской партии, Временное правительство заставило замолчать Ленина. Зиновьев, вынужденный скрываться вместе с Лениным, не мог принимать активного участия в определении политической линии. Каменев, находясь в тюрьме, тоже утратил возможность влиять как на Сталина, так и на партию в целом. Троцкий, по своему же собственному настоянию очутившись в тюрьме и к тому же еще не будучи формально членом партии большевиков, непосредственной угрозы для Сталина как публициста, оратора или партийного лидера не представлял.

Единственным реальным соперником Сталина оставался Свердлов, но он избрал для себя роль человека, который скорее дополняет Сталина, чем конкурирует с ним. Занимаясь главным образом управлением партийным аппаратом, Свердлов с удовольствием оставлял Сталину те функции по руководству партией, которые позволяли громогласно и зримо заявить о себе.

Таким образом, события, начиная с отъезда 12 июля из Петрограда Ленина и кончая завершением в начале августа работы Шестого съезда партии, складывались для Сталина невероятно удачно; казалось, словно по волшебству стали осуществляться его мечты о славе.

Такой свободы действий, такой возможности продемонстрировать свои способности лидера ему уже не представится вплоть до конца 20-х годов.

Сталин и Свердлов у власти

Каковы были в этот период взаимоотношения Сталина и Свердлова? Было ли между ними какое-то разделение функций

или они сообща решали стоящие перед партией задачи? Троцкий полагал, что они действовали сообща. В биографии Сталина он пишет: "Повседневное руководство лежало на Свердлове и Сталине, как на наиболее влиятельных членах ЦК из числа оставшихся на свободе. Массовое движение тем временем чрезвычайно ослабело. Партия наполовину ушла в подполье. Удельный вес аппарата соответственно возрос. Внутри аппарата автоматически выросла роль Сталина. Этот закон проходит неизменно через всю его политическую биографию, как бы составляя ее основную пружину"*.

К такому выводу, на мой взгляд ошибочному, Троцкого приводит совокупность целого ряда факторов. Особенно повлияли на него его собственные воспоминания о том, как мастерски манипулировал Сталин партийным аппаратом в борьбе за власть в 20-х годах. Проецируя их на период революции, Троцкий полагал, что обнаружил повторяющуюся модель в развитии карьеры Сталина. Всегда стремившийся найти "законы", которые определяют лежащие на поверхности явления, Троцкий идентифицирует ситуацию, в которой оказалась партия в июле 1917 года, с совершенно иной ситуацией, которая сложилась после того, как Сталин был назначен в апреле 1922 года Генеральным секретарем.

Предполагать, будто в середине июля 1917 года Сталин совместно со Свердловым управлял партийным аппаратом, — значит утверждать, что уже в 1917 году он осознал значение аппарата и понял, как им надо манипулировать. В исторических документах, однако, нет ничего, что подтверждало бы это предположение, и, напротив, много такого, что позволяет его отклонить. Свердлов первым из официальных партийных деятелей овладел искусством управления партийным аппаратом. Он достиг в этом столь высокого мастерства, что не оставил Сталину никаких возможностей сотрудничать с ним или чему-нибудь у него научиться. В июле 1917 года Сталин — ведущий партийный лидер, тогда как Свердлов занят однообразной текущей работой. Даже на Шестом съезде партии Свердлов выступал только по организационным вопросам, оставив политические вопросы Сталину. Сам Свердлов говорил, выступая со своим вторым докладом на съезде: "Доклад т. Сталина полно осветил деятельность Центрального Комитета. Мне остается ограничиться узкой сферой организационной деятельности Центрального Комитета"***.

В 1917 году Сталин все еще стремился обрести власть, имитируя Ленина как главного партийного вождя и человека, опреде-

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 292.

** Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., Госполитиздат, 1958, с. 36.

ляющего политику партии, и все еще не подозревая, что ключ к успеху лежит в незаметной организационной работе Свердлова.

Ленин меняет линию партии: "Июльские тезисы"

Вынужденный скрываться, Ленин отнюдь не отказался от права определять линию большевистской партии. 10 июля, в последний день своего пребывания в Петрограде, в статье "Новейшее политическое положение (Четыре тезиса)" он пишет о сложившемся балансе сил и задачах партии в новой ситуации*. Статья, в сущности, знаменует важную переориентацию большевистской политики в отношении Временного правительства, других социалистических партий и Советов.

По мнению Ленина, военная диктатура взяла власть "с сознательной или полусознательной помощью Керенского". Вожди меньшевиков и эсеров "окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции". В этих условиях "всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно". Ленин видел два возможных исхода: "...Либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих..."

Таким образом, невзирая на препятствия, с которыми столкнулась партия, Ленин обращает свой взор в будущее, на те перспективы, которые перед ней открываются, — это была его непосредственная реакция на возникшие трудности. Впервые со времени Февральской революции он объявляет вооруженное восстание следующим шагом, к которому должна готовиться партия.

Самый поразительный из выводов Ленина касается Советов или, вернее, лозунга "Вся власть Советам!", которым большевики еще с середины апреля все более и более широко пользовались в работе с массами. Этот лозунг, считает Ленин, "был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т.е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. *Теперь этот лозунг уже неверен* (курсив мой—Р.С.), ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле".

Роль партии в результате сводится к тому, чтобы "собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию", целью которого "может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии". Что касается самой партии, то она должна вернуться к практике, которая

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 1—5.

характеризовала ее деятельность в 1912—1914 годах, сочетать легальную работу с нелегальной, использовать любую возможность легальной деятельности, но не верить никаким "конституционным и "мирным" иллюзиям.

История текста статьи Ленина от 10 июля весьма сложна, но ее изучение необходимо, чтобы понять деятельность и политику Сталина в это время. 16 июля, отвечая на вопросы, заданные ему на партийной конференции, Сталин, как мы увидим, признал, что у него нет при себе тезисов Ленина. Долгие годы считалось, что они утеряны. Между тем статья "Новейшее политическое положение", без подзаголовка "Четыре тезиса" и смягченная изъятием из нее всех упоминаний о вооруженном восстании, была опубликована 20 июля в газете большевистской фракции Кронштадтского Совета "Пролетарское дело". Этот текст с измененным заголовком "Политическое настроение" был подписан инициалом W и не признавался как основа ленинской статьи вплоть до 1959 года, пока советский историк А. М. Совокин не опубликовал статью о заседании большевистского Центрального Комитета 13—14 июля*.

Между тем рукописный оригинал статьи Ленина обнаружили в партийных архивах вскоре после его смерти. Статья была опубликована в 1925 году**. Каменев, редактор этого издания, даже не упомянул о вычеркнутом подзаголовке и не признал в статье предположительно утерянные "Июльские тезисы". В этой статье, в том виде, в каком она была опубликована в 1926 году, видны редакционные изменения, наиболее важным из которых была замена слов "вооруженное восстание" на слова "решительная борьба" рабочих. Каменев считал, что эти изменения, возможно, были внесены самим Лениным по цензурным соображениям, однако он добавил при этом: "Статья в печати не появлялась".

Совокин утверждает, что редакционные поправки сделал Сталин. Он пишет: "Как было установлено по пометкам на рукописи статьи В. И. Ленина "Политическое положение", готовил ее к публикации И. В. Сталин. Руководствуясь указанием В. И. Ленина, данным в этой статье, Сталин по конспиративным соображениям заменил термин "вооруженное восстание" термином "решительная борьба" и исключил конец статьи..."***

О снятии подзаголовка "Четыре тезиса" Совокин не упоминает. Было ли это тоже частью предпринятой Сталиным "редакционной подготовки" статьи к публикации? Весьма вероятно, что да. Ведь не кто иной, как Сталин, отказался предъявить по требованию делегатов тезисы, и это в конце концов привело

* Совокин А. М. Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13—14 июля 1917 г. — "Вопросы истории КПСС", 1959, № 4, с. 128.

** "Ленинский сборник", № 4. М., 1925.

*** Совокин А. М. Указ. соч., с. 128.

к тому, что проходившая 16—20 июля Петроградская конференция большевиков целиком не приняла выдвинутой Лениным новой политической линии.

Задача изложить и отстаять новую ленинскую политику была поручена Сталину. Такую возможность он впервые получил 13—14 июля, в ходе проводимого Центральным Комитетом расширенного заседания, на котором присутствовали представители Военной организации, ряда московских партийных организаций и, по-видимому, члены группы "межрайонцев" Троцкого.

Протоколы этого важного заседания до сих пор не изданы. По словам Совокина, этот документ "не найден", поэтому неизвестна роль Сталина на заседании, однако результаты говорят сами за себя. Вместо того чтобы одобрить ленинские тезисы, заседание приняло промежуточное решение, по сути дела отклонив ленинскую концепцию: "По ключевому вопросу отношений с Советом ЦК предпочел позицию сидения на двух стульях, ... в отличие от Ленина... это заседание явно пришло к выводу, что верным путем к власти все еще остается мирный путь, который лежит через Совет"*.

Хотя нет никаких конкретных доказательств личной причастности Сталина к вынесенному решению, позиция, которую он занял впоследствии, свидетельствует о том, что он не был согласен с Лениным в вопросе о роли Советов и лишь на словах поддерживал требование Ленина об изменении тактики.

Этот вопрос был вновь поднят 16 июля на конференции Петербургского комитета, возобновившей работу после июльских дней. Протоколы этой конференции, опубликованные в 1927 году, проливают яркий свет на поведение Сталина как адвоката ленинской новой линии**.

Возобновление работы Второй Петроградской общегородской большевистской конференции

Утром 16 июля горстка петроградских большевиков собралась, чтобы продолжить и завершить общегородскую конференцию, которая началась 1 июля, но была прервана июльскими событиями. Сталин как один из ведущих партийных лидеров должен был в соответствии с предварительной повесткой представить доклад о текущем моменте и отчетный доклад Центрального Комитета о деятельности в июльские дни.

В повестке дня оговаривалось, что сначала Сталин выступит с

* M c N e a l R. H. ed. Resolutions and Decisions..., v. 4, p. 246, 247.

** Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. М.—Л., Госиздат, 1927, с. 52—88.

докладом о текущем моменте, однако утром 16 июля он заявил, что не станет этого делать, поскольку на заседании оказалось слишком мало делегатов. После непродолжительного обсуждения был достигнут компромисс: Сталин сначала представит доклад Центрального Комитета, а уж потом доклад о текущем моменте. (В конце концов собралось 72 делегата.)

Зачитывая на утреннем заседании "Отчетный доклад ЦК об июльских событиях", Сталин предпринял попытку отвести обвинения, будто большевистская партия "вызвала и организовала выступление 3—4 июля с целью вынудить Центральный Исполнительный комитет Советов взять власть в свои руки, а если не хотят взять власть — захватить ее самим"*.

Защищая большевистскую партию, Сталин излагал события 3—5 июля в хронологической последовательности, начиная с неожиданного появления утром третьего числа двух представителей Первого пулеметного полка на заседании Общегородской конференции большевиков и кончая сдачей 5 июля Петропавловской крепости. Говоря о тактике партии, Сталин никаких ссылок на Ленина не делал. Однако, дойдя до описания сдачи крепости, Сталин особо подчеркнул свою собственную роль во всех этих событиях. Выполняя требование эсера Кузьмина эвакуировать из крепости войска, сказал Сталин, "ЦК решил всеми силами избегать кровопролития. ЦК делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы стоим против контрреволюции, против правого крыла демократии". "Для меня очевидно, — продолжил Сталин, — что правое крыло хотело крови, чтобы дать "урок" рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание"***.

Таким образом, Сталин отводит себе в этих событиях весьма почетную роль. Его имя оказалось единственным упомянутым в докладе конкретным именем большевика. Даже дойдя до пункта о выдвинутых против Ленина обвинениях в предательстве, Сталин умудрился избежать прямого упоминания его имени.

"По вопросу о травле наших вождей, будто бы они работают на немецкие деньги, то ЦК считает это обвинение совершенно необоснованным и несерьезным"****.

По ходу доклада Сталина спросили, какую позицию занимает Центральный Комитет в вопросе о явке Ленина и Зиновьева на суд и их участии в судебном процессе по обвинению в измене. В ответ Сталин заявил, что вожди партии невиновны, но перед

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 108.

** Шестой съезд..., с. 55; Е л о в В. После июльских событий. — "Красная летопись", 1923, № 7, с. 94.

*** Е л о в В. Указ. соч., с. 98.

судом они не предстанут, поскольку "большевистская фракция ЦИК не имеет гарантий, что наши товарищи не будут растерзаны самочинными бандитами ввиду той бешеной травли, которая против них ведется".

Сталин и здесь ухитрился подчеркнуть свое личное участие в принятии этого решения: "Я лично ставил вопрос о заявке перед Либером и Анисимовым, и они мне ответили, что никаких гарантий они дать не могут"*.

В докладе об июльских днях Сталин свел к минимуму всю важность руководства со стороны Ленина. На передний план он выдвинул свое собственное участие в событиях, и, что особенно знаменательно, прежде всего как члена Исполнительного комитета Совета, а не большевистского ЦК.

На вечернем заседании 16 июля Сталин представил "Доклад о текущем моменте"**. Специально для того, чтобы у Сталина была основа для этого доклада, Ленин и написал статью "Новейшее политическое положение (Четыре тезиса)". Сравнивая доклад Сталина от 16 июля со статьей Ленина, написанной 10 июля, нельзя не заметить, что Сталин либо не сумел понять смысл ленинских положений, либо просто не пожелал их поддержать. Вместо четкого и ясного ленинского анализа расстановки сил в докладе Сталина — странная мешанина идей, где наряду с его собственными доморощенными попытками анализа появляются вырванные из контекста ленинские тезисы. Вместо ленинской альтернативы — либо правая военная диктатура, либо вооруженное восстание рабочих и беднейших крестьян — Сталин рисует неясную и противоречивую картину будущего:

"Мирный период развития революции кончился. Настал новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений. Жизнь будет бурлить, кризисы будут чередоваться".

По вопросу об отношении партии к Советам Сталин четкого однозначного ответа так и не дал. Он поднял этот вопрос в конце доклада, однако потом попросту ушел от него, высказав замечание, что партия должна выступить с предложением об объединении с левыми социалистами в Советах, с меньшевиками-интернационалистами во главе с Мартовым и с левыми эсерами, возглавляемыми Камковым. Здесь и речи нет о ленинском требовании резко порвать с Советами и снять лозунг "Вся власть Советам!". Вместо этого Сталин возвращается к тем позициям, которые он занимал в марте—апреле.

Редакторы собрания сочинений Сталина внесли в этот текст множество изменений, одно из которых могло бы ввести непре-

* Елов В. Указ. соч., с. 98.

** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 114—121.

дубежденного читателя в заблуждение, заставив его поверить, будто Сталин действительно поддерживал Ленина в вопросе об изменении отношения к Советам. Если верить тексту, помещенному в собрании сочинений Сталина, он сказал: "Рабочий класс оказался благоразумнее, чем о нем думали противники: когда он понял, что *Советы* изменили, он не дал боя 4 и 5 июля"*.

Согласно же протоколам конференции, опубликованным в 1927 году, Сталин сказал следующее: "Когда он (рабочий класс. — *Р.С.*) понял, что правое крыло революции (т.е. меньшевики и эсеры. — *Р.С.*) изменило... он не дал боя"***. Выдвигая это предложение, Сталин вновь подчеркивает свое личное участие в событиях. "5 (18) июля, — говорит он, — когда ЦК нашей партии призывал ликвидировать демонстрации, я на заседании ЦИК сказал: контрреволюция идет, она душит нас, но следующая очередь за вами, дайте нам руку для борьбы с контрреволюцией. Когда это предложение мы внесли на пленум, нас осмеяли: какое может быть единство с людьми, запятнавшими себя кровью и шпионажем. 6 (19) и 7 (20) июля окончательно выяснилось, что меньшевики и эсеры против нас, в союзе с контрреволюцией. Теперь мы должны самым решительным образом отвергать схему единения с союзниками контрреволюции, у которых руки в крови рабочих и солдат. Тем меньшевикам и эсерам, которые хотят бороться с контрреволюцией, мы должны помогать оторваться от оборонцев, изменников революции. Я предлагаю вам схему объединения левого фланга революции"****.

Ключевые проблемы, которые Сталин проигнорировал или смазал в своем докладе, со всей остротой встали в ходе последующей дискуссии, причем вопросы делегатов свидетельствовали о том, что многие в партии уже знали о новой тактике Ленина. Первым задал вопрос делегат Масловский. Его интересовало, выступит ли партия в будущих конфликтах во главе "вооруженного протеста"****. Отвечая, Сталин не поддержал ленинского призыва к всеобщему вооруженному восстанию. Вместо этого он говорил о вероятности "вооруженных выступлений" в будущем, отметив, что в таких случаях "партия умыть рук не должна", при этом никаких конкретных планов на будущее Сталин не выдвигает, а возвращается к июльским дням, утверждая, что партия была права, отказавшись от претензий на власть. "Взять власть 3 и 4 июля мы могли, мы могли обязать Центральный Исполнительный Комитет Советов санкционировать нашу власть. Но вопрос в том, могли ли мы удержать

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 120. Курсив мой.

** Вторая и третья Петроградские..., с. 68. Курсив мой. См. также: Елов В. Указ. соч., с. 109.

*** Там же, с. 110; Вторая и третья Петроградские..., с. 68.

**** Там же, с. 129.

власть? На нее поднялись бы фронт, провинция, ряд местных Советов. Власть, не опирающаяся на провинцию, оказалась бы без почвы. Взятием власти при таких условиях мы оскандалились бы”.

Другой делегат, Иванов, спросил Сталина:

”Каково ваше отношение к лозунгу ”Власть Советам!”? Не пора ли сказать: ”диктатура пролетариата”?”

Будучи загнан в угол, Сталин в конце концов ответил на этот вопрос. Он в основном изложил позицию Ленина, хотя и прибавил кое-что от себя:

”Когда кризис власти разрешается, то это значит, что известный класс стал у власти, в данном случае буржуазия. Можем ли мы остаться при старом лозунге ”Вся власть Советам!”? Само собой, нет. Передавать власть Советам, которые на деле молчаливо идут рука об руку с буржуазией, — значит работать на врагов. Если мы победим, мы можем передать власть только рабочему классу, поддержанному беднейшими слоями деревни. Мы должны выдвинуть другую, наиболее целесообразную форму организации Советов рабочих и крестьянских депутатов. Форма власти остается старой, но классовое содержание этого лозунга мы изменяем, мы говорим языком классовой борьбы: вся власть в руки рабочих и беднейших крестьян, которые поведут революционную политику”.

Снова Сталин не удосужился аргументировать положение Ленина о Советах, не потрудился он и четко сформулировать призыв Ленина готовиться к вооруженному восстанию.

После бурной, но ни к чему не приведшей дискуссии группа делегатов попросила зачитать тезисы Ленина. Испытывая замешательство, Сталин был вынужден признать, что этих тезисов у него при себе нет, но что в сжатом виде их можно свести к трем пунктам: 1) контрреволюция восторжествовала; 2) меньшевики и эсеры предали революцию; 3) лозунг ”Вся власть Советам!” есть в нынешних условиях лозунг ”донкихотский” — власть должна быть передана классам, а не учреждениям*.

В лучшем случае это было чрезвычайно упрощенное резюме ленинских тезисов. В нем не было призыва к подготовке вооруженного восстания, который Ленин выдвинул, отказавшись от опоры на Советы.

В заключительном слове Сталин вновь повторил, какую, по его мнению, позицию следует занять партии в отношении Советов. ”Мы, безусловно, за те Советы, — сказал он, — где наше большинство. И такие Советы мы постараемся создать. Переда-

* Вторая и третья Петроградские..., с. 17. В протоколах второй пункт оказался неразборчив, однако я согласен с Совокиным, утверждавшим в своей статье ”Расширенное совещание...”, что его можно восстановить на основе статьи Ленина ”Политическое положение”.

вать же власть Советам, заключающим союз с контрреволюцией, мы не можем”.

Затем Сталин зачитал состоявшийся из одиннадцати пунктов проект резолюции ”О текущем моменте”. Он отнюдь не отказался от лозунга ”Вся власть Советам!” и в первом пункте призывал к тому, чтобы добиться ”сосредоточения всей власти в руках революционных пролетарских и крестьянских Советов”*

Был уже поздний вечер, и делегаты решили сделать перерыв и возобновить дискуссию на вечернем заседании 17 июля. Самое удивительное, что на этом заседании не было Сталина. Он не только не принимал никакого участия в дискуссии, но и не отстаивал резолюцию, которую сам же выдвинул. В самом начале заседания группа делегатов Выборгского района подняла щекотливый вопрос об отсутствии тезисов Ленина и вновь попросила их представить. Поскольку Сталина не было, то ответить пришлось председателюствующему на этом заседании Глебу Бокию. Он сказал, что ”в распоряжении президиума нет тезисов Ленина”**.

В связи с отсутствием Сталина отстаивать резолюцию о текущем моменте, отвечать на критику и обсуждать предложения делегатов о внесении в нее изменений пришлось в основном Володарскому. По окончании прений, но еще до того, как приступили к голосованию, некто Нарчук заявил от имени группы делегатов Выборгского района, что они воздерживаются от голосования, ”так как не были оглашены тезисы Ленина и резолюцию защищал не докладчик (т.е. Сталин. — *Р.С.*)”. Это, бесспорно, прозвучало как упрек в адрес Сталина. Результаты голосования говорили сами за себя: 28 за, 3 против, 28 воздержавшихся.

Сталин вновь появился на заключительном заседании конференции вечером 20 июля и принял активное участие в обсуждении вопросов о муниципальных выборах в Петрограде и подготовке к приближающемуся съезду партии. В общем и целом у него не было оснований испытывать особую гордость за свои выступления на конференции. Он не сумел ни предложить делегатам своих собственных ясных директив, ни честно исполнить свои обязанности в качестве дублера Ленина.

Ленин разясняет свою стратегию

В связи с тем что новая политическая линия Ленина дважды получила отпор — сначала на расширенном заседании ЦК 14–16 июля, а потом на Второй Петроградской конференции больше-

* Там же, с. 144–145.

** Вторая и третья Петроградские..., с. 78.

виков 16–20 июля, -- ему пришлось кое-что пересмотреть -- нет, не саму стратегию в целом, в ней он был абсолютно уверен, а только то, как представить ее партии. Он понял, что ему еще предстояло развеять определенные опасения и сомнения, особенно по вопросу о Советах.

Итак, однажды в середине июля, точная дата осталась неизвестной, Ленин решил разъяснить свою новую линию. В результате появилась его статья "К лозунгам", в которой Ленин четко и подробно изложил свои взгляды на роль Советов*.

Лозунг "Вся власть Советам!", утверждал теперь Ленин, был верен на более ранней стадии революции, "скажем, с 27 февраля по 4 июля", но он "явно перестал быть верным теперь". Этот лозунг, с точки зрения Ленина, был уместным только относительно "мирного развития революции вперед". Этот период "круто" оборвался 4 июля, когда "власть перешла... в руки контрреволюции". И тут Ленин напоминает своим читателям: "Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти..." При этих условиях "лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа..." (NB: Ленин употребляет слово "донкихотство", а Сталин заимствует его, отвечая на вопросы на Второй общегородской конференции 14 июля. Это помогает установить, что статья была написана Лениным незадолго до конференции.)

"Свержение буржуазной контрреволюции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. ...Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, -- вот единственный выход..." Лишь после того, как свершится такая революция, может, с точки зрения Ленина, вновь появиться потребность в Советах, но это будут "не теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов". Ленин категорически огрицал какую бы то ни было роль теперешних Советов: "Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них эсеров и меньшевиков".

Смог ли бы Ленин заставить партию сделать такой резкий стратегический поворот, имея он возможность участвовать в дискуссии, -- этому вопросу суждено оставаться открытым. Успех его радикальной политики по национальному вопросу на Апрельской конференции, невзирая на упорную оппозицию, доказывает, что он обладал достаточной силой -- убеждения, престижа, политического манипулирования, -- чтобы диктовать

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10–17.

партии свою волю. В апреле, однако, Сталин активно выступил на стороне Ленина. В середине июля Сталин поддерживал Ленина с явной неохотой, преодолевая внутреннее сопротивление.

Ленин осуждал существующие Советы и отказывался признать возможность их преобразования в соответствии с одобренной большевиками линией. Впервые он заявил об этой своей позиции 10 июля и придерживался ее в течение последующих двух месяцев. Он отошел от этой позиции лишь 14 сентября, когда опубликовал статью "Один из коренных вопросов революции". Можно задать вопрос, осознавал ли когда-нибудь Ленин всю притягательность Советов для тех, кто их выбирал, — рабочих, крестьян, солдат. По существу, Ленин рассматривал Советы как некое тактическое средство, которым можно при желании воспользоваться, а потом так же легко от него и отказаться⁷⁰. Для Ленина лозунг "Вся власть Советам!" — один из самых популярных лозунгов партии — мог быть выдвинут или снят в зависимости от чисто тактических соображений.

В ходе подготовки и осуществления захвата большевиками власти в октябре Ленин вновь выказывает свое пренебрежительное отношение к Советам и нетерпимость к тем, кто расходился с ним по этому вопросу. Выдвинутое им в середине июля требование снять лозунг "Вся власть Советам!" не нашло поддержки отчасти из-за неповиновения Сталина, но также и потому, что оно шло вразрез с настроениями многих членов партии и рабочих.

Сталин о роли Советов

В статье, опубликованной в "Правде" от 26 ноября 1924 года в ходе полемики, которую триумвират вел против Троцкого, Сталин заявлял:

"После июльского поражения между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе Советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания вне Советов, предостерегал от увлечения Советами, считая, что Советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. Центральный Комитет и VI съезд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключенным оживление Советов"*.

Передавал ли в 1924 году Сталин в точности то отличное от ленинского мнение партийного руководства в отношении Советов, которое было у него в середине 1917 года, или на заявление повлияли последующие события, и особенно захват большеви-

* Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 340—341.

ками от имени Советов власти в октябре 1917 года? Факты, относящиеся к середине июля 1917 года, свидетельствуют о том, что в тот период Сталин был вовсе не прочь последовать примеру Ленина и отречься от Советов как безнадежно себя скомпрометировавших. В неподписанной статье, опубликованной в газете "Рабочий и солдат" 17 июля 1917 года, Сталин писал:

"Вчера оборонцы отказались и от жалкого "контроля" над правительством, который у них был, — и свели "Советы" к роли никчемных штемпелей контрреволюции"*.

Между тем у Сталина сохранялись сомнения в правильности ленинского бескомпромиссного отречения от Советов, это хорошо видно из его статьи "Чего хотят капиталисты?"**, опубликованной 20 июля 1917 года. "Дело... — пишет Сталин, — в том, что Советы, перед которыми вчера еще пресмыкались капиталисты и которые теперь разбиты, сохранили еще крупницу власти, и теперь капиталисты хотят отобрать у Советов и эти последние крохи, чтобы тем основательнее укрепить свою собственную власть".

К 27 июля, как раз когда полным ходом шла подготовка к Шестому съезду партии, Сталин внес ясность в свои взгляды на Советы, разошелся в этом пункте с Лениным и, в сущности, снова оказал поддержку лозунгу "Вся власть Советам!".

Об этом зигзаге мы узнаем из статьи от 27 июля "К выборам в Учредительное собрание"***. Сталин призывал к соглашению между большевистской партией и "беспартийными группами неимущих крестьян" и "беспартийными организациями солдат и матросов". В статье дается "примерная платформа, могущая послужить почвой для соглашения с подобными крестьянско-солдатскими беспартийными организациями". Последний, 20-й пункт этой платформы гласит:

"Наконец, мы за то, чтобы вся власть в стране была передана в руки революционных Советов рабочих и крестьян, ибо только такая власть способна вывести страну из тупика, куда ее загнала война, разруха, дороговизна и наживающиеся на народной нужде капиталисты и помещики".

Было ли 21–22 июля военное совещание?

Как утверждает Троцкий, "21 и 22 июля (1917 года) в Петрограде проходит исключительной важности совещание, оставшееся незамеченным властями и прессой"****. "На... совеща-

* Сталин И. В. На путях к Октябрю. М., 1925, с. 99.

** Там же, с. 101–105.

*** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 149–155.

**** Троцкий Л. Указ. соч., с. 293.

нии, — продолжает Троцкий, — участвовали представители 29 полков с фронта, 90 петроградских заводов, от кронштадских моряков и окрестных гарнизонов”. ”В организации этого... совещания, — с неохотой признает Троцкий, — Свердлов и Сталин принимали, видимо, руководящее участие”.

Однако, кроме свидетельства Троцкого, больше никаких фактов об этом ”исключительной важности совещании”, похоже, нет. Оно не только осталось не замеченным ”властями и прессой”; о нем не вспомнили вплоть до настоящего времени ни историки, ни биографы Сталина, за исключением самого Троцкого. Может быть, это совещание — плод воображения Троцкого?

Вероятнее всего, Троцкий просто спутал его с военным совещанием, проходившим 21—22 июня 1917 года. Июньское совещание, на котором Сталин выступал по национальному вопросу, было хорошо документировано и привлекло огромное внимание со стороны ”властей и прессы”.

Эта ошибка Троцкого весьма показательна для его методов работы. Перепутав даты, он пытается приспособить совещание к совершенно иной ситуации, характерной для середины июля, когда Сталин и Свердлов выдвинулись в качестве партийных лидеров. Таким образом, сведения Троцкого, находившегося в тот период в тюрьме, весьма ненадежны, поэтому следует предостеречь читателей биографии Сталина, написанной Троцким, от излишней доверчивости.

ШЕСТОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

Подготовка к съезду: Ленин встречается со Сталиным

У Ленина были вполне веские основания проявлять беспокойство по поводу упорного нежелания Сталина строго придерживаться линии партии — в том виде, в каком ее определил Ленин, особенно по такому серьезному вопросу, как роль Советов. Его попытки обратиться к нему письменно ни к чему не привели, можно было бы ожидать, что он попробует встретиться со Сталиным лично и постарается его переубедить. В любом случае приближающееся открытие Шестого съезда партии, назначенное на 26 июля, требовало от Ленина принять срочные меры, чтобы восстановить свой авторитет и сделать все, чтобы Сталин как выразитель его позиции послушно выступил с изложением его взглядов по важнейшим вопросам, стоявшим перед партией.

Следовательно, было бы вполне логично предположить, что незадолго до 26 июля эти два человека должны были встретиться, и существуют архивные данные, что такая встреча действи-

тельно произошла*. К сожалению, в советских источниках не приводится никаких подробностей — ни о месте встречи, ни об обсуждавшихся вопросах. Предположительно Сталин встретился с Лениным там, где он скрывался, в Финляндии⁷¹; почти наверняка они обсуждали стратегию проведения съезда, однако до тех пор, пока не будут полностью открыты архивные материалы, мы можем лишь догадываться о содержании их беседы.

О сути этих переговоров дает представление статья "О конституционных иллюзиях", написанная Лениным 26 июля, вскоре после разговора со Сталиным**. В ней была продолжена тема, начатая в статье "Новейшее политическое положение", где Ленин старается внушить, что возглавляемая кадетами буржуазия установила военную диктатуру, а умеренные социалисты из Петроградского Совета оказывают ей поддержку.

О Советах Ленин упоминает лишь мимоходом; Советы, пишет он, "дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса, проведшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов".

Ленин не усматривает в Советах ничего позитивного и не отводит им никакого места в своей стратегии революции. Эта статья, одна из самых бескомпромиссных ленинских статей, нацелена как раз против тех "конституционных иллюзий", которые демонстрирует Сталин в своей статье от 24 июля "Чего хотят капиталисты?".

Ленинская резкая критика на самом деле возымела свое действие. В пользу этого говорит содержание более поздней статьи Сталина "Новое правительство", опубликованной 26 июля***. Она свидетельствует о том, какой долгий путь Сталин проделал, прежде чем воспринял ленинскую точку зрения, что Советы безнадежно себя скомпрометировали.

"Кадеты, — пишет он, — добивались усиления правительства за счет Советов, независимости правительства от Советов. Советы, руководимые "дурными пастырями" из эсеров и меньшевиков, пошли на эту уступку, подписав себе смертный приговор".

Однако со свойственным ему упрямством Сталин так до конца и не признал ленинскую негативную оценку Советов. "...ЦИК, этот представитель всех Советов, — пишет Сталин, — идет на поводу у Временного правительства, прикрывая контрреволюционное лицо последнего революционной фразеологией.

Роли, очевидно, переменялись, и переменялись они не в пользу Советов".

* Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 304.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 33—47.

*** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 146—148.

Накануне: собрание делегатов

25 июля, за день до открытия Шестого съезда, состоялось собрание делегатов, обсудивших процедурные вопросы. На нем присутствовало 50 делегатов, из которых 30 с правом решающего голоса, а остальные 20 – с совещательным. Председательствовал М. С. Ольминский, член партии с 1898 года, представлявший Московскую партийную организацию, однако главным организатором собрания был Свердлов – именно его предложения там обсуждались и практически без всяких возражений принимались.

В протоколах этого заседания, опубликованных тогда же в газете "Рабочий и солдат" и переизданных в 1958 году* вместе с протоколами съезда, Сталин не упоминается ни разу, что позволяет несколько усомниться в широко распространенной точке зрения, будто на Сталина, так же как и на Свердлова, были возложены полномочия по подготовке съезда. Отсутствие Сталина на этом важном собрании и ведущая роль на нем Свердлова позволяют сделать вывод, что организационные вопросы проведения съезда были полностью в ведении Свердлова, а Сталина к их обсуждению никто не привлекал и не просил о помощи.

Открытие съезда

Шестой съезд открылся вечером 26 июля. Большевики Выборгского района взяли на себя все практические вопросы по его проведению: размещение делегатов, транспорт, питание. Они также нашли место для проведения съезда, где и собрались делегаты, несмотря на то что некоторые из них высказывали определенные сомнения в возможности созыва съезда в Петрограде из-за враждебного отношения Временного правительства.

Сталин не присутствовал ни на открытии, ни на проведенном днем раньше предварительном собрании делегатов. И снова Свердлов осуществлял организационное руководство; он огласил порядок проведения и повестку дня съезда. После обсуждения делегаты единогласно выбрали президиум из пяти человек. В него вошли: Свердлов, Ольминский, Ленин, Юренев и Сталин – двое из них впоследствии погибнут в результате сталинских чисток⁷². Предложения Бокия избрать Ленина почетным председателем было принято единогласно. Затем по предложению Свердлова делегаты проголосовали за избрание дополнительно еще пяти почетных председателей: Зиновьева, Каменева, Троцкого, Коллонтай и Луначарского. Таким образом, "межрайонцы" наряду со старой ленинской гвардией и Коллонтай, символически представлявшей женский пол в руководстве партией, были официально признаны участниками съезда.

* Шестой съезд..., с. 285–286.

Второе заседание: Сталин опаздывает

Инцидент, происшедший утром 27 июля, подтверждает, что Сталин в то время тратил много сил на создание собственного имиджа. В назначенное время, в 10 часов утра, появилась лишь горстка делегатов: их было намного меньше, чем требовалось для кворума. Свердлов вначале присутствовал, но, когда стало ясно, что работа в таком составе невозможна, покинул заседание. После этого группа делегатов – всего 34 человека – составила и подписала официальный протест в связи с опозданием товарищей. Подписавшие протест предлагали установить жесткий регламент работы съезда, включая и время прибытия делегатов.

Главным пунктом повестки дня второго заседания был отчетный доклад Центрального Комитета, с которым должен был выступить Сталин. Случайным ли было его опоздание или оно означало специально задуманный маневр, призванный повысить его статус в глазах делегатов? Пожалуй, верно последнее. Это предположение подкрепляет отрывок из одного относящегося к более позднему времени сочинения Сталина, в котором он излагает свою концепцию политического величия*. Речь шла о первой встрече Сталина с Лениным во время конференции большевиков, проходившей в декабре 1905 года в Таммерфорсе.

“Принято, – пишет Сталин, – что ”великий человек” обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем, перед появлением ”великого человека” члены собрания предупреждают: ”тсс... тише... он идет”. Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил”.

Судя по опозданию на второе заседание, Сталин вовсе не был склонен допускать такие ”нарушения”. Вся беда в том – если встать на его точку зрения, – что большевистская партия тогда еще не прошла сталинской школы 30-х годов и не усвоила ту роль, которая отводилась ей в отвечающей концепции Сталина ритуале поклонения харизматическому руководителю, окруженному преданными почитателями.

*Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 54.

Отчетный доклад Центрального Комитета

Собирался ли Свердлов председательствовать на втором заседании так же, как на первом, и как это ему было суждено почти на всех остальных тридцати заседаниях съезда? В протоколах об этом ничего не говорится. Имя председательствовавшего на втором заседании попросту не упоминается. Открыть его выпало на долю М. С. Ольминского.

Заседание началось в 10.45 утра, с опозданием на 45 минут. Ольминский зачитал протест, подписанный 34 явившимися вовремя делегатами. После краткого приветствия съезду от рабочих одного латвийского завода⁷³ с отчетным докладом ЦК выступил Сталин.

Как это часто случается, когда имеешь дело с историей большевистской партии, прежде чем рассматривать содержание сталинского доклада, придется распутать сложный клубок противоречий текстуального характера. Доклад существует в двух вариантах, которые для удобства можно назвать вариантом А и вариантом Б. Вариант А – это текст, приведенный в первом (1919 год) издании протоколов и с небольшими фактическими поправками включенный во все последующие издания (1927, 1934 и 1958 годы)*. Вариант А вошел также в изданный в 1925 году сборник статей и речей Сталина, относившихся к 1917 году**. Это весьма важно, ибо показывает, что в 1925 году Сталин признавал законную силу текста, опубликованного в изданных в 1919 году протоколах съезда.

Тем не менее редакторы сочинений Сталина, изданных в 1946 году, использовали не этот текст, а вариант Б***. С точки зрения даты первой публикации этот текст имеет приоритет, ибо он появился в печати вскоре после того, как был сделан доклад, – в газете "Рабочий и солдат" 30 июля и 8 августа. Однако в газетной публикации опущены разделы сталинского доклада о событиях мая и июля и дан материал только по июльскому кризису. Так что, готовя текст для третьего тома сочинений Сталина, редакторы просто-напросто позаимствовали соответствующие разделы из варианта А и вставили их в начало. Кроме того, редакторы порабатили своими синими карандашами, убирая или добавляя материалы, исходя при этом из соображений целесообразности в их собственном понимании.

При сравнении этих двух вариантов выясняется, что вариант Б является, по всей вероятности, предварительным черновым наброском доклада, вариант А – это приблизительно тот самый текст, который был зачитан Сталиным на съезде. Вариант Б менее гладкий, не такой всеобъемлющий, он ближе к тем пер-

* Шестой съезд..., с. 14–20.

** Сталин И. В. На путях к Октябрю, с. 87–95.

*** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 156–168.

вичным документам, на которых основан доклад Сталина. Судя по его содержанию, к этим документам, наверное, относилась летопись событий июльских дней, записанная в штабе партии кем-то из секретарей.

Поскольку вариант А почти во всех отношениях лучше и поскольку именно он был в конце концов признан как официальный текст, возникает вопрос, почему же в 1917 году был опубликован вариант Б и почему редакторы сочинений Сталина отдали предпочтение ему? Разумно предположить, что вариант Б — черновой текст доклада, составленный Сталиным, в то время как вариант А — уже отредактированный и исправленный. Отредактированный и исправленный — но кем? Явно не Сталиным, ибо в таком случае он бы передал в газету "Рабочий и солдат" не черновик, а уже исправленный текст. Точно так же предпочли бы воспользоваться текстом уже улучшенным и исправленным и редакторы изданных в 1946 году сочинений. Следовательно, кто-то правил черновой проект доклада до того, как он был зачитан. Если не Сталин, то кто же?

Прежде всего можно предположить, что это Ленин, с которым, как мы помним, Сталин встречался незадолго до 26 июля. Однако в докладе — в том виде, в каком его представил делегатам Сталин 27 июля, — изложена точка зрения по различным вопросам, которой, как известно, придерживался Сталин, но с которой не был согласен Ленин. Значит, если Ленин действительно видел проект доклада Сталина прежде, чем он был зачитан, то выходит, ему так и не удалось убедить Сталина изменить свою точку зрения.

Другими возможными кандидатурами на роль редактора доклада являются Свердлов и Бухарин — оба присутствовали на съезде и вполне могли оказать Сталину эту услугу. Но ведь Бухарин только что прибыл в Петроград. Ему еще надо было подготовить свой собственный доклад о международном положении, и он вряд ли мог найти время, чтобы отредактировать черновой вариант доклада Сталина.

Поэтому более вероятно, что редактором доклада Сталина был Свердлов. Так или иначе, вполне возможно, что Свердлов как один из двух ведущих руководителей партии имел шанс ознакомиться с черновиком сталинского доклада.

Доклад Сталина (имеется в виду вариант А) начинался с краткого, но четкого анализа текущего момента революции. "Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности ЦК за последние два с половиной месяца, — сказал Сталин, — я считаю нужным отметить основной факт, определивший деятельность ЦК. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки Со-

тов рабочих и солдатских депутатов. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической, рабочей революции. Под влиянием этого факта буржуазия стала организовываться и поджидать удобного момента для выступления. Таким моментом она считала момент отступления на нашем фронте или, вернее, момент отступления в случае, если Германии удастся на нас наступать”**.

Этот отрывок, появившийся в начале сталинского доклада, по сути дела содержащий его выводы, производит впечатление редакторской вставки. Поскольку его нет в тексте, включенном в сочинения Сталина, можно с достаточной долей уверенности предположить, что писал ее не он. Акцент на необходимости передать власть Советам исключает авторство Ленина. И здесь опять наиболее вероятной кандидатурой представляется Свердлов.

Затем Сталин (я уже цитировал этот отрывок, см. с. 122—123) рассматривает деятельность ЦК в мае: перевыборы в Советы, кампания протеста против смертной казни на фронте и муниципальные выборы в Петрограде.

Освещая деятельность ЦК в июне, Сталин концентрирует внимание на подготовке двух крупных демонстраций — одной, неудавшейся, 10 июня и второй, успешной, 18 июня. И этот раздел сталинского доклада тоже уже использовался ранее (см. с. 157—158). Существенных текстуальных расхождений между различными версиями доклада в этом разделе нет.

”Я перехожу, — продолжал Сталин, — к самому интересному для вас, к событиям 3—5 июля”.

Сталин начинает свой рассказ с того момента, когда в 3 часа дня на заседании Петроградской общегородской конференции в особняке Кшесинской появляются два представителя Первого пулеметного полка. Солдаты сообщают о планирующейся демонстрации. Володарский заявляет, что партия решила демонстрацию не проводить.

В этом месте варианты сталинского доклада существенно отличаются друг от друга. В варианте А приведены слова Володарского, якобы сказавшего солдатам, что ”у партии имеется решение не выступать, что партийные члены данного полка не смеют нарушать постановления партии”***. Тон варианта Б не так повелителен. В нем просто говорится о том, что Володарский проинформировал солдат о решении партии не выступать, и добавляется следующее объяснение: ”Для ЦК было ясно, что и буржуазия, и черносотенцы хотели бы вызвать нас на выступление, чтобы иметь возможность свалить на нас ответственность за авантюру наступления. У нас было решено переждать момент

* Шестой съезд..., с. 14.

** Там же, с. 277.

наступления на фронте, дать наступлению окончательно провалиться себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выждать и дать Временному правительству исчерпать себя**.

Лишь только после этого объяснения в варианте Б упоминается о том, как Володарский обратился к солдатам с предостережением, причем выражения в этом тексте не столь резкие: "Тов. Володарский ответил делегатам, что у партии имеется решение не выступать и члены партии их полка должны подчиниться этому решению. Представители полка с протестом ушли***.

В 4 часа дня, продолжает Сталин, большевистский Центральный Комитет, собравшись в Таврическом дворце, официально принимает решение не проводить демонстрации. Сталин по поручению ЦК сообщает об этом решении Бюро Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) Совета.

В этом месте в варианте А приведены слова Сталина, что придает тексту личностный оттенок:

"Я им передал все факты, сообщил о том, что делегаты Пулеметного полка послали своих делегатов по заводам и фабрикам. Я предложил Бюро принять все меры к тому, чтобы выступление не состоялось. Это было по нашему требованию запротоколировано. Господа эсеры и меньшевики, которые нас теперь обвиняют в подготовке выступления, забывают об этом****.

В варианте Б вместо этого яркого рассказа находим следующее краткое резюме: "По поручению Центрального Комитета партии тов. Сталин вносит в Бюро Центрального Исполнительного Комитета заявление обо всем случившемся, причем сообщает о решении большевиков не выступать*****.

Здесь, похоже, Сталин несколько отшлифовал и приукрасил описание, данное в черновике. Но как ни странно, редакторы его сочинений предпочитают в этом месте использовать сухой, бесцветный текст варианта Б. Затем в обоих вариантах доклада Сталина излагается почасовая хроника событий, где ощущается все возрастающая напряженность в Петрограде, по мере того как к демонстрации солдат стали присоединяться колонны рабочих. Однако в варианте А сделана весьма знаменательная вставка, которой не было в варианте Б: "Между прочим, о Ленине. Он отсутствовал: уехал 29 июня и приехал в Петроград только 4 июля утром, после того как решение о вмешательстве в движение было уже принято. Наше решение Ленин одобрил*****.

* Шестой съезд..., с. 17.

** Там же.

*** Шестой съезд..., с. 17.

**** Там же, с. 277.

***** Там же, с. 18-19.

Поражает легкий, почти пренебрежительный тон этой вставки. Здесь ничего не говорится о решении партийного руководства сообщить Ленину о необходимости срочно вернуться в Петроград, нет ни слова и о его импровизированном выступлении перед демонстрантами утром 4 июля. Роль Ленина в таком изображении далека от роли лидера: он всего лишь одобряет решения, и без него уже принятые ЦК партии.

На какие же мысли наводит это недоброжелательное и немногословное описание? Вполне разумно предположить, что кто-то — возможно, Свердлов — настоял, чтобы Сталин включил сведения об участии Ленина в событиях 4 июля, однако Сталин свел это к необходимому минимуму, причем намеренно преуменьшив, насколько можно, роль Ленина в принятии решений. В версии Сталина "мы", то есть находившиеся на месте лидеры, смогли принять разумное решение задолго до возвращения Ленина.

В ходе подготовки доклада Сталина к публикации редактор изъял многие подробности, присутствовавшие в черновом варианте. Вместо них в отредактированном тексте подчеркивается важность нападок на Ленина как германского агента, которые объявляются "поворотным моментом" в июльских событиях. В этой связи Сталин упоминает о высказанной им по телефону просьбе не предавать эту историю огласке, однако утверждает, что Церетели звонил он. (На самом деле, как мы помним, Сталин звонил Чхеидзе, хотя с Церетели тоже консультировался по этому вопросу.)

В варианте А приводятся подробности этих переговоров 6 июля, которые отсутствуют в варианте Б: "6 июля наши тт. Каменев и Зиновьев ведут переговоры с Либером об ограждении членов партии и партийных организаций от хулиганских нападений, о восстановлении редакции "Правды" и т.д. Переговоры кончились договором, по которому броневики от особняка Кшесинской снимаются, мосты сводятся, оставшиеся матросы возвращаются в Кронштадт, те части солдат, которые оставались в Петропавловской крепости, беспрепятственно уходят, а у дворца Кшесинской ставится охрана. Но договор не был выполнен, так как за спиной Центрального Исполнительного Комитета, объявившего диктатуру, начала действовать военная клика"* . Любопытно, что вариант А в отличие от варианта Б включает также и приглушенный рассказ о его собственном участии в этих неудавшихся переговорах:

"Я отправился в ЦИК с предложением уладить дело без кровопролития. На мой вопрос: "Чего вы хотите? Стрелять в нас? Мы не восстаем против Советов..." — Богданов мне ответил, что они хотят предотвратить кровопролитие. Направились в штаб.

* Шестой съезд..., с. 19–20.

Военные встретили нас недружелюбно, говорили, что приказ был уже отдан. У меня получилось впечатление, что эти господа во что бы то ни стало хотят устроить кровопускание**.

В докладе ничего не говорится о роли Сталина в урегулировании вопроса о разоружении и сдаче кронштадтских моряков. В самом конце варианта А отстаивается правильность линии партии во время июльских дней: "Наша партия всегда шла с массой", ее деятельность была направлена на то, чтобы ограничить кровопролитие, она всегда играла роль "регулятора". Это резюме, где видна попытка самооправдания, — явная редакторская вставка. Черновой же текст, вариант Б, в отличие от этого завершается описанием роковых для меньшевиков и эсеров последствий принятого ими решения отойти от большевиков и встать на сторону буржуазных партий:

"Становится ясным, что эсеры и меньшевики, выдав большевиков, выдали и самих себя, выдали революцию, развязав и разнуздав силы контрреволюции***.

Прения по докладу Сталина

Напряженная атмосфера, в которой протекал Шестой съезд, отразилась и на дискуссии, развернувшейся после сталинского доклада. Желание выступить изъявило 29 делегатов, однако слово получили всего 8 человек; большинство проголосовало за прекращение прений. Выступавшие говорили в основном о том, что в отчете ЦК внимание сконцентрировано исключительно на событиях в Петрограде в ущерб провинции.

Несколько делегатов подняли вопрос о поведении ЦК во время демонстрации 10 июня. Наиболее критически высказался Мануильский, осудивший резкие повороты в действиях ЦК. Он заявил, что "такие истерические решения только компрометируют наш Центральный Орган****.

Критике подверглась и деятельность ЦК во время июльских дней. Тридцативосьмилетний делегат из Петроградской организации С. Н. Равич сказал, что партийное руководство совершило ошибку, когда, намереваясь прекратить демонстрацию, вело переговоры с ЦИКом, вместо того чтобы обратиться непосредственно к рабочим****. (Дальнейшая судьба Равича в сталинской России сложилась несчастливо: после целого ряда критических выступлений он присоединился к троцкистам и был в 1928 году исключен из партии; затем через некоторое время восстановлен

* Там же, с. 20.

** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 168.

*** Шестой съезд..., с. 23.

**** Там же, с. 28.

и опять исключен в 1935 году. Приговоренный к лагерям во время "великой чистки", он каким-то чудом умудрился дожить до 1955 года*74.

Поразительно, что ни один из выступивших в прениях никак не обнаружил своей осведомленности относительно требования Ленина отказаться от лозунга "Вся власть Советам!". Милютин заявил, что этот лозунг "теперь становится общепризнанным, и от него отказываются только те, кто боится взять власть, кто изменяет ему во имя гражданского мира" — явный выпад против меньшевиков и эсеров, а заодно и Ленина**.

Еще до того, как Сталин получил возможность выступить с ответным словом, член Центрального Комитета В. П. Ногин высказался в защиту ЦК. Он отвел обвинения, касающиеся того, что ЦК уделяет слишком много внимания Петрограду и не удосуживается информировать о своих планах провинцию***. Петроград, заявил он, — это "центр революционного движения". Тем не менее Ногин признал, что в прошлой своей деятельности ЦК действительно допускал некоторые ошибки, особенно это относится к его твердому решению не проводить демонстраций, тогда как массы уже стихийно выступили; в конце концов ЦК пришлось изменить свое решение. Ногин также напомнил делегатам, что у ЦК нет технических возможностей держать провинцию в курсе текущих событий в столице.

Сталин отвечает выступившим в прениях

После выступления Ногина в защиту ЦК председательствовавший на этом заседании (Ольминский? — *Р.С.*) предлагает проголосовать за прекращение прений. Большинство делегатов, опасаясь, как бы не затянулась дискуссия, проголосовало за это предложение.

Здесь в распоряжении историков имеется всего лишь один текст — тот, что опубликован в протоколах съезда. Редакторы сталинских сочинений внесли в него редакционные поправки, порой весьма знаменательные. В сталинском выступлении прозвучали властные нотки. Он говорил твердо, вместе с тем проявляя известную гибкость, ранее ему не свойственную. Начал он с решительной защиты политики ЦК: "Никто из товарищей не критиковал политической линии ЦК, никто из ораторов самих лозунгов не опротестовывал. ЦК выставил три основных лозунга: вся власть Советам, контроль над производством и конфискация помещичьей земли. Эти лозунги снискали себе симпатии

* Там же, с. 462.

** Шестой съезд..., с. 23.

*** Там же, с. 26.

среди рабочих масс и солдат. Эти лозунги оказались верными, и мы, борясь на этой почве, не потеряли масс. Это я считаю основным фактом, говорящим в пользу ЦК. Если ЦК в самые трудные моменты дает верные лозунги, значит в основном он прав”*

Сталин ни словом не упомянул об отказе от лозунга ”Вся власть Советам!” – он просто-напросто проигнорировал вопрос о новой стратегии Ленина начиная с середины июля.

Обращаясь к конкретным критическим замечаниям, Сталин прежде всего ответил на обвинение, будто ЦК уделяет слишком много внимания Петрограду и игнорирует провинцию. С необычной для него сдержанностью Сталин признает справедливость этого обвинения: ”Упрек в оторванности от провинции не лишен основания. Но не было никакой возможности охватить все выступления. Упрек, что ЦК фактически превратился в Петербургский комитет, справедлив отчасти. Это так. Но здесь, в Петрограде, куется политика России. Здесь таран революции. Провинция реагирует на то, что делается в Петрограде. Это объясняется тем, что здесь Временное правительство, которое сосредоточивает в своих руках всю власть. Здесь ЦИК как голос всей организованной революционной демократии”**. В выступлении Сталина нет решительного утверждения Ленина, будто на смену Временному правительству пришла правая военная диктатура; нет тут и отзвука его призывов отречься от ЦИК и от всей системы Советов в целом.

Другие веские соображения также заставляют ЦК действовать решительно, не советуясь с провинцией: ”...события бегут, идет глубокая борьба, нет никакой уверенности, что существующая власть завтра же не слетит. При таких условиях ждать, когда наши друзья из провинции присоединятся к нам, было невысказано”. Весьма знаменательно, что здесь Сталин ссылается на *modus operandi**** Центрального Исполнительного Комитета Советов, который ”решает вопросы революции, не дожидаясь провинции. У них в руках весь правительственный аппарат. А у нас? У нас аппарат ЦК. Но аппарат ЦК, конечно, слаб. И требовать от ЦК, чтобы он не предпринимал никаких шагов, предварительно не опросив провинции, значит требовать, чтобы ЦК шел не впереди, а позади событий. Но это был бы не ЦК. Только при том методе, которого мы придерживались, ЦК мог продержаться на высоте положения”.

В выступлении Сталин разумно и обоснованно защищает ЦК. Сдержанность его тона и стремление признать правомерность выдвинутых против ЦК обвинений, возможно, отражают тот

* Шестой съезд..., с. 26.

** Шестой съезд..., с. 26–27.

*** Способ действия (лат.) – Прим. перев.

факт, что сам он в прошлом не раз оказывался в положении противоположной стороны, критикуя в качестве провинциального партийного работника политику, определяемую центральным партийным руководством. Теперь он получил возможность на своей шкуре почувствовать, как трудно на деле координировать политику центра с политикой в провинции.

Не заостряя внимания на критике колебаний ЦК во время июньской демонстрации, Сталин вкратце затронул события 3—5 июля. Он признал отдельные просчеты и ошибки, настаивая при этом, что происходящее в те дни носило характер демонстрации, а не восстания.

Что же касается упреков Мануильского, что ЦК не удосуживается выпустить листовки с объяснением событий 3—5 июля, то тут Сталин напомнил делегатам, что "наша типография была разгромлена, и не было никакой физической возможности отпечатать что-либо в других типографиях, так как это грозило типографиям разгромом".

Закончил он на оптимистической ноте: "Дело все же обстояло не так плохо: если в одних кварталах нас арестовывали, то в других нас встречали с приветом и с необыкновенным подъемом. И сейчас настроение питерских рабочих превосходное, престиж большевиков велик".

Этими бодрими словами Сталин подвел итог прениям, однако оставалось еще кое-что добавить. "Я хотел бы, — сказал он, — поставить ряд вопросов". Во-первых, он предлагал подготовить манифест, в котором бы объяснились факты в связи с клеветой на партийных вождей. (Имя Ленина не упоминалось.) Комиссия, которой будет поручена подготовка проекта такого манифеста, должна будет выпустить также воззвание к революционным рабочим и солдатам Германии, Франции, Англии и других стран, информирующее о событиях 3—5 июля.

Во-вторых, Сталин коснулся вопроса о суде над Лениным и Зиновьевым. "В данный момент, — сказал он, — все еще не ясно, в чьих руках власть" — это заявление наверняка бы шокировало Ленина. Еще более поразительным был вывод, к которому пришел Сталин: "Если же во главе (правительства. — *Р.С.*) будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, которая будет иметь хоть некоторую честь... они явятся"* . Таким образом, Сталин по собственной инициативе вновь поднял вопрос, который, казалось, был снят с повестки дня еще до начала съезда⁷⁵. Делегаты проявили некоторую растерянность, не зная, как к этому отнестись, но все-таки проголосовали за то, чтобы дополнительно включить его в повестку дня. Проголосовали они и за создание комиссии по

* Шестой съезд..., с. 28.

подготовке предложенных Сталиным манифеста и воззвания, включив в нее Сталина, Бухарина, Сокольников, Ольминского, Мануильского и Скрыпника.

Третье заседание

Третье заседание съезда открылось во второй половине дня 27 июля, председательствовал на нем Свердлов. Первый пункт повестки – выдвинутый на обсуждение Сталиным вопрос о явке на суд Ленина и Зиновьева. Из девяти выступивших по этому вопросу делегатов лишь трое – Володарский, Мануильский и Лашевич – сочли возможным, чтобы партийные вожди подчинились приказу об аресте. Они предполагают, пояснил Володарский, что этот суд обернется судом над Временным правительством, и выдвинул соответствующую резолюцию. Однако большинство выступавших категорически возражали против такой идеи суда в сложившихся условиях. Особую твердость проявили Орджоникидзе, Дзержинский и Скрыпник.

В создавшейся ситуации, заявил Бухарин, нет никакой гарантии, что суд будет справедливым и что обвиняемые смогут не опасаться возможного насилия. Резолюция о неявке Ленина на суд, внесенная Бухариным, была единодушно одобрена; ее явно предпочли варианту, предложенному Володарским, и еще одному – выдержанному в гораздо более энергичных выражениях, – который выдвинул один из ветеранов революционного движения А. Г. Шлихтер. Интересно, что в резолюции Бухарина в числе партийных вождей, которым съезд направлял приветствия, был назван вместе с Лениным и Зиновьевым также и Троцкий – в первый раз на съезде его имя упоминалось в этом качестве.

Сталин не принимал никакого участия в обсуждении вопроса, который он сам поднял; если он и рассчитывал склонить съезд к согласию на арест Ленина, делегаты были настроены явно против такого решения.

Покончив, во всяком случае на данный момент, с этим вопросом, Свердлов перешел к докладу об организационной работе ЦК. Особый интерес представляет краткое замечание, которое он сделал в конце своего выступления*: "Доклад т. Сталина полно осветил деятельность Центрального Комитета"**.

Выступая, Свердлов особо подчеркнул быстрый рост рядов партии. Если в апреле было 78 организаций, включавших 80 тысяч членов, то в июле уже 162 организации, насчитывающие 200 тысяч. Прибавив к этому 10 тысяч из Сибири, 4 тысячи из

* Ошибка: на самом деле не в конце выступления, а в начале. – *Прим. перев.*

** Шестой съезд..., с. 20.

Минской области и 26 тысяч из военных организаций, Свердлов вывел суммарную цифру — 240 тысяч членов партии⁷⁶.

Как и остальные делегаты, Свердлов коснулся взаимоотношений между ЦК и Петербургским комитетом, затронув таким образом животрепещущий вопрос, имеющий непосредственное отношение к Сталину. ЦК, сказал Свердлов, фактически возглавляет всю партию в целом, включая и провинциальные центры, в значительной степени благодаря "Правде". "Центральный Комитет, — сказал он, — через "Правду" осуществлял и идейное и организационное руководство всей партией. В "Правде" товарищи находили ответы на все теоретические вопросы". Явно игнорируя роль Сталина как члена редколлегии "Правды", Свердлов продолжил: «Ленин и Зиновьев все свои взгляды излагали в "Правде"»*.

После Свердлова с финансовым отчетом ЦК выступил Смилга. В самом начале он отметил, что будет вынужден ограничиваться приблизительными цифрами, поскольку документы, на которых должен был основываться его доклад, попали в распоряжение Временного правительства.

Никаких прений по докладам Свердлова и Смилги не было. В конце третьего заседания были сделаны три кратких сообщения об отношениях ЦК с организациями на местах и Петербургским комитетом. Почти единогласно одобрив доклады Свердлова и Смилги, заседание завершило свою работу.

Доклады от областных организаций: четвертое — восьмое заседания

Начиная с четвертого заседания, прошедшего вечером 27 июля, и вплоть до седьмого, вечером на следующий день, делегаты слушали доклады областных партийных организаций. Первым выступил 27 июля Володарский от Петербургского комитета, за ним — Юренев от "межрайонцев", затем Каменский от Украины. Утром 28 июля выступили Подбельский от Москвы, Подвойский от петроградской Военной организации, Ярославский от московской Военной организации, Мясников от Минска, Ларин от меньшевиков-интернационалистов и Римша от Рижского фронта. Во второй половине дня 28 июля делегаты заслушали доклады Залежского от Гельсингфорса, Флеровского от Кронштадта, Бубнова от Московской области, Преображенского от Урала, Шумяцкого от Западной Сибири и Мостовенко от Румынского фронта. Наконец, вечером 28 июля выступили Дижбит от Прибалтийского края, Васильев-Южин от области Поволжья, Капсукас от Литвы, Эпштейн (Яковлев) от Донецкой области, Ани-

* Шестой съезд..., с. 37.

симов от Грозного и Кавтарадзе от Закавказья. В течение всех этих выступлений Сталин хранил молчание.

Восьмое заседание, 29 июля, было коротким; сразу же после открытия был объявлен перерыв. Редакторы изданных в 1958 году протоколов съезда связывают это с принятым 28 июля Временным правительством постановлением, предоставлявшим военному и морскому министрам, а также министру внутренних дел право закрывать любые собрания, которые могли либо представлять военную опасность, либо угрожать безопасности государства, — это постановление, хотя и носившее самый общий характер, было явно направлено против большевиков. Редакторы полагают, что именно поэтому новый состав Центрального Комитета избирался "малым съездом", состоявшим из членов президиума съезда и членов Центрального Комитета*. Совокин оспаривает это утверждение, считая, что "малый съезд" представлял собой "совещание президиума съезда и представителей крупных партийных объединений, на котором обсуждались отдельные, особо важные и некоторые организационные вопросы"**. Это оставляет в силе вероятность того, что выборы нового состава ЦК как "организационный вопрос" проходили именно на этом заседании.

Девятое заседание: доклад Бухарина

На девятом заседании съезда, проходившем во второй половине дня 30 июля, делегаты заслушали два доклада, один о войне и международном положении, который представил Бухарин, и второй о политическом положении, с которым выступил Сталин.

Бухарин был восходящей звездой партии. Он родился в 1888 году, вступил в партию в 1906-м. Это было его первое появление на трибуне партийного съезда с докладом. То, что выбор пал на Бухарина как докладчика, которому предстояло изложить точку зрения партии по одной из важнейших проблем, стоявших перед страной, отражало его растущую популярность и свидетельствовало также о том, что он приобрел репутацию одного из наиболее способных партийных теоретиков и стратегов, умевших ясно излагать свои мысли. Даже Ленин признавал, что испытал на себе его влияние; книга, над которой Ленин работал в августе, — "Государство и революция" — была посвящена устройству будущего социалистического общества и его разви-

* Шестой съезд..., с. 419, прим. 139.

** Совокин А. М. Резолюция VI съезда партии "О политическом положении". — В кн.: Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977, с. 14, прим. 27.

тию, то есть тем самым вопросам, которые Бухарин поднял еще в 1915 году⁷⁷.

Используя привычную для большевиков терминологию, Бухарин говорил о причинах войны, которые видел в международном империалистическом соперничестве; положить конец войне, утверждал он, может только всемирная пролетарская революция. Эта революция может произойти сначала либо в России, приняв форму рабоче-крестьянского восстания, либо в Западной Европе или еще где-нибудь в мире. Если Россия станет первой — а Бухарин рассматривал это лишь как одну из возможностей, — она тем самым должна будет принять на себя обязательство объявить революционную войну от имени пролетариата других стран. Даже если армия окажется не готова к наступательной революционной войне, ей придется вести оборонительную революционную войну. В этом случае, заявил Бухарин, "мы будем иметь право заявить пролетариату всего мира, что мы ведем священную войну во имя интересов всего пролетариата, и это будет звучать товарищеским призывом. Такой революционной войной мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции"⁷⁸.

Здесь видна та же самая линия, которая приведет Бухарина весной 1918 года к прямому конфликту с Лениным. Бухарин выдвинул также стратегию, которая резко отличалась от той, которую выдвинул Сталин в *своем* докладе о текущем моменте. После весьма непродолжительного и неконструктивного обсуждения Бухарин, выступая с заключительным словом, все-таки предпринял попытку сблизить свою позицию с позицией Ленина: "...В последнем этапе русской революции беднейшие слои крестьянства в силу объективных причин будут нашими союзниками, — и это дает нам основание говорить, что русская революция положила начало международной революции"⁷⁹.

Сталин делает "Доклад о политическом положении"

После краткого перерыва делегаты собрались, чтобы заслушать "Доклад о политическом положении", с которым выступил Сталин. Как и в случае с отчетом Центрального Комитета, у этого текста сложная история⁸⁰.

⁷⁷ Шестой съезд..., с. 104–105.

⁷⁸ Там же, с. 110.

⁷⁹ Известны два варианта, которые можно назвать вариантами В и Г. Вариант В — это тот текст, который был опубликован в 1919 году и во всех последующих изданиях партийных протоколов; вариант Г — это текст, опубликованный в третьем номере газеты "Пролетарий" 16 августа 1917 года и перепечатанный в приложении к протоколам съезда, изданным в 1958 году (с. 281–285). Вариант В был также дословно перепечата-

Был ли этот доклад в действительности написан самим Сталиным или он всего лишь зачитал текст, подготовленный Лениным? Задавшись этим вопросом, советский историк Совокин приводит ряд фактов, призванных доказать, что автором как самого доклада, так и принятой съездом резолюции "О политическом положении" был Ленин, а Сталину при этом отводилась всего лишь роль оратора*. Если это соответствует действительности — а мне доводы Совокина представляются вполне убедительными, — тогда биографы Сталина тщетно будут пытаться почерпнуть из этого доклада информацию о взглядах самого Сталина, зато он может многое им рассказать о характере взаимоотношений, существовавших в тот момент между Лениным и Сталиным, и о том, насколько успешно выполнил Сталин на съезде функции глашатая идей Ленина. По данным Совокина, незадолго до съезда Ленин написал тезисы, которые должны были послужить основой для "Доклада о политическом положении". Эти тезисы так и не были обнаружены, однако Совокин полагает, что их достаточно точно воспроизводит текст, полученный делегатом съезда от Центральносибирского бюро партии Б. З. Шумяцким и опубликованный им в газете "Красноярский рабочий". Как мы знаем, Сталин встречался с Лениным незадолго до съезда, и, вероятно, во время этой встречи Ленин мог передать Сталину экземпляр своих тезисов.

Основные темы доклада уже знакомы нам по работам Ленина, относящимся к середине июля: это резкое изменение ситуации после июльских дней; установление военной диктатуры, объединившей правые политические силы и высшее армейское командование при поддержке умеренных социалистических партий; окончание периода мирного развития революции, равно как и возможности мирной передачи власти в руки Советов; утрата власти Советами; необходимость подготовки партии к свержению правой диктатуры и осуществлению новой революции под руководством городского пролетариата и при поддержке беднейших слоев крестьянства**.

тан в сборнике статей и речей Сталина за 1917 год "На путях к Октябрю", который вышел в 1924 году (с. 122–129). В отличие от манипуляций со сталинским докладом ЦК редакторы сочинений использовали некую смесь обоих вариантов, подвергнув их обычной редакторской правке. Так что, судя по всему, нет никаких свидетельств переработки Сталиным первоначального проекта доклада; скорее представляется вероятным, что текст, зачитанный Сталиным на съезде, включает *оба* эти варианта. С точки зрения изложения вариант Г порой производит более благоприятное впечатление, чем вариант В, а порой и наоборот. Я буду обращаться к обоим вариантам, исходя из предположения, что в совокупности они представляют приблизительно тот самый доклад, с которым выступил на съезде Сталин.

* Со в о к и н А. М. Указ. соч., с. 24.

** Шестой съезд..., с. 110–114.

Доклад примечателен своей откровенностью в анализе социальной структуры России: "Наше несчастье в том, что Россия — страна мелкобуржуазная, идущая за эсерами и меньшевиками, входящими в соглашение с кадетами, и до того момента, пока крестьянство не разочаруется в идее соглашения с верхов с низами, мы будем страдать и революция будет проваливаться".

Если дело обстояло именно так, докладчик счел необходимым рассмотреть вопрос, как же можно осуществить пролетарскую революцию в мелкобуржуазной стране: "Некоторые товарищи говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставятся во всех государствах, как необходимые вопросы". Однако в отличие от Германии, где "этот вопрос поставлен и обошелся без прямого и активного участия масс", в России рабочие были непосредственно вовлечены в экономическую жизнь страны, тем самым "ставится практически вопрос о социалистической революции".

Отвечая на вопрос, поставленный Рыковым на Апрельской конференции, — сможет ли отсталая, мелкобуржуазная Россия быть первой в осуществлении социалистической революции? — докладчик заявил: "Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия "подождала" с социалистическими преобразованиями, пока Европа не "начнет". "Начинает" та страна, у которой больше возможностей..." Тем самым докладчик отменил как "недостойный педантизм" колебания тех следовавших букве марксизма, которые настаивали, что Россия еще не готова для социалистической революции.

Что же касается формы, которую примет революция, то докладчик предсказывал национальное восстание:

"Полная ликвидация диктатуры империалистической буржуазии — вот что должно быть теперь очередным лозунгом партии.

Осуществление этого лозунга возможно лишь при условии нового мощного подъема в общерусском масштабе.

.....
Основными силами нового движения будут городской пролетариат и беднейшие слои крестьянства. Они и возьмут власть в свои руки в случае победы".

Ленинская стратегия включала как один из основных своих компонентов и возможность пролетарских революций на Западе. В том виде, в каком этот доклад был опубликован в августе 1917 года в газете "Пролетарий" (вариант Г), этой теме — лишь походя затронутой в протоколах съезда (вариант В) — уделял-

ется первостепенное значение: "...Взять власть мало. Надо еще удерживать ее, чтобы провести в жизнь социалистические преобразования. Для этого необходима поддержка со стороны революционных рабочих на Западе. Последние события особенно ярко вскрыли тесную связь русских империалистов с империалистами Запада. Но из этого следует, что такой же тесной должна быть связь русских рабочих с революционными рабочими Запада. *Без такой связи и поддержки русскую революцию легко будет задушить объединенным империалистам России и Запада.*

Поэтому задача партии: наряду с укреплением и расширением пролетарской армии в России — укреплять и расширять связи этой армии с революционными рабочими Запада**.

В этом отрывке — ключ к пониманию той основной идеи, которая воплотилась в теории революции Троцкого. Идеи, которую полностью разделял в 1917 году и Ленин.

Прения по докладу Сталина: девятое и десятое заседания

Если доклад, представленный Сталиным, на самом деле написал Ленин, то многие делегаты об этом факте даже не подозревали — во всяком случае, если судить по тому, как они его раскритиковали в ходе обсуждения**. "Перескок, предлагаемый т. Сталиным, — заявил московский делегат Н. С. Ангарский (Клестов), — не тактика марксизма, а тактика отчаяния". Преображенский сказал, что он не может согласиться с утверждением о неизбежности новых массовых волнений. Юренев обнаружил в докладе "ряд коренных противоречий".

Особым нападкам подвергся призыв Сталина отказаться от лозунга "Вся власть Советам!". По мнению Володарского, "нельзя клеймить форму, потому что состав Советов оказался неудачным".

Прения были еще в самом разгаре, когда председатель объявил о закрытии девятого заседания; прерванные дискуссии продолжились уже на десятом заседании, открывшемся в 10 часов утра 31 июля. Группа делегатов из Москвы во главе с В. Н. Подбельским подала список вопросов Сталину, которые так или иначе были связаны с позицией партии в отношении Советов:

1) Какие формы боевой организации рабочего класса предлагает докладчик вместо Советов рабочих депутатов.

2) Как практически сложится наше отношение к существующим Советам рабочих депутатов.

3) Наше отношение к тем Советам рабочих депутатов, где мы сейчас находимся в большинстве.

* Шестой съезд..., с. 285. Курсив мой.

** Там же, с. 118–119.

4) Конкретнее определить понятие "беднейшее крестьянство" и определить формы его организации в связи с нашим отношением к существующим Советам крестьянских депутатов**.

Отвечая на эти вопросы, Сталин впервые имел возможность лично принять участие в дискуссии и в общем оказался на высоте. Его основной довод сводился к тому, что решающее значение имеют не организационные формы, а классы. Согласно новой линии партии, необходимо передать власть в руки рабочих и беднейших крестьян; не следует призывать к свержению Советов, нужно просто перенести акцент в своей стратегии с Советов как учреждений на определенные классы.

Сталина поддержал делегат из Московской области Г. Я. Сокольников. Вспомнив определение, которое дал Ленин в 1905 году, он назвал Советы "органами восстания" и заявил, что только в этом качестве они могут способствовать переходу власти в руки рабочих. С ним не согласился В. П. Ногин: лозунг "Вся власть Советам!", сказал он, "остается революционным и поведет за собой массы".

Прежде чем председатель дал Сталину возможность выступить с заключительным словом, свое мнение высказали более десятка делегатов. Позиция, занятая Сталиным, оказалась весьма близка к ленинской: существующие Советы только организуют массы — политической власти у них более нет. Однако он довольно благосклонно отозвался о Советах и Центральном Исполнительном Комитете в том виде, в каком они существовали на данный момент. Вместе с тем даже контроль за Советами, предостерегал он, не обеспечит большевикам власти — для этого надо сначала свергнуть нынешнее правительство. В соответствии с ленинской концепцией Сталин назвал три фактора, которые должна иметь в виду партия, определяя свою стратегию: пролетариат России, крестьянство и европейский пролетариат**.

Завершилось десятое заседание выборами редакционной комиссии для выработки окончательного проекта резолюции о политическом положении, в которую вошло семь человек. Наряду с Бухариным, Бубновым, Сокольниковым, Милутиным, Ногиным и Ломовым в состав этой комиссии был, разумеется, включен и Сталин. Определяя ее состав, делегаты учли разногласия, которые наметились между большинством присутствовавших на съезде, поддерживавшим линию Сталина и Ленина, и группой делегатов из Москвы, отдавших предпочтение другому варианту резолюции.

* Шестой съезд..., с. 121–122.

** Шестой съезд..., с. 149.

**Одиннадцатое заседание:
доклады о партийной печати
и об экономическом положении**

Вечером 31 июля делегаты собрались на одиннадцатое заседание. В протоколах имя председателя не указано, однако, судя по тому, каким авторитетным тоном давал Свердлов указания при закрытии заседания, эти функции на сей раз исполнял он. Сталин либо отсутствовал, либо хранил полное молчание — во всяком случае, в протоколах нет о нем никаких упоминаний.

На рассмотрение делегатов было представлено два доклада: М. М. Харитонова о партийной печати и В. П. Милютинна об экономическом положении*. Согласно утверждению Харитонова, количество партийных газет и журналов после июльских дней осталось прежним, составляя 41 периодическое издание. Восемь газет, в том числе "Правда", были закрыты правительством, однако пять из них — включая "Правду" — стали выходить под другими названиями. Это был весьма нехитрый прием, действенность которого со всей наглядностью свидетельствовала о слабостях правительства.

Милютин в своем докладе основное внимание обращал на грозящую стране катастрофу. Главной ее причиной, утверждал докладчик, являются военные расходы правительства: только в первой половине 1917 года они достигли 10,5 миллиарда рублей. А расходы на весь этот год в целом он оценивал в сумму свыше 20 миллиардов. Причем это были еще довольно оптимистические прогнозы, если учесть стремительно ухудшающееся положение как в армии, так и в правительстве.

Экономическое положение рабочего класса, и без того достаточно тяжелое, по мнению Милютинна, грозило обостриться. Может произойти резкий рост числа забастовок, и большевики в отличие от меньшевиков и эсеров должны их поддержать. Момент, когда политический и экономический кризис достигнет наивысшей точки, станет моментом торжества политики партии, одним из пунктов которой является положение о рабочем контроле. Однако Милютин не удосужился уточнить, как партия сможет использовать такую возможность.

Закрывая заседание, Свердлов подчеркнул необходимость работы в секциях, на которые возложена подготовка резолюций; большинство делегатов согласилось с ним и проголосовало за отмену заседания, назначенного на 9 часов утра следующего дня. Так что 1 августа стало днем интенсивной работы редакционных комиссий, членом которых был и Сталин.

* Шестой съезд..., с. 147 (Харитонов), 150–155 (Милютин).

Двенадцатое заседание

В 11 часов утра 2 августа делегаты собрались на одно из самых важных заседаний съезда. В дискуссии доминировала одна-единственная тема — подготовка нового партийного устава, который должен был заменить старый, принятый в 1903 году на Втором съезде. Председательствовавший на заседании Свердлов пригласил на трибуну Харитонову для оглашения проекта нового устава*.

Отдельные пункты, сказал Харитонов, вызвали разногласия в комиссии по выработке проекта, например пункт 13, касавшийся Центрального Комитета. Численность ЦК предполагалось увеличить до 21 человека, из их числа планировалось создать более малочисленную группу, "узкий состав". Место, где он будет собираться, из соображений безопасности указано не будет. Именно в такой конспиративной форме и был впервые документально зафиксирован в партийной истории этот высший политический орган партии, предшественник будущего Политбюро. Споры, сказал Харитонов, вызвал и пункт 4, касающийся исключения из партии, — это было еще одним предзнаменованием грядущих событий.

Затем Свердлов пригласил С. М. Закса (Гладнева), чтобы зачитать проект устава пункт за пунктом. Обсуждение пункта 1 (кто может называться членом партии), пункта 2 (прием новых членов) и пункта 3 (партийные взносы) прошло спокойно; все три пункта были приняты в том виде, в каком они были выработаны комиссией. Исключение из партии (пункт 4) должны были осуществлять местные партийные органы, при этом предусматривалась возможность апелляции к районным или областным конференциям; окончательной инстанцией в этом вопросе объявлялся партийный съезд. В ходе обсуждения пункта 4 Свердлов внес одно из редких для него содержательных предложений, сочтя нужным добавить, что Центральный Комитет является одним из "высших партийных учреждений", уполномоченных рассматривать вопросы исключения из партии. Не желая лишать партийный съезд прерогатив высшей власти, большинство делегатов проголосовало против предложения Свердлова.

Обсуждение остальных пунктов прошло без особых происшествий. Никто из выступавших не высказал своего мнения по поводу "узкого состава" — ни за, ни против, — по всей видимости, делегаты расценили этот шаг к централизации власти как необходимый и желательный.

По предложению Преображенского был рассмотрен вопрос об отношении партии к проблеме национальных меньшинств; Сталин, несмотря на свой полуофициальный статус партийного

* Шестой съезд..., с. 166—178.

эксперта по национальному вопросу, никакого участия в этом обсуждении не принял, и никто даже не предложил ему высказаться.

**Пятнадцатое заседание:
Сталин представляет резолюцию
"О политическом положении"**

Открывшееся 3 августа после полудня заключительное заседание съезда оказалось одним из самых важных как для Сталина, так и для партии в целом. Снова председательствовавший на заседании Свердлов начал с того, что объявил доклад о профсоюзах, с которым выступил делегат от Петроградской организации Н. П. Глебов (Авилов) — ему суждено будет впоследствии стать комиссаром почт и телеграфа в первом большевистском правительстве. Глебов представил проект резолюции "Задачи профсоюзного движения", однако прежде, чем ставить ее на голосование, Свердлов дал слово Скрыпнику для содоклада "Партия и профессиональные союзы". Несмотря на попытки отдельных делегатов, никакой дискуссии по этим докладам фактически не получилось, и большинство присутствовавших проголосовало за предложение Ногина передать проекты представленных обоими докладчиками резолюций в Центральный Комитет для окончательного редактирования.

Свердлов нашел время для незапланированного доклада о национальной политике партии в Закавказье, который сделал делегат из Баку А. Юзуф-заде. Как и накануне, Сталин в обсуждении не участвовал, явно предпочитая роль партийного вождя роли эксперта по национальному вопросу. Он не нашел нужным ничего сказать и об объединении партии с левыми меньшевиками; этот вопрос поднял член группы "межрайонцев" Янсон.

Резолюция «О политическом положении», которую Сталин зачитал на пятнадцатом заседании, представляла собой исправленный вариант его же резолюции, предложенной на девятом заседании (с. 214). За отсутствием оригинала этого текста (он был изъят из протоколов) Совокин представил доказательства, позволяющие заключить, что внесенные поправки в первый вариант резолюции были направлены на то, чтобы привести его в большее соответствие с идеями Ленина, и что представленная Сталиным резолюция на деле была подготовлена Лениным*. Даже если принять аргументы Совокина (а они весьма убедительны), все равно Сталину пришлось пункт за пунктом защищать изложенную в резолюции позицию Ленина**.

* Со в о к и н А. М. Указ. соч., с. 9–25.

** Шестой съезд..., с. 241–251.

В пункте 1 четко и сжато сформулирован вывод Ленина о том, что Россия теперь подчиняется "диктатуре контрреволюционной империалистической буржуазии, опирающейся на военную клику из командных верхов и прикрываемой революционной ширмой вождями мелкобуржуазного социализма".

В пункте 2 дается ленинский классовый анализ Временного правительства и его взаимоотношений с Советом рабочих и солдатских депутатов. Только поддержка, оказываемая правительству эсеровскими и меньшевистскими лидерами Совета, спасла правительство и помешала мирному переходу власти к Советам.

Межрайонец Иоффе предложил поправку: "ввиду добровольного отказа вождей пролетариата от власти". Хотя такой отказ в действительности имел место, возразил Сталин, тем не менее "для нас важен объективный факт — недостаточная сознательность масс, руководимых эсерами и меньшевиками, а не мотив субъективный — нежелание вождей взять власть". Используя это довольно трудноуловимое различие, Сталин отверг поправку Иоффе, и делегаты проголосовали за то, чтобы ее не включать.

Некий таинственный делегат без права голоса по фамилии Павлович (в протоколах не были указаны ни его инициалы, ни организация, которую он представлял)⁷⁸ предложил добавить слова "например" или "главным образом" перед выражением "при военных поставках", аргументируя это тем, что мародерство при военных поставках является лишь одной из разновидностей буржуазного мародерства. Сталин признал обоснованность этого возражения, предложив добавить слова "главным образом", и делегаты поддержали его предложение.

Равич хотел подчеркнуть роль "иностранного капитала" в революции, особенно когда власть захватывает буржуазия, — Сталин ответил, что это ненужное добавление, поскольку роль капитала союзных стран уже упоминалась в предыдущем пункте. И большинство делегатов с ним согласилось.

В пункте 3 упоминалось о "мелкобуржуазности преобладающей массы населения России" как об одном из основных истоков народной мечты о мирном сотрудничестве рабочих и капиталистов, крестьян и помещиков. Здесь не возникло никаких дискуссий, и пункт был принят в том виде, в каком зачитан.

В пункте 4 говорится об упадке Советов под руководством мелкобуржуазных партий. Советы "переставали быть органами восстания, как и органами государственной власти". Советы поддерживают буржуазию, оттягивают созыв Учредительного собрания, медлят с передачей земли крестьянам, саботируют любые попытки преодолеть экономический кризис и готовят наступление.

В том, что касается готовящейся наступательной операции на фронте, Свердлов предложил поставить перед словом "наступление" вместо "поддержанная" — "с одобрения большинства

Советов". Это изменение Сталин считал приемлемым, и делегаты его одобрили.

Пункт 5 резюмировал в ленинских терминах ход классовой борьбы, как это показали июньские демонстрации и "стихийное движение 3—4 июля", кульминационным моментом которого стал переход мелкобуржуазных партий к коалиции с кадетами и к "открытой борьбе с революционным пролетариатом и революционными войсками". Все тот же самый безвестный Павлович предложил вставить фразу о "революционных войсках" в начале пункта, однако Сталин возразил, посчитав ее ненужной, и делегаты с ним согласились. Сталин также с успехом отвел несколько изменений в формулировках, предложенных межрайонцем Юреневым.

В пункте 6 вновь излагалась ленинская концепция "империалистической диктатуры" как истинного обладателя власти, с резкой характеристикой Центрального Исполнительного Комитета Советов, при "полнейшем бессилии и бездействии" которого осуществляется эта власть. Затем Сталин предложил добавить в пункте 6 следующее уточнение, которое редакционная комиссия вычеркнула из пункта 7: "Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли вовремя всей государственной власти в свои руки".

Двадцатисемилетний делегат из Московской областной организации В. И. Соловьев возразил Сталину, что это определение Советов не распространяется на Советы в провинции, которые продолжают укрепляться, но Сталин не сдал позиций: "...Не только в Питере, но и в провинции Советы лишились власти. Попробуй они теперь арестовать или устранить какого-либо чиновника, как это бывало прежде! За этим может последовать разгон Советов. Контрреволюция сильнее выразилась в столице, но она наступает и в провинции". Делегаты одобрили предложение Сталина дополнить пункт 6, хотя Юренев пытался смягчить жесткую характеристику Советов, убеждая делегатов вычеркнуть фразу об их "разложении". Но и здесь Сталин держался твердо. "Товарищи, — сказал он, — разложение Советов — объективный факт, и не нам, большевикам, скрывать факты". Это был риторический трюк, но он сработал; делегаты согласились с предложением Сталина внести поправки, и весь текст пункта 6 был ими одобрен.

В пункте 7 излагалось требование Ленина заменить лозунг "Вся власть Советам!" громоздким лозунгом "полной ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии".

В ходе дискуссии Скрыпник призвал дать еще более резкую формулировку необходимости борьбы с контрреволюцией, дабы провести размежевание между партией и теми, кого Скрыпник назвал "оппортунистами". Настроенный весьма благодушно, Сталин в принципе с ним согласился, однако заметил, что ника-

кой конкретной поправки Скrypник не внес. Тогда Смилга предложил вставить предложение, вычеркнутое редакционной комиссией:

”Лишь революционный пролетариат при условии поддержки его беднейшим крестьянством в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей новой революции в России”.

После того как Скrypник и Ногин выступили с комментариями пункта 7 — Сталин в его обсуждении участия не принимал, — он был принят с поправкой Смилги.

В пункте 8 акцентировалась роль партии в революционном восстании. Под ее руководством пролетариат должен организоваться и готовиться к тому моменту, когда общенациональный кризис и всеобщее массовое восстание создадут благоприятные условия для выступления городской и сельской бедноты на стороне рабочих против буржуазии.

Юрeнев предложил подчеркнуть значение Советов, упоминавшихся в этом пункте. Предложение Юрeнева Сталин принял, а делегаты одобрили. По мнению Соловьева, следовало вычеркнуть определение ”общенациональный” применительно к слову ”кризис”, но Сталин возразил: ”В данном случае мы именно хотим указать на размеры этого кризиса, на его общенациональный масштаб”. И делегаты согласились со Сталиным.

В пункте 9, заключительном пункте резолюции, подытоживалось все сказанное ранее. ”Задачей этих революционных классов, — говорилось в нем, — является тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества”.

Преображенский предложил более осторожную концовку: ”для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму”.

Таким образом, Преображенский высказал ту самую идею, за которую будет позднее осужден Троцкий; однако в тот момент она была частью ортодоксальной теории, разделяемой и Лениным. Ведь делегаты уже одобрили резолюцию Бухарина ”Текущий момент и война”, а в ней была предусмотрена необходимость мировой пролетарской революции как предпосылки для свержения капитализма в России*. Тем не менее Сталин дал резкую отповедь Преображенскому, получившую позже широкую известность.

”Не исключена возможность, — заявил Сталин, — что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем

* Шестой съезд..., с. 254.

в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего”*.

Точно так же, как идея Преображенского – прообраз троцкистской теории середины 20-х годов, это заявление Сталина – предвосхищение будущего учения о ”социализме в одной стране”. Однако позиция Сталина не отличалась новизной; почти то же самое говорил Ленин, дебатирова с Рыковым на Апрельской конференции (см. с. 92). Правда, одно существенное отличие все же было: отвечая Преображенскому, Сталин поднял дискуссию на более высокий уровень ”творческого марксизма”, заявляя тем самым претензии на лидерство в обход Ленина или любого другого партийного руководителя. Судя по протоколам, делегаты никак не прореагировали на дерзость Сталина. В протоколах всего лишь зафиксирован факт голосования, в результате которого предложение Преображенского не прошло, а Сталин получил перевес голосов.

Вернувшись к пункту 8, Юрнев предложил заменить слово ”бой” на слово ”выступление”, дабы убрать ”криминальность” упоминания о возможности ”боя”. Сталин с ним не согласился: ”Съезд не может исходить из ”криминальности” того или иного выступления. Если мы заменим слово ”бой” словом ”выступление”, то создается впечатление, будто мы отказываемся от всяких выступлений (демонстраций, стачек и т.д.), в то время как мы хотим удержать пролетариат только от боя, на который его хочет спровоцировать буржуазия”.

Предложение Юрнева было отклонено. На этом практически дискуссия кончилась: Сталин не отреагировал на два предложения, выдвинутые Скрыпником, и делегаты одобрили пункт 9 с поправками.

Неожиданно сменив тему, Сталин оглашает список партийных вождей, баллотируемых в Учредительное собрание. В список вошли Ленин, Зиновьев, Коллонтай, Троцкий и Луначарский. Это была весьма странная компания – совершенно непонятно, почему там не оказалось, например, Каменева или почему не был включен Бухарин? Почему туда попал Луначарский? Весьма вероятно, что Сталин сделал маневр, дабы приобрести популярность и влияние – впоследствии мы увидим, как он будет предпринимать подобные шаги в октябре, за несколько дней до

* Шестой съезд..., с. 250.

захвата власти. Никакого голосования по этому вопросу в протоколах не зафиксировано, только "шумные аплодисменты" — еще одно подтверждение того, что Сталин преследовал цели чисто тактического характера.

Далее делегаты быстро обсудили вопрос о названии этого съезда. Юренев предложил назвать его Петербургским съездом — во избежание конфликтов с меньшевиками-интернационалистами, которые вряд ли согласились бы называть его просто очередным, шестым по счету, большевистским съездом, в работе которого в силу договоренности принимали участие. Но Сталин решительно выступил за то, чтобы назвать его Шестым съездом, объясняя свою настойчивость тем, что большевики представляют основную массу пролетариата. Правда, в протоколах съезда это выступление приписывалось Преображенскому, но редакторы издания 1958 года, ссылаясь на опубликованные в период съезда сообщения в печати, утверждают, что предложение считать съезд Шестым поступило от Сталина*. Так или иначе, но делегаты проголосовали именно за это предложение.

Троцкий входит в руководство

Как проинформировал делегатов Свердлов, закрытое заседание, где был избран новый состав Центрального Комитета, приняло решение опубликовать "в случае нормального окончания съезда" — то есть если правительство не прервет насильственным образом его работу — новый список ЦК. Это предложение было поставлено на голосование съезда, но не прошло. Видимо, большинство делегатов предпочитало хранить имена своих вождей в тайне. Но поскольку какая-то гласность в этом вопросе была все-таки необходима, Орджоникидзе выдвинул предложение "огласить имена четырех членов ЦК, получивших наибольшее число голосов. Считаю необходимым сделать это, чтобы выразить солидарность съезда с избранными вождями партии"**. Был ли Орджоникидзе осведомлен о том, что четверка членов ЦК, возглавивших список избранных в этот орган на Апрельской конференции, как раз и составляла ту правящую верхушку ЦК, которая именовалась "узким составом"? И знали ли об этом остальные делегаты? Протоколы не дают ответа на эти вопросы; в них только значится, что предложение Орджоникидзе было встречено "шумными аплодисментами" и немедленно приведено в исполнение. Ленин, как было объявлено, получил 133 голоса из 134 возможных, Зиновьев — 132, а Каменев и Троцкий — по 131 голосу каждый.

* Шестой съезд..., с. 251.

** Там же, с. 252.

Вплоть до этого момента съезд протекал для Сталина вполне благоприятно — он сделал два важных доклада и хорошо зарекомендовал себя в качестве выразителя линии Ленина. Однако оглашение списка ведущих партийных лидеров, в котором вместо Сталина оказался Троцкий, наверное, было для него достаточно тяжким ударом. Как бы ни складывались их личные отношения до этого момента — а семена вражды уже были посеяны, — такая помеха на пути осуществления сталинских честолюбивых планов могла лишь усилить чувства обиды и неприязни.

Еще один удар по самолюбию Сталина нанес Свердлов, предложив не ему, а Ногину выступить с заключительным словом в связи с окончанием работы съезда. В кратком, но ярком выступлении Ногин говорил о трудном положении партии в сложившейся ситуации и о том славном будущем, которое ожидало ее как создателя нового социалистического общества. Ее почетная роль, заявил Ногин, имеет международный характер: "Наш съезд является прежде всего съездом интернационалистов действия, первым съездом, наметившим шаги к осуществлению социализма". Выступление было встречено "шумными аплодисментами", затем делегаты запели "Интернационал". Шестой съезд — как только что назвали его делегаты — Свердлов объявил закрытым.

Новый Центральный Комитет

Согласно комментарию опубликованных в 1958 году протоколов съезда, "список состава ЦК, избранного VI съездом партии, до настоящего времени не найден"* . Из этого же издания мы узнаем, что позднее Сталин, отвечая на запрос Истпарта, заявил, что, "кажется", число избранных членов ЦК составило 23 человека. Один из делегатов съезда, К. А. Козлов, — на его воспоминания в числе прочих источников ссылаются редакторы издания 1958 года — утверждал, что в состав ЦК тогда вошли 21 полноправный член и 10 кандидатов. В издании 1958 года приведен следующий список:

В. И. Ленин
Артем (Ф. А. Сергеев)
Я. А. Берзин
А. С. Бубнов
Ф. Э. Дзержинский
А. М. Коллонтай
М. К. Муранов
В. П. Ногин
Я. М. Свердлов

* Шестой съезд..., с. 439, прим. 229.

И. В. Сталин
М. С. Урицкий
С. Г. Шаумян

Список кандидатов, согласно тому же источнику, включал следующих:

П. А. Джапаридзе
А. С. Киселев
Г. И. Ломов
Н. А. Скрыпник
Е. Д. Стасова

В этих списках сразу же бросается в глаза один кардинальный недостаток: в нем опущены имена трех или четырех вновь избранных членов ЦК, набравших наибольшее число голосов, — Зиновьева, Каменева и Троцкого. Однако даже если и включить эти имена, все равно остаются неучтенными шесть или восемь членов — в зависимости от того, какое общее число мы примем за соответствующее действительности. Более надежным источником является многотомная официальная "История Коммунистической партии Советского Союза"; в ней к списку, приведенному в изданных в 1958 году протоколах, добавляются имена не только Зиновьева, Каменева и Троцкого, но также и Бухарина, Крестинского, Милютина, Рыкова, Смильги и Сокольников — иными словами, этот список включает имена ряда партийных лидеров, которые позднее оказались жертвами сталинской чистки⁴. Что же касается кандидатов, то тот же самый источник приводит в дополнение к списку, указанному в изданных в 1958 году протоколах, следующих:

А. А. Иоффе
А. Ломов
Е. А. Преображенский
В. Н. Яковлева

То, что троих из них нет в списке 1958 года, объясняется тем, что они впоследствии стали жертвами чистки.

Сталин на Шестом съезде: баланс

Как же оценить общие итоги деятельности Сталина на Шестом съезде партии? Ответ на этот вопрос зависит от того, каким аршином мерить его поступки. Если в качестве критерия взять верность взглядам Ленина и то, насколько послушно он донес их до аудитории, тогда поведение Сталина заслуживает вполне приличной, хоть и не слишком высокой оценки. Следуя главным пунктам ленинского учения — диктатура "контрреволюционной

* История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. М., Издательство политической литературы, 1964, т. 3, часть I, с. 197.

буржуазии"; отказ от лозунга "Вся власть Советам!"; подготовка вооруженного восстания, опирающегося на рабочих и беднейших крестьян и нацеленного на осуществление социалистической революции, — Сталин добился неплохих результатов.

С другой стороны, к числу явных промахов следует отнести то, что в самом начале съезда он возобновил дискуссию по вопросу о явке Ленина на суд, а также выдвинул предложение о том, что при наличии надежных гарантий безопасности Ленину следует подчиниться приказу об аресте и суде. Принимая участие в дискуссиях по этому вопросу сразу же после июльских дней, Сталин твердо и непреклонно выступал за неявку Ленина на суд. Что же потом поколебало эту его уверенность? Может быть, в конце июля арест и суд над Лениным стали ему казаться не такими опасными? Поскольку эта переориентация совпала по времени с его выдвижением в число партийных лидеров самого высокого ранга, не исключено, что Сталин — пусть и бессознательно — способствовал такому развитию событий, при котором отсутствие Ленина облегчит хотя бы ненадолго его дальнейшее продвижение наверх.

О том, что такие мысли, вполне возможно, посещали Сталина, свидетельствует его поразительное высказывание о "творческом марксизме". Претензии на право "творческой" интерпретации марксизма вполне равнозначны заявкам на право осуществлять верховное руководство партией, ибо есть ли более священный атрибут власти, чем привилегия формулировать текущую стратегию в терминах основополагающей марксистской доктрины? Этой привилегией весьма широко пользовался Ленин — именно на этом и основывалось его особое положение в партии. Правда, Ленину, с ненасытной жадностью вновь и вновь читавшему и досконально знавшему произведение Маркса, почти всегда удавалось обнаружить в них что-нибудь такое, что подходило для обоснования вводимых им новшеств. Сталин был куда меньше начитан в священном марксистском писании, и потому для подтверждения своих позиций ему не оставалось ничего иного, кроме претензий на "творческий" подход к марксизму.

Сталин всегда мог сослаться на авторитет Ленина — ведь именно его взгляды он отстаивал. Однако ни на одном заседании Шестого съезда Сталин ни разу не упомянул имя Ленина для подкрепления собственных позиций, и даже в редакционных вставках в текст доклада Центрального Комитета (с. 205) имя Ленина упоминалось лишь вскользь и без особого пиетета.

Выступая сразу же после июльских событий на различных партийных мероприятиях, Сталин не скрывал своего несогласия с утверждением Ленина об упадке Советов. Несколько недель спустя, во время Шестого съезда, он вносит в ленинскую трактовку вопроса о Советах собственные коррективы. Ленин не считал Советы основным механизмом революции и

призывал к всеобщему вооруженному восстанию силами рабочих и беднейших крестьян. Разделяя эти взгляды Ленина, Сталин, по сути дела, отстаивал стратегию, которую не позволит осуществить реальная обстановка, сложившаяся в октябрьские дни.

Присутствие Троцкого на Шестом съезде было скорее символическим, однако от этого оно вовсе не стало менее действенным. Намеренно добиваясь своего собственного ареста, Троцкий вел игру, принесшую ему солидные барыши — красноречивым свидетельством тому были результаты голосования при выборах в ЦК⁷⁹. Если бы Троцкий присутствовал на съезде, ему пришлось бы принимать участие в дискуссиях, определять свои позиции по спорным проблемам, отвечать на вопросы. Издали Троцкий представлялся более внушительной фигурой, чем если бы он находился в зале.

Вступление Троцкого в партию было для Сталина событием в высшей степени неблагоприятным. Проявив характерную для него осторожность, Сталин включил имя Троцкого в список кандидатов в Учредительное собрание, но стремительный взлет Троцкого на командные высоты в партии радовать его никак не мог.

Троцкому предстоит оставаться в тюрьме вплоть до начала сентября. Ленин не вернется в Петроград до начала октября. Август станет для Сталина последним шансом продемонстрировать свои способности на роль вождя партии.

V.

АВГУСТ

Август месяц мог бы стать для Сталина одной из вершин его карьеры. По собственной воле или в силу обстоятельств другие партийные лидеры в тот момент отсутствовали или оказались вне игры, освободив Сталину обширное поле деятельности, где он мог показать, на что способен. Но на деле август обернулся для него цепью упущенных возможностей и грубых просчетов, вновь отбросив его назад к неизвестности. Причины такого поворота событий удачно определил Троцкий: "Прилив массового движения и возвращение к работе временно оторванных от нее членов ЦК, естественно, отбрасывают его от той выдающейся позиции, которую он занял в период июльского съезда. Его работа развертывается в закрытом сосуде, неведомая для масс, незаметная для врагов".

Ссылаясь на изданную в 1924 году Истпартом четырехтомную хронику революции, Троцкий добавляет: "Сталин не упомянут вовсе. В указателе, заключающем около 500 собственных имен, имени Сталина нет. Это значит, что печать не отметила за эти два месяца ни одного из его действий, ни одной из его речей и что никто из более видных участников событий ни разу не назвал его по имени"*.

Источники партийной истории за август и начало сентября

Для историков революции и биографов Сталина август 1917 года можно считать информационным оазисом в пустыне отсутствующих или недоступных им источников. Начиная с заседания Центрального Комитета 4 августа и вплоть до первых месяцев 1918 года мы располагаем четкими, методично составленными

* Т р о ц к и й Л. Указ. соч., с. 303.

** Там же, с. 304.

протоколами заседаний ЦК; всего их 46, и более половины, 29, относятся к периоду до момента захвата большевиками власти.

Вдобавок к этим протоколам ЦК в нашем распоряжении есть еще и работы Сталина. В августе Сталин опубликовал 20 статей — это и короткие заметки, и большие статьи или передовицы. Они печатались почти ежедневно, а значит, Сталин каждый день что-то писал. Самый длительный перерыв между публикациями — четыре дня, с 9 по 13 августа.

Одной из удивительных особенностей августовских публикаций Сталина было то, что ни одна из них не носила никаких указаний на его авторство. Лишь с 6 сентября Сталин снова стал подписывать статьи партийной кличкой — полностью или сокращенно ("К. Ст." — 6 сентября, "К. Сталин" — 9 сентября и "К" — 12 сентября). Таким образом, в августе он не смог воспользоваться преимуществами одного из доступных ему легальных средств, чтобы регулярно напоминать о себе широкой публике и обозначить свои позиции в оценке революции. Блестящий журналист Троцкий выносит журналистским трудам Сталина в августе — сентябре уничтожающий, но не лишенный оснований вердикт: "О газетной работе самого Сталина за этот период сказать почти нечего. Он был редактором центрального органа не потому, что был писателем по природе, а потому, что не был оратором и вообще не был приспособлен для открытой арены. Он не написал ни одной статьи, которая привлекла бы к себе внимание; не поставил на обсуждение ни одного нового вопроса; не ввел в оборот ни одного лозунга. Он комментировал события безличным языком в рамках взглядов, установившихся в партии. Это был скорее ответственный чиновник партии при газете, чем революционный публицист"*.

Дейчер сдержанно хвалит работу Сталина в газете в тот период. Он отмечает "простой и острый стиль" его статей, но и он при этом не обходится без пренебрежительных комментариев: "На самом деле сталинские статьи не представляли большой ценности для большевистской пропаганды"**.

Создание и функции "узкого состава"

Наиболее важной организационной задачей вновь избранного Центрального Комитета стало формирование "узкого состава" —

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 303.

** Deutscher I. Op. cit., p. 156.

политического органа, предусмотренного новым Уставом партии. Этот вопрос был поставлен на первом после съезда заседании ЦК, состоявшемся 4 августа*. Наряду со Свердловым, Бухариным и Дзержинским на заседании присутствовал и Сталин.

Участники заседания решили установить численность "узкого состава" в одиннадцать человек; предложение ограничиться девятью членами в результате голосования было отклонено. Демонстрируя свои организационные способности, Сталин выдвинул предложение, чтобы функции членов "узкого состава" были строго разграничены. Это предложение прошло.

Поименно члены "узкого состава" были названы на следующем заседании ЦК — 5 августа**. Кандидатуры Сталина и Свердлова сомнений не вызывали; кроме них, в "узкий состав" вошли: Сокольников, Дзержинский, Милютин, Урицкий, Иоффе, Муранов, Бубнов, Стасова и Шаумян. Шаумяна тогда еще не было в Петрограде, и до его прибытия это место должен был занимать Смилга. ЦК исходил из принципа, что непременно условием избрания — более важным, чем престиж или статус, — является физическое присутствие человека. Сталин оказался единственным, кто перекочевал сюда из "апрельского бюро".

Был ли "узкий состав", как полагает Адам Улам, действительно предшественником Политбюро?*** С точки зрения возложенных на него функций по руководству и определению политической линии, сходных с теми, которые позднее будет выполнять Политбюро, на этот вопрос можно с полным основанием дать утвердительный ответ. Его конкретный состав, однако, олицетворял почти демонстративное пренебрежение к реалиям власти в партии. Он был слишком многочисленным и слишком пестрым, чтобы выполнять роль политического органа. В "узкий состав" не вошли такие партийные лидеры, как Ленин, Зиновьев, Каменев и Троцкий; с другой стороны, включение таких фигур третьего или даже четвертого ранга, как Милютин и Муранов, не способствовало тому, чтобы на деле осуществлять руководство партией.

Как показали дальнейшие события, "узкому составу" суждено было весьма короткое и не слишком богатое внешними событиями существование. В протоколах зафиксировано всего семь его заседаний: 6, 8, 13, 14, 16, 20 и 23 августа, — после чего его политические функции взял на себя полный состав ЦК. За исключением предложения, выдвинутого на заседании 4 августа, Сталин не внес в работу "узкого состава" никакого реального вклада, о котором секретарь счел бы нужным упомянуть в про-

* Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917—февраль 1918. М., Госполитиздат, 1958, с. 3—5.

** Там же, с. 6—7.

*** U l a m A. B. Op. cit., p. 150.

токолах. "Узкий состав", с его разношерстной командой и отсутствием реальных партийных лидеров, неизбежно должен был отойти в тень, едва лишь эти лидеры получили в сентябре возможность вернуться к активной деятельности.

Образование Секретариата

Решение образовать Секретариат Центральный Комитет принял на заседании 6 августа*. Секретариат должен был заниматься организационными вопросами. В него вошло пять человек, которые одновременно являлись членами ЦК. Так по инициативе ЦК был создан первый прецедент тесного взаимодействия между ЦК и Секретариатом. Членами Секретариата были названы Дзержинский, Иоффе, Свердлов, Муранов и Стасова. Никакого председателя официально назначено не было, однако было заранее предрешиено, что эту роль, *de facto*, если не *de jure*, по-прежнему сохранит за собой Свердлов.

Поскольку Секретариат занимался организационной стороной деятельности ЦК, то рано или поздно должен был превратиться в доминирующий орган партии. Благодаря четкой и бесперебойной работе Секретариата при Свердлове не было видно, как функционировали отдельные части партийной машины. Разумеется, в 1917 году Сталин и не подозревал о тех возможностях, которые были заложены в Секретариате для создания аппарата личной власти. Распознай их тогда Сталин — и он без труда обошел бы такие второстепенные фигуры, как Иоффе или Муранов, и занял место в Секретариате. Но он пренебрег этой перспективой, наглядно доказав, какая глубокая пропасть существовала в то время между его амбициями и реальной способностью добиться тех командных постов в партии, которые позволили бы ему их реализовать.

Реорганизация партийной печати

Одним из вопросов, рассмотренных Центральным Комитетом на заседании 4 августа, была реорганизация партийной печати**. Из-за преследований Временного правительства пришлось приостановить публикацию "Правды". Военная организация тем временем по-прежнему выпускала газету "Солдат", а Петербургский комитет настойчиво добивался права на свою собственную газету.

В этой обстановке ЦК принял решение забрать "Солдата" у

* Протоколы..., с. 13.

** Протоколы..., с. 4.

ВО и превратить его в официальный партийный орган; при этом оговаривалось, что ни ВО, ни ПК своей газеты иметь не положено. На выборах в редколлегия Сталин получил наибольшее число голосов — 13, за ним шли Сокольников и Милютин, набравшие каждый по 12 голосов. В результате Сталин стал главным редактором.

Затем ЦК обсудил вопрос о включении в состав редколлегии Троцкого, если он будет освобожден из тюрьмы. С небольшим перевесом — 11 голосов против 10 — предложение было отклонено. Однако встреча Сталина и Троцкого в редколлегии была только отсрочена — освобожденный 4 сентября из тюрьмы, Троцкий два дня спустя появится на заседании ЦК и тут же станет членом редколлегии.

Партийные издания

Вопрос о партийных изданиях был поднят 20 августа на восьмом заседании "узкого состава"*. Сталин получил сразу несколько назначений. Его избрали одним из пяти членов редколлегии газеты "Вперед" — органа ЦК, специализирующегося на массовой пропаганде. Он вошел также в редколлегию теоретического партийного журнала "Просвещение", проводившего линию Циммервальдских левых. Сталин оказался вовлечен и в деятельность партийного издательства "Рабочий", которым должна была руководить редколлегия, уже сформированная для газеты "Вперед".

Однако в редколлегии журнала "Просвещение" Сталин продержался недолго. Троцкий вспоминает: "6 сентября — после освобождения из тюрьмы Троцкого — Сталин и Рязанов заменяются в редакции теоретического журнала Троцким и Каменевым"**. Таким образом в растущий список ран, нанесенных Сталину Троцким, добавилась новая, тем более болезненная для Сталина, что свидетельствовало о том, как низко оценивает партия его способности теоретика по сравнению с Каменевым и Троцким. Дейчер комментирует: "После съезда (Шестого. — P.C.), когда стали выходить из тюрьмы сначала Каменев, затем Троцкий, Луначарский и другие, Сталин вновь отошел в сумерки кулис"***.

Каменев под подозрением

Первым из заключенных в тюрьму большевистских лидеров оказался на свободе Каменев. Он был отпущен на поруки в на-

* Протоколы..., с. 26–27.

** Троцкий и Л. Указ. соч., с. 304.

*** Deutscher I. Op. cit., p. 155.

чале августа. Однако должен был пройти почти месяц, прежде чем он смог вновь приступить к активной работе в большевистской партии и в Петроградском Совете. Причиной тому послужило предъявленное ему обвинение. На заседании 4 августа ЦК заслушал сообщение Ногина о распространившихся слухах, будто Каменев сотрудничал с киевской «охранкой»*. Если бы слухи действительно подтвердились, они несомненно положили бы бесславный конец политической карьере Каменева.

10 августа сообщение о предъявленном Каменеву обвинении было опубликовано министерством юстиции и буржуазной прессой. Ввиду того что Каменев являлся членом Центрального Исполнительного Комитета Советов, ЦИК учредил комиссию для проверки ходивших слухов. На заседании ЦК большевистской партии 6 августа Сталину поручили связаться с этой комиссией**.

Официально обвинение было снято с Каменева 30 августа, и он немедленно возобновил активную политическую деятельность, в тот же день приняв участие в заседании "узкого состава" и активно подключившись к работе ЦИКа Советов.

Каменев захватывает инициативу

31 августа на заседании Центрального Исполнительного Комитета Каменев выдвинул резолюцию "О власти", сразу же живо заинтересовавшую большевиков и представителей радикального левого крыла умеренных социалистических партий***⁸⁰. Обсуждение и одобрение резолюции стали единственным пунктом повестки дня состоявшегося 31 августа расширенного заседания большевистского Центрального Комитета при участии представителей большевистской фракции ЦИКа и Петроградского Совета****.

Каменев призывал к коренной реорганизации государственной власти. Из правительства следовало исключить кадетов и вообще всех представителей правящих классов. Правительственная политика "соглашательства и безответственности" должна быть "в корне изменена". Вместо Временного правительства он предлагал "создание из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти". Новому правительству следует осуществить целый ряд мероприятий:

"1) Декретирование демократической республики.

* Протоколы..., с. 3.

** Там же, с. 13.

*** Там же, с. 37-38.

**** Протоколы..., с. 36.

2) Немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов впредь до решения Учредительного собрания с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

3) Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением. Национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной, металлургической; беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи.

4) Объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира”.

В число ”немедленных мер”, которые необходимо было предпринять, входили следующие:

”1) Прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций. Немедленная отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации и всех демократических организаций в армии. Очищение армии от контрреволюционного командного состава.

2) Выборность комиссаров и других должностных лиц местными организациями.

3) Осуществление на деле права наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь удовлетворение требований Финляндии и Украины.

4) Респект Государственного совета и Государственной думы. Немедленный созыв Учредительного собрания.

5) Уничтожение всех сословных (дворянских и пр.) преимуществ, полное равноправие граждан”*.

Каменев проделал основательную работу. Единственное, чего не хватало в его резолюции, это призыва к новой революции.

31 августа большевистский ЦК одобрил резолюцию Каменева, не внося в нее никаких изменений** . На заседании, где она обсуждалась и принималась, присутствовал Сталин. Никаких конкретных выступлений в протоколах не зафиксировано, там только упоминается ”дискуссия, в которой принимали участие все присутствующие”. Между тем весьма примечательно, что первое в августе отсутствие Сталина на заседаниях ЦК было запроколировано на вечернем заседании 31 августа, не было его и на заседании 3 сентября. Энергичный почин Каменева сразу же заставил Сталина отойти в тень. Следует ли удивляться, что после этого он стал менее регулярно посещать заседания ЦК.

Между тем резолюцию Каменева одобрили не только большевики. Вечером 31 августа она обсуждалась также Петроград,

* Протоколы..., с. 37–38.

** Там же, с. 37.

ским Советом; дебаты продолжались всю ночь и закончились лишь в половине шестого утра 1 сентября. Альтернативное предложение, выдвинутое эсерами, было отклонено, а резолюция Каменева принята*. Александр Рабинович пишет: "Впервые на заседании 31 августа явное большинство присутствовавших депутатов проголосовало по политическому вопросу вместе с большевиками".

Однако этого сдвига влево оказалось недостаточно, чтобы повлиять на высший эшелон власти, определявший политику Совета. На продолжительном заседании, закончившемся 2 сентября, Центральный Исполнительный Комитет отклонил резолюцию Каменева, так же как и другой ее вариант, представленный Мартовым от имени меньшевиков-интернационалистов, и принял вместо этого резолюцию, проект которой был составлен меньшевиками-центристами и эсерами. Они выступали за скорейший созыв Учредительного собрания, но одновременно обещали поддержать незадолго до этого родившиеся планы Керенского о создании Директории из пяти человек**. От большевиков в дебатах участвовали Каменев и Рязанов; Сталин если и присутствовал, то хранил глубокое молчание.

Согрудничал ли Сталин с Каменевым при подготовке резолюции от 31 августа? На такую мысль наводит редакционная статья "Мы требуем", опубликованная в газете "Рабочий путь" от 28 августа без авторской подписи, но включенная впоследствии редакторами в собрание сочинений Сталина***.

Редакционная статья Сталина обнаруживает большое сходство с резолюцией Каменева. Практически каждый пункт сталинской программы воспроизводится в резолюции Каменева. Различие заключается в расположении материала и формулировке основных пунктов. Переставив на более видное место предложения о земле, рабочем контроле и мире, Каменев заострил внимание на трех основных большевистских лозунгах. А поскольку Каменев был лучше знаком со структурой и деятельностью государственных учреждений, он включил в свою программу ряд пунктов, которых совсем не было у Сталина. Например, выборность должностных лиц в местных учреждениях, роспуск Государственного совета и Государственной думы и уничтожение всех сословных привилегий.

Но главное различие между этими двумя документами со-

* R a b i n o w i t c h A. The Bolsheviks Come to Power. The Revolution of 1917 in Petrograd. N.Y., Norton, 1976, p. 161:162.

** Ibid., p. 164.

*** С т а л и н И. В. Соч., т. 3, с. 256-260.

стояло в том, как они были использованы. Сталинская редакционная статья, при всей ее общедоступности, оставалась всего лишь газетным материалом даже без подписи, которая бы удостоверяла личность автора. А резолюция Каменева сразу стала частью политической жизни революционного Петрограда; она была подхвачена сначала большевистским ЦК, затем Петроградским Советом и, наконец, несколько позже оказалась предметом широкой дискуссии — хоть и не была одобрена — в Центральном Исполнительном Комитете.

Какова же была в действительности роль Сталина в этом эпизоде? Явное сходство обоих документов фактически исключает возможность простого совпадения. Может быть, Сталин подготовил черновой проект, который Каменев потом отшлифовал и представил широкой публике? Или Сталин — непосредственно или каким-нибудь окольным путем — получил от Каменева рабочий вариант резолюции, а потом выдал ее за свое собственное произведение, из осторожности надев маску анонимности?

Что ни говори, в любом случае этот эпизод не принадлежал к числу тех, которыми Сталин мог бы гордиться. Ведь если он действительно приложил руку к подготовке этого документа, то почему бы ему тогда не признать своего соавторства — либо поставив свою подпись под редакционной статьей от 28 августа, либо публично объявив себя одним из авторов резолюции? Ведь резолюция Каменева — Сталина была бы весомее и авторитетнее документа, представленного каждым из них в отдельности, как-никак Сталин был уже тогда признанным членом большевистского руководства.

В этом эпизоде явно обращает на себя внимание одна деталь: речь идет о сталинской осторожности, его нежелании публично связывать себя какими бы то ни было обязательствами, а также его настойчивом стремлении сделать так, чтобы другие брали на себя весь риск, а он в случае благоприятного развития событий мог бы пожинать плоды популярности и признания.

К концу августа темп развития революционных событий стал ускоряться, создавая благоприятные условия для тех, кто был склонен делать ставку на неизвестное будущее. Но это было явно не сталинское амплуа. Те качества и таланты, которые верой и правдой служили ему до сих пор, оказались обесценены на новом, критическом этапе развития революции, который стал стремительно обретать очертания.

Вновь появляется Зиновьев

Почти весь август Зиновьев был вынужден скрываться. На девятом заседании 30 августа Центральный Комитет рассмотрел

просьбу Зиновьева разрешить ему вернуться к партийной деятельности*. ЦК вынес решение развернуть кампанию с требованием об освобождении арестованных в июле партийных вождей, а также "возвращении на свои посты преследуемых вождей рабочего класса — Ленина, Зиновьева и др."

Впервые после выдвинутого против него обвинения Зиновьев появился на заседании ЦК вечером 31 августа. Он уже начал сотрудничать в партийной печати: 30 августа в газете "Рабочий путь" была опубликована неподписанная статья Зиновьева "Чего не делать"**. Главная цель ее — предостеречь против подготовки партии к вооруженному восстанию. При этом Зиновьев ссылался на печальный опыт Парижской коммуны 1871 года.

Будучи главным редактором, Сталин пропустил публикацию статьи без всяких комментариев, что Троцкий расценил как характерную для Сталина склонность никогда до конца не поддерживать линию партии. Ленин немедленно, 3 сентября, пишет статью, в которой дает резкий отпор Зиновьеву***. Троцкий комментирует: "Не упоминая имени Зиновьева, Ленин написал 3 сентября: "Ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. ...Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира".

"Удар по Зиновьеву бил рикошетом по редактору газеты. Но Сталин промолчал. Он готов анонимно поддержать выступление против Ленина справа. Но он остерегается ввязываться сам. При первой опасности он отходит в сторону"****.

Разногласия с Военной организацией

Между тем Сталин растревожил осиное гнездо. На заседании 13 августа ЦК поручает Сталину довести до сведения ВО дурные вести о том, что ЦК отбирает у нее газету "Солдат", намереваясь превратить ее в официальный партийный орган*****. Это поручение не обещало быть легким даже при самых благоприятных обстоятельствах. Сталин же, со свойственными ему властностью и высокомерием, умудрился еще более обострить ситуацию.

Встреча с ВО произошла 13 августа. Согласно официальной

* Протоколы..., с. 32.

** Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 345, n.2.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 248–256.

**** Троцкий Л. Указ. соч., с. 303.

***** Протоколы..., с. 20.

жалобе, направленной ВО в ЦК и запротоколированной пятнадцатого числа, "гов. Сталин, которому было поручено провести в жизнь это постановление ЦК, заявил, что разговаривать ему с представителями Центрального бюро военных организаций не о чем, что, раз постановление ЦК состоялось, оно должно быть исполнено без всяких разговоров". Аналогичное заявление, говорилось в жалобе ВО, сделал Смилга относительно принадлежавших "Солдату" денежных средств. ВО считает такое поведение "недопустимым"; подобные меры "не являются случайностью, а с момента изменения прежнего состава ЦК обратились в прямую систему гонений и репрессий чрезвычайно странного характера... Центральное бюро военных организаций требует от ЦК *немедленного нормального урегулирования вопроса о формах взаимоотношений этих двух организаций, считаясь с тем, что существующее положение вещей тормозит работу Центрального бюро военных организаций, возложенную на него Всероссийской конференцией военных организаций*"*.

Все эти сильные выражения явно адресовались Сталину. Неудивительно, что заявление ВО от 15 августа оставалось погребенным в архивах в период культа; то обстоятельство, что оно все-таки сохранилось и опубликовано, — большая удача для историка, ибо со всей наглядностью показывает, насколько в 1917 году у Сталина уже проступали те характерные черты, которые обычно принято относить к более позднему периоду его карьеры.

Резкое заявление ВО было рассмотрено "узким составом" 16 августа**. Требование ВО об автономии было решительно отведено, однако "узкий состав" подчеркнуто воздержался от того, чтобы скрепить своей печатью самоуправство Сталина. Более того, его члены выказали явное намерение смягчить гнев ВО. «Признано желательным, — гласило решение ЦК, — издание газеты для солдат. Таковой газетой остается "Солдат". ЦК поручает издание этой газеты теперешнему составу редакции и вводит туда члена ЦК с правом veto. Назначение редакции принадлежит ЦК. Военное бюро может предлагать тот или иной состав на утверждение ЦК. Для переговоров с Военным бюро и установления правильных взаимоотношений между ним и ЦК назначаются Свердлов и Дзержинский. Им же поручается временное наблюдение за редактированием "Солдата"».

Этот инцидент наглядно показывает, насколько далеко уже тогда зашли претензии Сталина отождествлять свои собственные амбиции с непререкаемым авторитетом партии. Правда, в августе 1917 года эти претензии еще можно было пресечь, как-то обуздать. Решение, которое нашел ЦК, чтобы урегулировать конфликт, неявно подразумевает и порицание Сталина, так и не

* Там же, с. 26–27. Курсив мой.

** Протоколы..., с. 22–23.

сумевшего выполнить порученное ему дело — осуществить захват "Солдата". В протесте ВО слышатся отзвуки все тех же нежелательных "личных черт" Сталина, о которых уже шла речь в марте месяце (с. 20).

Решение ЦК направить для расследования этого инцидента Свердлов и Дзержинского явилось событием, непосредственно затрагивающим положение Сталина в партии. Уже не в первый раз приходилось Свердлову улаживать возникшие по вине Сталина недоразумения — ведь это к нему обратился в 1913 году Ленин, когда потребовалось урегулировать обстановку, сложившуюся в редакции "Правды" по вине Сталина, действовавшего наперекор желанию Ленина.

Августовский инцидент предоставил Свердлову возможность освежить в памяти впечатления о слабостях и изъянах в характере Сталина. Вполне возможно, что вся эта неприятная для Сталина история сыграла немаловажную роль, когда Свердлов занимался подбором команды, которой предстояло осуществить захват власти в октябре.

Корниловский мятеж

К моменту завершения работы Шестого съезда Сталин в общих чертах уже усвоил ленинский подход к оценке создавшейся в стране расстановки сил. В августовских событиях Сталин усмотрел доказательства, подтверждавшие его собственную, совпадавшую с ленинской, точку зрения, будто в стране уже установилась или находится в стадии становления правая военная диктатура. Именно в этом контексте и рассматривал Сталин открывшееся 12 августа Государственное московское совещание, на которое собралось около двух с половиной тысяч участников. В статье, опубликованной 13 августа, Сталин утверждал:

"Сомнения невозможны: дело идет к утверждению и оформлению военной диктатуры"*.

В свете этого Сталин рассматривал и разразившийся к концу августа конфликт между главой правительства Керенским и верховным главнокомандующим генералом Лавром Корниловым. В неподписанной редакционной статье, опубликованной 28 августа, Сталин попытался приуменьшить значение конфликта:

"В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контрреволюция, а два различных метода контрреволюционной политики..."**

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 200—205.

** Там же, с. 258.

То же самое объяснение Сталин продолжает выдвигать и в своих журналистских опусах конца августа и начала сентября. Чего явно не хватало в сталинском анализе этих событий, так это какого бы то ни было признания руководящей роли, которую могла бы сыграть партия, используя она этот конфликт в своих собственных целях.

Совершенно иной была реакция Ленина. В стремительно углублявшейся пропасти между Керенским и высшим армейским командованием Ленин усмотрел блестящие перспективы, открывавшиеся для большевистской партии. 18 – 19 августа он пишет: "Теперь задача была бы *взять власть* самим и объявить себя правительством во имя мира, земли крестьянам, созыва Учредительного собрания...

✕ Теперь в Москве, если вспыхнет стихийное движение, лозунг должен быть именно *взятия власти*"**.

Когда 30 августа Ленин узнал об открытом конфликте между Керенским и Корниловым, он ликовал. В своем конфиденциальном послании в ЦК он писал:

"Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архисторожным, чтобы не впасть в беспринципность".

Ленин имеет в виду резкое различие между тем, чтобы *поддерживать* Керенского, и тем, чтобы *воевать* с Корниловым.

"Мы будем воевать, — пишет Ленин, — мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя"***.

Такая стратегия, считал Ленин, способна привести партию к власти. Но для этого необходимо соблюдать осторожность и секретность. "...*Говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим)"****.

Ключевой фактор, утверждал Ленин, — это действия масс, которые должны активизировать большевистская пропаганда и агитация: "Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их..."*****.

Ленин ни на минуту не забывал о войне: "В войне против немцев именно теперь нужно *дело: тотчас и безусловно предложить*

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 77–78.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 119–120.

*** Там же, с. 121. Курсив мой.

**** Там же.

мир на точных условиях. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную...”*

Письмо Ленина в Центральный Комитет для публикации не предназначалось; так что, казалось бы, никаких проблем для Сталина как главного редактора партийного органа оно создать не могло. И все-таки оно поставило его в весьма затруднительное положение, поскольку в нем настоятельно выражалось требование поднять массы против режима Керенского. А удовлетворить это требование могли только партийные лидеры с ораторскими талантами, которыми явно не был наделен Сталин, но которыми более, чем кто-либо другой, в полной мере обладал Троцкий.

С момента получения и прочтения в Центральном Комитете письма Ленина от 30 августа начался новый этап революции. На этом этапе все в Сталине — и присущая ему осторожность, и не любовь к внезапным переменам в политике, и даже его затаенное недоверие к ленинскому руководству — способствовало созданию для него крайне неблагоприятной ситуации.

Эта неблагоприятная ситуация осложнялась для Сталина появлением на сцене вновь включившихся в активную политическую деятельность главных помощников Ленина — Каменева и Зиновьева, — а также невероятным взлетом Троцкого. А тем временем, параллельно со всеми этими событиями, не удостоенный внимания Сталина и явно низведенный им до чисто административных ролей, неустанно трудился, выстраивая под знамена ленинской политики личный состав партии, истинный хозяин партийной машины — Свердлов. Не оценив всего этого, Сталин оказался обойден с флангов.

* Там же. Курсив мой.

VI.

СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ

Ленин переходит в наступление

Корниловский мятеж стал поворотным пунктом в истории русской революции — утратив контроль над армией, Временное правительство одновременно потеряло и возможность влиять на ход событий⁸¹. Он положил начало и расхождению между Лениным и Сталиным в оценке текущего момента и тактики большевистской партии в этих изменившихся условиях.

Казалось, Сталин не увидел в Корниловском мятеже ничего нового или из ряда вон выходящего. 28 августа он пишет в редакционной статье:

”Ф а к т, что нынешнее выступление Корнилова есть лишь продолжение известных происков контрреволюционных командных верхов...”*

Несколько дней спустя Сталин выступает за ”разрыв с буржуазией и помещиками” и ”создание правительства рабочих и крестьян”**.

Эту позицию Сталин отстаивает и в своих публицистических статьях конца августа и начала сентября. Там совершенно не упоминается о руководящей роли партии, ее возможностях, прямо вмешавшись в революционный процесс, подчинить его своей воле и навязать ему большевистскую стратегию. Хотя Сталин и кичился на Шестом съезде своим ”творческим” подходом к марксизму, ни в августе, ни в начале сентября, когда смертельно раненное Временное правительство безуспешно пыталось справиться с корниловским мятежом, он ничем не показал, что признает потенциальные способности партии перейти в этих условиях к решительным действиям.

3 сентября Сталин опубликовал без подписи редакционную статью ”Кризис и Директория”, в которой утверждал, будто только что сформированная Керенским из пяти человек Дирек-

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 257. Курсив мой.

** Там же, с. 267.

тория на самом деле всего лишь ширма, прикрывающая господство кадетов, и ширма эта сооружена Керенским благодаря поддержке умеренных социалистических партий.

”Беспощадная борьба с эсеровско-меньшевистским влиянием в массах, неустанная работа по сплочению крестьян и солдат вокруг знамени партии пролетариата, — утверждал Сталин, — таков урок только что пережитого кризиса”*. Эти выводы, так же как и анализ Сталиным текущих событий, мало чем отличались от простого пересказа более пространной статьи Ленина ”Из дневника публициста”, опубликованной двумя днями раньше в газете ”Рабочий”***.

По непонятным причинам — он не был в тот момент болен и не отлучался из столицы — Сталин 3 сентября отсутствовал на заседании Центрального Комитета. Важнейшим вопросом повестки дня этого заседания стало обсуждение письма Ленина от 30 августа ”В Центральный комитет РСДРП”. В нем Ленин излагал основы двойной стратегии, предполагавшей, с одной стороны, начало решительной борьбы против Корнилова, а с другой — необходимость все более активного давления на правительство Керенского***.

Протоколы зафиксировали лишь тот факт, что письмо Ленина было ”прочтено”****. Никакой дискуссии, судя по всему, фактически не было. Если смелый и дерзкий план Ленина и вызвал хоть какую-то реакцию у большинства членов ЦК, в том числе и Сталина, то она оказалась весьма вялой.

Ленин бросает вызов: заседание Центрального Комитета 15 сентября

В середине сентября Ленин пришел к выводу, что момент для взятия большевиками власти от имени рабочих и крестьян настал. По-прежнему вынужденный скрываться, — 14 сентября начальник Петроградской городской милиции направил секретную телеграмму о его ”немедленном аресте”***** — Ленин постоянно писал в Центральный Комитет письма, которые доставляли связанные.

Между 12 и 14 сентября Ленин написал в ЦК письмо ”Большевики должны взять власть”***** — его копии были переданы в Петербургский и Московский партийные комитеты. А днем

* Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 271.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 122–132.

*** Протоколы..., с. 43–45.

**** Там же, с. 42.

***** Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 350.

***** Протоколы..., с. 56–57.

позже он направил еще одно письмо — "Марксизм и восстание"*, — на сей раз адресованное только ЦК. Эти письма ЦК обсудил на заседании 15 сентября**. По мнению Дэниелса, "Смилга, большевистский лидер из Гельсингфорса, доставил ленинское письмо в Петроград пятнадцатого числа и вручил его остававшейся в городе Крупской. Она передала его Сталину, который зачитал его членам Центрального Комитета, собравшимся на квартире у Свердлова"***.

Дейчер тоже считает, что ленинские письма на заседание 15 сентября доставил именно Сталин****⁸². Несмотря на то что в письмах Ленина поднимались вопросы кардинальной важности, в обсуждении, судя по протоколам, приняли участие только два члена ЦК — Сталин и затем Каменев.

"Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их. Решено перенести на ближайшее заседание ЦК"*****.

После этого кто-то предложил оставить один экземпляр письма. Это предложение было принято шестью голосами против четырех при шести воздержавшихся⁸³.

Каменеву программа, изложенная в ленинских письмах, представлялась явно опасной. В протоколах читаем:

"Тов. Каменевым вносится предложение принять следующую резолюцию:

ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимыми какие-либо выступления на улицу. ЦК вместе с тем обращается к тов. Ленину с требованием разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии".

Эта резолюция потерпела поражение — точных данных о результатах голосования в протоколах не приводится. Последним принятым решением ЦК, получившим отражение в протоколах, было следующее:

"Членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах"*****.

Это решение косвенно свидетельствует об общей расстановке

* Там же.

** Там же, с. 55.

*** Daniels R. V. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. N.Y., Scribner, 1967, p. 53–54.

**** Deutscher I. Op. cit., p. 158.

***** Протоколы..., с. 55.

***** Там же, с. 52.

сил в ЦК. Было истрачено немало усилий, чтобы выяснить, каково было в действительности отношение к этим ленинским письмам отдельных членов ЦК. Совершенно ясно, что ЦК в целом не выказал ни малейшей склонности идти навстречу пожеланиям Ленина. Однако единственный твердо установленный факт во всей этой ситуации — это мнение Каменева, которое было безусловно негативным. Более загадочна позиция Сталина. Не совсем понятна суть его предложения — то ли он хотел поддержать Ленина и оказать давление на ЦК с целью заставить его принять ленинский план действий, то ли это был всего лишь маневр, чтобы выиграть время и не отвергать сходу ленинских требований? У советских историков сталинской школы на сей счет нет никаких сомнений. Ярославский, например, пишет:

”Товарищ Сталин тогда же дал отпор штрейкбрехеру Каменеву и разрушил его планы (никаких доказательств в подкрепление этого утверждения не приводится. — *Р.С.*). Он предложил немедленно обсудить письма Ленина (это уже просто явная ложь. — *Р.С.*), размножить их и разослать к руководству наиболее важным организациям (курсив мой. Сталинское предложение заключалось в том, чтобы разослать эти письма для обсуждения, а не к ”руководству”. — *Р.С.*). Комитет согласился с предложением товарища Сталина (еще одна очевидная ложь. — *Р.С.*)”.

Сознавая, однако, ненадежность доказательств в пользу поддержки Сталиным ленинских требований, Ярославский добавляет:

”Огромное внимание уделяет товарищ Сталин в этот период подготовке к вооруженному восстанию, созданию Красной гвардии, вооружению рабочих”*.

В документах того времени, однако, не содержится ничего, что могло бы подкрепить это утверждение. Редакторы сталинских сочинений поступили более осмотрительно, ограничившись следующим заявлением:

”На заседании Центрального Комитета партии И.В. Сталин в противовес Каменеву, требовавшему сжечь письма В.И. Ленина... предлагает разослать их для обсуждения в наиболее крупные партийные организации”**.

Троцкому мотивы поведения Сталина совершенно ясны. Ссылаясь на ”позднейшие (советские. — *Р.С.*) комментарии”, согласно которым ”цель предложения Сталина — обеспечить давление местных партийных комитетов на ЦК, чтобы заставить его выполнить ленинскую директиву”, Троцкий утверждает:

”Если бы дело в действительности обстояло именно так, тогда Сталин мог бы сразу же выступить в защиту ленинских пред-

* Ярославский Ем. Указ. соч., с. 102.

** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 421.

ложений и противопоставить позиции Каменева другую, а именно свою собственную! Но он замыслил совершенно иное. Большинство членов местных комитетов были правее, чем Центральный Комитет. Послать им ленинские письма без положительной резолюции Центрального Комитета фактически означало вызвать у них неодобрительную реакцию.

Сталин выступил с таким предложением, чтобы выиграть время и получить — в случае конфликта — возможность свалить все на сопротивление со стороны местных комитетов”.

Желая подкрепить свою гипотезу, Троцкий пишет, что ”на ближайшее заседание, собравшееся только через пять дней, Сталин совсем не появился, и вопрос о письмах не был даже включен в порядок дня. Чем горячее атмосфера, тем холоднее маневрирует Сталин”*

Пытаясь несколько смягчить резкую оценку Троцкого, Дейчер пишет: ”Сталин предложил передать письма для обсуждения в наиболее крупные (партийные. — *P.C.*) организации, что позволяет предполагать, что он поддерживал Ленина; ведь любая хоть сколь-нибудь широкая дискуссия по этому вопросу неизбежно вынуждала бы партию перейти от слов к делу... Так или иначе, предложение Сталина все равно принято не было”**.

Чтобы определить, каково отношение Сталина к предложениям Ленина, можно также рассмотреть его поведение в качестве главного редактора газеты ”Рабочий путь”. Рой Медведев пишет: ”Источники свидетельствуют, что в течение решающих дней сентября—октября, когда Ленин настаивал на незамедлительной подготовке к восстанию, возглавляемая Сталиным ”Правда” (т.е. ”Рабочий путь”. — *P.C.*) либо вовсе не публиковала некоторых статей Ленина, либо выбрасывала из них целые абзацы. Подобные действия ”Правды”, а также известная ”сдержанность” со стороны высших эшелонов партии вызвали у него резкие протесты, и он даже начал было осуществлять связь с партийными организациями через голову Центрального Комитета”***.

Резкий контраст с поведением Сталина, его нерешительностью и проволочками представляет позиция Свердлова. Не дожидаясь, пока ЦК наконец примет соответствующие решения, Свердлов, для которого слово Ленина было законом, тут же предпринимает меры, чтобы проинформировать о содержании писем Ленина ЦК рабочих Путиловского завода****.

* Троцкий Л. Указ. соч., с. 309.

** Deutscher I. Op. cit, p. 159.

*** Medvedev R. Op. cit., p. 10.

**** Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 352.

Сталин и Предпарламент

Сталин пропустил следующее заседание Центрального Комитета, 20 сентября*. На нем, по-видимому, прозвучала критика в адрес его работы в качестве редактора. "Некоторыми товарищами, — доложил Сокольников, — высказывается недовольство тоном ЦО (газеты "Рабочий путь". — *Р.С.*), отдельными выражениями в статьях и т.п.". ЦК подробно не обсуждал этот вопрос, однако подтвердил, что "общее направление его (центрального органа. — *Р.С.*) целиком совпадает с линией ЦК".

Несомненно, ободренный поддержкой, оказанной его редакторской работе, Сталин явился на следующее заседание ЦК, 21 сентября**. Главным вопросом повестки дня стало участие большевиков в работе Демократического совещания и Предпарламента. Несмотря на то что Ленин настаивал на бойкоте Демократического совещания, ЦК принял решение "с него не уходить, отозвать лишь из президиума членов нашей партии".

21 сентября на собрании большевистской группы Демократического совещания Сталин поддержал ленинское требование о бойкоте — в отличие от Каменева и Рыкова, выступивших за участие***. Особого одобрения, однако, удостоился не кто иной, как Троцкий; узнав, что Троцкий на собрании 21 сентября выступил за бойкот, Ленин писал: "Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий!"**** Тем не менее собрание 77 голосами против 50 приняло решение участвовать в работе Предпарламента, и ЦК на своем заседании от 21 сентября одобрил это решение*****

Возвышение Троцкого продолжается

С освобождением из тюрьмы ряда видных партийных вождей временное выдвигание Сталина оказывалось все больше и больше под угрозой. На заседании ЦК 23 сентября, на котором не было Сталина, но присутствовали Каменев и Зиновьев, главным действующим лицом оказался опять-таки Троцкий*****. Прежде всего "после критического разбора" официально одобрили доклад Троцкого о Демократическом совещании. Затем приняли решение направить Троцкого и Сокольникова в комиссию Демократического совещания, созданную для выработки текста обращения ко всем народам.

* Протоколы..., с. 63–64.

** Там же, с. 65.

*** Там же, с. 242, прим. 100.

**** Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. В 30 томах, т. 21, с. 219.

***** Протоколы..., с. 65.

***** Протоколы..., с. 66–67.

Троцкий наряду с Рыковым и Каменевым был назван кандидатом в президиум Предпарламента. Именно Троцкому поручили выступить на комиссии Демократического совещания, избранной для проведения переговоров с министрами относительно возможности сформировать новое правительство. Наконец, к услугам Троцкого — а также Сокольников, Бубнова и Иоффе — вновь прибегли, когда потребовалось подготовить резолюцию о Предпарламенте к предстоящему партийному совещанию.

Стремительному взлету в партии Троцкий был в значительной степени обязан своим ораторским и литературным талантам. Когда ЦК вновь собрался 24 сентября — на сей раз Сталин присутствовал, — Троцкого избрали кандидатом от большевиков в председатели Петроградского Совета, а Рыкова предполагалось выдвинуть в члены президиума*. На том же заседании Свердлова назначили в комиссию, которая должна была заниматься подготовкой к предстоящему Второму съезду Советов. Весьма слабым утешением для Сталина было то, что он обнаружил свое имя наряду с двадцатью четырьмя другими в числе кандидатов от партии в Учредительное собрание**.

Заседания ЦК 5 и 7 октября: создание основ партийного аппарата

На заседании ЦК 5 октября — первом, которое он посетил за целые две недели, — Сталин успешно выдвинул предложение провести 10 октября партийное совещание с участием представителей ЦК, а также Петроградской и Московской партийных организаций, приуроченное к Северному областному съезду Советов***.

Идея эта, однако, принадлежала отнюдь не Сталину. Советский историк Е.Н. Городецкий, ссылаясь на архивные материалы, приводит датированное 5 октября письмо в ЦК от секретаря Петербургского комитета Г.И. Бокия:

”Считая настоящий момент критическим для революции и полагая, что на нашу партию падает сейчас чрезвычайно большая ответственность за дальнейший ход событий, И[сполнительная] К[омиссия] ПК считает необходимым немедленный созыв совещания ЦК с питерскими и московскими работниками для намечения политической линии нашей партии”.

На обороте этого документа, отмечает Городецкий, ”рукой Я.М. Свердлова написано: ”ЦК до получения предложения

* Там же, с. 69–70.

** Протоколы..., с. 263, прим. 107.

*** Там же, с. 76. В протоколах говорится о ”питерских и московских работниках”. Полагаю, что здесь имелись в виду ”партийные работники”.

ИК ПК решил созвать совещание ЦК с работниками с мест. О времени и месте совещания Исполнительная комиссия будет одновременно извещена. Предполагается приурочить совещание к Северному областному съезду Советов**.

Но и это весьма скромное достижение Сталина оказалось тут же омрачено: его фамилии не было в списке членов комиссии по подготовке проекта программы предстоящего съезда партии, членами которой стали Ленин, Бухарин, Троцкий, Каменев, Сокольников и Коллонтай**.

Наиболее важным итогом заседания ЦК от 7 октября, где Сталин присутствовал, стало следующее: Троцкому, Свердлову и Бубнову поручили организовать при ЦК Информационное бюро "по борьбе с контрреволюцией" и обеспечить его работу***.

Троцкий позднее вспоминал роль Сталина в образовании этой комиссии:

"В тот же день на заседании ЦК было постановлено создать "Бюро для информации по борьбе с контрреволюцией". Преднамеренно туманное название прикрывало конкретную задачу: разведку и подготовку восстания. Троцкому, Свердлову и Бубнову поручено организовать это Бюро. В виду скупости протокола и отсутствия других документов автор вынужден здесь апеллировать к собственной памяти. Сталин от участия в Бюро уклонился, предложив вместо себя малоавторитетного Бубнова. К самой идее он отнесся сдержанно, если не скептически. Он был за восстание, но не верил, что рабочие и солдаты готовы к действию. Он жил изолированно не только от масс, но и от их партийного аппарата... С другой стороны, аппарату Сталин доверял несравненно больше, чем массам. Во всех важнейших случаях он страховал себя, голосуя с Лениным. Но не проявлял никакой инициативы в направлении вынесенных решений..."****.

Отказ Сталина подключиться к конкретной работе по подготовке восстания оказался одним из решающих факторов, предопределивших его изоляцию от участия в захвате власти. В принципе разделяя идею восстания, он, похоже, просто не испытывал особой склонности слишком глубоко вникать в столь рискованный проект, да еще и с неизвестным исходом.

Союз Троцкого и Свердлова представлял собой мощную силу; ведь он объединял самого блестящего и умелого оратора партии с самым способным ее организатором. Именно команде Троц-

* Городецкий Е. И. Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов. — "Вопросы истории". 1957, № 10, с. 30.

** Протоколы..., с. 76.

*** Там же, с. 80.

**** Троцкий Л. Указ. соч., с. 310–311.

кого — Свердлова предстояло сыграть главную роль в бурных октябрьских событиях, которые достигли кульминации двадцать пятого числа — в день захвата власти. Роль Сталина в большевистской революции определится тем, насколько он сможет оказаться полезным этой ведущей команде и какое она сможет найти ему применение. Но к несчастью Сталина, ни Троцкий, ни Свердлов не были слишком высокого мнения о его способностях, чтобы обратиться к нему за помощью в чрезвычайной ситуации. Так что роль Сталина в захвате власти будет зависеть прежде всего от его собственной энергии и предприимчивости, способности идти в ногу с событиями и постигнуть смысл ленинской стратегии, которую претворяли в жизнь члены партии под неусыпным контролем Троцкого и Свердлова.

Рабинович весьма низко оценивал значение Информационного бюро, хоть и отмечал его последующее усиление:

”Впоследствии в бюро были введены также Невский и Подвойский из Военной организации и Лацис с Москвиным из Петербургского комитета. Никаких доказательств активной деятельности этого бюро не существует; похоже, ЦК, принимая решение о его основании, преследовал главным образом цель сорвать операции, планировавшиеся по инициативе Исполнительной комиссии (Петербургского комитета. — *P.C.*)”*

Но для Сталина вся эта история с бюро обернулась еще одной упущенной возможностью.

Заседание ЦК 10 октября; на повестке дня — восстание

Самое важное и самое знаменитое заседание большевистского ЦК состоялось 10 октября. Нет, это не было то самое расширенное партийное совещание, решение о созыве которого было по предложению Сталина принято на заседании ЦК 5 октября; на нем присутствовали всего двенадцать членов ЦК, а делегатов от Петроградской и Московской партийных организаций, как это предусматривал Сталин, выдвигая свое первоначальное предложение, не было вовсе. Инициатива провести заседание 10 октября, несомненно, принадлежала Ленину и встретила полную поддержку со стороны Свердлова. Впервые с июля на этом заседании присутствовал Ленин, которому по-прежнему угрожал арест, и все руководство партии: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин и Свердлов; кроме них, на заседании были также Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников и Ломов (Оппоков)**.

* Rabinowitch A. The Bolsheviks, ..., p. 201.

** Протоколы..., с. 83–86.

Председательствовавший на заседании Свердлов начал с краткого, но четкого обзора политического положения в армии на Румынском, Литовском, Минском и Северном фронтах⁸⁴. Затем Ленин взял слово для сообщения о текущем моменте, которое в его устах прозвучало энергичным призывом к партии в самое ближайшее время решиться на вооруженное восстание.

”Большинство, — заявил Ленин, — теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти”.

После обсуждения, касавшегося главным образом технической стороны подготовки восстания, ЦК десятью голосами против двух принял следующую резолюцию:

”Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т.д.)”.

Выступления в ходе заседания и последующее поведение Каменева и Зиновьева свидетельствовали о том, что именно они были теми двумя членами ЦК, которые проголосовали против резолюции. Отсюда следует, что Сталин входил в большинство проголосовавших за скорейшее восстание. Наградой ему стало избрание одним из семи членов Политического бюро, созданного ”для политического руководства на ближайшее время”.

Было ли оно предшественником появившегося позже политического органа партии — Политбюро? Троцкий считает, что нет. Он пишет:

”Этот новый орган, однако, оказался на практике совершенно нежизнеспособным. Ленин и Зиновьев все еще были вынуждены скрываться; к тому же Зиновьев продолжал выступать против восстания, как, впрочем, и Каменев. Политическое бюро в своем октябрьском составе так никогда и не собиралось и вскоре было попросту забыто — как оказались забыты и прочие организации, порожденные конкретными потребностями в водовороте событий”*.

С ним не согласен Дейчер: ”Так был рожден орган, которому суждено будет со временем мощно вознестись над государством, партией и революцией”. Однако он добавляет: ”Политическое бюро оказалось неспособно выполнить возложенную на него задачу. Зиновьев и Каменев отказались подчиниться решению о восстании и делали все, что было в их силах, чтобы добиться обратного. Ленин снова скрывался и не имел возможности принимать участие в повседневных приготовлениях”**.

* Trotsky L. The History of the Russian Revolution. 3 vols. N.Y., 1932–1933, v. 3, p. 155, 371.

** Deutscher I. Op. cit., p. 163.

Более позитивный подход избирает Фэйнсон: "Успех восстания означал, что его (Политбюро. — *Р.С.*) цель была выполнена и ПБ в своем первоначальном виде прекратило существование"

Леонард Шапиро утверждает: "Нет никаких доказательств, чтобы этот предшественник Политбюро вообще когда-нибудь функционировал. Организация восстания была сосредоточена в руках сформированного 12 октября Военно-революционного комитета Петроградского Совета, во главе которого стоял Троцкий"

Дата восстания

Определил ли ЦК на своем заседании 10 октября дату восстания? Дейчер утверждает, что да: "На том же самом заседании (ЦК от 10 октября. — *Р.С.*) дата восстания была назначена на 20 октября". Иного мнения придерживается Троцкий: "Было согласовано, что восстание должно произойти до съезда Советов и по возможности начаться не позднее 15 октября". Между тем вопрос о конкретной дате восстания на заседании ЦК 10 октября все же решен не был, ведь к нему вновь вернулись на следующем заседании ЦК, 16 октября.

Встречался ли Ленин со Сталиным 8 октября?

На заседании 3 октября Центральный Комитет принял решение предложить Ленину перебраться (нелегально) в Петроград, "чтобы была возможной постоянная и тесная связь"

В период сталинского господства советским историкам полагалось изображать, как Сталин бок о бок с Лениным руководит организованным по ленинскому призыву вооруженным восстанием. Ключевым моментом такого искажения истории большевистской революции была точная дата возвращения Ленина в Петроград. В разделе биографической хроники третьего тома сочинений Сталина под рубрикой "8 октября" читаем: "И.В. Сталин посещает нелегально вернувшегося в Петроград В.И. Ленина и обсуждает с ним вопросы подготовки вооруженного восстания"

* F a i n s o d M. How Russia is Ruled. Cambridge, Harvard University Press, 1963, p. 307.

** S c h a p i r o L. The Communist Party of the Soviet Union, 1970.

*** D e u t s c h e r I. Op. cit., p. 163.

**** T r o t s k y I. The History..., v. 3, p. 155–156.

***** Протоколы..., с. 74.

***** С т а л и н И. В. Соч., т. 3, с. 422.

Несмотря на долгие и порой весьма ожесточенные дебаты относительно точной даты возвращения Ленина в Петроград, советским историкам все-таки пришлось в конце концов признать, что выяснить этот важный вопрос не представляется возможным из-за противоречивых сведений мемуарной литературы и полного отсутствия документальных подтверждений. Тщательно подготовленная "биографическая хроника" жизни Ленина в томах за март—октябрь 1917 года дает краткое резюме дискуссии по этому поводу среди советских историков: "Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16—23) октября"*.

Что же касается предполагаемой встречи Ленина со Сталиным 8 октября, то в эпоху Хрущева мнение советских историков изменилось. В исследовании по советской историографии большевистской революции Ларри Холмс пишет о периоде 1957—1961 годов: "Сталину уже более не приписывали особой роли в подготовке и руководстве восстанием. Сталин превратился в личность, которую стремились вычеркнуть из истории. Встреча Ленина со Сталиным 8 октября более не упоминалась"***.

Так что весьма вероятно, что встреча, якобы состоявшаяся между Лениным и Сталиным 8 октября, была просто выдумкой советских историков сталинской эпохи.

Ленин был в Петрограде не позже 10 октября — это самая ранняя дата из документально подтвержденных, когда он, изменив внешность, присутствовал на заседании Центрального Комитета.

Заседание ЦК 16 октября⁸⁶

При всей исторической значимости заседания ЦК от 10 октября оно было слишком узким и малочисленным, чтобы принять окончательное решение о захвате власти. Задуманное первоначально — Сталиным и другими — как расширенное, заседание 10 октября на деле проходило даже в неполном составе. Как отметил Дэниелс, кое-кто из отсутствовавших большевиков — Рыков, Ногин, Милютин — мог бы проголосовать и против предложения о вооруженном восстании***.

Потребность в расширенном заседании ЦК была реализована 16 октября. На нем, кроме членов ЦК, присутствовали предста-

* Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 373. Курсив мой.

** Holmes L. E. Soviet Historical Studies of 1917 Bolshevik Activity in Petrograd. Ph.D. diss., University of Kansas, 1968.

*** Daniels R. V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Harvard University Press, 1965, p. 457.

вители Исполнительной комиссии Петербургского комитета, Военной организации, Петроградского Совета, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, Петроградской областной организации и рабочих-железнодорожников. (По первоначальному плану предполагалось пригласить еще и представителей Московского городского и районных комитетов.)

Цель собрания 16 октября хорошо сформулировал Александр Рабинович: "пересмотр стратегии партии в связи с трудностями на пути осуществления призыва к вооруженному восстанию"*.

Председательствовавший на заседании Свердлов предложил включить в повестку дня три пункта: сообщение о последнем заседании ЦК, краткие сообщения делегатов и текущий момент.

Главная роль на собрании принадлежала Ленину, он не только взял вступительное слово и сделал сообщение о заседании ЦК 10 октября, но и успешно боролся в конце собрания — это было уже в половине четвертого утра 17 октября — за принятие своей резолюции "О текущем моменте".

Нельзя не прокомментировать некоторые положения первого выступления Ленина. Сложным вопросом были взаимоотношения между партией и массами. Ленин попытался решить его двумя способами. С одной стороны, "массы идут за нами... еще до корниловщины": "Корниловщина же решительнее толкнула массы к нам". С другой стороны: "*Настроением масс руководиться невозможно* (курсив мой. — Р.С.), ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции".

Заранее отвергнув, таким образом, любой пессимистический подход к политике партии тех, кто считал, что массы якобы не готовы к вооруженному восстанию, Ленин для пушечной убедительности добавил и международный аспект: "Положение международное дает нам ряд объективных данных, что, *выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу...*" Отсюда, с точки зрения Ленина, очевиден вывод:

"Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только *вооруженным восстанием*"*** (курсив мой. — Р.С.).

Чтобы не сбавлять накала и подкрепить ленинскую позицию, Свердлов перед выступлениями делегатов местных организаций в прениях сделал оптимистическое сообщение от имени Секретариата. Рост рядов партии, сказал Свердлов, "достиг гигантских размеров": численность партии он оценил на тот момент цифрой "не менее 400 тыс.". Численный рост сопровождался и усилением влияния: "Точно так же возросло наше влияние, особенно

* Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 219.

** Протоколы..., с. 93–94.

в Советах (доказательства), то же самое в армии и во флоте". Но и силы контрреволюции тоже растут, как численно, так и организационно. Свердлов далее сообщил данные о мобилизации контрреволюционных сил в Донецком районе, в Минске и на Северном фронте*.

Прения прошли, мягко говоря, весьма оживленно; выступавшие в полной мере прониклись серьезностью положения, в котором оказалась партия. Выступил даже Сталин, изменив своему обычному осторожному молчанию. Он начал с довольно банального замечания о том, что "день восстания должен быть целесообразен". Однако когда же именно должен был наступить этот самый день, Сталин не уточнил. По всей видимости, он хотел ограничиться чисто теоретическими рассуждениями: "Почему бы нам не предоставить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контрреволюции"**. Но и это ни к чему не обязывавшее замечание тоже не было сталинским изобретением. Аналогичную мысль, только более убедительно, высказал, выступая 5 октября на заседании Петербургского комитета, Молотов: "Наша задача теперь — не сдерживать массы, а выбрать наиболее удобный момент, чтобы взять власть в свои руки"***. Сталин вслед за Лениным связывал надежды с европейским пролетариатом: "Тут 2 линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией". Сталин утверждал, что революция уже началась: "Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказав санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского"****. Зато Сталин, поддержав принятое 10 октября решение о подготовке к восстанию, выступил на стороне Ленина по самому главному вопросу. По ленинской резолюции — 19 за, 2 против и 4 воздержавшихся — он, скорее всего, голосовал вместе с большинством.

"Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК (от 10 октября. — *Р.С.*), призывает все (партийные. — *Р.С.*) организации и всех рабочих и солдат к всеобщей и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления"*****.

* Там же, с. 94.

** Там же, с. 100.

*** Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. М.—Л., 1927, с. 303. — Цит. по: Rabinovitch A. The Bolsheviks..., p. 200.

**** Протоколы..., с. 100.

***** Там же, с. 104.

Поскольку в протоколах не было поименно зафиксировано, кто голосовал за ленинскую резолюцию, кто против, а кто воздержался, не исключено, что Сталин оказался в числе четверых воздержавшихся. Два голоса против, несомненно, принадлежали Зиновьеву и Каменеву. И все-таки факты убедительно свидетельствуют, что по главному вопросу, вопросу подготовки вооруженного восстания, Сталин был на стороне Ленина.

Ленинская резолюция призывала к поддержке "создаваемого... Центральным Комитетом центра". Имелось ли в виду сформированное ЦК 10 октября из семи человек Политическое бюро? Или Ленин предвосхитил принятое к концу заседания 16 октября решение о создании Военно-революционного центра? Оно было принято на заседании, где присутствовали только члены ЦК, беспартийные и не входившие в состав ЦК делегаты в его работе участия не принимали. В центр вошли: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский*. От кого именно исходило это предложение, в протоколах не указывается, но, судя по всему, оно было выдвинуто не без поддержки Ленина. Центр должен был действовать как составная часть "Советского комитета", то есть Военно-революционного комитета (ВРК), созданного 9 октября при Петроградском Совете.

Благодаря участию Сталина Военно-революционный центр снискал себе известность, совершенно несоизмеримую с его бесцветным и не оставившим никаких следов в исторических документах существованием. Дэниелс в этой связи отмечает: "Самостоятельно этот центр так никогда и не функционировал, однако само по себе решение о его создании сослужило службу, фактически став основой той выдвинутой позднее официальной историей легенды, будто именно Сталин был тем человеком, на котором лежала ответственность за восстание"**.

Достаточно убедительным доказательством того, что этот центр не мог располагать никакой реальной властью, служит сам его состав. Урицкий, Бубнов и Дзержинский были партийными функционерами второго или даже третьего ранга, Свердлов и Сталин подавали надежды, но еще не входили в число ведущих вождей партии. Троцкий в центр не вошел, поскольку этот орган должен был функционировать под эгидой ВРК, уже находившегося под контролем Троцкого. Каменев и Зиновьев, включенные в состав Политического бюро, к 16 октября уже столь решительно выступали против вооруженного восстания, что их нельзя было более рассматривать как возможных кандидатов в орган, призванный осуществлять это намерение.

Сам по себе факт, что Сталин состоял членом центра, организованного 16 октября, так же как и Политического бюро, соз-

* Протоколы..., с. 104.

** Daniels R. V. The Conscience..., p. 61.

данного 10 октября, вовсе не может служить гарантией того, что ему действительно отводилась видная роль в захвате власти. Скорее это открывало перед ним реальную возможность взять на себя руководство этим сложным мероприятием, сулящим заманчивые перспективы, но в то же время связанным с громадным риском.

Большинство западных авторов приуменьшают значение как Политического бюро, так и Военно-революционного центра, ссылаясь на отсутствие каких бы то ни было документальных подтверждений деятельности этих органов как таковых. Однако советский историк И.И. Минц не без оснований критикует утверждения западных историков, считая, что они исходят из неверного представления о том, как в действительности функционировали эти два органа. Создание Политического бюро и ВРК, с точки зрения Минца, на деле означало не что иное, как закрепление за конкретными партийными деятелями определенных обязанностей по осуществлению тех или иных запланированных мероприятий, о ходе которых они должны были докладывать*. Но даже если и согласиться с точкой зрения Минца, все равно не находит объяснения факт, почему Сталин так и не воспользовался теми возможностями, которые давало ему участие в двух этих органах, и не внес своего собственного вклада в захват власти. Спокойно сидя в своем редакционном кабинете, не принимая непосредственного участия в текущих событиях и не будучи полностью в курсе истинной стратегии большевистского восстания, Сталин оказался жертвой своего же собственного темперамента и того невысокого мнения, которое составили о его характере и способностях Троцкий и Свердлов.

Образование и становление Военно-революционного комитета

9 октября Троцкий выступил на заседании Петроградского Совета и предложил принять резолюцию о создании "революционного комитета обороны", "который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы все меры к вооружению рабочих и таким образом обеспечил бы и революционную оборону Петрограда, и безопасность народа от открыто подготавливающейся атаки военных и штатских корниловцев"***.

* Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 100.

** Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 232. Текст цитаты сверен по ссылке А. Рабиновича на: Революция 1917 года: хроника событий. В 5 томах. М.—Л., 1926, т. 5, "Октябрь", с. 238. — *Прим. перев.*

Сначала резолюция Троцкого была "незначительным большинством" отклонена в пользу другой резолюции, выдвинутой меньшевиками и эсерами, однако "позднее в тот же вечер на необычайно многолюдном и оживленном пленарном заседании Петроградского Совета" это голосование было признано действительным.

Согласно резолюции Троцкого, Совет создал тот самый Военно-революционный комитет, который Рабинович удачно охарактеризовал как "орган, который был использован на следующий день большевиками для подрыва и ниспровержения Временного правительства".

Понимал ли и поддерживал Сталин стратегию восстания Троцкого?

Троцкий, по словам Рабиновича, был "наиболее влиятельным сторонником" стратегии, связывающей свержение Временного правительства с созывом и политической программой Второго Всероссийского съезда Советов*. Сталина Рабинович считает одним из "многочисленных представителей... большевистской верхушки", разделявших эту точку зрения. Рабинович не приводит, однако, никаких доказательств в пользу того, что Сталин поддерживал стратегию, выдвинутую Троцким и осуществлявшуюся под его руководством. На самом деле есть основания серьезно усомниться, во-первых, в том, действительно ли Сталин полностью понимал и, во-вторых, насколько активно он поддерживал эту стратегию. В своих авторских и редакционных статьях этого периода он говорил скорее о "вооруженном восстании" рабочих и беднейших крестьян, чем о какой-то акции со стороны большевистской партии. Можно, конечно, возразить, что в своих журналистских опусах Сталин стремился как-то завуалировать тайные приготовления к захвату власти. И все-таки если проанализировать содержание сталинских публикаций того периода, они призывают к всенародному вооруженному восстанию; роль же партии в этом восстании либо вовсе не упоминается, либо ограничивается общим руководством и выдвижением пригодных для масс лозунгов⁸.

Правда и то, что Сталин впоследствии отстаивал в дебатах с Лениным правильность стратегии, избранной в 1917 году для взятия власти, и в особенности ту видную роль, которая отводилась в этом съезду Советов**. Весьма сомнительно, однако, чтобы у Сталина уже тогда сложилась столь определенная точка зрения на эти вопросы. Упорно не желая признавать ведущую

* Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 224-225.

** Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 317.

роль Троцкого в захвате власти большевиками, Сталин сумел убедить себя к 1923 году в том, что это он, Сталин, вошел в ту часть большевистского руководства, которая вопреки совету Ленина устроила переворот в октябре 1917 года.

Каменев и Зиновьев при молчаливой поддержке Сталина вносят смятение в большевистские ряды

Продолжая выступать против требования Ленина о вооруженном восстании, Каменев предпринял 18 октября серьезный шаг, опубликовав в беспартийной газете Максима Горького "Новая жизнь" заявление, где изложил позицию, которой придерживались они с Зиновьевым. Разгневанный этим поступком Ленин написал 19 октября письмо в ЦК, потребовав исключить двух "штрейкбрехеров" из партии*.

В тот же самый день Зиновьев написал краткое письмо в редакцию "Рабочего пути", где попытался приуменьшить серьезность разногласий.

"По ряду обстоятельств, — пишет Зиновьев, — я вынужден отказаться сейчас от подробного ответа на эту полемику. Скажу только, что действительные мои взгляды по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин. Присоединяясь к вчерашнему заявлению тов. Троцкого в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, я думаю, что мы вполне можем сомкнуть ряды и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств"***.

Печатать или не печатать письмо Зиновьева — было в компетенции Сталина как главного редактора газеты "Рабочий путь". И Сталин не только предпочел его опубликовать, но и прибавил к нему без подписи примечание от редакции, где не только поддерживал Зиновьева, но и высказал критику в адрес ленинского письма:

"ОТ РЕДАКЦИИ. Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками"****.

Члены Центрального Комитета еще не успели прийти в себя после сталинского демарша в духе "прости и забудь", когда они собрались на заседание 20 октября****. Поскольку Ленин все еще скрывался, разоблачить и осудить неуместный примирен-

* Протоколы..., с. 109.

** Там же, с. 114.

*** Протоколы..., с. 115. Курсив мой.

**** Там же, с. 106–108.

ческий жест Сталина выпало на долю Троцкого. Публикация письма Зиновьева и неподписанного редакционного примечания, сказал Троцкий, была "недопустима". Заявление Каменева о его выходе из состава ЦК должно быть принято, добавил он.

Все еще не оставляя надежд на сохранение единства партийных рядов, Сталин выразил несогласие с этим решением; протоколы фиксируют краткое содержание его выступления:

"Тов. Сталин считает, что К(аменев) и З(иновьев) подчинятся решениям ЦК, доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК".

Это переполнило чашу терпения члена редколлегии "Рабочего пути" Сокольников. Не желая делить ответственность за анонимное редакционное примечание, Сокольников "сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу писем Зиновьева и т.п., и считает это заявление ошибочным".

Так, в результате настойчивости Троцкого и отступничества Сокольников Сталин предстал перед всеми как анонимный защитник Каменева и Зиновьева. Новым ударом для Сталина стали результаты голосования по поводу отставки Каменева: пять голосов за отставку, три против.

Еще в начале этого заседания Сталин предложил повременить до следующего заседания с рассмотрением письма Ленина с требованием исключить Каменева и Зиновьева из партии. Теперь это предложение было официально отклонено, что явилось еще одним поражением Сталина. Затем, упорно проводя в жизнь свою исполненную трезвого расчета линию, ЦК единогласно одобрил предложение Милютина, "чтобы ни один член ЦК не имел права выступать против принятых решений ЦК".

Хотя Сталин и голосовал за это предложение, он не мог не видеть там неявного осуждения своих попыток защитить Каменева и Зиновьева. И реакция Сталина была весьма резкой: он объявил о своем выходе из редколлегии "Рабочего пути". ЦК, однако, решил, что "ввиду того, что заявление тов. Сталина в сегодняшнем № сделано от имени редакции и должно быть осуждено в редакции, решено, не обсуждая заявления тов. Сталина и не принимая его отставки, перейти к очередным делам".

Прежде чем закрыть заседание, ЦК принял предложение Троцкого, что "все наши организации могут войти в революционный центр и в нашей фракции там обсуждать все интересующие их вопросы".

Несколько минут спустя Троцкий подчеркнул, что всем, кто в этом заинтересован, "необходимо быть в контакте с Военно-революционным комитетом при Совете", по сути дела определив этим роль ВРК как истинного центра, где концентрировалась деятельность по подготовке восстания.

То, что заседание ЦК 20 октября завершилось для Сталина так бесславно, по-видимому, больно ударило по его самолюбию. Попытка сыграть роль миротворца была бесцеремонно отвергнута, причем главным критиком выступил не кто иной, как Троцкий. Он хотел сделать широкий жест и уйти в отставку с поста редактора "Рабочего пути", а этот вопрос даже не был достоин обсуждения.

Работа над повесткой дня съезда Советов

Учитывая тот дружный отпор, который получил Сталин на заседании ЦК 20 октября, и принимая во внимание его крайнюю обидчивость, можно было бы ожидать, что он не появится на следующем заседании ЦК 21 октября*. Но Сталин, как ни странно, не только присутствовал, но и сделал ряд замечаний, внесших существенный вклад в работу заседания.

После сообщения Дзержинского о "полной дезорганизации" Исполнительного комитета Петроградского Совета было принято решение направить для работы в Исполнительном комитете десятерых членов ЦК. Одним из них оказался Сталин. Но это был вопрос второстепенного значения. Главная задача заседания заключалась в том, чтобы определить повестку дня теперь уже совсем близкого Второго Всероссийского съезда Советов, и определил ее не кто иной, как Сталин. Он выступил с предложением подготовить к съезду доклады по пяти основным вопросам: о войне, о государственной власти, о контроле, о национальном вопросе и о земле. Свердлов говорил о необходимости провести предварительное совещание большевистской фракции съезда и предложил назначить для работы в этой группе себя самого, Сталина и Милютина.

Сталин выступил с предложением послать в Москву представителя из Петрограда "с требованием немедленного приезда московской делегации". До ее прибытия, продолжил Сталин, необходимо подготовить тезисы по наиболее важным текущим проблемам. Затем он огласил следующую повестку дня:

"О земле, о войне, о власти — поручить тов. Ленину.

О рабочем контроле — тов. Милютину.

О национальном вопросе — тов. Сталину.

Доклад о текущем моменте — тов. Троцкому.

Тов. М и л ю т и н предлагает еще доклад о регламенте и поручить его тов. Свердлову".

"Все это", как явствует из протоколов, было принято.

Результаты заседания 21 октября, в котором Сталин принял самое непосредственное участие, не могли не вызвать у него

* Протоколы..., с. 117—118.

чувства глубокого удовлетворения. Мало того, что были приняты его предложения по важнейшим вопросам, он еще вошел в десятку членов делегации, призванной усилить Исполнительный комитет Петроградского Совета, и оказался одним из докладчиков большевистской фракции на съезде Советов. Если его самолюбие и было уязвлено ударами, полученными на заседании 20 октября, то, похоже, он смог быстро оправиться, добившись на другой же день результатов, достойных настоящего партийного лидера. Так что предзнаменования успешного участия Сталина в большевистском захвате власти оказались в высшей степени благоприятными. Именно в этом контексте и следует рассматривать загадочное исчезновение Сталина, когда наступил критический момент. Все началось со следующего заседания ЦК.

Сталин и Военно-революционный комитет

Удостоившись на заседании ЦК 16 октября чести стать членом Военно-революционного центра, Сталин включился в стремительно разворачивавшуюся деятельность Военно-революционного комитета. Однако ни в документальной, ни в мемуарной литературе о роли полноправного члена ВРК Сталина в те решающие дни не упоминается ни разу.

Отчасти это объясняется тем, что ЦК — чьи заседания Сталин тоже посещал весьма нерегулярно — далеко не сразу осознал то значение, которое приобретал ВРК. Рабинович отмечает, что "опубликованные документы о работе ЦК в эти дни показывают, что на его заседаниях действиям ВРК уделялось очень мало внимания; основное время Центральный Комитет посвящал в этот период своим внутренним делам"*.

Впрочем, ведь ВРК зародился и развивался в недрах Петроградского Совета, а отнюдь не ЦК. Рабинович по этому поводу пишет, что "на всем протяжении первой половины октября вопрос о создании внепартийного органа, подобного Военно-революционному комитету, в Центральном Комитете не поднимался ни разу"***.

В этих обстоятельствах вполне понятно, что Сталин, чей кругозор ограничивался его участием в заседаниях ЦК и функциями главного редактора "Рабочего пути", не мог целиком осознать важность и потенциальные возможности этого только что созданного внепартийного органа. Сталину было предоставлено более чем достаточно шансов принять участие в работе ВРК и таким образом сыграть видную роль в захвате власти, но он этого не сделал.

* Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 239.

** Ibid., p. 252-253.

Объяснение этого феномена лежит отчасти в характере самого Сталина и свойственных ему недостатках, но в не меньшей степени и в отношении к нему тех, кто руководил этой деятельностью, и прежде всего Троцкого и Свердлова. Ведь его судьбу в конечном счете определило то обстоятельство, что они так и не удосужились обратиться к Сталину и возложить на него хоть какую-то задачу, связанную с восстанием. Один из членов ВРК, Ломов, позднее вспоминал напряженный момент утром 24 октября, когда правительство Керенского перешло в наступление. Беспокойный сон Ломова прервал телефонный звонок; он услышал голос Троцкого, который сказал, что "Керенский переходит в наступление и... созвал нас всех в Смольный"*.

Всех... кроме Сталина.

ЦК собирается без Сталина

Ранним утром 24 октября правительство организовало налет на большевистскую печать с целью закрыть газеты "Солдат" и "Рабочий путь". По приказу Керенского отряд из кадетов и полиции ворвался в типографию, конфисковал отпечатанные экземпляры дневного выпуска "Рабочего пути" и уничтожил несколько матриц. После чего был опечатан вход в типографию и оставлена охрана.

Первой открытой акцией правительства против большевиков стало нападение на органы печати, поэтому Сталин, главный редактор партийной газеты, оставался на своем посту, когда большевистские лидеры из основного руководящего ядра уже собирались в штабе большевиков в Смольном на спешно организованное Свердловым экстренное заседание ЦК.

В одной из своих статей, опубликованных несколько лет назад, я утверждал, что вероятной причиной отсутствия Сталина на решающем заседании ЦК 24 октября и упущенной вследствие этого возможности внести хоть сколь-нибудь существенный вклад в захват большевиками власти было его поражение на заседании ЦК 20 октября**. Однако протокол заседания от 21 октября заставляет это утверждение пересмотреть. Разумеется, то, что произошло на заседании 20 октября, глубоко задело Сталина. Достаточно убедительным тому доказательством служит его попытка подать в отставку с поста главного редактора партийного органа. И все-таки он нашел в себе достаточно муже-

* Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 249. Текст цитаты сверен по ссылке А. Рабиновича на: Ломов Г. В дни бури и натиска. — "Пролетарская революция", 1927, № 10 (69), с. 169–170. — *Прим.*

** Slusser R. M. On the Question of Stalin's Role in the Bolshevik Revolution. — "Canadian Slavonic Papers", v. 19, № 4, 1977, p. 405–416.

ства, чтобы не только явиться на следующее заседание ЦК 21 октября, но и выдвинуть ряд предложений, внесших весьма полезный вклад в его работу. Факты, таким образом, свидетельствуют о том, что Сталин был способен подняться выше личных соображений и подчинить свои чувства общему делу.

Но тогда тем более странно выглядит отсутствие Сталина на заседании ЦК 24 октября, где делались последние приготовления и раздавались последние задания перед захватом власти*⁸⁸. Особенно поразительно отсутствие имени Сталина в списке ответственных назначений. Вот этот список:

”Тов. Бубнов — на жел. дороги.

Тов. Дзержинский — почту и телеграф.

.....
Тов. Милютину поручается организовать продовольственное дело.

Поручить тов. Подвойскому организовать наблюдение за Временным правительством и его распоряжениями.

(Возражения против тов. Подвойского; поручается тов. Свердлову.)

Предлагается троим поручить переговоры с левыми с.-р.; предлагают одного.

Поручается тов. Каменеву и тов. Винтеру (Берзину).

Поручается гг. Ломову и Ногину немедленно информировать Москву обо всем здесь происходящем”.

До сих пор все поручения распределялись среди членов ЦК. Однако в ответ на срочное требование Троцкого основать запасной штаб в Петропавловской крепости Свердлов предлагает поручить это задание Лашевичу, который не был членом ЦК. Комитет голосует за это предложение, включив еще и кандидатуру Г.И. Благонравова, также не входившего в состав ЦК, и поручив самому Свердлову поддерживать постоянную связь с крепостью. Назначение на ключевые участки Лашевича и Благонравова выглядит здесь особенно странно. Троцкий потом напишет: ”Когда между актерами распределялись отдельные роли в этой драме, никто не упомянул имени Сталина и не предложил для него никакого поручения. Он просто-напросто выпал из игры”***.

А вот Каменев, при всех своих сомнениях по поводу восстания, не только в отличие от Сталина присутствовал на заседании ЦК 24 октября, но и проявил полное понимание исторической значимости момента, выдвинув предложение, ”чтобы сегодня без особого постановления ЦК ни один член ЦК не мог уйти из Смольного”, — это предложение было тут же одобрено.

* Протоколы..., с. 119–121.

** Trotsky L. The Stalin School..., p. 234.

Каменев тоже получил задание: вместе с Винтером (Берзиным) ему было поручено вести переговоры с левыми эсерами.

Распределение среди большевиков поручений продолжалось в течение всего дня 24 октября, по мере того как прибывали делегаты съезда Советов. Советский историк Городецкий пишет: "Приехавшие делегаты-большевики немедленно включились в работу по подготовке восстания. Они беседовали с руководящими работниками ЦК и тут же получали задания"*. В пылу лихорадочной деятельности отсутствие Сталина осталось попросту незамеченным: не исключено, что Сталин вообще не был в курсе происходившего. Отклонив предложение войти в созданное 7 октября Информационное бюро и оказавшись не в состоянии извлечь пользу из избрания в Политическое бюро 10 октября и в Военно-революционный центр 16 октября, Сталин мог просто-напросто быть в полном неведении обо всей операции в целом. Факты для доказательства этого утверждения дает нам редакционная статья самого Сталина, которую он опубликовал в "Рабочем пути" 24 октября. Поскольку эта статья привлекает большой интерес историков революции, она заслуживает более пристального внимания.

"Что нам нужно?"

Редакционную статью, написанную Сталиным для "Рабочего пути" 24 октября, но опубликованную без его подписи, можно охарактеризовать как анализ хода революции с февраля по октябрь с позиций ортодоксального ленинизма**.

"В феврале месяце, — пишет Сталин, — свергли царя солдаты и рабочие". К сожалению, однако, "рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов".

"Это, — продолжает далее Сталин, — была роковая ошибка победителей. За эту ошибку расплачиваются теперь солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу". Вследствие этой ошибки, пишет Сталин, рабочие «"получили" дороговизну и голод, локауты и безработицу». Крестьяне «"получили" аресты своих депутатов и карательные экспедиции». Солдаты "получили" "затяжную войну, которую хотят к тому же оттянуть еще до будущей осени". Наконец, по словам Сталина, у народа быстро тают все надежды на скорый созыв Учредительного собрания, ибо "теперь явно готовятся враги к его окончательному срыву".

* Городецкий Е. И. Из истории Октябрьского вооруженного восстания..., с. 41.

** Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 387-390.

Что же делать? "Эту ошибку нужно исправить теперь же". Вторя настойчивым призывам Ленина, Сталин предостерегает: "Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции". И отсюда следует:

"Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян.

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить правительством, народом признанным, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кишкина—Коновалова заменить правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов". (Николай Кишкин был министром внутренних дел Временного правительства, Александр Коновалов — заместителем премьер-министра и министром промышленности. — *Р.С.*)

Чтобы ответить на ключевой вопрос — как все это следует осуществить, — Сталин набрасывает картину организованного, но мирного восстания. Он настоятельно призывает своих читателей: "...соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном".

Сталин решительно отменяет всякую мысль, будто подобное развитие событий сопряжено с какой-то степенью риска или неопределенности.

"Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы. И вся страна пойдет тогда смело и твердо к завоеванию мира народам, земли крестьянам, хлеба и работы голодающим".

Заканчивает Сталин повторением своей основной мысли:

"У власти должно быть новое правительство, избранное Советами, сменяемое Советами, ответственное перед Советами.

Только такое правительство может обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания".

Редакционная статья Сталина 24 октября свидетельствует о том, что он в известной мере проникся ленинской идеей о необходимости незамедлительных действий, но с не меньшей очевидностью из нее явствует и то, что он так и не уразумел уже признанного к тому времени Лениным факта, что захват большевиками власти от имени Советов почти неизбежно приведет к длительной и ожесточенной гражданской войне⁸⁹. В сталинской редакционной статье не содержится ни единого намека на то, что

для завоевания и удержания власти потребуется применить оружие. Нет там и ни малейших следов признания реальной способности большевиков при поддержке левых эсеров добиться победы, своевременно применив то, что Ленин назвал "искусством восстания".

Сталинская редакционная статья от 24 октября столь явно расходилась с реальной действительностью, что лишь немногие западные историки считают возможным судить о замысле статьи по ее содержанию, принимая текст за чистую монету. Рабинович, например, считает, что сталинская редакционная статья в точности отражает большевистскую политику: "Нигде с такой ясностью не проявился постоянный акцент большевистского Центрального Комитета и Военно-революционного комитета на роль съезда Советов в *завершении* задачи свержения Временного правительства и создания революционного советского строя, как в передовой редакционной статье Сталина для номера газеты "Рабочий путь", который появился на улицах города где-то после полудня 24 октября"*.

Но ведь у Сталина ничего не говорится о "завершении" задачи свержения Временного правительства, для него вся акция сводится совсем к иному, его призыв — "устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них Съезду Советов".

Для Дейчера оборонительный дух этой статьи является частью "тщательного камуфляжа восстания"**. Позднее, уже в сталинский период, эта статья, согласно Холмсу, "рассматривалась (советскими историками. — *Р.С.*) как обращенный к широким народным массам призыв к началу восстания. Сталин, по утверждению этих историков, созвал ЦК, который отдал затем приказ ВРК начать восстание".

В краткий период антисталинской кампании советские историки с запозданием признали, что роль Сталина, если исходить из этой редакционной статьи, представляется отнюдь не в благоприятном свете. Согласно Холмсу, "историки (т.е. советские историки. — *Р.С.*) не только выражали сожаления, что в предшествующей (советской же. — *Р.С.*) историографии преувеличивался позитивный вклад Сталина, но и утверждали, что Сталин был одним из главных оппонентов ленинского плана социалистической революции. Сталинская же статья от 24 октября... была признана антиленинской. Прямо опровергая сталинскую историографию, они заявляли, что статья призывала не к революции, а к мирной передаче власти Советам"***.

* Rabinowitch A. The Bolsheviks..., p. 157. Курсив мой.

** Deutscher I. Op. cit., 118.

*** Holmes L. E. Soviet Historical Studies..., p. 270, 437, 514, n. 94.

Сталин выступает на собрании большевистской фракции

Но 24 октября Сталин не просидел безвылазно у себя в редакции. После полудня он вместе с Троцким был на совещании только что прибывших делегатов близившегося Второго съезда Советов. Никаких протокольных записей того, что он там говорил, не сохранилось, однако, к счастью, один из делегатов, присутствовавших на этом совещании, некто Жаков, резюмировал свои впечатления в письме, опубликованном впоследствии в журнале "Пролетарская революция".

По свидетельству Жакова, как Сталин, так и Троцкий подчеркивали оборонительный характер стратегии, проводимой Военно-революционным комитетом. В письме Жакова говорится:

"Сталин делает доклад о последних сведениях у Ц.К. (Р.С.Д.Р.П.). С фронта идут на нас. Один латышский полк шел за нас, задержан. Во Времен. Правит. колебания. Сегодня в 5 — 6 час. присылали для переговоров.

(Сообщ. Сталина) Ц.К.П. (С.Р.—Р.С.) спрашивал, какая цель у Воен.-Рев. К-та — восстание или охранение порядка? Если первое, — отзовем своих (в К-те дельные левые эс-эры). Мы, конечно, ответили: порядок, оборона. Они оставили своих. Матросы арестовали 50 юнкеров. В *Воен.-Рев. К-те 2 течения: 1) немедленное восстание, 2) сосредоточить сначала силы. Ц.К.Р.С.—Д.Р.П. присоединился ко 2-му.* "Аврора" спрашивала, стрелять ли при попытке разведения моста. Мы предложили не стрелять. Все равно мосты будут наши, а Троицкий мост охраняется Петропавл. крепостью. Среди юнкеров и броневиков раскол. У нас специальные орудия для разбивания броневиков. "Раб. путь" набирается. Телефоны пока не наши (через 2 минуты получилось известие, что броневик, поставленный правительством у центр. станции, — большевистский, и телефонисты перешли на сторону Совета). Почтамт наш. Идут два полка с фронта нам на помощь. Вызванные для усмирения нас, самокатчики с фронта прислали делегацию с большевистской резолюцией и спрашивают, идти ли им нам на помощь или назад на фронт"*.

Благодаря краткому резюме Жакова мы располагаем достаточно ясной картиной того, каковы были умонастроения Сталина и какой информацией он обладал днем 24 октября. Судя по всему, Сталину в то время уже было известно о проводимых широких акциях с целью свержения Временного правительства. Сталинские замечания, однако, позволяют сделать вывод, что имевшаяся у него информация носила отрывочный характер и основывалась главным образом на сведениях, поступавших к нему непосредственно из ЦК; данные о деятельности и политике

* Письмо М.Жакова к Васильченко. — "Пролетарская революция", 1922, № 10, с. 88—93. Курсив мой.

ВРК явно были получены им из вторых рук и отражают скорее точку зрения ЦК, чем опыт его прямого участия. Ясно также, что где-то во второй половине дня 24 октября Сталин появился в Смольном и попытался войти в курс дела, не желая отставать от стремительно развивавшихся событий. Однако Сталин не обнаружил своей осведомленности ни о проведенном в тот день заседании ЦК, ни о том, что другие члены ЦК получили конкретные задания, связанные с подготовкой и проведением восстания. Это впечатление подкрепляет и одно из редких мимолетных наблюдений, донесших до нас настроение Сталина в то время.

Накануне

Согласно воспоминаниям Анны Аллилуевой, Сталин вернулся к себе в квартиру вечером 24 октября в торжественно-приподнятом настроении. По ее словам, он сказал:

"Да, все готово! Завтра выступаем. Все части в наших руках. Власть мы возьмем..."*

Свидетельство Аллилуевой весьма ценно, даже если поставить под сомнение ее способность спустя столько лет в точности воспроизвести слова Сталина. Ее утверждение в общем и целом согласуется и с другими фактами, в том числе и с письмом Жакова.

Согласно официальным протоколам заседаний большевистского ЦК, заседание утром 24 октября было последним перед захватом власти. Не так давно, однако, советский историк Е.А. Луцкий выдвинул предположение, что в ночь с 24 на 25 октября в большевистском штабе в Смольном прошло еще одно, незапланированное заседание ЦК. Луцкий признает, что никаких официальных протоколов этого заседания не обнаружено, и соглашается, что все факты его проведения можно почерпнуть либо из архивных источников, либо из воспоминаний, опубликованных уже после 1957 года**. Тем не менее эта версия заслуживает самого серьезного изучения, и не в последнюю очередь из-за того, что имеет прямое отношение к роли Сталина в захвате власти.

Время этого заседания Луцкий определяет между двумя и пятью часами утра 25 октября***. Он полагает, что в нем участ-

* Аллилуева А. С. Воспоминания. М., "Советский писатель", 1946, с. 194. — Цит. по: Smith E. E. Op. cit., p. 374.

** Луцкий Е. А. Заседание ЦК РСДРП (б) ночью 24–25 октября 1917 г. — "Вопросы истории КПСС", 1986, № 11, с. 81–90. См. также более раннюю статью Луцкого: Луцкий Е. А. Мемуарные источники о заседании ЦК РСДРП (б) 24–25 октября 1917 г. — "Советские архивы", 1980, № 4, с. 26–31.

*** На самом деле у Луцкого указывается время с 3 до 5–6 часов утра. — *Прим. перев.*

вовали десять членов ЦК, включая Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и Сталина. Отсутствовали все, кроме одного, члены Военно-революционного центра — Бубнов, Дзержинский, Свердлов и Урицкий. Единственным из них, кто присутствовал — или, напротив, оказался "пятым лишним", — был Сталин. Остальные члены этого центра, по словам Луцкого, "находились в Смольном, но были заняты организационно-оперативными вопросами продолжавшегося вооруженного восстания". Следовательно, присутствие Сталина на заседании в Смольном — еще одно доказательство того, что за ним не было закреплено в операции по свержению Временного правительства никакого конкретного задания.

Часть работы заседания составляли, по словам Луцкого, сообщения о ходе восстания, однако главной его целью была разработка плана создания нового правительства. Следуя предложению, выдвинутому ранее Лениным, заседание одобрило название — "Рабоче-Крестьянское правительство". Старое название члена правительства — "министр" — слишком сильно ассоциировалось со старым режимом. Членов нового правительства Ленин предложил называть "комиссарами", отчасти это было связано с Парижской коммуной. Хотя Луцкий этого и не признает, но именно Троцкий первым предложил прибавить к "комиссару" слово "народный". Исполнительный орган нового правительства соответственно решено было величать Советом Народных Комиссаров. Троцкий вспоминал, что Ленин был в восторге: "Это превосходно: ужасно пахнет революцией!..."* Никто не удивился, что возглавить новое правительство согласился Ленин.

Сознавая, что решающее значение будет иметь поддержка со стороны крестьянства, приоритет на этом заседании отдали разработке проекта Декрета о земле, в основу которого легла земельная программа эсеров⁹⁰. На этом, как утверждает Луцкий, заседание закончило свою работу.

Не все биографы Сталина придают значение тому, что Сталин оказался в тот день не у дел. Такер, например, вообще обходит этот вопрос молчанием, Улам находит этому довольно изощренное объяснение: он считает, что задание Сталина как раз в том и состояло, чтобы не принимать активного участия в восстании, дабы не подвергать себя риску ареста. Наоборот, Сталин должен был оставаться в тени, поскольку входил в ту резервную часть партийного центра, которая могла принять на себя руководство в случае, если восстание даст осечку**.

Из всех западных биографов Сталина наиболее остро ощущал необходимость как-то логически обосновать и объяснить, почему Сталин не принимал участия в событиях 24 октября, Дейчер.

* Троцкий Л. Моя жизнь. В 2 томах. Берлин, 1930, т. 2, с. 60.

** Улам А. В. Op. cit., p. 154.

Он пишет: "Отсутствие, бездеятельность Сталина в штабе во время восстания невозможно объяснить. Это остается странным и непреложным фактом"*.

Советский историк Городецкий критикует "ошибочную" позицию Сталина в редакционной статье "Что нам нужно?" от 24 октября и произнесенную в тот же день речь на совещании большевистской фракции, что Сталин отводит слишком много места оборонительной стороне деятельности ВРК**. Однако Городецкий не делает никаких попыток объяснить этот промах Сталина. Возможно ли все-таки найти удовлетворительное объяснение той загадке, которая поставила в тупик Дейчера? Отчасти, как я уже отмечал, ответ на вопрос заключается в том, что другие лидеры, и в особенности Троцкий и Свердлов, не захотели привлечь Сталина к участию в подготовке и осуществлении восстания.

Но ведь Сталин неплохо показал себя в период июльского кризиса и весьма успешно делил со Свердловым руководство Шестым съездом партии. Так что в послужном списке Сталина был целый ряд позитивных моментов. Да и в любом случае Свердлов был достаточно объективен в оценке способностей своих товарищей, чтобы позволить взять верх личным чувствам, когда речь шла об оптимальном использовании талантов каждого для дела партии. В октябре Свердлов не раз предлагал сам или соглашался с мнением других товарищей, выдвигавших Сталина в различные потенциально важные партийные органы, наиболее значительными из которых было Политическое бюро, куда Сталина избрали 10 октября, и Военно-революционный центр, членом которого он стал 16 октября. Но как исполнял Сталин возможность работы в этих органах, чтобы совместно с товарищами добиться достижения дерзкой цели, зависело уже только от него самого. А как раз этот шанс Сталин явно упустил, так же как и шанс поприсутствовать 24 октября на решающем заседании ЦК. Ни Свердлов, ни Троцкий не были о Сталине достаточно высокого мнения, чтобы специально позаботиться о его явке. То обстоятельство, что они не потрудились оповестить Сталина о заседании 24 октября, можно с полным правом причислить к основным факторам, объясняющим тот "странный и непреложный факт", который так озадачивал Дейчера.

А как же оценивал эту ситуацию сам Сталин? Можно ли объяснить все это, хотя бы частично, тем, что его самолюбие оказалось ущемлено в связи с итогами заседания ЦК от 20 октября? В статье, опубликованной в 1977 году, я, основываясь главным образом на протоколе заседания ЦК от 20 октября,

* Deutscher I. Op. cit., p. 167.

** Городецкий Е. И. Из истории Октябрьского вооруженного восстания..., с. 3. См. также: Городецкий Е. И. Рождение Советского государства. М., "Наука", 1965.

акцентировал внимание именно на этом факте, хотя и признавал, что определенную роль могли здесь сыграть и другие обстоятельства.

Версию об "ущемленном самолюбии" трудно принять в основном потому, что Сталин не только явился на следующее заседание 21 октября, но и сыграл видную роль в его работе. Если попытаться свести в одну плоскость три группы фактов — протокол заседания 21 октября, опубликованную Сталиным 24 октября редакционную статью "Что нам нужно?" и его выступление во второй половине того же дня на совещании большевистской фракции — то напрашивается совершенно иное объяснение. При такой интерпретации фактов Сталин берет реванш после чрезвычайно неблагоприятного для него заседания 20 октября, явившись на следующий же день с позитивной программой скорейшего захвата власти. Прежде всего, он в общих чертах намечает повестку дня приближавшегося съезда Советов и темы докладов большевистских лидеров. Несколько позже он вносит в свой план уточнения, называя имена конкретных партийных лидеров, в том числе Ленина и Троцкого, которые должны будут выступить с докладами, причем сам Сталин берется выступить по национальному вопросу.

На том же самом заседании члены ЦК отдали дань уважения Сталину, выдвинув его кандидатуру в два новых органа: отряд из видных партийных деятелей, призванный усилить Исполнительный комитет Петроградского Совета, и группу из трех человек (в нее, кроме Сталина, вошли Свердлов и Милютин), которой было поручено выступить перед прибывшими на съезд Советов большевистскими делегатами. (Впоследствии эти планы изменились, вместо Свердлова и Милютина перед делегатами вместе со Сталиным выступил Троцкий.)

Если учесть все эти факты, можно построить следующую гипотезу: где-то к полудню 24 октября, а возможно, и несколькими часами раньше Сталин узнает о существовании Военно-революционного комитета⁹¹. При этом, однако, он еще не отдает себе отчета, что ВРК в тесном взаимодействии с ЦК и ВО взял на себя организацию восстания. Сталину — как об этом свидетельствует его выступление перед делегатами во второй половине дня 24 октября — функции ВРК кажутся чисто оборонительными. Восстание представляется ему такой массовой акцией, когда рабочие и солдаты устраивают собрания, избирают делегатов и дают им свои наказы съезду Советов. А съезд возьмет всю полноту власти, не встретив никакого существенного сопротивления со стороны Временного правительства.

Сталин в соответствии с этой интерпретацией, вероятно, считал, что вполне успешно выполнил свой долг, выдвинув конструктивные предложения на заседании ЦК 21 октября и опубликовав программную редакционную статью в номере

”Рабочего пути” 24 октября. Не удосужившись воспользоваться предоставленными ему полномочиями, Сталин так и оставался в неведении относительно того, как пошел процесс низложения Временного правительства. Поэтому, в сущности, он и не испытывал никакой потребности явиться в Смольный после заседания ЦК 21 октября. Его не было на заседании утром 24 октября, потому что Свердлов, созывая товарищей, не потрудился оповестить Сталина; кроме того, навестись в партийный штаб ему помешала собственная безынициативность и ошибочное убеждение, будто восстание, намеченное на 25 октября, осуществится за счет широких массовых выступлений. Не исключено, что Свердлов вполне устраивала неосведомленность Сталина относительно истинной стратегии. Возможно, он отдавал себе отчет, что идея о массовом вооруженном восстании, которую пропагандировал Сталин, может служить удачной маскировкой стратегии, проводимой на самом деле. Если дать такую трактовку событий, то Сталин невольно сыграл свою роль в осуществлении планов прикрытия.

Сталина, разумеется, никак нельзя было упрекнуть в недостатке ума, но порой он с трудом воспринимал новую для себя ситуацию. Он мог допускать грубые просчеты, впервые сталкиваясь с непривычными для себя проблемами, но он также умел учиться на ошибках. Наиболее успешно он добивался осуществления своих целей тогда, когда действовал осторожно, обдуманно и энергично в ситуации, досконально изученной им на основании прошлого опыта. Осуществление большевиками операции по захвату власти представляло собой уникальную, единичную акцию, не оставлявшую больших шансов на успех тем, кто, подобно Сталину, не умел схватывать все на лету, а напротив, готовясь к тем или иным событиям, нуждался в предварительных прикидках и примерках. Так что большевистская революция оказалась для Сталина операцией, в которой он заранее был поставлен в весьма неблагоприятные условия. Трудно выделить какой-то один фактор, повлиявший на общий исход; судьбу Сталина решило роковое стечение целого ряда субъективных обстоятельств, а также низкая оценка способностей Сталина в глазах других и, наконец, просто элементарное невезение — зайдя он случайно в Смольный утром 24 октября, и все дело могло обернуться совершенно иначе.

Что может быть более позорным для человека, претендовавшего на место в руководящей верхушке партии — и уже грезившего о том, чтобы стать ее единственным вождем⁹². — чем упустить великий и неповторимый момент триумфа, момент взятия власти? Потребуются многие километры печатного текста, реки чернил — и крови, — пока Сталин наконец не успокоится, уверившись, что его отсутствие среди тех, кто руководил революцией 1917 года, навсегда стерто из памяти людей.

VII.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

Итак, как же все-таки случилось, что Сталин остался вне Октябрьской революции? Простейшим ответом на этот вопрос — и ответом, в котором, пожалуй, кроется 75% истины, — будет следующий: взятие большевиками власти — дело рук слаженного коллектива, а Сталин отнюдь не отличался умением работать в общей упряжке. Если прибавить, что об отсутствии у него способностей участвовать в коллективных акциях догадывались и те, кто организовывал и руководил этой операцией, то это увеличит вероятность нашего утверждения еще на 5%.

Чтобы еще ближе подойти к исчерпывающему объяснению, нам придется сфокусировать внимание на двух группах важных фактов, сыгравших свою роль в ходе развития событий, участником которых оказался Сталин: это структура власти во время Октябрьской революции и характер участия Ленина в обеспечении победы большевиков.

Структура власти непосредственно перед большевистской революцией

Структура большевистской и советской власти⁹³ в Петрограде накануне Октябрьской революции была уникальной во всей большевистской истории.

Начнем с самой партии и ее официального политического органа, Центрального Комитета. В первые три с половиной недели октября 1917 года ЦК раздирали разногласия, причина которых — требование Ленина о немедленном восстании, с одной стороны, и различная реакция на это требование со стороны остальных членов ЦК — с другой. Двумя наиболее явными и последовательными оппонентами Ленина оказались Каменев и Зиновьев, ранее считавшиеся наиболее верными и надежными его соратниками.

Политический орган внутри самого ЦК, так называемый "узкий состав", более не функционировал — его последнее протоколированное заседание состоялось 23 августа. Признанный вождь партии Ленин был вплоть до последней недели октября вынужден скрываться, и почти все это время ему приходилось доводить свои замыслы до сведения ЦК с помощью писем и директив. Из всех регулярных заседаний ЦК, проведенных до взятия власти, он лично присутствовал лишь на двух — 10 и 16 октября.

Речь в данном случае вовсе не о том, что он в этот период не осуществлял руководства — нет, он по-прежнему руководил партией, и во все более настойчивой форме, осуществляя власть своим самым мощным оружием — пером. И все-таки между присутствующим Лениным и Лениным отсутствующим была большая разница.

Для Сталина стремительное изменение расстановки сил в партии — уход в тень "узкого состава", переход в открытую оппозицию Каменева и Зиновьева, отсутствие в Петрограде Ленина и возвышение Троцкого — создавало ситуацию, в которой ему становилось все труднее обрести твердую точку опоры. Насколько мало Сталин понимал, что происходит, показывает его неподписанное примечание от редакции, опубликованное в номере "Рабочего пути" 20 октября, в котором он высказывает сожаления по поводу резкости ленинских нападок на двух "штрейкбрехеров" и заявляет, что "в основном мы (включая Каменева и Зиновьева. — *Р.С.*) остаемся единомышленниками"*.

По собственной воле и собственному выбору — из-за своей обычной осторожности перед непривычными проблемами, объясняющей многие его поступки, — Сталин уклонился от активной работы в двух органах, сыгравших ведущую роль в осуществлении захвата власти. Речь идет о созданном под руководством Троцкого при Петроградском Совете Военно-революционном комитете (ВРК)⁹⁴ и большевистской Военной организации (ВО), которая служила для ВРК резервуаром людских ресурсов, но тесные связи с которой у Сталина нарушились вследствие высокомерного поведения в середине августа. Конечно, к 24 октября он не мог не знать о существовании ВРК и при желании имел все возможности принять активное участие в его деятельности, но Сталин не оценил скрытого потенциала, который был заложен в стремительном усилении и самоутверждении ВРК. На стороне Сталина были осторожность и недоверие, на стороне ВРК и ВО — полная концентрация сил на решении неотложных задач, не оставлявшая им времени для забот о том, как бы Сталин не оказался вне игры.

*Протоколы..., с. 115.

После смерти Сталина и атак Хрущева на "культ личности" советские историки и их покровители в Центральном Комитете Коммунистической партии оказались перед весьма серьезной проблемой: если уж необходимо заново переписать партийную историю, то кто же тогда займет в ней центральное место, которое ранее, в течение многих лет сталинского господства, занимал Сталин — правая рука Ленина? Следовало ли для этого реабилитировать Троцкого, вернув ему позиции, которые бы более или менее соответствовали его истинной исторической роли, или лучше по-прежнему отрицать ту ведущую роль, которую он сыграл в операции по взятию власти?

Ответ партийных идеологов был ясным и не допускал ни малейших сомнений: посмертный позор, которым было покрыто имя Троцкого как врага, если оно вообще удостоивалось упоминания в партийной истории, должен был тяготеть над ним и дальше, а его истинную роль в октябрьских событиях следовало отрицать столь же яростно, как это было при Сталине. Должно быть, партийные идеологи сразу же поняли, что в противном случае окажутся под угрозой претензии партии на власть, в основе которых отчасти лежала и ее монополия на историческую интерпретацию революции.

Снижение роли Сталина при упорном отрицании значения Троцкого не оставляло партийным идеологам никакого иного выбора, кроме как еще больше возвеличивать роль Ленина. В результате фигура Ленина, уже и без того занимавшая центральное место, после 1956 года обрела поистине гигантские размеры*⁹⁵. Ленин в соответствии с новой советской историографией явился не только инициатором и создателем теоретических основ большевистской стратегии, но, как выяснилось, к тому же еще и руководил повседневной подготовкой большевистской победы, включая гениальные и подробные стратегические разработки, приведшие в конечном счете большевиков к власти.

Дабы восполнить странное отсутствие каких бы то ни было документов, относящихся к тому времени и способных подтвердить это раздувание роли Ленина, обратились к оставшимся в живых ветеранам революции, подвигнув их заново переписать свои мемуары и воспоминания, где центральное место отводилось Ленину, а роль, сыгранная Троцким, игнорировалась или отрицалась. Особенно кстати оказались переизданные мемуары одного из уцелевших ветеранов — Подвойского, — весьма

* См., например, хронологию в статье "Великая Октябрьская социалистическая революция". — Советская Историческая Энциклопедия. В 16 томах. М., 1961–1976, т. 3, с. 58–63.

красочно изобразившего, как Ленин уверенно и не покладая рук руководил деятельностью ВРК*. Свой вклад внесли и советские историки революции во главе с академиком И.И. Минцем, опубликовав монографии и сборники документов, где имя Троцкого либо вовсе отсутствовало, либо упоминалось в явно клеветническом тоне**. В конце концов, желая доказать, что Троцкий не играл никакой хоть сколь-нибудь значительной роли в качестве лидера ВРК, Минц обращается за подтверждениями к работам, выходявшим под его же собственной редакцией***.

Достоин сожаления, что советские историки избрали именно этот путь, а не решились честно признать прошлые ошибки и провести переоценку ситуации, в которой находилась партия в октябре 1917 года. Работы, где делаются попытки приписать Ленину всю честь разработки большевистской стратегии, неизбежно страдают серьезными изъянами, обрекая советских историков на укрепление той версии революции, которую просто невозможно согласовать с фактами.

Непреодолимым препятствием на пути окончательного признания интерпретации событий в духе "все это сделал Ленин" служит страстное письмо в ЦК, написанное им вечером 24 октября 1917 года, накануне взятия власти, проникнутое мучительной тревогой, что ничего не делается для свержения Временного правительства и может оказаться безрассудно упущен шанс на победу. И это в тот момент, когда Военно-революционный комитет уже предпринимал все возможное, чтобы обеспечить окончательную победу над одряхлевшим правительством Керенского****. Просто невозможно представить, чтобы Ленин написал это письмо, датированное вечером 24 октября, если бы он действительно лично руководил деятельностью Военно-революционного комитета. Такой страстный призыв к действию мог написать только человек, сжатый в тисках почти физического ощущения надвигающейся катастрофы⁹⁶.

Не исключено, что существенный вклад в то, что Ленин оказался в столь неловком положении, внес и Сталин. Ведь с середины июля Сталин был одним из связных, в чьи функции входило держать вождя партии в курсе текущего состояния дел. А Сталин, совершенно утратив к 24 октября связь со стремительно разворачивавшейся драмой восстания, вряд ли мог служить для Ленина самым достоверным источником информации.

* Подвойский Н. И. Год 1917. М., Госполитиздат, 1958.

** Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 1007, со ссылкой на: Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 томах. М., "Наука", 1966—1967.

*** Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 1007.

**** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.

Еще одной причиной, заставляющей усомниться в правомерности интерпретации "все это сделал Ленин", служит то, что выдвинутая Лениным стратегия — всенародное вооруженное восстание — так фактически и не осуществилась. То, что произошло на самом деле, оказалось хорошо скоординированным захватом власти в столице, вслед за которым через различные промежутки времени произошли аналогичные события в Москве и других крупных городах по всей Российской империи. Я далек от мысли отрицать важность крестьянских волнений и мятежа в войсках — ведь именно они-то в конечном счете и обеспечили основу для смены власти в Петрограде. Однако как крестьянские волнения, так и мятеж в войсках находились в то время уже в стадии развития, а вовсе не носили характера того внезапного резкого взрыва в конце октября.

Задача, которую поставили перед советскими историками партийные идеологи, оказалась практически невыполнимой. С одной стороны, им предписывалось рисовать образ Ленина как главной фигуры в операции по захвату власти. С другой — требовалось выставить Троцкого как некоего коварного злоумышленника, который, настаивая на том, чтобы оттянуть восстание и приурочить его к созыву Второго съезда Советов, едва не погубил всю ленинскую стратегию. Для Ленина ждать съезда Советов было равносильно предательству революционной миссии партии — отсрочка может оказаться роковой, уникальная возможность будет безвозвратно упущена. Однако не настаивая Троцкий на том, чтобы оттянуть действия и приурочить их к съезду, — и октябрьские события не вышли бы по своей значимости за рамки обыкновенной попытки партии меньшинства захватить власть, воспользовавшись моментом смертельного недуга находившегося у власти правительства.

Ленин был не прав, заявляя в середине июля об установлении военной диктатуры⁹⁷, — ведь это был период, когда правительство Керенского, пошатываясь от слабости, брело от одной катастрофы — политического кризиса и неудачного наступления — к другой, корниловскому мятежу. Неверно проанализировав ситуацию в июле, Ленин соответственно выдвинул и ошибочную стратегию для партии, нацеливая ее на всеобщее вооруженное восстание. (Вполне обоснованное недоверие к этой стратегии и послужило той искрой, которая привела в октябре к разрыву с Лениным Каменева и Зиновьева.)

Со стороны Ленина было бы вполне логично пересмотреть свою стратегию в конце августа, едва столкновение между Керенским и Корниловым со всей очевидностью выявило слабость правительства и утрату им контроля над армией. Ленин сразу же увидел, какие возможности это открывает перед партией, но по-прежнему продолжал говорить о вооруженном восстании, хотя сложившиеся в тот момент условия допускали возможность куда

более прямого пути к победе над Временным правительством⁹⁸.

Просчет, допущенный Лениным в середине июля, тесно связан с его общим отношением к Советам. В отличие от Троцкого Ленин не имел никакого опыта участия в деятельности Советов. В его глазах они были всего лишь орудием, которым можно было воспользоваться или отбросить в зависимости от менявшихся политических условий. Он мало отдавал себе отчет, какой притягательной силой обладали они для рабочих и солдат, какое глубокое удовлетворение давала им эта возможность выразить свои чаяния в происходившей в стране революции.

Хотя в начале сентября Ленин все-таки изменил свой подход к оценке роли Советов, он по-прежнему не видел, каким образом их можно связать со стремлением большевиков к власти. Молчаливо отказавшись от выдвинутой в середине июля концепции правой диктатуры, Ленин — даже в то время, когда для окончательного падения Временного правительства достаточно было небольшого, но хорошо скоординированного толчка, — все еще продолжал изъясняться в терминах всеобщего вооруженно-го восстания.

Позитивный вклад Ленина

И все-таки вклад Ленина в победу большевиков оказался решающим в двух отношениях. Прежде всего, неустанно требуя от партии подготовки к захвату власти, Ленин приносил то нагнетание напряженности, важность которого ни в коем случае не следует недооценивать. Под мощным давлением его страстных призывов к немедленным действиям взорвалась и распалась на части старая руководящая группа — Каменев и Зиновьев перешли в открытую оппозицию, Сталин пребывал в нерешительности. Не будь энергии и энтузиазма двух новых лидеров — Свердлова и Троцкого, — ленинские упорные призывы могли бы так и не воплотиться ни в какие конкретные действия. Сталин тем временем пытался сориентироваться в ситуации, исходя из прежних, не таких лихорадочных времен. Его стремление заслонить Зиновьева от ленинского гнева, а также безуспешная попытка притупить остроту ситуации, вызванной заявлением Каменева о намерении выйти из состава Центрального Комитета, со всей наглядностью демонстрируют, сколь мало понимал он новую ситуацию.

Как это ни парадоксально, но еще одним важным вкладом Ленина в триумфальную победу большевиков явилось то, что он привнес миф о вооруженном восстании, который позволил превратить захват власти в один из наиболее глубоко чтимых и мощных символов марксизма⁹⁹. Время действия — а оно совпало не только с созывом Второго Всероссийского съезда

Советов, но и с одновременным развалом дисциплины в армии, молчаливой поддержкой со стороны петроградских рабочих и стремительным углублением и расширением крестьянских волнений — давало представителям партии основания утверждать, что событие, которое произошло в Петрограде 24 — 25 октября, на деле было тем самым вооруженным восстанием, на необходимости которого настаивал Ленин.

Для Сталина последствия этой ситуации оказались весьма благоприятными. К 24 октября он уже рассматривал вооруженное восстание как следующий пункт партийной программы и в своей редакционной статье, опубликованной 24 октября, выдвинул свою собственную интерпретацию ленинской платформы. Однако поскольку Ленин так и не видоизменил свою стратегическую цель, дабы привести ее в соответствие с изменившимся "текущим моментом", Сталин оказался в результате без руля и без ветрил. Внешнее совпадение между стратегическими предвидениями Ленина и эпохальными событиями 25 октября 1917 года неизмеримо усилило позиции Ленина как в партии, так и в истории — совершенно независимо от того факта, что выбор времени и условий захвата власти был отнюдь не в его власти. Не обладая ни ленинским статусом, ни его способностями к предвидению, Сталин не смог с той же легкостью оправиться от последствий собственных просчетов. И в будущем его постоянно будет преследовать мысль, что он так или иначе остался вне революции, прозевал ее.

Последствия для дальнейшей карьеры Сталина

В сущности, так ли уж это важно, что Сталин пропустил революцию? Можно ведь, как это успешно сделал Такер, представить Сталина как честолюбивого и подававшего надежды партийного деятеля, чей вклад в общий успех большевистской политики в 1917 году оказался если и не выдающимся, то, во всяком случае, вполне весомым*. Нисколько не подвергая сомнению аргументы, которые приводит Такер в защиту послужного списка Сталина в 1917 году, можно тем не менее заметить, что этот список не имеет ничего общего с теми деяниями, которых требовало сталинское "я". Осознание Сталиным несоответствия между честолюбивыми планами и реальными событиями 1917 года привело к целому ряду важных последствий.

Первой и необходимой предпосылкой создания хоть сколь-нибудь приемлемой для Сталина летописи событий той поры были дискредитация, разрушение и искоренение образа Троцкого как одного из двух главных вождей, который наравне с Лениным обеспечил победу большевиков. Эта задача — оказавшаяся

* Tucker R. C. Op. cit., p. 179–180.

не такой уж сложной благодаря промахам самого Троцкого и его недооценке личности Сталина — была завершена к 1929 году, когда Троцкий, лишившись власти, был выслан из страны. Однако поверженный Троцкий, подобно легендарному призраку, упорно отказывался смириться со своим поражением и поешушно уйти в небытие — потребовалось еще целых одиннадцать лет, прежде чем Сталину наконец удалось уничтожить его самого и заставить замолчать его обличающий голос.

Гораздо более трудным оказалось для Сталина переписать по своему вкусу историю революции. В известном смысле эту проблему Сталин так до конца и не решил. Общие контуры истории революции были уже слишком четко обозначены, чтобы дать возможность для какой бы то ни было ее переориентации в соответствии с поставленными им целями. Даже в написанной в конце 30-х годов по его указанию истории партии, знаменитом "Кратком курсе", Сталину и его марионеткам-историкам так и не удалось создать хоть мало-мальски правдоподобный образ Сталина как равного Ленину вождя большевистской партии в 1917 году. Но Сталину требовалось нечто большее, ему надо было продемонстрировать, что он, Сталин, способен спланировать и возглавить революцию еще более радикальную, еще более грандиозную по масштабам, чем триумфальная победа Ленина в 1917 году.

Проводимая под руководством Сталина в 30-х годах "революция сверху" — коллективизация сельского хозяйства, создание основ тяжелой индустрии и сопровождавшая все эти сдвиги глубокая социальная перестройка — явилась среди всего прочего еще и демонстрацией Сталиным своих способностей "делать революцию", по которым он не только оставил далеко позади Троцкого, но даже превзошел самого Ленина. Однако это еще не все, впереди была сталинская "вторая революция", которой предстояло решить другую важную для него задачу.

Сталин никак не мог смириться с существованием живых свидетелей событий 1917 года, знавших беспочвенность его притязаний на лидирующую роль в революции. Среди мотивов, побудивших Сталина развязать "великую чистку", жертвами которой оказались многие старые большевики, далеко не последнее место занимала эта острая потребность уничтожить и заставить замолчать неудобных свидетелей¹⁰⁰. Та садистская жестокость, с которой он преследовал и уничтожал тех, кто не удосуживался "вспомнить" его роль такой, какой бы он желал запечатлеть ее в истории, явилась следствием горьких воспоминаний о промахах и просчетах 1917 года.

Итак, именно осознанные Сталиным ошибки 1917 года в конечном счете толкнули его к высотам и безднам его собственной революции, результатом которой стали новое общество, новая коммунистическая партия и новая нация.

Послесловие

Бедный читатель! За последнее время на него обрушилось такое количество не скажу новой, скорее иной, неизвестной ему ранее информации, что, казалось бы, голова должна пойти кругом.

Ведь как удобно было работать издателям раньше: существовала апробированная временем и всеми инстанциями, жесткая историческая схема, определявшая основные параметры всего процесса "подготовки и проведения" Великой Октябрьской социалистической революции. А посему любую новую книгу, освещающую данные проблемы, надо было лишь сверить с указанной схемой, безжалостно отсекая все то, что колебало сложившиеся "устои".

Читателю тоже жилось проще и экономней — перелистал у книжного прилавка очередной, как правило, "юбилейный" труд, убедился, что и в нем все те же, кочующие из книги в книгу, набившие оскомину факты и фразы, и спокойно отложил в сторону. . . Исключения были достаточно редки.

А ныне. . .

С трудом успеваешь просматривать десятки статей на "октябрьские" сюжеты в ежедневных газетах, популярных еженедельниках, толстых журналах. И почти в каждой — неизвестные ранее факты, неожиданные сопоставления, нестандартные выводы.

Рушится старая схема и заскоружные догмы.

И только читатель, обладающий некоторыми профессиональными знаниями и природным чувством юмора, сетует порой на то, что те или иные "новые" факты недостаточно проверены, сопоставления довольно искусственны, выводы недостаточно обоснованны.

А одновременно — уже не по "черным" радиоканалам, а в нашей прессе — публикуются книги или пространные фрагменты зарубежных советологов, ранее скопом зачислившихся в проскрипционный список "фальсификаторов истории".

И вот теперь издательство "Прогресс" предоставило возмож-

ность советскому читателю прочесть книгу Роберта Слассера "Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции".

Почему из множества работ об Октябре, вышедших за рубежом, переведена именно эта книга?

Прежде всего уже не по фрагментам или пересказу с чужих слов, а по оригинальной, законченной монографии наш читатель впервые получает возможность судить и о характере литературы, и о том глубоком интересе, который по сей день вызывает Октябрь 1917 года среди профессиональных историков за рубежом.

Причем в данном случае речь идет о труде не полувековой и даже не десятилетней давности — столь излюбленном объекте критики наших юных аспирантов и ученых мужей, — а об одной из новейших работ.

Роберт Слассер не принадлежит к числу исследователей, каждый раз заново изобретающих свой велосипед. Он неплохо знаком со всей гигантской литературой, вышедшей и на Западе, и в нашей стране, по проблемам истории 1917 года. Приводя те или иные сведения, формулируя свои, зачастую весьма спорные выводы, он, как правило, отсылает читателя и к своим предшественникам, и к самим исходным документам. А как говаривал один из героев французских фаблю, "против фактов бессильно даже самое блестящее остроумие".

Материалы, содержащиеся в книге Слассера, дают возможность ознакомиться с тем обширным "архивом русской революции", который десятилетиями скрупулезно собирался зарубежными специалистами и был недоступен для наших читателей. И вместе с тем эта работа в известной мере суммирует результаты последних исследований западных историков по проблемам 1917 года.

Интерес к книге Слассера, несомненно, связан и с ее жанром. Даже тот, кто никогда не читает пухлых исторических монографий, с удовольствием берется за историческую биографию, рассказывающую о событиях прошлого в связи и через судьбу той или иной известной личности. Ну а интерес к фигуре Сталина, даже после всех нынешних сенсационных разоблачений, несколько не ослабевает.

Мало того, приводящиеся в статьях отдельные факты его биографии поневоле вызывают стремление не только проверить эти факты, но и поставить их в контекст событий того времени, проанализировать в рамках того или иного исторического этапа. Именно такую попытку и предпринял Роберт Слассер.

О том, насколько она удалась, судить читателю. Сегодня он достаточно просвещен, чтобы отличить серьезную работу от скороспелой поделки.

И все-таки рискну высказать несколько соображений. . .

Тот факт, что Роберт Слассер собрал и тщательно проанали-

зировавший обширнейший материал, что многие эпизоды биографии Сталина в 1917 году впервые высвечены им с такой полнотой, — этот факт несомненен. В этом отношении его книга — серьезный контраргумент и противовес всем прежним апокрифическим писаниям о Сталине как "вожде Октября", основывавшимся не только на прямых фальсификациях, но и на откровенных умолчаниях.

Заметим, однако, что и книга Роберта Слассера, как и многие другие работы его западных коллег, имеет свою специфику. О ней необходимо сказать хотя бы для того, чтобы на смену старым, рушащимся мифам не возникали столь же опасные новые.

Прежде всего значительное влияние на Слассера, безусловно, оказал Троцкий — и как ценнейший свидетель многих решающих событий 1917 года, и как автор интереснейших работ по истории Октября. Сам подзаголовок книги "Человек, оставшийся вне революции" появился, безусловно, не без влияния Троцкого, его концепции, хотя факты того, как Сталин "пропустил" "революцию", приведенные в книге, не подтверждаются (см. комментарий № 91). Слассер нередко полемизирует с Троцким, не соглашаясь в тех или иных деталях и оценках, и все-таки это общее влияние прослеживается с достаточной очевидностью.

Оно сказалось не только в персональной оценке роли Троцкого и Сталина в тех или иных событиях, не только в трактовке такой теоретической проблемы, как принципиальное различие между идеями "перманентной революции" Троцкого и ленинской концепцией перерастания революции демократической в революцию социалистическую. Это влияние проявилось в освещении центрального сюжета всей книги — анализе разногласий внутри большевистского ЦК на протяжении всего 1917 года.

Дискуссии и споры между членами ЦК зачастую предстают у Слассера как некая резкая конфронтация, а то и просто интриги политических противников, но не как неизбежный и естественный результат процесса совместного поиска истины и выработки оптимальных решений товарищами по борьбе, осознающими величайшую ответственность, которую история возложила на их плечи.

Позднее В.И. Ленин напишет: "Надо не видеть "интригу" или "противовес" в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей" (Полн. собр. соч., т. 54, с. 73). Но это позднее. . .

А тогда — в бурном и "драчливом" 1917-м?

Ответ на этот вопрос содержится в книге Слассера. Вспомните стр. 99, где приводятся слова Ленина, сказанные им о Каменеве в момент острейших политических разногласий: "То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные ре-

зультаты. . . Дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах”.

Что же касается оценки этих разногласий Троцким, то стоит напомнить, что его труды, как, впрочем, и многих других авторов, отнюдь не были образцом объективного научно-исторического исследования. Как правило, они появлялись на свет в качестве инструмента жесткой политической борьбы, во многом определявшей выбор и трактовку исторических фактов. В таком подходе к истории Троцкого превзошел лишь сам Сталин. А стало быть, работы Троцкого требуют сегодня такого же критического подхода и такого же беспощадного анализа, который Роберт Слассер демонстрирует тогда, когда речь идет о явно ”сталинистских” трудах.

И еще одно соображение о специфике данной книги...

Погружаясь в исследование подробностей жизни и деятельности Сталина в 1917 году, в размышления о мотивах его поведения, о взаимоотношениях с ближайшим и более отдаленным окружением, Слассер как бы отодвигает на задний план сложнейшее переплетение реальных исторических событий, происходивших тогда в России. Для него это лишь внешнее, своего рода исторический фон, на котором проявляется заданная сущность ”героя”, а не один из мощных факторов, формирующих его поведение и взаимоотношения с другими персонажами.

Это обстоятельство и толкает нередко автора на путь ”психологических” догадок, ”чтения в чужих душах”, который столь же интересен, сколь и произволен. Между тем именно в революционные периоды реальные события создают достаточно жесткие условия для личного выбора и проявления индивидуальности. Это тот исторический момент, когда, выражаясь словами немецкого философа Ганса Фрейера, не человек живет, а ”человека живут”.

Мало того, когда Роберт Слассер касается или упоминает о решающих событиях 1917 года, он, не углубляясь в самостоятельное исследование, зачастую повторяет те штампы, которые на Западе кочуют из книги в книгу без всякого серьезного обоснования. И о некоторых из этих штампов написал в своих обстоятельных комментариях к данной книге известный советский историк В. И. Миллер.

Мимоходом Слассер повторяет меньшевистскую версию истории возникновения Советов; походя упоминает легенду о ”немецких деньгах”; как бы между прочим заявляет о ”мифе” вооруженного восстания. . .

Да, вне анализа глубочайшего общенационального кризиса, сложившегося осенью 1917 года в России, действительно невозможно понять ни восстания в Петрограде, ни подлинно народного характера всей Октябрьской революции. Вне этого анализа

большевики, как это нередко утверждали противники Октября, уподоблялись пушкинскому Балде, вызвавшему из дололе спокойного российского болота некие демонические силы, именуемые в русском просторечии чертями. . .

Между тем дело было совсем не в доктринах тех или иных политических партий. "Ход событий, — говорил Ленин, — разруха жизни, голод — вот что двигает революцию" (Полн. собр. соч., т. 31, с. 379). И когда буржуазные газеты обвиняли большевиков в "подстрекательстве", ставя им в пример благоразумных министров-социалистов, Ленин отвечал: "Страна рабочих и беднейших крестьян. . . раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас. Поживите — увидите" (Полн. собр. соч., т. 32, с. 35).

И дело опять-таки было не в амбициях тех или иных политических лидеров. Неспособность буржуазного правительства решить вопрос о мире, хлебе и земле, попытки с помощью открытого насилия установить антинародную военную диктатуру вызывали в массах такую бурю озлобления и ненависти, которая в любой момент могла привести, как выразился Ленин, к "бесконечно свирепому" стихийному взрыву (Полн. собр. соч., т. 34, с. 205).

В письмах с мест, приходивших в ЦК РСДРП(б), партийные комитеты с тревогой отмечали усталость, отчаяние масс и намечающийся на этой почве уклон к анархизму, проявляющийся "в дикой злобе, которая в каждую минуту может вызвать неслыханно дикое выступление". Писали, что в провинции народ "бурлит", что ему уже "невтерпеж", что "масса левее по-анархистски". А руководитель саратовской организации М. Васильев-Южин сообщал, что большевикам с трудом приходится удерживать от выступления солдат: "Если мы не хотим, чтобы поднялось стихийное движение, обреченное, быть может, на неудачу, мы должны стать во главе его".

Эту опасность остро ощущал Ленин. Он указал на "сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые чувствуют, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что "повлиять" никак не повлияешь, что голодные "разнесут все, разможат все даже по-анархистски", если не сумеют руководить ими в решительном бое большевики" (Полн. собр. соч., т. 34, с. 413).

Повторяю, нельзя понять вне анализа общенационального кризиса ни политики большевиков, ни общенародного характера Октябрьской революции, в считанные недели и месяцы одержавшей победу в гигантской 150-миллионной стране.

Впрочем, не будем навязывать автору своих соображений и корить его за то, чего он не писал. Важно понять и оценить написанное им, его позицию. Полагать, что сегодняшней плюрализм мнений есть лишь дань ветреной проходящей моде, —

значит вольно или невольно вести дело к созданию новых схем и новых догм.

Путь к истине лежит через новые исследования, через сопоставление и борьбу разных точек зрения. И если эта книга вызвала у читателя множество соображений и еще больше вопросов, что ж, сегодня существует реальная возможность, не беря на веру ни одного слова, еще раз перечитать не только зарубежных, но и советских авторов, трудами которых столь уважительно пользуется Роберт Слассер, обратиться, наконец, к документальным публикациям, чтобы сопоставить факты и выводы, прийти к своим самостоятельным суждениям.

Такая возможность сегодня существует, и это прекрасная возможность. Счастливый, однако, у нас нынче читатель!

В. Т. Логинов

Комментарии

¹ Л.Б. Каменев работал в "Правде" только в 1914 г.; в ЦК РСДРП (б) избран в 1917 г., на VII (Апрельской) конференции большевиков. М.К. Муранов вошел в Русское бюро ЦК в марте 1917 г., после возвращения из сибирской ссылки, в ЦК РСДРП (б) впервые избран в августе 1917 г., на VI съезде партии.

² И.В. Сталин умер 5 марта 1953 г.

³ По воспоминаниям участников событий, назначение И.В. Сталина председателем Государственного комитета обороны, открывшее ему путь на пост Верховного Главнокомандующего, произошло по инициативе других членов Политбюро (см. подробнее: "История СССР", 1988, № 4, с. 27).

⁴ Сведения о "чистках" в архивах, распространенные на Западе, не соответствуют действительности. Документы, как правило, не уничтожались, а переводились на режим секретного хранения.

⁵ Автор, следуя распространенной на Западе традиции, дает искаженную схему образования Петроградского Совета. Еще 25 февраля 1917 г. решение о создании Совета принял Петербургский комитет большевиков, однако арест в тот же день его руководящего ядра помешал его осуществлению. Функции Петербургского комитета перешли к Выборгскому райкому, который 27 февраля обратился к массам с призывом выбирать своих представителей в Совет. К этому времени на некоторых предприятиях Выборгской стороны выборы уже шли. В этих условиях и "проявили инициативу" меньшевики, образовавшие днем 27 февраля Временный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. В его состав вошли практически одни меньшевики различной политической ориентации. Во второй половине дня 27 февраля этот Временный исполком обратился к рабочим с призывом избирать своих представителей, указав, что первое заседание Совета состоится в Таврическом дворце в тот же день в 7 часов вечера. И поскольку меньшевики в отличие от большевиков, действовавших в подполье, сохранили свои легальные центры, им быстрее удалось, используя ранее налаженные связи, собрать своих сторонников. Вместе с тем не следует преувеличивать значение всех этих действий меньшевиков. Если значительная часть депутатов, явившихся на первое заседание Совета, оказалась под их влиянием, то главной причиной этого была

отнюдь не организационная активность меньшевистских лидеров. На этом этапе революционного движения масс решающую роль сыграла поднятая революцией мелкобуржуазная волна, которая, по словам В.И. Ленина, "захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно..." (Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156).

Уже на первом заседании Петроградского Совета около половины рабочих депутатов составляли большевики или сочувствовавшие им. Это были представители предприятий Выборгского и Нарвского районов, Путиловского завода и др. Кроме того, среди большевиков — участников заседания были все три члена Русского бюро ЦК — А.Г. Шляпников, П.А. Залуцкий и В.М. Молотов. А когда в конце этого заседания был избран Исполком Совета из 15 человек, двое большевиков (А.Г. Шляпников и П.А. Залуцкий) вошли в его состав. Другими членами Исполкома стали 6 меньшевиков, 5 внефракционных социал-демократов и 2 эсера. К 3 марта число членов Исполкома возросло до 39 человек, а количество большевиков в его составе увеличилось до шести (А.Г. Шляпников, П.А. Залуцкий, В.М. Молотов, К.И. Шутко, А.Н. Падерин и А.Д. Садовский). Подробнее об этом см.: Т о к а р е в Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976, с. 42—43.

⁶ Ф. Энгельс писал об этом дважды: в работе "Крестьянская война в Германии" (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. т. 7, с. 422—423) и в письме к К. Вейдемейеру от 12 июля 1883 г. (там же, т. 28, с. 485). Эти высказывания Ф. Энгельса и их оценка В.И. Лениным проанализированы в статье А.П. Бутенко "Сколько дорог ведет к храму? Общественная закономерность и вариантность исторического развития" ("Горизонт", 1988, № 11, с. 29—31).

⁷ О позиции эсеров после Февраля см.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984, с. 256—258.

⁸ Автор допускает здесь целый ряд фактических ошибок. Во-первых, он путает "самозванный" Временный исполком Петроградского Совета, образованный в середине дня 27 февраля, с тем исполкомом, который был избран на его первом заседании вечером того же дня. Во-вторых, к моменту образования Временного исполкома восстание частей Петроградского гарнизона только развертывалось, но еще далеко не победило. В-третьих, Временный исполком только призвал рабочих столицы избирать своих представителей в Совет, но "организовывать" их выборы он не мог. Здесь и дальше проявились не очень четкие представления автора о развитии событий 1917 г. в Петрограде, а тем более в стране в целом. Ограничившись изложением деятельности И.В. Сталина и того, что происходило в его ближайшем окружении, Р. Слассер преувеличивает значение этих факторов.

⁹ Н.С. Чхеидзе прочили на пост министра труда, а не министра юстиции. Министром юстиции предложили стать А.Ф. Керенскому. Керенский согласился войти в правительство, а Чхеидзе отказался (см.: Б у р д ж а л о в Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 315).

¹⁰ Говоря о роли петроградских большевиков в Февральской революции, необходимо учитывать, что они, бесспорно, были ведущей силой революционного подполья столицы. Их организация насчитывала (по разным подсчетам) от 2 до 3 тыс. членов, в то время как в нелегальной организации меньшевиков состояло всего 120–200 человек, устоявших между большевиками и меньшевиками "межрайонцев" было около 150 членов, и, наконец, эсеры-интернационалисты столицы имели в своих рядах около 500 человек (см.: Непролетарские партии России. Урок истории, с. 244–245; Старец В. И. 27 февраля 1917 г. М., 1984, с. 88). В ходе уличных боев с царизмом именно большевики играли ведущую роль, а революционно настроенные представители других организаций лишь поддерживали их. Положение изменилось, когда определилась победа революции. К тем, кто действительно боролся с царизмом, присоединилась и та часть оборончески настроенных рабочих, которая во время боев выжидала, и мелкобуржуазная по своей психологии солдатская масса. Их активность резко возросла на завершающем этапе Февральской революции, и именно их позиция определила преобладание в Исполкоме Петроградского Совета меньшевиков и их союзников.

¹¹ Автор неточно излагает и события, связанные с арестом Петербургского комитета большевиков. В ночь на 26 февраля на конспиративной квартире были арестованы три члена Исполнительной комиссии ПК (ее руководитель А.К. Скороходов, а также А.К. Винокуров и Э.К. Эйзеншмидт). Других членов ПК, направлявшихся на эту квартиру (И.Д. Чугурин, К.И. Шутко, Н.Г. Толмачева и П.И. Ганшина), удалось предупредить о провале, и они избежали ареста. Всего на свободе осталось 7 членов ПК. В этих условиях руководство всей деятельностью партии в Петрограде взяло на себя Русское бюро ЦК, которое поручило Выборгскому райкому вплоть до восстановления ПК осуществлять практическое руководство движением. Уже вечером 26 февраля состоялось совещание Русского бюро ЦК, членов ПК, избежавших ареста, и отдельных членов Выборгского райкома, наметившее план действий на следующий день. А в первой половине дня 27 февраля арестованные члены ПК были уже освобождены восставшим народом. Так что заседание 2 марта имело целью не восстановление старого Петербургского комитета, а создание качественно нового, которому предстояло уже действовать в легальных условиях.

¹² Русское бюро ЦК РСДРП(б), действовавшее в России в 1917 г., было образовано в январе 1912 г. Из-за репрессий царизма состав его менялся.

¹³ Не следует преувеличивать молодость и неопытность членов Русского бюро ЦК. Так, А.Г. Шляпникову в 1917 г. было 32 года, П.А. Залуцкому – 30 лет, В.М. Молотову – 27 лет, Шляпников и Молотов активно участвовали в революции 1905–1907 гг. Все они имели солидный партийный стаж (Шляпников – с 1901 г., Молотов – с 1906 г., Залуцкий – с 1907 г.) и неоднократно подвергались преследованиям при царизме (Шляпников с 1908 по 1914 г. вынужден был находиться в эмиграции, Молотова 6 раз сажали в тюрьму, и 2,5 года он провел в ссылке, Залуцкого арестовывали 5 раз и 2 раза ссылали).

¹⁴ В основу манифеста ЦК РСДРП(б) "Ко всем гражданам России"

была действительно положена листовка Выборгского районного комитета большевиков, однако попытка автора убедить читателей в стремлении ее создателей противопоставить рабочий класс интеллигенции лишена всяких оснований. О создании манифеста см. воспоминания В.Н. Каюрова "В дни Февральской революции" (Крушение царизма. Л., 1986, с. 247–248).

¹⁵ В конце 1916 г. И.В. Сталин покинул только место своей длительной ссылки – станок Курейку, но в европейскую часть России он вернулся уже после Февральской революции.

¹⁶ Слова автора о том, что Муранов "не слишком-то поддерживал ленинские антивоенные призывы", не подтверждаются источниками. Более того, в статье "Что доказал суд над РСДР фракцией?" В.И. Ленин неоднократно говорит о "нелегальной работе Муранова" как об образце той работы депутатов, которую "мы должны были усердно скрывать" и на которой следует учиться (см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 172–173).

¹⁷ Речь идет о процессе над так называемым "Союзным бюро" РСДРП (м), проходившем в Москве. См.: "Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1–9 марта 1931 года). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор". М., 1931.

¹⁸ Сведения Э. Карра о назначении Л.Б. Каменева главным редактором центрального партийного органа на Пражской конференции документально не подтверждаются (См.: Протоколы Пражской конференции. – "Вопросы истории КПСС", 1988, № 5–7).

¹⁹ Р. Слассер обходит вопрос о содержании ленинского лозунга "Превратить войну империалистическую в войну гражданскую". Его сутью был призыв к революции, чтобы революционным путем прежде всего выйти из несправедливой империалистической войны.

²⁰ Автор неточно излагает факты. Как пишет в своей книге М. Москалев, в Красноярском краевом государственном архиве, в фонде Енисейского губернского жандармского управления, хранится дело, в котором находится перехваченное жандармами в феврале 1916 г. и перлюстрированное письмо за подписью "Иосиф", направленное в большевистский заграничный центр. В письме довольно подробно рассказывается о замысле сборника статей, в который должны войти брошюра автора письма "Марксизм и национальный вопрос", его статья "О культурно-национальной автономии" и еще две статьи, над которыми он работает в настоящее время: "Национальное движение в его развитии" и "Война и национальное движение". Далее в письме излагались тезисы этих двух последних статей ("схемы", по словам М. Москалева). Письмо было тщательно изучено на Енисейском розыском пункте, где пришли к выводу, что его автором является И.В. Джугашвили. Никаких упоминаний о том, что в Красноярском архиве хранится неопубликованная статья И.В. Сталина в книге М. Москалева нет (см.: М о с к а л е в М. Русское бюро ЦК большевистской партии. 1912 – март 1917 г. М., 1947, с. 187–191).

²¹ Речь, по-видимому, идет о работе В.И. Ленина "К вопросу о национальностях или об автономизации". Проанализировав "Грузинский инцидент", Ленин писал, что "тут сыграли роковую роль торопливость

и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "национал-социализма"; он так же указывал, что "политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-шовинистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 357, 361).

²² Н.Н. Суханов не фигурировал в качестве подсудимого ни на одном из "показательных" процессов середины 30-х годов. Он скончался в заключении 29 июня 1940 г. в лагере, расположенном в Тюменской области. Что же касается Ф.Ф. Раскольниковца, то, по свидетельству его вдовы М.В. Раскольниковой, находившейся при муже во время его последней болезни, нет никаких оснований обвинять "головорезов сталинской тайной полиции" в его смерти (см.: "Военно-исторический журнал", 1964, № 11, с. 125).

²³ Автор безосновательно игнорирует Петербургский комитет большевиков, в работе которого по руководству партийными организациями столицы был лишь небольшой перерыв 26–27 февраля в связи с арестом его руководства. Но даже в эти дни находившиеся на свободе члены ПК продолжали активную деятельность.

²⁴ Р. Слассер неточно излагает события. Как вспоминали многие участники событий, поздно вечером 3 апреля В.И. Ленин, выступая в особняке Кшесинской, высказал те положения, которые потом были оформлены в виде Апрельских тезисов. А на другой день, 4 апреля, В.И. Ленин дважды выступал в Таврическом дворце. Сначала на собрании большевиков – делегатов Всероссийского совещания Советов, где присутствовал и партийный актив столицы, а затем – на совместном заседании большевиков и меньшевиков – делегатов этого же совещания, где были также делегаты, не входившие в обе эти фракции.

²⁵ Здесь и далее автор исходит из якобы доказанного тезиса о том, что большевики получали деньги из Германии. Между тем факты многократно опровергают это утверждение. Как вспоминают участники событий, издание газеты "Окопная правда" было предпринято группой большевистски настроенных солдат 436-го Новоладожского полка 12-й армии на так называемые "порционные деньги", т.е. на средства, не истраченные на питание солдат, выбывших из полка по ранению или по другим причинам (см.: Г р а з к и н Д. И. За темной ночью день вставал. М., 1975, с. 211–212).

²⁶ Документ В.И. Ленина под названием "Сельское хозяйство на коммунальной основе" не известен. Что же касается получения земли крестьянами "для самих себя"; то Ленин считал это одним из путей их движения к социализму. Уже в августе 1917 г. он писал: "Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически уравнивать... Пусть. Из-за этого не один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 115).

²⁷ Здесь и дальше автор именует "левоинтернационалистской" группу Чхеидзе – Церетели, занимавшую в меньшевистской партии центристские позиции. Левее "центра" у меньшевиков стояла группа Л. Мартова, в которую в то время входили Ю. Ларин, А.С. Мартынов, О.А. Ерманский

и др. В.И. Ленин считал не только возможным, но и необходимым "сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма". Этому была посвящена отдельная резолюция Апрельской конференции "Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока" (см.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958, с. 252–253). Вместе с тем В.И. Ленин предостерегал против сближения с центристами (см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 6, 13, 19, 115, 123). См. также о "левых меньшевиках. с. 60, 65.

²⁸ Критика В.И. Ленина была направлена и против Сталина, но, конечно, не только против него. В.И. Ленин говорил не об отдельных лицах, а об "объединительной тенденции", которая, как известно, проявилась в деятельности многих партийных организаций.

²⁹ К.И. Шутко был репрессирован и умер 24 июня 1941 г. в лагере в Архангельской области.

³⁰ Автор смешивает два различных подхода. Я.М. Свердлов использовал свой организаторский талант в интересах партии, а И.В. Сталин – в своих личных, антипартийных целях.

³¹ П.Н. Милюков никогда не был военным министром. Этот пост во Временном правительстве первого состава занимал октябрист А.И. Гучков, а сам П.Н. Милюков был в этом правительстве министром иностранных дел.

³² Ю.М. Стеклов никогда не входил в меньшевистскую организацию, хотя после победы Февральской революции, будучи внефракционным социал-демократом, некоторое время разделял идеи "революционного оборончества". Накануне Октября Ю.М. Стеклов твердо встал на большевистские позиции.

³³ О численности партии большевиков в период Апрельской конференции см. подробнее: "Вопросы истории КПСС", 1988, № 12, с. 112–113.

³⁴ Г.Ф. Федоров был арестован 8 декабря 1934 г., а 16 января 1935 г. был осужден по делу мифической подпольной организации "Московский центр" (в которую якобы входили также Г.А. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.А. Евдокимов и др.) к шести годам тюремного заключения. Организаторы процесса так торопились, что совершенно забыли оформить его исключение из партии. Это было сделано почти полгода спустя. 4 сентября 1936 г. он вторично арестован в тюрьме (1), а 5 октября 1936 г. Военной коллегией Верховного суда был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Полностью реабилитирован и посмертно восстановлен в партии в 1965 г. (см.: "Ленинградская правда", 13 ноября 1988 г.).

³⁵ События, разыгравшиеся в дни апрельского кризиса, как раз и показали неэффективность "контроля" Совета над Временным правительством. На заседаниях Исполкома Петроградского Совета, проходивших 19–20 апреля, большинство его членов, принадлежавших к партиям меньшевиков и эсеров, хоть и осуждало "ноту Милюкова", но не рискнуло принять какое-либо определенное решение. Отставка Милюкова была вызвана массовыми демонстрациями рабочих и солдат Петрограда, пока-

завшими непрочность положения Временного правительства. В этих условиях Милюковым "пожертвовали", чтобы обеспечить создание коалиционного правительства (т.е. правительства с участием меньшевиков, эсеров и народных социалистов).

³⁶ Предположение автора о том, что поведение Сталина в дни работы Апрельской конференции определялось пожеланиями В.И. Ленина (Ленин "выбрал его первым своим адвокатом", "одобрил его выступление", "предложил его кандидатуру" и т.д.), не подтверждается документально.

³⁷ Утверждение автора о существовании предварительного списка кандидатов в ЦК, подготовленного при участии Сталина, не основывается на источниках.

³⁸ В 1912 г. И.В. Сталин выезжал в Польшу на совещание ЦК с партийными работниками. В Кракове он встретился с В.И. Лениным. В Польше Сталин написал работу "Марксизм и национальный вопрос", положительно оцененную Лениным. В одном из писем Горькому Ленин писал: "У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав в с е австрийские и пр. материалы" (Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 162).

³⁹ Автор неверно излагает позицию В.И. Ленина по национальному вопросу, когда пишет, что для него "национальная политика является вопросом тактики". На деле Ленин развивал давнюю мысль Маркса и Энгельса, неоднократно подчеркивавших, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Поэтому в России и в интересах всего российского освободительного движения, и в интересах свободного интернационального сплочения трудящихся разных районов страны необходимо было "налегать" на "свободу отделения" угнетенных наций. Что же касается национальных регионов, то здесь для успешной борьбы местного пролетариата против местной же буржуазии важно было подчеркивать "свободу соединения", исходя из старого, но от этого не менее справедливого лозунга: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

⁴⁰ Автор игнорирует тот факт, что на Апрельской конференции были представлены не только чисто большевистские, но и некоторые объединенные социал-демократические организации. В них в это время входили и большевики. К их числу принадлежала и Тифлисская организация, в которой преобладали меньшевики. Даже после ее разделения на меньшевистскую и большевистскую (после чего последняя стала быстро расти) соотношение партийных сил в Тифлисе в июле–августе 1917 г. было таким: у меньшевиков – 12 тыс., у большевиков – 2675 человек (см.: Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980, с. 109; Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958, с. 371). Однако, помимо численного преобладания, существовало и определенное идейное влияние меньшевиков на большевиков, входивших в состав объединенных организаций. И позиция Ф.И. Махарадзе отражала не чисто большевистскую точку зрения, а интегративную позицию объединенной организации, сформировавшуюся под сильным влиянием меньшевистских взглядов той поры на национальный вопрос. Как показали позднейшие события, ленин-

ская резолюция в гораздо большей степени соответствовала уровню национального сознания народов Закавказья той поры, чем резолюция Пятакова, но и ее положения отставали от быстро созревавшего требования масс – скорейшего оформления местной власти, действующей в национальных границах.

⁴¹ Мысль автора о том, что В.И. Ленин “более всего нуждался” в “интеллектуальной неразвитости Сталина”, противоречит всему тому, что мы знаем о Ленине как о личности и о тех качествах, которые он ценил в людях. То же относится к тезису автора о том, что Ленина могла привлечь к Сталину его “склонность к лидерству”.

⁴² Приведенные здесь слова автора убедительно свидетельствуют против его же утверждения о “необходимости” для Ленина включить Сталина в руководство партии.

⁴³ Предположение Слассера о влиянии Сталина на образ мыслей Ленина явно расходится с его же тезисом об “интеллектуальной неразвитости” Сталина. Вообще мнение автора, что позднейшие публикации В.И. Ленина можно рассматривать как написанные “под влиянием” Сталина, представляется мало убедительным. Если и можно говорить о каком-то сходстве двух материалов, то, как справедливо отмечает сам автор, это могло быть результатом контактов внутри редакции “Правды”.

⁴⁴ Автор допускает неточность. В 1903–1904 гг. Л.Д. Троцкий входил в меньшевистскую организацию (см.: Т р о ц к и й Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. I. Берлин, 1930, с. 190–191) и лишь затем определился как социал-демократ, пытающийся стоять вне фракции, но с явной симпатией к меньшевизму. Особенно ярко это проявилось в 1912 г. при создании “Августовского блока”, объективно направленного против ленинского курса на воссоздание революционной пролетарской партии.

⁴⁵ Приведенная автором цифра удельного веса пролетариата в населении России расходится с данными советских историков. По современным подсчетам, только самостоятельная часть российского пролетариата составила 15 млн. человек, т.е. 10% всего населения страны, а если рассматривать рабочий класс в его полном составе (т.е. с неработающими членами семей), то эта цифра возрастет по крайней мере вдвое. Не соответствуют данные автора подсчетам советских ученых, если ограничиться только фабрично-заводскими рабочими, которых в 1917 г. в России было 3,5 млн. человек (а с членами семей, естественно, намного больше).

⁴⁶ После создания 5 (18) мая коалиционного Временного правительства в его состав вошли меньшевики И.Г. Церетели и М.И. Скобелев, эсер В.М. Чернов, трудовик П.Н. Переверзев и народный социалист А.В. Пешехонов. Кроме того, сохранил свой пост эсер А.Ф. Керенский.

⁴⁷ Само слово “межрайонец” не связано с положением этой группировки между большевиками и меньшевиками. Оно появилось после возникновения в 1913 г. “Междурайонной комиссии РСДРП” (с конца 1914 г. она стала именоваться “Междурайонным комитетом”), в которую вошли работавшие в различных районах столицы социал-демократы разных толков (меньшевики-партийцы, большевики-примиренцы, внефрак-

ционные, "впередовцы" и др.), объединившиеся на платформе создания "единой РСДРП".

⁴⁸ В.И. Ленин обращался со словом "товариш" не только к членам партии большевиков, но и к членам других партий и организаций, ставивших целью борьбу за социализм, например к лидерам левых эсеров М.А. Спиридоновой и А.Л. Колегаеву (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 29, 38, 51 и др.), к вождям партий II Интернационала К. Гюйсмансу (см. там же, т. 48, с. 43), А. Немецу (см. там же, с. 48, 55, 93 и др.), представителям Международного социалистического бюро (см. там же, с. 298).

⁴⁹ Мнение автора о том, что Л.Д. Троцкий с мая до начала сентября "не имел прямых контактов с партийным аппаратом, где принимались важные решения, и не участвовал непосредственно в его текущей деятельности", не вполне верно. Впоследствии Троцкий писал: "В редакцию "Правды" я заходил до июльских дней раза два-три, в наиболее критические моменты" (Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографии. Изд. 2-е. М., 1924, с. 53). Это свидетельство самого Троцкого на первый взгляд подтверждает точку зрения автора, если не обратить внимания на слова "наиболее критические моменты". Между тем именно в этих словах суть дела. И сам Троцкий, и Г.Е. Зиновьев впоследствии вспоминали о таком приходе Троцкого в ЦК большевиков в один из переломных моментов революции — утром 4 июля. Как рассказывал Зиновьев в сентябре 1918 г., в ходе их беседы с Лениным обсуждался вопрос, что же следовало делать большевикам в той необычайно острой обстановке (см.: Зиновьев Г. Е. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Пг., 1918, с. 56—57). Поэтому было бы неверно недооценивать участие Троцкого в жизни партии большевиков и до его официального вступления в ее ряды. Это касается, кстати, не только Троцкого, но и других "межрайонцев", и ранее близких к большевикам. Так, 9 июня на заседании I Всероссийского съезда Советов с заявлением от имени фракции большевиков выступил не входивший еще в большевистскую партию А.В. Луначарский (см.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. I. М.—Л., 1930, с. 379).

⁵⁰ И автор и А. Балабанова, на которую автор ссылается, ошибаются. Троцкий "присоединился к большевикам" задолго до того, как большевики победили.

⁵¹ Генерал М.В. Алексеев был смещен 22 мая (а не 26-го) с поста Верховного Главнокомандующего не за "пессимистические настроения", а в связи с его выступлением 17 мая на I Всероссийском съезде офицеров армии и флота. В этой речи он назвал "утопической фразой" программу "мира без аннексий и контрибуций", т.е. официальную программу Временного правительства. Речь Алексеева была использована буржуазной прессой для нападок на "министров-социалистов", включая А.Ф. Керенского, ставшего к этому времени военным министром. Поэтому даже соглашательские лидеры потребовали призвать генерала Алексеева к порядку. В этих условиях Алексеев и был отстранен от должности.

⁵² По данным мандатной комиссии съезда, во фракцию большевиков входило 105 человек.

⁵³ Историю демонстраций – и намеченной на 10 июня, и прошедшей 18 июня – автор излагает, упуская из виду важнейшие факты. Так, он ни разу не говорит о цели, которую большевики ставили перед этими демонстрациями. Между тем в эти дни заседали съезд Советов, который имел полную возможность взять власть в свои руки. Большевики и значительная часть рабочих и солдат столицы рассчитывали именно на такое развитие событий. Но лидеры меньшевиков и эсеров, за которыми шло большинство делегатов съезда, считали, что Россия еще длительное время не будет готова к социалистической революции, а значит, и не следует отстранять буржуазию от власти. О той роли, которую демонстрация могла бы сыграть в переходе власти к Советам, В.И. Ленин сначала говорил на расширенном заседании ЦК 6 июня (см.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959, с. 486), а затем 11 июня, выступая на заседании ПК: "Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения съезда" (Ленин и В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 331).

Почему же у большевиков возник вопрос о захвате зданий почты, телеграфа и арсенала? Автор, идя за высказываниями И.Т. Смилги, связывает осуществление этих планов с возможностью столкновения со сторонниками Временного правительства. Но это лишь одна сторона дела. Между тем, была и другая. Если бы демонстрации удалось оказать влияние на съезд и он принял бы решение о взятии власти, его нужно было бы немедленно реализовать. В такой ситуации установление контроля над стратегическими пунктами города означало бы реальный переход власти к Советам.

Автор пытается представить Сталина активно выступавшим на заседании ПК 6 июня за демонстрацию в отличие от Ленина, якобы "сдерживавшего" его. Но во-первых, вопрос о целях демонстрации был поставлен именно Лениным на утреннем заседании ЦК в тот же день, а во-вторых, имеются свидетельства о личном участии В.И. Ленина в подготовке районов Петрограда к демонстрации (см.: Ленин в 1917 г. Воспоминания. М., 1967, с. 56).

⁵⁴ Выступление Сталина на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций большевиков было посвящено главным образом национальным формированиям в русской армии. В более общем виде о национальном вопросе в России и о национальной программе большевиков говорилось в докладе Г.Е. Зиновьева, излагавшем решения VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). Что же касается резолюции, принятой по докладу Сталина, то она скорее отражает точку зрения участников конференции, чем В.И. Ленина, безоговорочно высказывавшегося за право каждой нации иметь свои воинские части (см.: Ленин и В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 341, 347).

⁵⁵ Статьи В.И. Ленина и И.В. Сталина о демонстрации 18 июня были опубликованы в "Правде" от 20 июня.

⁵⁶ И.Т. Смилга в 1917 г. не работал в большевистской "военке", а тем более не входил в ее руководящее ядро.

⁵⁷ Хотя идея июньской демонстрации и не принадлежала В.И. Ленину

(она была выдвинута массами), но именно он сформулировал ее политические цели (см.: Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 331).

⁵⁸ Автор не учитывает иной оценки демонстрации 18 июня, которую В.И. Ленин дал вечером того же дня. Итоги демонстрации обсуждались во время встречи на квартире у Елизаровых, где в это время жили Ленин и Крупская. Вот что писал об этом в своих воспоминаниях Н.И. Подвойский: «Через два часа после демонстрации, на частном совещании ЦК, проходившем у т. Ленина, т. Подвойским был поставлен Ленину вопрос: "Что же делать? Мы имеем перед собой ход событий, который, несомненно, заставит нас сделать решительные шаги: вслед за демонстрацией воли массы потребуют демонстрации силы"».

Тов. Ленин указал, что демонстрацией пролетариат ничего не добился. "Он должен с нею вместе похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам. Власть не передают: ее берут с оружием в руках. Ход событий будет таков: буржуазия, поняв силу нашей организации, видя колоссальную скорость овладения массами, не даст нам возможности окончательно овладеть ими и употребит все усилия, чтобы спровоцировать массы на такое выступление, которое, вызвав репрессии, разобьет и разделит их. Поэтому мы должны самым интенсивным образом заниматься организацией, поставив ее под определенным знаком, — знаком невозможности добиться власти мирным способом. Необходимо дать пролетариату указания, что вся организация его силы в конечном счете имеет восстание если не через дни, не в ближайшие недели, то, во всяком случае, в ближайшем будущем"» ("Красная летопись", 1923, № 6, с. 76).

Эти воспоминания Н.И. Подвойского были опубликованы при жизни всех членов ЦК большевиков 1917 г. (кроме Я.М. Свердлова, умершего в 1919 г.), и факты, приведенные в них, ни у кого из них не вызвали возражений. Между тем в ходе этой беседы В.И. Ленин не только предсказал наступление "июльских дней" и все последующее развитие событий вплоть до Октября, но и сформулировал курс, которого должна была придерживаться партия большевиков уже в ближайшие дни. Если этого не учитывать, то окажется непонятным и выступление В.И. Ленина на конференции военных организаций большевиков, о котором автор говорит дальше.

⁵⁹ Видимо, речь идет о 18 июня.

⁶⁰ Поведение руководителей "военки" в "июльские дни", о котором писал в 1932 г. В.И. Невский, не только не соответствовало позиции В.И. Ленина, но и прямо противоречило его основной установке: избегать в сложившейся обстановке острых ситуаций. Вот что писал В.И. Невский: "...когда военная организация, узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их, но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует" (Н е в с к и й В. В Октябре. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 143). Кстати, именно поэтому после июльских дней ЦК большевиков установил более жесткий контроль над деятельностью "военки" (см. там же, с. 141–142).

⁶¹ Для министров-кадетов разногласия по украинскому вопросу были не причиной, а поводом для отставки, о которой они объявили уже 2 июля (см.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968, с. 595–596).

⁶² В Таврическом дворце шли заседания не Временного правительства, а ЦИК Советов, от которого участники демонстрации ожидали решения о взятии власти в свои руки.

⁶³ Ф.Ф. Раскольников был в это время уже не гардемарин, а мичманом (в 1917 г. это звание соответствовало сухопутному званию поручика или современному – старшего лейтенанта).

⁶⁴ Как вскоре выяснилось, документы, на основании которых Временное правительство пыталось обвинить партию большевиков в получении финансовой помощи от Германии, не имели к этому обвинению ни малейшего отношения. Но в глазах тех, кто хотел видеть в большевиках агентов Германии, захваченные документы играли роль серьезных аргументов в пользу "германской" версии.

⁶⁵ Меньшевик Н.С. Чхеидзе был единственным председателем ЦИК Советов.

⁶⁶ Речь идет об обращении ЦИК Советов и военного министра к главнокомандующему войск Северного флота с просьбой о присылке в Петроград частей 1-й кавалерийской и 17-й пехотной дивизии, а к командующему Балтийским флотом – о присылке в Петроград эскадренных миноносцев.

⁶⁷ Саму мысль В.И. Ленина о "сдаче" Временному правительству можно рассматривать как проявление его уверенности в возможности доказать ложность обвинений в связях с Германией. Что же касается опасности расправы с Лениным, оформленной как "самосуд" или как пресечение "побега" арестованного, то об этом писал впоследствии генерал П.А. Половцев, командовавший в июльские дни Петроградским военным округом. "Офицер, отправлявшийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, – вспоминал он, – меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу" (Половцев П.А. Дни затмения. Париж, б. г., с. 143).

⁶⁸ Князь Георгий Львов 8 июля подал в отставку с поста министра-председателя Временного правительства.

⁶⁹ Ни Ф.Ф. Раскольников, ни его брат Ильин-Женевский не были репрессированы. О Раскольникове см. комментарий № 22. А.Ф. Ильин-Женевский умер в конце 1941 г. в Ленинграде во время блокады.

⁷⁰ Автор искажает позицию В.И. Ленина, изображая дело так, будто отношение к Советам было для него просто вопросом тактики. Между тем, даже из высказывания Ленина, цитируемого Р. Слассером выше, следует, что, придя к выводу о строительстве государства "по типу Советов", В.И. Ленин никогда не отказывался от этой идеи.

⁷¹ Встреча Сталина с Лениным состоялась не в Финляндии, куда Ленин уехал только в августе, а в окрестностях поселка Разлив Петроградской губернии (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1974, с. 304.).

⁷² Перечисляя членов президиума VI съезда партии большевиков, автор вместо Г.И. Ломова (Оппокова) ошибочно указал В.И. Ленина (см.: Шестой съезда РСДРП (большевиков), с. 2). Из членов президиума были репрессированы Г.И. Ломов (Оппоков) и К.К. Юренев (Кротовский).

⁷³ Речь идет о приветствии рабочих завода "Старый Парвийнен", который находился не в Латвии, а в Выборгском районе Петрограда.

⁷⁴ По неизвестным причинам автор сделал из Сарры Наумовны Равич (1879–1957) мужчину и похоронил ее на два года раньше ее действительной смерти.

⁷⁵ Известно, что накануне съезда И.В. Сталин встречался с В.И. Лениным в Разливе. Поэтому можно предположить, что вопрос о явке Ленина на суд был поставлен Сталиным по инициативе Ленина, который хотел знать точку зрения съезда по этому крайне важному для него лично вопросу.

⁷⁶ Новые данные о численности партии большевиков к VI съезду РСДРП(б) см.: "Вопросы истории КПСС", 1988, № 12, с. 115–116.

⁷⁷ В трудах В.И. Ленина, его выступлениях и письма такое признание отсутствует.

⁷⁸ Партийный псевдоним Павлович имел Я.Д. Гийслис (нелегальная фамилия Э. Петерсон), рабочий-большевик, погибший в июле 1918 г. в Ярославле во время мятежа правых эсеров. Возможно, именно о нем и идет речь в тексте.

⁷⁹ Трактую заявление Л.Д. Троцкого как "игру, принесшую ему солидные бырыши", автор следует не лучшим традициям советской историографии 30–40-х годов.

⁸⁰ Здесь, как и в ряде других мест, автор излагает события партийной жизни в отрыве от процессов, протекающих в стране. Резолюция "О власти", одобренная ЦК большевиков 31 августа и внесенная Л.Б. Каменевым на заседании ЦИК Советов, отражала новую ситуацию в России сложившуюся после начала корниловского мятежа и в условиях его быстро приближающегося краха. Между тем о корниловщине автор вскользь говорит только в конце главы.

В основу резолюции "О власти" была положена другая резолюция большевиков, внесенная ими 27 августа на заседании ЦИК, но тогда же им и отвергнутая. В резолюцию, внесенную Л.Б. Каменевым 31 августа, по сравнению с предыдущей было добавлено требование прекратить колебания, осуждалось предоставление исключительных полномочий Временному правительству и гораздо резче было сказано о необходимости образовать власть из представителей рабочих и крестьян.

⁸¹ В начале сентября Временное правительство далеко не утратило контроль над армией. В дни корниловского мятежа, когда Временное правительство осудило заговорщиков и призвало к борьбе с ними, подавляющее большинство солдат и офицеров действующей армии заявило о своей верности Временному правительству. Действия солдатских масс, которые под руководством своих комитетов начали немедленную борьбу против корниловцев, показали, что это не пустые слова. Так что не имеет

оснований и вывод автора о том, что Временное правительство "потеряло возможность влиять на ход события". Другое дело, что с сентября в России разворачивается общенациональный кризис, поставивший Временное правительство перед катастрофой, но вплоть до Октябрьской революции оно контролировало положение в стране, и изображать его, как пишет далее автор, "смертельно раненным" было бы ошибкой.

☛ ⁸² По воспоминаниям А.Д. Стасовой, работавшей тогда в секретариате ЦК РСДРП (б), ленинские письма были доставлены в ЦК М.И. Ульяновой (см.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 гг. М., 1963, с. 225).

⁸³ При оценке хода заседания ЦК необходимо учитывать, что многие члены ЦК в этот момент еще находились под влиянием идеи В.И. Ленина о возникшей после разгрома корниловщины возможности мирного развития революции, изложенной в его статьях "О компромиссах", "Русская революция и гражданская война", "Задача революции" и др. Поэтому к новому выводу В.И. Ленина о необходимости вооруженного восстания эта часть членов ЦК оказалась психологически не готова.

⁸⁴ Литовского фронта ни в 1917 г., ни раньше и ни позже не существовало. В повестке дня стоит слово "литовцы", а суть вопроса заключалась в анализе положения, сложившегося в организациях литовских социал-демократов. Не было и Минского фронта (в Минске находился штаб Западного фронта), а в повестке дня этот пункт обозначен как "Минск и Северный фронт".

⁸⁵ О том, что В.И. Ленин приехал в Петроград еще в конце сентября, говорится в воспоминаниях Н.К. Крупской, Г.А. Зиновьева, М.В. Фофановой и др.

⁸⁶ По существующим данным, расширенное заседание ЦК начало свою работу поздно вечером 15 октября и закончилось под утро 16 октября.

⁸⁷ Здесь и далее автор исходит из сомнительного предположения (см., например, с. 282—283), что "всенародное вооруженное восстание" могло осуществиться как стихийный акт, вне политического руководства партии большевиков.

⁸⁸ Размышления автора о причинах отсутствия Сталина на этом заседании ЦК не вызывают доверия. Ведь несколько выше он высказал вполне обоснованную мысль о том, что Сталин как главный редактор партийной газеты должен был находиться в редакции, чтобы обеспечить выход "Рабочего пути", задержанный действиями Временного правительства.

⁸⁹ Автор, видимо, имеет в виду статью В.И. Ленина "Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной", написанную в первой половине сентября 1917 г. В ней В.И. Ленин, говоря о грядущей социалистической революции, называл ее "пролетарской гражданской войной" (Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 217). При этом Ленин вовсе не имел в виду ситуацию, подобную той, которая сложилась в России в 1918—1920 гг., после начала иностранной интервенции. Уже события 20—21 апреля и 3—4 июля 1917 г. Ленин рассматривал как "стихийные взрывы, вплотную подводящие к началу гражданской войны со стороны пролетариата" (там же, с. 215). А корниловский мятеж Ленин расце-

нил как "военный заговор, приведший уже к началу гражданской войны со стороны буржуазии" (там же). Вот аналогии, которые в это время были у Ленина перед глазами.

Как видно из статьи, Ленин нигде не писал о возможной гражданской войне как о "длительной и ожесточенной". Вместе с тем он не обходил и вопроса о *цене* гражданской войны. «"Потоки крови", кричат кадеты, — писал он. — Но подобные потоки крови дали бы победу пролетариату и беднейшему крестьянству, а эта победа с вероятностью девяноста девяти шансов из ста дала бы *мир* вместо империалистической войны, т.е. сберегла бы жизнь *сотням тысяч* людей, ныне проливающих кровь из-за дележа прибылей и захватов (аннексий) капиталистов» (там же, с. 225).

Современному читателю трудно понять, как Ленин мог ожидать сравнительно небольшого числа жертв в гражданской войне, которая, как показали дальнейшие события, оказалась весьма кровопролитной. Ответ на этот вопрос мы найдем в той же статье. Ленин писал: "...соединение враждующих между собой англо-французского и германского империализмов *против* пролетарски-социалистической республики российской на практике *невозможно* (и здесь Ленин оказался прав. — В.М.), а соединение английского, японского и американского империализмов против нас до последней степени трудно осуществимо и нам вовсе не страшно, уже в силу географического положения России" (там же). Как выяснилось впоследствии, то, возможность чего Ленин предвидел, но считал мало вероятным, все же случилось, и во многом именно это и обусловило длительный и кровопролитный характер гражданской войны.

Конечно, если бы у интервентов не было союзников в России, ход войны был бы другим. В той же статье Ленин указывал: "...чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь *массы*, способные воевать и победить Советы. А таких масс у буржуазии *нет* и взять их ей неоткуда" (там же, с. 223). И действительно, в конце 1917 г. и в начале 1918 г. силы противников Советской власти в России были невелики, и первый этап гражданской войны (до весны 1918 г.) привел к их быстрому разгрому. Но сначала Брестский мир с Германией, а затем политика Советской власти в деревне вызвали известный поворот в настроениях мелкобуржуазных масс города и села и обеспечили противникам большевиков такую поддержку, которая в условиях начавшейся интервенции вызвала острейший этап гражданской войны.

⁹⁰ Автор повторяет характерное для многих западных историков утверждение, что в основу Декрета о земле легла аграрная программа эсеров. Между тем основная суть декрета может быть сведена к четырем положениям:

- 1) Ликвидация помещичьего землевладения.
- 2) Национализация земли.
- 3) Передача земли в распоряжении крестьянских организаций.
- 4) Уравнительное землепользование.

Первые три тезиса соответствовали аграрной программе большевиков, изложенной В.И. Лениным на Апрельской конференции. Единствен-

ное положение, которое расходилось со взглядами большевиков, — это уравнительное землепользование. В.И. Ленин научно доказал его несостоятельность и утопичность. Вместе с тем он отмечал и необходимость того, чтобы крестьяне на собственном опыте убедились в его бессмысленности, и то, что при наличии диктатуры пролетариата, национализации земли, заводов, банков и т.п. уравнительное землепользование было бы одной из переходных мер к социализму (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 103). Таким образом, включение в Декрет о земле тезиса об уравнительном землепользовании было определенной уступкой, но не эсерам, а широким массам крестьянства России, в наказе которых эта идея была исходной. И на первых порах развития революции в деревне этот тезис сыграл определенную положительную роль, так как способствовал изъятию помещичьих земель, излишков земли у кулачества и перераспределению земельных угодий среди трудящегося крестьянства.

Декрет о земле соответствовал и букве и духу аграрной программы большевиков, так как создавал условия для укрепления диктатуры пролетариата и для последующего движения крестьянства страны к социализму.

⁹¹ Утверждение автора, что только 24 октября Сталин узнал о существовании Петроградского ВРК, представляется безосновательным. Весь процесс создания ВРК шел под наблюдением ЦК большевиков, членом которого являлся Сталин, а 16 октября он был включен в состав Партийного центра, предназначенного для роли политического ядра ВРК.

⁹² Утверждение автора, что уже в 1917 г. Сталин "грезил" о том, чтобы стать единственным вождем партии, не находит подтверждения в источниках.

⁹³ Термин "власть", который употребляет автор, на наш взгляд, здесь вряд ли подходит, так как неправомерно говорить о власти, когда речь идет об отношениях центра партии и ее местных организаций. По нашему мнению, термин "руководство" гораздо точнее передает суть дела.

⁹⁴ Утверждение автора о руководящей роли Л.Д. Троцкого в создании Петроградского ВРК не подтверждается имеющимися источниками.

⁹⁵ На наш взгляд, роль В.И. Ленина в Октябрьской революции до сего времени остается приниженной, несмотря на традиционное признание, что именно он был вождем Октября. За этим утверждением обычно скрывается уход от ответа на вопрос, что же сделал Ленин для победы Октября. И это не случайно. В период культа личности Сталина правдивый рассказ о Ленине в Октябре не оставил бы места для теории "двух вождей", для вымыслов о выдающейся роли Сталина в октябрьские дни. А после XX съезда воссозданию реальной картины событий мешала невозможность использовать воспоминания и труды соратников Ленина той поры — Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева.

Вот что говорил, например, Зиновьев в речи, произнесенной 6 сентября 1918 г., когда вся страна ждала бюллетеней о состоянии здоровья В.И. Ленина, раненного эсеркой Ф. Каплан: "Скажу о себе, что если я в своей жизни буду в чем-то раскаиваться, то в не в том, что я в течение

15 лет своей работы шел под руководством тов. Ленина, а буду жалеть о тех нескольких днях, когда мне казалось, что Ленин торопится, форсирует события, совершает ошибку, и мне придется выступить против него. Теперь ясно, как дважды два четыре, что если бы рабочий класс под руководством тов. Ленина не взял бы в то время власть в свои руки, то через несколько недель мы имели бы диктатуру самой остервенелой буржуазной сволочи". И в другом месте того же выступления: "Теперь-то уж каждому ясно: тов. Ленин был прав. Дело висело на волоске. Не возьми мы власть в Октябре, нас раздавили бы... [...] Теперь все это ясно. Но тогда, в водовороте событий, нужен был ленинский глазомер, нужна была ленинская гениальная интуиция, чтобы сказать: ни одной недели больше – сейчас или никогда. И нужна была нестигаемая ленинская сила воли, чтобы победить все препятствия и начать как раз к сроку величайший из переворотов, которые знает история" (см.: З и н о в ь е в Г. Е. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918, с. 60, 62).

А вот что писал Л.Д. Троцкий в 1924 г.: "Ленин видел... что внутри самой партии имеется консервативное сопротивление – на первых порах не столько политическое, сколько психологическое – тому великому прыжку, который предстояло совершить. Ленин с тревогой наблюдал возрастающее несоответствие в настроениях части партийных верхов и миллионов рабочих масс. Он ни на минуту не удовлетворялся тем, что Центральный Комитет принял формулу вооруженного восстания. Он знал трудности перехода от слов к делу. Всеми силами и средствами, какие были в его руках, он стремился поставить партию под напор масс и Центральный Комитет партии – под напор ее низов. Он вызывал в свое убеждение отдельных товарищей, собирал справки, проверял, устраивал перекрестные допросы, пускал обходными путями и наперерез свои лозунги в партию, вниз, вглубь, чтобы поставить верхи перед необходимостью действовать и дойти до конца". Завершая свои рассуждения, он писал: "Если бы мы не взяли власть в октябре, мы бы не взяли ее никогда" (см.: Т р о ц к и й Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. Изд. 2-е. М., [1924]). Все эти и многие другие высказывания соратников Ленина остались вне поля зрения автора.

⁹⁶ Автор слишком прямолинейно трактует вопрос о характере ленинского руководства вооруженным восстанием. На наш взгляд, письмо, написанное Лениным вечером 24 октября, как раз и является примером того, как он оказывал влияние на ход борьбы, даже не имея возможности непосредственно руководить событиями.

⁹⁷ Р. Слассер придает излишнюю категоричность ленинским словам, в действительности гораздо более осторожным. Между тем в статье "Политическое положение (Четыре тезиса)" В.И. Ленин писал: "Фактически, основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура; этот факт затемнен еще целым рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений" (Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 1). Это было написано 10 (23) июля 1917 г., а через полтора месяца, возвращаясь к этой теме в статье "Из дневника публициста", опу-

бликованной 1 (14) сентября, В.И. Ленин уточнял: "Власть перешла в решающем месте на фронте и затем в армии в руки *Калединых*. Это факт. Самые активные из враждебных им войск разоружены. Что Каледины не пользуются властью для установления полной диктатуры, это нисколько не опровергает того, что власть у них" (там же, с. 128). Таким образом, Ленин говорил о тенденции, о направлении, в котором развивались события, а автор рассматривает его высказывания как оценку уже завершившегося процесса.

⁹⁸ Автор не учитывает ленинскую статью "О компромиссах" и ряд других, примыкающих к ней по содержанию. Между тем именно они дают анализ иного, мирного пути к власти Советов, отвергнутого вскоре лидерами меньшевиков и эсеров.

⁹⁹ Для Ленина способ перехода власти к Советам определялся прежде всего соотношением сил, сложившимся к этому времени в Петрограде. Отсюда должна была вытекать и тактика восставших. И тактика большевиков в условиях, когда силы ВРК намного превосходили силы сторонников Временного правительства, обеспечила практически бескровный переход власти к Советам. Но это не может являться основанием для того, чтобы объявлять восстание мифом.

¹⁰⁰ Можно согласиться с автором в том, что стремление "улучшить историю" могло быть одним из мотивов репрессий против отдельных людей, но отнюдь не "великой чистки" 1937–1938 гг., о которой говорится в тексте.

Именной указатель

- Адлер Фр. 123
Алексеев М.В. 299
Алексинский Г. 166
Аллилуев С. 17–19, 45, 60,
173, 174
Аллилуева А. 18, 45, 47, 122,
272
Аллилуева О.Е. 18
Ангарский (Клестов) Н.С. 217
Анисимов 191, 213
Арманд И. 44, 97
Артем (Ф.А. Сергеев) 227
- Багдатыев С.Я. 77, 79, 88, 133,
134, 165
Байкалов А. 24
Балабанова А. 130, 131, 299
Бедный Демьян (Придво-
ров Е.А.) 176–179, 181–184
Берзин (Винтер) Я.А. 227, 267,
268
Благонравов Г.И. 267
Богданов 143, 206
Бокий Г.И. 85, 194, 200, 251
Брусиллов А. 136, 155
Бубнов А.С. 86, 88, 89, 93, 213,
218, 227, 233, 251–253,
259, 267, 273
Бутенко А.П. 292
Бухарин Н.И. 203, 211, 213,
214, 218, 224, 225, 228,
233, 252
- Васильев-Южин М.И. 212
Верещак С. 120, 121, 178
Винокуров А.К. 293
- Володарский М. 194, 204, 205,
211, 212
- Ганецкий Я.С. 32, 167
Ганшин П.И. 293
Гегечкори Е.П. 140
Геллнер Дж. 8
Гийслис (Петерсон) Я.Д. 303
Глебов (Авилов) Н.П. 100, 221
Голощекин Ф.И. 100
Гопнер С.И. 93
Городецкий Е.Н. 251, 268, 274
Горький М. 262
Грэндстэфф Дж. 8
Гучков А.И. 36, 89, 93, 149,
296
Гюисманс К. 299
- Дан Ф. 143
Дейчер И. 7, 23, 28, 35, 54, 101,
120, 121, 232, 235, 247, 254,
255, 270, 273, 274
Джапаридзе П.А. 228
Джилас М. 54, 55
Джугашвили Я. 17
Дзержинский Ф.Э. 83, 86, 87,
90, 103, 104, 108, 109, 111,
150, 211, 227, 232–234,
241, 242, 253, 259, 267,
273, 295
Джонг де, Алекс 180
Дижбит 212
Дурново П.Н. 147, 148
Дьювал Ч. 7
Дэниелс Р.В. 7, 29, 247, 256,
259

- Евдокимов Г.А. 296
 Елизаровы 301
 Ерманский О.А. 295
 Жаков 271, 272
 Закс (Гладнев) С.М. 220
 Залежский 212
 Залуцкий П.А. 15, 19, 25, 28,
 58, 97, 118, 292, 293
 Землячка Р.С. (Самойлова)
 99
 Зиновьев Г.Е. 46, 72, 77, 84,
 90, 91, 93, 95–100, 109–
 112, 114, 115, 117, 119,
 120, 141, 142, 150, 154,
 161–163, 168, 171–173, 176,
 182, 185, 190, 200, 206,
 210–212, 225, 226, 228,
 233, 239, 240, 244, 250,
 253, 254, 259, 262, 263,
 273, 277, 278, 281, 282,
 296, 299, 300, 304, 306
 Иванов 193
 Иванов Б.И. 21
 Ильин-Женевский А.Ф. 183, 302
 Иоффе А.А. 222, 228, 233,
 234, 251
 Кавтарадзе С.И. 213
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 9,
 11, 21–24, 26–32, 39, 43,
 44, 53, 57, 61, 62, 65, 66,
 72, 73, 75, 77, 78, 85–94,
 97–101, 111, 112, 114, 115,
 119, 120, 132, 133, 141,
 142, 154, 161, 162, 167,
 168, 172, 176, 182, 185,
 188, 200, 206, 225, 226,
 228, 233, 235–239, 244,
 248–254, 259, 262, 263,
 267, 268, 273, 277, 278,
 281, 282, 291, 294, 297, 303
 Каменский 212
 Камков Б. 191
 Каплан Ф. 306
 Капсукас В.С. 212
 Карпинский В.А. 46, 47
 Карр Э. 30, 34, 294
 Кван Вай Со 7
 Керенский А.Ф. 14, 52, 53,
 136, 158, 159, 161, 174,
 175, 187, 238, 242–247,
 258, 266, 280, 281, 287,
 292, 298, 299
 Кикнадзе Н.Д. 46
 Киселев А.С. 228
 Кишкин Н. 269
 Клемент П. 8
 Козлов К.А. 227
 Колегаев А.Л. 299
 Коллонтай А. 31, 32, 43, 44,
 200, 225, 227, 252, 253
 Коновалов А. 269
 Корнилов Л. 36, 88, 242, 243,
 245, 246
 Кох Г. 7
 Коэн У. 7
 Крестинский Н.Н. 228
 Крупская Н.К. 47, 97, 174,
 247, 301, 304
 Крыленко Н. 120
 Кузьмин 190
 Куйбышев В.В. 102
 Кшесинская М. 19, 55, 141,
 161, 164, 167, 170, 171,
 179, 204, 206
 Ларин Ю. 212, 295
 Лацис М. 139, 253
 Лашевич 211, 267
 Ленин В.И. 10, 11, 14, 15, 19,
 22, 23, 27, 29, 31, 32, 37,
 38, 40, 42–47, 49, 51, 52,
 55, 56, 58, 60–106, 108–
 134, 136–146, 149–155,
 158–164, 166–170, 172–
 177, 180–182, 185–201,
 203, 205, 206, 208–215,
 217, 218, 221–230, 233,
 242–250, 253–259, 261,
 262, 264, 269, 273, 275,
 277–284, 287, 289, 292,

- 294–308
 Либер М. 191, 206
 Либкнехт К. 70
 Ломов (Оппоков) Г.И. 218, 228, 253, 266, 267, 303
 Лонгли Д. 54
 Луцкий Е.А. 272, 273
 Луначарский А.В. 169, 200, 225, 235, 299
 Львов Г. 66, 175, 302
 Лэммерс Д. 7
- Маккэрг Б. 7
 Мануильский Д.З. 207, 210, 211
 Мари Ж.-Ж. 11
 Маркс К. 12, 67, 69, 84, 297
 Маркус Г. 7
 Масловский С.Д. 192
 Мартов Л. 191, 238, 295
 Мартынов А.С. 295
 Махарадзе Ф.И. 102, 103, 109–111, 115, 297
 Медведев Р. 249
 Милюков П.Н. 52–54, 79, 80, 88, 89, 149, 296
 Милютин В.П. 59, 93, 97, 100, 218, 219, 228, 233, 235, 256, 263, 264, 267, 275
 Минц И.И. 32, 260, 280
 Молотов (Скрябин) В.М. 15, 16, 19, 20, 25, 28, 58, 59, 77, 97, 118, 134, 135, 258, 292, 293
 Москалев М.А. 45, 47, 294
 Москвин И. 253
 Мостовенко П.Н. 212
 Муранов М.К. 9, 19, 25–30, 39, 65, 78, 85, 97, 227, 233, 234, 291, 294
 Мясников А.Ф. 212
- Нарчук В. 194
 Невский В.И. 160, 253, 301
 Немец А. 299
 Николай II 9, 19
 Ногин В.П. 91, 93, 95, 97, 99, 100, 120, 141, 142, 208, 218, 221, 224, 227, 236, 256, 267
- Окулич И. 49, 50
 Ольминский М.С. 200, 202, 208, 211
 Орджоникидзе Г.К. 11, 211, 226
 От Ж. 11
- Павлович 222, 223
 Падерин А.Н. 292
 Пейн Р. 101, 180
 Переверзев П.Н. 147, 166, 298
 Петриковский С.И. 104
 Пешехонов А.В. 298
 Плеханов Г.В. 38
 Подбельский В.Н. 212, 217
 Подвойский Н.И. 134, 159, 212, 252, 267, 279, 301
 Половцев П.А. 171, 302
 Правдин И.Г. 93
 Преображенский Е.А. 212, 217, 224–226
 Пятаков Г.Л. 103, 106–111, 115
- Рабинович А. 7, 238, 257, 261, 265, 270
 Равич С.Н. 207, 222, 303
 Рансер Р. 7
 Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 61–63, 162, 163, 181, 182, 295, 302
 Римша К.И. 212
 Родзянко А. 36
 Романов М. 11
 Роркемпер 8
 Рыков А.И. 91, 92, 216, 225, 228, 250, 251, 256
 Рязанов Д. 235, 238
- Садовский А.Д. 292
 Салливан Э.Т. 8
 Сванидзе Е. 17
 Свердлов Я.М. 7, 10, 22, 23,

- 57, 58, 78, 84, 85, 95, 97,
101, 102, 111, 114, 120–
122, 132, 142, 176, 185–
187, 198, 200–204, 206,
211, 212, 219–222, 226,
227, 233, 234, 241, 242,
244, 247, 249, 251–254,
257–260, 264, 266, 267,
273–276, 296, 301
- Скобелев М.И. 297
- Скороходов А.К. 293
- Скрыпник Н.А. 211, 221, 223–
225, 228
- Слассер Р. 286–288, 290, 292,
294, 295, 302, 307
- Смилга И.Т. 97, 139, 143, 144,
152, 212, 224, 228, 233,
241, 247, 300
- Смит Э.Э. 29, 64, 122, 180
- Совокин А.М. 188, 189, 213,
215, 221
- Сокольников Г.Я. 211, 218,
228, 233, 250–253, 263
- Соловьев 98, 99, 101, 111
- Соловьев В.И. 223, 224
- Спандарян С. 22, 23
- Сталин И.В. 7–12, 15–68, 70–
79, 81–83, 85, 89–95, 97,
98, 100–108, 110–127, 131–
136, 138–160, 165–167, 170,
171, 173–186, 188–207,
209–215, 217–233, 235–
256, 258, 259, 261–280,
282–284, 286–288, 291, 292,
294–298, 300, 304, 306
- Стасова Е.Д. 20, 25, 228, 233,
234, 304
- Стеклов Ю.М. 81, 296
- Суварин Б. 29, 122, 179, 180,
182
- Суханов (Гиммер) Н.Н. 40,
62, 63, 128, 164, 295
- Такер Р.С. 7, 20, 21, 29, 46,
121, 178, 180, 273, 283
- Теодорович И.А. 93, 99, 100
- Терещенко М. 161
- Товстуха И.П. 112–114
- Толмачев Н.Г. 293
- Троцкий Л.Д. 22, 28, 30, 39,
40, 49, 50, 64, 68, 76, 77,
81, 91, 101, 102, 114, 116,
119, 120, 125–133, 154,
162, 168, 169, 173, 174,
176, 178, 179, 181, 185,
186, 189, 196–198, 200,
211, 217, 224–228, 230–233,
235, 240, 244, 248–255,
259–264, 266, 267, 271,
273–275, 278–284, 287,
288, 298, 299, 303, 306, 307
- Улам А. 20, 28, 57, 121, 122,
137, 180, 182, 233
- Ульянова М.И. 304
- Урицкий М.С. 228, 233, 253,
259, 273
- Уэствуд Дж.Н. 7
- Фрейер Г. 288
- Федоров Г.Ф. 85, 97, 128,
296
- Флеровский И. 212
- Фофанова М.В. 304
- Фэйнсод М. 113, 255
- Хайд Х.М. 178, 180
- Холмс Л. 256, 270
- Хантер Х. 7
- Харитонов М.М. 219, 220
- Химмер Р. 7
- Хинчук Л. 143
- Хрущев Н.С. 64, 71, 256,
279
- Церетели И.Г. 39, 58, 70, 78,
137, 142, 161, 167, 171,
206, 295, 298
- Цхакая М.Г. 46
- Чемберлин У. 29, 132
- Чернов В.М. 297
- Чугурин И.Д. 293
- Чхеидзе Н.С. 14, 39, 62, 70,

- 78, 166, 206, 292, 295, 302
- Шапиро Л. 255
- Шаумян С.Г. 51, 228, 233
- Швейцер В. 22, 23
- Шингарев А. 75, 93
- Шлихтер А.Г. 211
- Шляпников А.Г. 15–17, 19,
25, 26, 28, 30, 47, 62, 97,
118, 292, 293
- Шумяцкий Б.З. 212, 215
- Шутко К.И. 77, 292, 293, 296
- Элвуд К.Р. 7
- Эйзеншмидт Э.К. 293
- Энгельс Ф. 12, 13, 84, 292,
297
- Эпштейн (Яковлев) Я.А. 212
- Эрлих Г.М. 81
- Юзуф-заде А. 221
- Юренев (Кротовский) К.К.
200, 212, 217, 223–226, 303
- Яковлева В.Н. 228
- Янсон 221
- Ярославский Е. 63, 72, 114,
115, 212, 248

Содержание

К советскому читателю	5
Предисловие	7
I. Март	9
II. Апрель	61
III. Май-Июнь	119
IV. Июль	157
V. Август	231
VI. Сентябрь-октябрь	245
VII. Заключительный аккорд	277
Послесловие	285
Комментарии	291
Именной указатель	309

СЛАССЕР Р.

СТАЛИН В 1917г. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОЗЕВАЛ РЕВОЛЮЦИЮ

Редактор К о м а р о в а Т. Л.
Художник Е ф р е м о в А. М.
Художественный редактор Ч е р н ы ш е в а И. М.
Технический редактор Д у б р о в и н а Л. В.
Корректор Т а г и - З а д е М. А.
ИБ № 17452

Сдано в набор 21.02.89. Подписано в печать с РОМ 28.06.89. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Пресс Роман. Печать офсетная. Условн. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отг. 19,82. Уч.-изд. л. 20,02. Тираж 50000 экз. Заказ №266. Цена в переплете 1 р. 10 к. (35000 экз.); Цена в суперобложке 1 р. 30 к. (15000 экз.). Изд. № 46006.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Готовится к выходу в свет

Рабинович А. Большевики приходят к власти: революция 1917 г. в Петрограде.

Книга известного американского историка и политолога, профессора Индианского университета Александра Рабиновича принадлежит к немногим зарубежным исследованиям, которые дают в основном объективную характеристику Октябрьской революции в России. Октябрь для автора — глубоко демократическое движение народных масс, стремившихся достичь мира, получить землю, решить другие коренные проблемы.

Книга насыщена большим фактическим материалом. В ней много точных, живых описаний хода революции, политических деятелей различных лагерей, участвовавших в острой борьбе в 1917 году. Не всегда можно согласиться с автором в трактовке отдельных событий, но он стремится избежать тенденциозных оценок, свойственных многим работам советологов.

Издание предназначено как специалистам-историкам, так и самым широким читательским кругам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Готовится к выходу в свет

ШКАРЕНКОВ Л. Жизнь и трагедия Николая Бухарина.

В книге рассказывается о жизни и деятельности одного из руководителей нашей партии, близкого соратника В. И. Ленина, революционера и мыслителя Н. И. Бухарина.

Основное внимание уделено теоретическим взглядам Бухарина, той борьбе, которая проходила в партии по вопросам строительства социализма, показана также роль Бухарина в Коминтерне, в АН СССР, в области культуры и искусства, раскрыты его человеческие качества.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Готовится к выходу в свет

В человеческом измерении: Сборник.

Книга поднимает острые и сложные вопросы исторического становления и нынешнего состояния советского общества.

У всех нас единая историческая судьба, общие стратегические цели. Как обеспечить интересы всех, не поступаясь при этом интересами каждого? Почему нельзя искать решения этого вопроса на путях "казарменного" социализма? Какие здесь возможны альтернативы? Чему учит наша недавняя история? Над этими вопросами размышляют авторы сборника, публицисты и ученые — философы и социологи, экономисты и демографы, историки и этнографы.

Личность и общество, город и деревня, эволюция семьи, охрана здоровья, национальные отношения, государство и церковь... Авторы пытаются взглянуть на эти проблемы свежим взглядом, разрушить устаревшие стереотипы, предложить новые идеи и решения.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Готовится к выходу в свет

ЛЕСАЖ М. Политическая система СССР.

В книге известного французского ученого анализируется политическая система СССР, исторические условия ее возникновения и основные этапы преобразования. Автор большое внимание уделяет оценке роли и места Коммунистической партии в жизни советского общества, рассматривает компетенцию государственных органов и общественных организаций.

Для политологов, юристов, социологов и философов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Готовится к выходу в свет

ВИЛАР С. Поразительное десятилетие.

Книга известного испанского историка и политолога посвящена одному из интереснейших этапов в истории современной Испании — десятилетию 1976–1986 гг., — когда в стране шел демонтаж франкистских структур и становление институтов буржуазной демократии. Книга содержит множество документальных материалов и фотоиллюстраций.

Рассчитана на читателей, интересующихся историей зарубежных стран.

